

*Автор выражает особую благодарность
своему отцу Ю.И. Филимонову – за поддержку,
вдохновение и экспертное консультирование,
С.А. Цатуряну, координатору исследовательских
проектов Центра стратегических оценок и прогнозов, –
за ценные идеи, нестандартные научные подходы
и эффективное содействие в подготовке книги,
а также всем соратникам и единомышленникам
за остроту мысли, конструктивную критику
и предоставленные актуальные материалы.*

George Filimonov

**CULTURAL AND INFORMATION MECHANISMS
OF U.S. FOREIGN POLICY**

The origins and new reality

Moscow
Peoples' Friendship University of Russia
2012

Георгий Филимонов

**КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США**

Истоки и новая реальность

**Москва
Российский университет дружбы народов
2012**

УДК 327
ББК 66.4
Ф 53

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Рецензенты:

доктор исторических наук, заместитель директора
Института США и Канады РАН *В.Н. Гарбузов*;
доктор исторических наук, профессор кафедры теории
и истории международных отношений РУДН *М.А. Шпаковская*

Филимонов, Г. Ю.

Культурно-информационные механизмы внешней политики США. Истоки и новая реальность [Текст] : монография / Г. Ю. Филимонов. – М. : РУДН, 2012. – 408 с.

ISBN 978-5-209-04923-4

Книга посвящена истории формирования невоенных компонентов внешнеполитического могущества США в официальном и неофициальном проявлениях. Анализируется эволюция основных направлений, институтов и инструментов реализации внешней культурно-информационной политики США.

Рассматривается история и современное состояние наднациональных (при очевидном американском доминировании) механизмов принятия решений по ключевым вопросам глобальной повестки дня на примере деятельности закрытых организаций и сетевых структур, обеспечивавших глобальное внедрение методов социальной и политической инженерии. Анализируются инновационные механизмы управления массовым сознанием посредством социальных сетей и иных электронных площадок. Концепция и политика мультикультурализма в США и Европе рассматривается с исторической точки зрения как политтехнологический ресурс «мягкой силы». Развивается мысль об эффективности и значимости масскульты для реализации внешней политики США. При этом помимо культурно-информационных аспектов к компонентам «мягкой силы» США автор предлагает отнести финансово-экономические инструменты, раскрывая специфику их функционирования.

На основе изучения исторического опыта использования культурно-информационных инструментов во внешней политике СССР/России и США предлагаются концептуальные основы стратегии национальной культурной безопасности России с целью укрепления отечественных потенциалов «мягкой силы».

The book focuses on the history of U.S. non-military might formation. The study is based on two areas of research: the official and unofficial aspects of U.S. foreign policy. There is analysis of the evolution of the major trends, institutions and instruments of U.S. foreign cultural and information policy.

The monograph outlines the history and the present state of supranational (but evidently dominated by America) decision-making mechanisms on the key issues of the global agenda. It's based on the examples of «closed» organizations and networks activity, which provided global-scale introduction of social and political engineering methods. The book also covers the innovation mechanisms of mass mind management through social networks and other online resources. The concept and politics of multiculturalism in the USA and Europe is considered from historical point of view as «soft power» political technology. The author also continues developing the idea of mass culture effectiveness and significance as a tool of U.S. foreign policy. But in this work «soft power» term includes not only cultural and informational components, but financial and economic issues as well. The study reveals the specifics of its functioning.

Taking into consideration historical experience of cultural and information instruments usage by USSR / Russia and the United States in its international activity, the book offers conceptual framework of the national cultural security strategy of Russia in order to ensure conditions for domestic “soft power” development.

© Филимонов Г.Ю., 2012

© Российский университет дружбы народов, Издательство, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Глава I. История формирования теоретических основ и механизма реализации «мягкой силы» во внешней политике США.....	44
1.1. Эволюция методов невоенного воздействия как форм непрямой аппликации национального интереса.....	44
1.2. Терминологический аппарат исследования	68
1.3. Исторический обзор формирования культурной политики США как базового компонента американской «мягкой силы».....	96
1.4. «Мягкая сила» внешней культурной политики США (1945 – 2012).....	114
Глава II. Официальные институты реализации политики «мягкой силы» во внешнеполитическом арсенале США (1945 – 2012).....	155
2.1. Бюро по делам образования и культуры Государственного департамента США.....	155
2.2. История Информационного агентства США как инструмента американской публичной дипломатии.....	159
2.3. Филантропические фонды и спонсорские организации.....	175
Глава III. Неофициальные механизмы реализации «мягкой силы» во внешней политике США (1945 – 2012).....	187

3.1. Сетевые структуры глобального управления при помощи методов «мягкой силы».....	189
3.1.1. Бильдербергский клуб и Трёхсторонняя комиссия: транснациональные управленческие объединения.....	207
3.2. Финансово-экономические факторы «мягкой силы» внешней политики США и глобального управления.....	230
3.3. СМИ: инновационные механизмы «мягкого» воздействия и управления массовым сознанием.....	263
3.3.1. Ненасильственное сопротивление и социальные сети.....	272
3.4. Голливудский кинематограф.....	283
3.5. Музыкальная индустрия и молодежные субкультуры.....	291
3.6. Политика мультикультурализма как ресурс «мягкой силы».....	302
Глава IV. Фактор «мягкой силы» во внешней политике СССР/России и его роль в обеспечении национальной безопасности страны на современном этапе.....	324
4.1. «Мягкая сила» как инструмент реализации внешнеполитических интересов СССР.....	324
4.2. Стратегия формирования российского потенциала «мягкой силы».....	335
Заключение.....	359
Библиография.....	384

Введение

Во второй половине XX в. инструменты невоенного воздействия прочно закрепились в американском внешнеполитическом арсенале, многократно подтвердив свою эффективность. Баланс сил, поддерживаемый сверхдержавами в эпоху биполярной конфронтации, и гарантированное взаимное уничтожение стимулировали США сделать ставку на эффективную информационно-пропагандистскую стратегию и привлекательность культуры. История доказала обоснованность таких шагов, отобразив превращение культуры, информации и образовательной политики в могущественное оружие.

Несмотря на то что современная международная повестка дня по-прежнему акцентирована на использовании государствами военной силы в качестве объективно приоритетного средства обеспечения собственной безопасности, культурно-коммуникационная глобализация, движимая возрастающей экономической взаимозависимостью мира, приводит к дополнению военных ресурсов невоенными факторами политического действия, обобщёнными в понятии «мягкая сила». Сформулированный американским политологом Джозефом Наем¹ постулат об эффективности «мягкой мощи» во внешней политике государств становится особенно актуальным, о чём, к примеру, свидетельствует политика администрации Б. Обамы.

По Наю, «"мягкая сила" – это понуждение других хотеть результатов, которые вы хотели бы получить». Однако это «не то же самое, что воздействие или влияние». «Мягкая сила» больше, чем просто убеждение, уговаривание или способность подвигнуть на что-либо при помощи аргументов, хотя все это является важными элементами силы. «Мягкая сила» –

¹ Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – New York, 1990; Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004.

это также способность привлекать, и привлечение часто ведет к взаимопониманию. Проще говоря, в поведенческих понятиях «мягкая сила» – это привлекательная сила².

Дж. Най разделяет мощь государства на две составляющих: так называемую жесткую силу (*hard power*) и мягкую силу (*soft power*). Под «жесткой силой» подразумевается совокупная политическая, экономическая и финансовая мощь, а «мягкая сила» в основном характеризуется культурой, ценностями и политической идеологией. При этом инструменты «мягкой силы» зачастую более действенны для достижения внешнеполитических задач, чем силовые компоненты.

Однако в привязке к современной международной деятельности США целесообразно говорить о культивации технологии так называемой умной силы (*smart power*) – эффективном сочетании «жесткой» и «мягкой» силы – как наиболее применимого и адекватного с точки зрения современных условий международной повестки дня механизма обеспечения государством собственной национальной безопасности и реализации внешнеполитических задач. Это разумное сочетание «жесткой» и «мягкой» силы, по мнению главы американской дипломатии Х. Клинтон³, – безусловный приоритет администрации США, подтвержденный в тезисе, произнесенном главой американского государства в Каирском университете 4 июня 2009 г.: «Сила Америки – результат могущества не только её вооружённых сил, но и ценностей»⁴.

² *Най Дж.* Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. – Новосибирск – Москва: Тренды, 2006. С. 30 – 32.

³ Об этом обновленном в теоретическом плане арсенале американской внешней политики говорила Х. Клинтон в американском сенате в ходе слушаний, посвященных ее утверждению в должности госсекретаря США. Тогда она изложила суть подходов американской дипломатии к использованию «умной силы» как приоритетного инструмента внешней политики США, заявив, что «дипломатия "умной силы" станет авангардом внешней политики США» при администрации Б. Обамы.

⁴ Президент США Б. Обама в выступлении в Каирском университете 4 июня 2009 г. в ходе своего ближневосточного турне отметил, что сила Соединенных Штатов является производной не только их военного могущества, но и американских ценностей, обозначив таким об-

Заняв лидирующее положение в мировой информационной магистрали, США превратили внешнеполитическую пропаганду в важнейший инструмент управления сознанием масс практически в любой точке планеты. В широком смысле «мягкая сила» Соединённых Штатов, ориентированная на продвижение американских ценностей и представлений о мироустройстве (индивидуальная свобода, права человека, демократические механизмы, рыночная экономика, правовое государство и гражданское общество), превратилась в действенный ресурс дипломатии, влияющий на политику и логику поведения акторов в международных отношениях.

Под воздействием транслируемых из США идей, образов, стереотипов ослабли культурно-исторические опоры большинства государств и традиционных обществ, подвергшихся культурной стандартизации по-американски. Как представляется, конечная цель этой политики – трансформация «культурных ядер» суверенных государств, посредством которой граждане этих стран будут себя ощущать «гражданами мира»⁵. Руководствуясь этой задачей, глобальные политтехнологи из США последовательно содействуют превращению суверенных государств в сетевые общества, оптимизируя управление ими из единого коммуникационного центра.

Победа в «холодной войне», одержанная с использованием стратегии «мягкого» проникновения и рефлексивного управления советской политической элитой, продемонстрировала возрастающую роль непрямых методов информационного воздействия. Будучи крупнейшими производителями информации, США превратились в единственную сверхдержаву, внешнеполитический арсенал которой широко использует «мягкую силу». Причем задействование культурно-коммуникационной мощи было во многом продиктовано кон-

разом очевидное изменение подходов политического истеблишмента США к использованию инструментов «мягкой силы» и возвращение к их позиционированию в качестве одного из приоритетов американской внешней политики.

⁵ *Кортунов С.В.* Современная внешняя политика России. Стратегия избирательной вовлеченности. – М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2009. С. 68.

фронтацией с Советским Союзом, в ходе которой США признали недостаточность военного могущества для достижения полноценного лидерства в мировой системе.

Вашингтон использует «мягкую силу» для синхронизации усилий Запада, устройство которого все более приобретает трехполюсный характер (Северная Америка, Евросоюз, Азиатско-Тихоокеанский регион), свидетельствующий об отсутствии стабильной модели мироустройства. В этой связи ключевой задачей «мягкой силы» служит сохранение лидирующего положения американского доллара (в том числе при помощи внешнеполитической пропаганды и усиления глобального военного присутствия). Именно дееспособный доллар, превратившийся в основную статью американского экспорта, обеспечивает лидирующее положение США. Так, мы видим четкую взаимосвязь между «мягкой силой» и экономическим могуществом Соединенных Штатов, которое невозможно без перманентных информационных войн и комплексного ребрендинга страны.

Базируясь на публичной дипломатии, экономической и военной помощи, международных образовательных программах и методике «бархатных» переворотов, «мягкая сила» США превратилась в высокоинтеллектуальную систему манипуляции сознанием, призванную усилить поддержку американских инициатив среди зарубежных аудиторий.

Настоящее исследование, направленное на то, чтобы увязать в логическую историческую цепочку события прошлого и настоящего, рассматривает «мягкую силу» в фокусе глобальных социально-политических, экономических и культурных процессов, формирующих в конечном итоге новую, в корне отличную от предыдущих систему мировой политики, где классические иерархические модели взаимоотношений между политическими акторами уступают место сетевым структурам. Впервые в отечественной историографии «мягкая сила» оценивается в качестве инструмента глобального управления.

С целью комплексного анализа функционирования внешнеполитического механизма США в упомянутой сфере в работе прослеживается эволюция официальных и неофициальных механизмов «мягкого» воздействия. Под офици-

альным механизмом подразумевается, прежде всего, государственное регулирование этой сферы внешней политики (например, через структуры Госдепартамента США) и публичной дипломатии. Здесь имеются в виду и негосударственные рычаги управления и финансирования культуры, так как в Соединённых Штатах сфера культуры, например, по большей части поддерживается и управляется негосударственными инструментами – частными филантропическими фондами и спонсорскими организациями.

Неофициальный же механизм реализации «мягкой силы» являет собой скрытые от стороннего наблюдателя каналы осуществления внешней культурной политики, а также методы и средства непрямого управления. В этой связи детально рассматривается история и практическая значимость масонства как неотъемлемого атрибута политической системы США и иных клубных форматов принятия решений, оказывающих влияние на мировую политику (таких как Совет по международным отношениям, Королевский институт международных дел, Бильдербергский клуб и Трёхсторонняя комиссия). Оценивается деятельность Федеральной резервной системы США и её финансовая политика, которая порождает экономические кризисы, формирующие новые реалии глобального управления.

На примере событий «арабской весны» описываются инновационные механизмы «мягкого» политтехнологического информационного воздействия и управления массовым сознанием через социальные сети и иные электронные площадки. При этом развивается исследование неофициальной внешней культурной политики на примере голливудского кинематографа, музыкальной индустрии, молодежных субкультур и других элементов массовой культуры.

Исходя из изложенного целесообразно подчеркнуть, что **актуальность** заявленной **темы** обусловлена теоретической и практической значимостью возрастания роли «мягкой силы» и культурно-коммуникационных инструментов воздействия на современную систему международных отношений. Исследование истории формирования этого фактора силы представляется крайне актуальным, так как позволяет сформировать интегральное видение корневой системы американской внешней политики в эпоху глобализации и перспектив расширения

так называемой единой глобальной цивилизации, к которой стремится Запад в нынешних условиях. Это напрямую затрагивает интересы России и вопросы обеспечения ее национальной безопасности в долгосрочной перспективе, в том числе в контексте противодействия реализации зарубежных политтехнологических проектов в русле «бархатных революций» или «арабской весны» на территории России, что придает исследованию дополнительную актуальность.

Автор предлагает собственный подход к пониманию инновационных механизмов реализации глобальных политтехнологий, а также исторических предпосылок их становления и развития. Акцентируется внимание на неофициальных механизмах реализации «мягкой силы» США, которые по сравнению с официальными институтами представляются наиболее эффективными и перспективными.

В силу широты проблематики и ёмкости литературной и источниковой базы исследования категория «мягкая сила» не может быть ограничена только культурологическими составляющими. В этой связи в настоящей работе предлагается более широкое и систематизированное изучение истории формирования арсенала таких инструментов в руках американского истеблишмента.

Книга поднимает сложную и многовекторную проблему – историю зарождения, развития и нынешнего функционирования института клубного управления внешней политикой США и, как следствие – международной повесткой дня, детально рассматривая социокультурные, информационно-пропагандистские и финансово-экономические аспекты «мягкой силы» США.

Сегодня на волне происходящих в мире событий возрастает общественный интерес к исследованиям этой сферы национальной и международной политики государств, в особенности к истории вопроса. Существует большое количество публикаций о работе неформальных объединений элиты, играющих принципиально важную роль в современных международных отношениях. Задача исследователя – абстрагируясь от эмоций и мистификаций в русле «теории заговора», акцентировать внимание на наднациональной форме управления глобальными процессами как на данности – объективно существующем

эффективном механизме разработки и принятия решений по ключевым вопросам международной и национальной повестки дня. В этой связи настоящая работа – попытка вывести крайне актуальную проблему истории и современности американской и глобальной политики в научное поле.

Актуальность исследования также определяется острой необходимостью детального изучения компонентов арсенала «мягкой силы» США и инструментов непрямого управления глобальными процессами (объективно находящимися в основном под контролем Соединенных Штатов) посредством анализа таких факторов, как публичная дипломатия, пропаганда, внешняя культурная политика, информационные войны, культурные войны, управление сознанием масс, культурная безопасность, культурный протекционизм, информационная безопасность. Цель – использование аналитического материала, сформированного на основе изучения истории упомянутого направления внешней политики США и российско-американских отношений, для совершенствования российских подходов к формированию оборонительно-наступательного потенциала отечественной «мягкой силы» и обеспечения взвешенной политики здорового культурного протекционизма.

Объектом исследования служит комплекс «мягких» методов и средств реализации внешней политики США.

Предмет исследования – механизмы реализации методов «мягкой силы» во внешней политике США с середины XX в. до нашего времени, исследуемые с точки зрения официального правительственного инструментария и неофициальных каналов.

Степень научной разработанности проблемы. «Четвертое измерение» американского внешнеполитического курса служит связующим звеном многих аспектов внутренней и внешней политики США. В научном плане эта многогранная проблема находится на стыке практически всех исследуемых американистикой направлений. Однако анализ зарубежной и отечественной научной литературы свидетельствует о недостаточной академической изученности вопроса. На фоне разрозненных книг публицистического характера по отдельным сегментам этой актуальной сферы внешнеполи-

тической деятельности США наблюдается отсутствие научно-го осмысления проблемы и академической систематизации компонентов «мягкой силы» на основе комплексного исторического осмысления.

Многие работы отечественных и зарубежных ученых затрагивают вопросы информационной политики, идеологии и пропаганды США, их внутренней культурной политики, двусторонних культурных контактов США с другими странами. В то же время ощущается недостаток исследований, напрямую затрагивающих тему истории и современной практики американской внешней культурной политики.

При подготовке монографии были использованы работы ведущих отечественных исследователей, посвященные как общим вопросам истории внешней политики США, так и изучению проблем, исследуемых в данной работе.

Среди академических работ авторитетных российских учёных можно выделить труды таких авторов, как О.А. Алякринский, Г.А. Арбатов, И.Г. Атаманенко, Э.Я. Баталов, В.Я. Бегун, Л.Б. Берзин, Н.Н. Болховитинов, В.В. Ванчугов, С.В. Воронин, Л.Е. Востряков, В.Н. Гарбузов, А.Ф. Горшков, Т.В. Грехова, С.Н. Гриняев, Ю.П. Давыдов, А.В. Долинский, А.Г. Дугин, Э.А. Журихин, Н.Г. Зяблюк, Э.А. Иванян, С.Г. Карамурза, А.В. Костина, С.В. Кортунов, В.А. Кременюк, А.Е. Кукина, В.В. Луков, С.П. Мамонтов, А.В. Манойло, В.М. Матвеев, В.Р. Мединский, А.Л. Мулярчик, Н.А. Нарочницкая, Э.Л. Нитобург, Р.С. Овинников, И.Б. Пономарева, Г.Г. Почепцов, М.В. Рахимова, С.М. Рогов, В.Г. Сеидов, Г.Ю. Семигин, Н.А. Смирнова, В.В. Согрин, Е. Соловьёв, М.А. Старчак, Ю.В. Тихонравов, М.В. Тлостанова, А.И. Уткин, А.И. Фурсов, В.М. Халилов, С.А. Цатурян, Н.А. Цветкова, П.А. Цыганков, Т.А. Шаклеина, И.Л. Шейдина, Б.А. Ширяев, Е.А. Шмагин.

Для осмысления теоретических истоков и практической мотивации внешнеполитической идеологии Соединённых Штатов начала XX в. были использованы труды В.И. Ленина⁶. Основатель советского государства резонно обуславливает тактические приемы американского и соперничающего с ним

⁶ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 42. – М.: Издательство политической литературы, 1967.

западноевропейского капитализма экономическими интересами, в такт с которыми строились без исключения все пропагандистские кампании стран Запада.

Среди исследований, посвящённых вопросам теории и истории внешней политики США в её различных проявлениях, особого внимания заслуживают работы Г.А. Арбатова, В.Н. Гарбузова, В.А. Кременюка, С.М. Рогова, А.И. Уткина, Т.А. Шаклеиной, создавшие теоретический фундамент для дальнейшего исследования проблем американской истории.

Интерес для настоящего исследования составила книга В.Я. Бегуна «Вторжение без оружия» 1977 г.⁷, содержащая первое в отечественной литературе серьёзное осмысление идеологии и внешнеполитической пропаганды США в качестве фактора силы. Описывая не прямые формы политического проникновения, используемые в разные времена Лондоном и Вашингтоном, автор отдаёт предпочтение информации, опосредованно воздействующей на оппонентов в самых отдалённых регионах планеты.

В подготовке параграфа, раскрывающего влияние благотворительных фондов на культурную дипломатию США, автор обратил внимание на работу И.Л. Шейдиной, в которой описывались невоенные факторы силы, используемые Белым домом. Исследователь выделяет роль благотворительных фондов, финансирующих программы содействия США развивающимся странам в области образования, а также оплачивающих пребывание и обучение в Америке студентов из развивающихся стран⁸. В схожем ключе рассуждает и другой историк-американист Э.А. Журихин, раскрывая механизм влияния «филантропических» фондов на социально-политическую и экономическую жизнь целого ряда развивающихся государств. На примере Индонезии автор показывает, каким образом американским неправительственным организациям удалось сформировать политику нового режима⁹, благоприятную для

⁷ Бегун В.Я. Вторжение без оружия. – М.: Молодая гвардия, 1977.

⁸ Шейдина И.Л. Невоенные факторы силы во внешней политике США. – М.: Наука, 1984.

⁹ Журихин Э.А. «Филантропические» фонды США в системе власти монополий. – М., 1978.

США после государственного переворота в 1965 г. Обращает на себя внимание работа Э.А. Журихина, написанная совместно с М.С. Очковым и В.М. Муромцевым¹⁰, а также книга С.В. Воронина¹¹, раскрывающая политическую направленность этих организаций. Что же касается современной деятельности данных неправительственных институтов, целесообразно выделить труд Л.Б. Берзина¹², оценивающего цели и задачи американского истеблишмента на рубеже XX – XXI вв.

Анализируя роль «мягкой силы» в разработке и осуществлении государственных переворотов, нельзя обойти вниманием курс лекций¹³ профессора Санкт-Петербургского университета Б.А. Ширяева. Ученый представляет интересное видение преломления «мягкой силы» на примере разработки и реализации американских политтехнологий в русле «бархатных» революций, классифицируя подходы американского истеблишмента к использованию «мягкой силы», рассматривая её в качестве одного из наиболее эффективных методов внешней политики США.

Отдельное внимание уделено работам Э.Я. Баталова, в которых рассматриваются вопросы политической культуры США, её история и нынешнее состояние¹⁴, в частности анализируются истоки современной американской идеологии.

Относительно высокой культуры, составляющей наиболее интеллектуальную и сложную для восприятия базу «мягкой силы» США, полезной оказалась книга Э.А. Иваняна¹⁵.

¹⁰ Очков М.С., Журихин Э.А., Муромцев В.М. «Филантропические» фонды – важное идеологическое оружие империализма. – М.: Наука, 1976.

¹¹ Воронин С.В. «Благотворительные» фонды США. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973.

¹² Берзин Л.Б. Филантропические фонды и спонсорские организации США. – М: ИСК РАН, 1997.

¹³ Ширяев Б.А. Внешняя политика США. – СПб., 2007.

¹⁴ Баталов Э.Я. Русская идея и Американская мечта. – М.: Институт США и Канады РАН, 2001. – 68 с.

¹⁵ Иванян Э.А. Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей. – М.: Международные отношения, 2007.

В ней детально рассматривается история американской политической культуры и культурной политики, взаимодействие в области науки и искусства между Москвой и Вашингтоном с момента основания североамериканского государства до наших дней. Что касается международной образовательной политики Америки и теории культурного империализма, то здесь целесообразно отметить труд¹⁶ Н.А. Цветковой, в котором успешность подготовки иностранных студентов в США напрямую связывается с геополитическими целями американского государства в Евразии (как правило, в Восточной Европе и на Большом Ближнем Востоке).

Среди оригинальных и фундированных работ, дающих любопытный справочный материал по отдельным вопросам истории США и российско-американских отношений, интерес в рамках настоящего исследования представляют книги В.В. Согрина¹⁷, а также работы В.Р. Мединского из цикла «Мифы о России»¹⁸.

В контексте исследования зависимости между экономическими кризисами современности и «мягкой силой» США, подпитывающей интерес миллионов инвесторов к американской финансовой системе, полезным оказался труд российского дипломата Р.С. Овинникова, опубликованный ещё в 1980 г.¹⁹ Автор раскрывает особенности воздействия корпоративной

¹⁶ *Цветкова Н.А.* Cultural imperialism: международная образовательная политика США в годы «холодной войны». – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007; *Цветкова Н.А.* Оценка эффективности международной образовательной политики СССР и США в годы «холодной войны» // 200 лет российско-американских отношений: наука и образование: Сборник статей / Под ред. А.О. Чубарьяна и Б.А. Рубла. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.

¹⁷ *Согрин В.В.* Политическая история США XVI–XX вв. – М.: Весь мир, 2001.

¹⁸ *Мединский В.Р.* О русском рабстве, грязи и «гнорьме народов». – 2-е изд. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.

¹⁹ *Овинников Р.С.* Уолл-Стрит и внешняя политика. – М.: Международные отношения, 1980.

Америки на внешнюю политику государства через фонды и неправительственные организации.

Весомый вклад в современное научное осмысление этой проблемы внёс сборник под редакцией Н.А. Нарочницкой²⁰. Показывая скрытые от стороннего наблюдателя движущие силы и рупоры международного капитала, Н.А. Нарочницкая объясняет природу американской внешнеполитической идеологии – глобализма – возросшими интересами транснациональных банковских корпораций, консолидирующих интересы Северной Америки и Западной Европы на протяжении всего XX в.

Применительно к технологическому базису «мягкой силы», теории, средствам и методам информационной войны, исповедуемым в Соединённых Штатах и союзных им странах, интерес представили работы С.Н. Гриняева²¹. Автор показывает ход развития приёмов ведения информационной войны: от «информационной борьбы первого поколения», которая рассматривается в контексте классической радиоэлектронной борьбы, до «информационной борьбы третьего поколения», где базовые элементы – операции на основе эффектов. По мнению С.Н. Гриняева, именно операции на основе эффектов служат базой для реализации внешней политики развитых государств в информационную эпоху.

Исследуя «мягкую силу» в рамках системы глобального управления, существенным подспорьем стали работы заведующего отделом Азии и Африки ИНИОН РАН А.И. Фурсова, культивирующего небезытересные и аргументированные авторские концепции по вопросам мирополитических интересов

²⁰ Нарочницкая Н.А. Американские «аналитические институты». Глаза, уши и совесть Америки // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека/ Отв. ред. Н.А. Нарочницкая. – СПб.: Алетейя, 2008.

²¹ Гриняев С.Н. Поле битвы – киберпространство: теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. – Мн.: Харвест, 2004; Гриняев С.Н. Ноополитика – шаг на пути к созданию американской информационной стратегии. URL: <http://www.agentura.ru/equipment/psih/info/noo/>; Гриняев С.Н. Планы Бильдербергского клуба. URL: http://www.csef.ru/studies/politics/projects/russia_future/articles/1147/.

корпоратократии, взаимодействия и противоборства транснациональных элит, отдельных аспектов истории и современности внешней политики США²².

Ценная находка для настоящего исследования – биографический труд царского историка Е. Соловьёва²³, написанный ещё в 1894 г. На удивление современных авторов, работа Соловьёва, оценивающая политическое могущество семьи европейских банкиров, содержит ряд уникальных фактов экономической взаимозависимости мира и прогнозов, которые ныне реализуются в рамках деятельности Совета по международным отношениям, Королевского института международных дел, ООН, Бильдербергского клуба и «Группы восьми».

Зарубежная литература, в том числе на иностранных языках, также представляет собой обширную базу данной монографии.

Среди крупных зарубежных специалистов в области истории, теории и практики международных отношений полезными для исследования оказались работы Д. Адамса и А. Голдбард, Дж. Аркиллы и Д. Ронфельдта, Р. Арона, Л. Артура, Ж. Аттали, Д. Белла, Ф. Баргурна, Зб. Бжезинского, Д. Брэгэна, П. Бьюкенена, И. Валлерстайна, Дж. Гиноу-Хехт, Д. Гуттмэна, Ф. Джозефа, У. Дизарда, П. Диксона, Дж. Дракслера, Д. Дрезнера, У. Дюбуа, А. Жанто, О. Жирара, А. Ирие, Н. Гоулд-Дэйвиса, М. Каммингса, Дж. Кеннана, К. Квигли, Г. Киссинджера, Р. Кохейна, Х. Колэна, Дж. Коулмэна, Р. Кларка и Р. Нэйка, Р. Куисела, У. Линна, У. Липпмана, М.В. Льюсы, Э. Маршалла, С. Микельсона, Ф. Нинковича, М. Нолэн, Д. Нэсбитта и П. Эбурдин, М. Олбрайт, К. Осгуда, А. Паддингтона, Дж. Перкинса, Р. Пэлса, Д. Риверы, Дж. Розенау, Д. Рокфеллера, Н. Рокфеллера, Д. Роткопфа, Дж.А. Саблоски, Т. Соренсена, Дж. Стивена, Д. Стиглица, А.Дж. Тойнби, Д. Терка и Д. Рубино, Ф. Х. Файгенбаума, Н. Фергюсона, Н. Хаггера, С. Хантингтона, К. Харви, С. Холи, П. Холлэндера, Н. Хомского, П. Хупе-

²² *Фурсов А.И.* Глобальные игроки нового хаосопорядка. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/545/>.

²³ *Соловьёв Е.* Ротшильды. Их жизнь и капиталистическая деятельность. – СПб., 1894.

ра, Дж. Шарпа, А. Шлезингера, О. Шпенглера, Дж. Шульца, Й. Шумпетера, Л. Шупа и У. Минтера, Р. Элдера, Дж. Эллюля, У.Ф. Энгдаля, Р. Эшперсона, Д. Эстулина.

Значительную помощь в понимании истоков американской идеологии и пропаганды оказали наработки К. Маркса и Ф. Энгельса²⁴. Теоретики научного коммунизма представляют идеологию надстройкой, зависящей от базиса (производственных отношений), который выражает специфические интересы определённого класса, выдаваемые за интересы всего общества через ложное сознание, в частности товарный фетишизм. С учетом нынешней культуры общества потребления позиция классического марксизма, озвученная задолго до внедрения модели массового производства, выглядит пророческой. Следуя постулату Маркса о классовой природе идеологии, в работе ставится цель изучить взгляды и подходы мировой элиты, для которой «мягкая сила» служит транслятором ценностей и культуры наднациональной идеологии, в широком смысле – массовой культуры.

Экономическая детерминированность идеологии отчётливо прослеживается в трудах американского неомарксиста И. Валлерстайна²⁵. Его тезисы о теории «свободной торговли», открывающей двери закрытых национальных экономик, пролили свет на происхождение «мягкой силы» и внешнеполитической пропаганды Соединённых Штатов, окрашенной в неолиберальные тона. Рассуждая категориями Валлерстайна, мы приходим к заключению о том, что современная «мягкая сила» Америки, культивирующая идеи свободной торговли, – непримиримый противник меркантилизма, «устанавливающего высокие импортные пошлины и субсидии национальным производителям», которые, по мнению экономиста, «защищают государства от деградации, связанной со свободной торговлей».

Большую роль в «битве за умы, методы и рынки», которую мы именуем «мягкой мощью», отводит в работах теоретик

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – М., 1955. Т. 3, Т. 4 и Т. 23.

²⁵ Wallerstein I. The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy. New York – London, 1980; Валлерстайн И. Социальная наука и коммунистическая интерлюдия, или К объяснению истории современности // Полис. 1997. № 2.

«нового мирового порядка», французский экономист Ж. Аттали²⁶. Верный идеям Маркса, Аттали рисует картину будущего в лучших традициях неоллиберализма и монетарной теории, обрамляя её мифологическими формулировками: «От Сантьяго до Пекина, от Йоханнесбурга до Москвы все экономические системы будут поклоняться алтарю рынка. Люди повсеместно будут приносить жертвы богам прибыли. Две экономические сферы – конкурирующие друг с другом, отличающиеся нестабильностью, но все более однородные – будут вести борьбу за гегемонию: одна из них – действующая в районе Тихоокеанского бассейна, а вторая – вокруг Европы». Подход Аттали, согласно которому именно транснациональная элита – «посвящённые» – будет удерживать в своих руках мировую власть, формировать сознание будущих поколений с помощью «мягкой силы», частично совпадает с позицией автора монографии. В фокусе борьбы за власть рассматривается и мировой экономический кризис 2008 г., который, по Аттали, служит инструментом глобального управления, вынуждающим мировое сообщество усилить наднациональную власть Совета Безопасности ООН и Международного валютного фонда.

Более пессимистичную картину будущего для США рисуют американские экономисты Д. Терк и Д. Рубино²⁷, прогнозирующие крах доллара и, как следствие – американской империи. Критические пассажи книг Д. Стиглица²⁸, Н. Фергюсона²⁹

²⁶ *Аттали Ж.* Карл Маркс: Мировой дух / Пер. с фр. – М.: Молодая гвардия, 2008; *Аттали Ж.* На пороге нового тысячелетия / Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 1993. URL: <http://www.netda.ru/belka/textu/attaly/att1.htm>; *Аттали Ж.* Понятие «нация» станет отзвуком былых реалий // Россия в глобальной политике. 2007. № 2, март-апрель. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_8387; *Аттали Ж.* Мировой экономический кризис. А что дальше? – СПб.: Питер, 2009.

²⁷ *Терк Д., Рубино Д.* Крах доллара и как извлечь из него выгоду / Пер. с англ. И. Соколова. – М.: АСТ, 2006.

²⁸ *Стиглиц Дж.* Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса / Пер. с англ. В. Лопатка. – М.: Эксмо, 2011; *Stiglitz J.* Globalization and Its Discontents. – N. Y., 2002.

²⁹ *Фергюсон Н.* Восхождение денег / Пер. с англ. – М.: Астрель, 2010.

и Дж. Перкинса³⁰ также указывают на изменения в мировом порядке, использование финансово-кредитных инструментов для приручения национальных экономик государств-должников, тесное экономическое сотрудничество США и Китая в XXI в., представляющее ныне из себя единую хозяйственную единицу, образно именуемую «Кимерикой». Сетуня на нелюбимые стороны деятельности Международного валютного фонда и некоторых транснациональных банков, вышеперечисленные авторы полагают, что нарастает кризис доверия к США, опосредованно отражающийся на притягательности «мягкой силы».

Неподдельный интерес для исследуемой проблемы вызвали работы американского экономиста и геополитика У. Энгдаля³¹. Описывая экономическую историю капитализма в США, Энгдаль обуславливает применение внешнеполитической пропаганды геэкономическими интересами международного нефтяного картеля – семи крупнейших нефтяных компаний мира: *Exxon*, *Royal Dutch Shell*, *Texaco*, *Chevron*, *Mobil*, *Gulf Oil* и *British Petroleum*. Учёный уделяет большое внимание «мягким» политехнологиям, которые разрабатывались на протяжении всего XX в. в исследовательских центрах США и Западной Европы. Эти институты – соразработчики и исполнители «цветных» революций на постсоветском пространстве, которые, в свою очередь, создают новые политические реалии по периметру границ России.

Проблематика «мягких» государственных переворотов также находит отражение в работах профессора Гарвард-

³⁰ *Perkins J. Confessions of an Economic Hit Man. – N.Y., 2004.*

³¹ *Engdahl W. A Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order. – London: Pluto, 2004; Engdahl W. Gods of Money: Wall Street and the Death of the American Century. – Wiesbaden.: edition.engdahl, 2010; Engdahl W. Full Spectrum Dominance: Totalitarian Democracy in the New World Order. – Boxboro, MA: Third Millennium Press, 2009; Engdahl W. Seeds of Destruction. The Hidden Agenda of GMO. Centre for Research on Globalization Publishing, 2007; Engdahl W. Wikileaks: a Big Dangerous US Government Con Job. URL: <http://www.voltairenet.org/Wikileaks-a-Big-Dangerous-US>.*

ского университета Дж. Шарпа³². Книги Шарпа «От диктатуры к демократии» и «198 методов ненасильственных действий» позволили понять стратегию и тактику современных государственных переворотов, реализуемых с помощью методов насилия и информационных операций. Известность работ Дж. Шарпа в нашей стране связана со следующими действиями политтехнолога: он организовывал и консультировал оппозиционное движение «Саюдис» (Литва), «Отпор» (Сербия), «Кмара» (Грузия), «Пора» (Украина), «КелКел» (Киргизия) и «Зубр» (Белоруссия). Так, благодаря этим организациям, были форсированы сепаратистские устремления Литовской ССР по выходу из состава Советского Союза в 1991 г., свергнуто правительство С. Милошевича в 2000 г., режим Э. Шеварднадзе в 2003 г., утверждена кандидатура В. Ющенко на президентских выборах в 2004 г., свергнуты президенты Киргизии А. Акаев (2005) и К. Бакиев (2010). Опыт и теоретические наработки Дж. Шарпа использовались во время революционных событий в Тунисе, Египте и Йемене, сопровождаемых вооружённым сопротивлением правительственных сил.

Труды Р. Арона³³, Г. Киссинджера³⁴ и Зб. Бжезинского³⁵ позволили взглянуть на проблему «мягкой силы» с точки зрения школы реализма. Проводя занимательные исторические параллели США с Афинами, Римской империей и Британией (эпохи наполеоновских войн), видные авторы рассматривают культурную дипломатию в качестве инструмента реализации национальных интересов. Информационные ресурсы государ-

³² *Sharp G.* There Are Realistic Alternatives. URL: <http://www.aeinstein.org/organizations/org/TARA.pdf>; *Sharp G.* From Dictatorship to Democracy .

³³ *Арон Р.* Измерения исторического сознания / Пер. с фр. Отв. ред. и автор закл. ст. И.А. Гобозов. – М.: Либроком, 2010.

³⁴ *Kissinger H.* White House Years. – Boston, 1979; *Киссинджер Г.* Дипломатия / Пер. с англ. – М.: Ладомир, 1997.

³⁵ *Brzezinski Z.* Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era. – N. Y., 1970; *Brzezinski Z.* America in a Hostile World. – Foreign Policy, 1976; *Бжезинский Зб.* Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения, 2000.

ства предстают вспомогательным элементом, не многим уступающим военной силе, возводимой реалистами в культ.

Заслуживают упоминания и работы Дж. Кеннана³⁶, Дж. Шульца³⁷, С. Микельсона³⁸, Р. Элдера³⁹ и К. Осгуда⁴⁰, изучающие инициативы США в области культурной дипломатии, основные каналы внешнеполитической пропаганды, такие как Информационное агентство США, Агентство международного развития, радио «Свобода» и «Голос Америки». Дается оценка эффективности американской культурной дипломатии периода «холодной войны», непрямого информационному воздействию на политических оппонентов Вашингтона по ту сторону «железного занавеса».

Отдельно следует выделить исследования Н. Гоулд-Дэйвиса⁴¹ и Ф. Баргурна⁴², демонстрирующие глубокое понимание культурно-коммуникационной политики Советского Союза, идеологические и геополитические устремления нашей страны на мировой арене. Избавляясь от навязанных пропагандистских штампов, авторы признают всемирно-историческое значение социалистического эксперимента, его вызов, брошенный американской массовой культуре в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке.

³⁶ *Kennan G.* International Exchange in the Arts. Perspectives USA , 1956.

³⁷ *Schultz G.* Diplomacy in the Information Age / Paper presented at the Conference on Virtual Diplomacy, U.S. Institute of Peace. Washington, D.C., April 1, 1997.

³⁸ *Mickelson S.* America's Other Voice: the Story of Radio Free Europe and Radio Liberty. - N.Y.: Praeger Publishers, 1983

³⁹ *Elder R.* The Information Machine: The United States Information Agency and American Foreign Policy. - N.Y.: Syracuse University Press, 1968.

⁴⁰ *Osgood K.* Total Cold War: Eisenhower's Secret Propaganda Battle at Home and Abroad. – University Press of Kansas, 2006.

⁴¹ *Gould-Davies N.* The Logic of Soviet Cultural Diplomacy // Diplomatic History. Vol. 27, Issue 2, 2003.

⁴² *Barghoorn F.* The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. – N.J.: Princeton University Press, 1960.

Биографические труды Т. Соренсена⁴³ и А. Шлезингера-мл.⁴⁴, посвящённые президенту Дж.Ф. Кеннеди, описывают трепетное отношение главы американского государства к публичной дипломатии, международным образовательным программам и деятельности Корпуса мира, занятого культурным мессианством в развивающихся странах.

Исследование политики Совета по международным отношениям, Бильдербергского клуба, Трёхсторонней комиссии и Института тихоокеанских отношений, определяющей как американскую, так и трансатлантическую повестку дня, широко представлено в работах Л. Шупа и У. Минтера⁴⁵, П. Диксона⁴⁶, Дж. Стивена⁴⁷, Э. Маршалла⁴⁸, С. Холли⁴⁹, П. Хупера⁵⁰ и С. Хантингтона⁵¹. Авторы подчеркивают опосредованное влияние вышеназванных организаций на мировое общественное мнение, их воздействие на механизм принятия политических

⁴³ *Sorensen T. Kennedy.* – L., 1965.

⁴⁴ *Schlesinger A.M.Jr. A Thousand Days. John F. Kennedy in the White House.* – L., 1965.

⁴⁵ *Shoup L., Minter W. Imperial Brain Trust: The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy.* – N.Y.: Authors Choice Press, 2004.

⁴⁶ *Dickson P. Think Tanks.* – N.Y., 1971.

⁴⁷ *Stephen G. American Hegemony and the Trilateral Commission.* – N.Y. Cambridge University Press, 1990.

⁴⁸ *Marshall A. Bilderberg 2011: The Rockefeller World Order and the High Priests of Globalization // Global Research, June 16, 2011.*

⁴⁹ *Holly S. Trilateralism: The Trilateral Commission and Elite Planning for World Management.* - Boston: South End Press, 1980.

⁵⁰ *Hooper P. Remembering the Institute of Pacific Relations: The Memoirs of William L. Holland.* – Tokyo: Ryukei Shyosha, 1995.

⁵¹ *Huntington S. Transnational Organizations in World Politics.* - World Politics, 1973; *Huntington S. The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission // Trilateral Commission.* – N.Y.: New York University Press, 1975; *Хантингтон С. Кто мы?* – М.: АСТ, 2004.

решений, координирующих действия стран Северной Америки, Западной Европы и Восточной Азии в условиях так называемого кризиса демократии, пересмотра идеологической парадигмы неолиберализма.

В рамках данной проблематики заслуживает отдельного упоминания автобиографический очерк британского историка А.Дж. Тойнби⁵², стоявшего у истоков создания британского аналога Совета по международным отношениям – Королевского института международных дел. Будучи директором этой фабрики мысли на протяжении многих лет, Тойнби описывает процесс укрепления взаимозависимости англо-американского истеблишмента, обуславливая её наличием общих культурных, экономических и политических задач. По Тойнби, культурная дипломатия Запада и США, в частности, – продукт урбанизации, упраздняющей традиционные устои государства-нации в угоду Всемирного города.

Рассматривая «мягкую силу» США в контексте глобального управления, внушительную базу для исследования представили работы профессора Джорджтаунского университета и бывшего члена Совета по международным отношениям К. Квигли⁵³, в которых освещается определяющая роль неправительственных организаций, таких как Фонд Рокфеллера и Фонд Форда, в аппликации доктрины глобализма по обе стороны Атлантики. Доктор Квигли констатирует существование скрытой надгосударственной «сети», нацеленной на достижение «глобального общества». Квигли отождествляет «сеть» с «международными банкирами», людьми, которые отличаются от обычных банкиров тем, что придерживаются космополитических убеждений, входят в правительства и занимаются в основном вопросами их долгов, т.е. они осуществляют финансовый контроль над политическими процессами, сохраняя при этом полную секретность

⁵² Тойнби А. Пережитое. Мои встречи / Пер. с англ. – М.: Айрис-пресс, 2003.

⁵³ Quigley C. Tragedy and Hope: A History of the World in Our Time. – N. Y.: Macmillan, 1966; Quigley C. The Anglo-American Establishment: From Rhodes to Cliveden. – N.Y.: Books in Focus, 1981.

своей деятельности. Книги Н. Хаггера⁵⁴, Д. Риверы⁵⁵, Дж. Коулмэна⁵⁶, Д. Гуттмэна⁵⁷, К. Харви⁵⁸ и Д. Эстулина⁵⁹ развивают постулаты К. Квигли о транснациональной элите, подчёркивая её приверженность концепции нового мирового порядка, продвигаемой под аккомпанемент американских средств массовой информации – медиакратии. Авторы сходятся во мнении, что основными заказчиками культурного продукта выступают финансовые династии Европы и США, кредитующие наиболее прибыльные секторы мировой экономики.

С теоретической и практической точки зрения интерес для исследования заявленной в монографии проблемы представили работы Дэвида Рокфеллера⁶⁰ и его старшего брата Нельсона Рокфеллера⁶¹. Проповедуя концепцию «нового мирового порядка», члены именитой фамилии ратуют за внедрение федеративного устройства во всех странах, заявляя о том, что наднациональный суверенитет интеллектуальной элиты и международных банкиров, несомненно, предпочтительнее национального самоопределения, практиковавшегося в былые столетия. Тезисы братьев Рокфеллеров, пропитанные интернационализмом, как нельзя лучше соответствуют вильсонии-

⁵⁴ *Hagger N.* The Syndicate. The Story of the Coming World Government. – W.: O Books, 2004.

⁵⁵ *Rivera D.* Final Warning - A History of the New World Order. – California: IntelBooks, 1984.

⁵⁶ *Коулмэн Дж.* Комитет трёхсот. – М.: Витязь, 2011.

⁵⁷ *Guttman D., Willner B.* The Shadow Government. – N.Y., 1976.

⁵⁸ *Harvey Ch.* John D. Rockefeller, Jr., and the Interchurch World Movement of 1919–1920: A Different Angle on the Ecumenical Movement. Church History, Vol. 51, No 2. (Jun., 1982).

⁵⁹ *Эстулин Д.* Секреты Бильдербергского клуба. – М.: Попурри, 2009.

⁶⁰ *Rockefeller D.* Memoirs. – N.Y.: Random House, 2002.

⁶¹ *Rockefeller N.* Federalism and Free World Order. May, 1962 // Godkin Lectures at Harvard University on The Future of Federalism. URL: <http://streitcouncil.org/uploads/PDF/F&U-%201962-%20May-%20Rockefeller-%20federalism%20and%20free%20world%20order.pdf>.

анской традиции американской внешней политики, ориентированной на построение более интегрированной глобальной политической и экономической структуры – единого мира, существование которого немислимо без эффективной «мягкой силы», транслирующей повсеместно американские ценности.

Противоположные глобализму идеи высказывают немецкий философ О. Шпенглер⁶² и американский публицист Н. Хомский⁶³. Несмотря на то что становление авторов происходило в разные эпохи, они оба критикуют стандартизирующую культурную глобализацию, активность которой напрямую связывается с экономическим и политическим влиянием американского капитализма, его стремлением сохранить и приумножить идеологическое влияние на мировое общественное мнение.

Труд классика американской политической мысли У. Липпмана⁶⁴, проливающий свет на методику формирования общественного мнения, позволил проследить влияние стереотипов на человеческое сознание. Закладывая теоретическую основу внешнеполитической пропаганды США, Липпман писал: стереотипы объединяются в системы стереотипов, которые предстают в виде повседневных укладов, верований, учений, социальных институтов и т.д. И так вплоть до стереотипа, охватывающего все системы стереотипов и известного под названием «социальная реальность». Идеолог неолиберализма резонно полагал, что познавательные возможности человека ограничены, он не может быть абсолютно информированным, так как окружающая среда слишком сложное и изменчивое образование. Преодолевая разнообразие мира, человек систематизирует знание о нём в категории. Эти категории – фикции, стереотипы, элементы псевдосреды, с помощью которых

⁶² Шпенглер О. Годы репений. Германия и всемирно-историческое развитие / Пер. с нем. С.Е. Вершинина. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

⁶³ Хомский Н. Прибыль на людях / Пер. с англ. – М.: Праксис, 2002.

⁶⁴ Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчунова, под ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.

человек приспособляется к своему окружению. Поведение человека есть реакция на стимулы псевдосреды.

Что касается культурного сегмента внешней политики США и их «мягкой силы», то первое серьезное осмысление этих вопросов появилось в опубликованных в 1964 – 1965 гг. монографиях бывших помощников госсекретаря США по вопросам образования и культуры Ф. Кумбса⁶⁵ и Ч. Френкеля⁶⁶, в которых обосновывается необходимость установления и развития международных культурных контактов и осуществляется попытка определить роль и место культуры во внешней политике США.

Важной вехой в изучении культурно-коммуникационного фактора как инструмента внешнеполитического воздействия стали работы известного американского ученого Г. Шиллера, который в 1973 г. издал работу «Манипуляторы сознанием»⁶⁷, а в 1976 г. – книгу «Массовые средства информации и культурное господство». Исследователь выдвинул понятие американской империи, рассматривая печать, радио и телевидение в качестве орудия политической и военной экспансии США. Он определил наличие тесной связи между высшими деловыми кругами, военными и правительством, с одной стороны, и «манипуляторами умов» (*mind managers*), т.е. главами ведущих американских СМИ, с другой. Между этими двумя силами, согласно Шиллеру, есть тайная взаимосвязь, базирующаяся на секретном сговоре, целью которого является контроль и манипуляция умами как внутри страны, так и за ее пределами.

Принимая во внимание научно-техническую революцию последней четверти XX в., подарившей миру единую информационную магистраль, «мягкая сила» Америки приобретает новые очертания. Результатом этих изменений становится *но-ополитика*, вынуждающая американских стратегов из «Рэнд

⁶⁵ *Coombs Ph.H.* The Fourth Dimension of Foreign Policy: Education and Cultural Affairs. – N.Y. and Evanston: Harper & Row, 1964.

⁶⁶ *Frankel Ch.* The Neglected Aspect of Foreign Affairs: American Educational and Cultural Policy Abroad. – Wash.: Brookings Institution, 1965.

⁶⁷ Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. – М.: Мысль, 1980.

Корпорэйшн» Дж. Аркиллу и Д. Ронфельдта⁶⁸ обозначать новые контуры информационной политики США. Отныне силовое противоборство между политическими акторами перемещается в киберпространство, что подробно констатирует советник Белого дома Р. Кларк в совместном труде с Р. Нэйком⁶⁹. Аналогичными соображениями делится на страницах авторитетного издания *Foreign Affairs* и высокопоставленный сотрудник администрации США У. Линн⁷⁰.

Настоящее исследование также апеллирует к воззрениям упоминавшегося профессора Гарвардского университета Дж.С. Ная – автора термина *soft power* и основоположника целого направления в изучении «мягкого» инструментария американского могущества. В процессе проработки темы использовались его труды, в том числе «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской мощи»⁷¹ и «Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике»⁷² (в не совсем корректном переводе русскоязычного издания). Совместно с Р. Кохейном⁷³ Най закладывает теоретические основы неолиберального институционализма, констатируя возросшее влияние непра-

⁶⁸ *Arquilla J., Ronfeldt D.* The Emergence of Noopolitik: Toward an American Information Strategy. RAND/MR-1033-OSD. 1999.

⁶⁹ *Clarke R., Knake R.* Cyber War. The Next Threat to National Security and What to Do About It. – N.Y.: HarperCollins, 2010.

⁷⁰ *Lynn W.* Defending a New Domain: The Pentagon's Cyberstrategy // *Foreign Affairs*, Sept/Oct. 2010.

⁷¹ *Nye J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – New York, 1990.

⁷² *Най Дж.* Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. – М.: Тренды, 2006. (*Nye J.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004.)

⁷³ *Кохейн Р.* Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления /Пер. с англ. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой. Науч. ред. Е.Б. Шестопап. – М., 1999; *Keohane R., Nye J.* Power and Interdependence: World Politics in Transition. – Boston: Little, Brown and Company, 1977.

вительственных организаций на мировую политику. В рамках этой системы координат движущей силой истории предстают транснациональные промышленные и банковские корпорации, форсирующие, по мнению авторов, взаимозависимость всех стран – участниц международного общения.

Развитием этих положений, показанных в монографии, отличился и другой именитый учёный неолиберального толка Дж. Розенау⁷⁴, выявивший «необычайно высокую степень взаимозависимости народов и обществ, коренные трансформации в международных отношениях», выраженные в том, что главными действующими лицами становятся не государства, а *частные лица*, вступающие в отношения друг с другом при его минимальном посредничестве или даже вопреки его воле. Розенау обращает внимание на проблему глобализации, анализируя различия между содержанием этого понятия и смыслом близких ему терминов: глобализм, универсализм, сложная взаимозависимость. По его мнению, глобализация характеризуется, в первую очередь, отсутствием каких-либо территориальных и юридических барьеров, обладает способностью с лёгкостью преодолеть любые государственные границы и затронуть любую социальную общность.

Среди значимых для данного исследования авторов, изучающих историю внешней культурной политики США, необходимо упомянуть книги Дж. Гиноу-Хехт⁷⁵ и Р. Пэлса⁷⁶, которые подробно освещают историю внешней культурной политики США, исследуют проблему американского «культурного империализма», его соотношение с глобализационными

⁷⁴ *Rosenau J.* Le touriste et le terroriste ou les deux extrêmes du continuum transnational/ 10 Etudes internationales, 1979.

⁷⁵ *Gienow-Hecht J.* Shame on US? Academics, Cultural Transfer, and the Cold War // A Critical Review, Diplomatic History, Vol. 24, № 3 (Summer 2000); *Gienow-Hecht J.* A European considers the influence of American culture. URL: www.usinfo.state.gov/journals/itgic/0206/ijge/gienowhecht.

⁷⁶ *Pells R.* «Is American culture “American”?» www.usinfo.state.gov/journals/itgic/0206/ijge/pells; *Pells R.* Not Like Us: How Europeans Have Loved, Hated, and Transformed American Culture since World War II, N.Y., L., 1997.

процессами, в том числе через призму экспорта массовой культуры США. Интересным также представляются исследования сотрудника Джорджтаунского университета (США) Дж.А. Саблоски⁷⁷, которая в своем докладе «Новейшие тенденции в работе Госдепартамента» анализирует текущее состояние дел в сфере финансирования и государственного управления культурной дипломатией США. М. Каммингс⁷⁸, детально исследуя причины, предпосылки, внутренние и внешние условия, механизмы реализации и результаты внешней культурной политики США во второй половине XX в. и на современном этапе, также приходит к небезынтересным заключениям. Ф. Нинкович в монографии «Информационная политика и культурная дипломатия США»⁷⁹ прослеживает историю внешней культурной политики с начала XIX в. до наших дней, как и упомянутые Дж. Гиноу-Хехт, Р. Пэлс, Дж.А. Саблоски, М. Каммингс и другие исследователи, подчеркивает, что в период «холодной войны» культурные программы стали эффективным инструментом противодействия советской пропаганде, и акцентирует внимание на том, что культурная дипломатия в настоящее время не менее важна для США, чем во время «холодной войны». Х. Файгенбум⁸⁰, доктор Университета Дж. Вашингтона (США), пишет о влиянии глобализации на внешнюю торговлю, культурную дипломатию и внешнюю политику США. Современной «экономике знания» свойственно повышение значимости культурного фактора. Автор приходит к выводу о том, что доминирование в производстве культурных продуктов играет

⁷⁷ *Sablosky J.* Recent trends in Department of State support for cultural diplomacy:1993-2002. URL: www.culturalpolicy.org.

⁷⁸ *Cummings M.* Cultural Diplomacy and the United States Government A Survey (Washington DC: Center for Arts and Culture, 2003). URL: www.culturalpolicy.org.

⁷⁹ *Ninkovich F., Hoepfli-Phalon N.* U.S. Information Policy and Cultural Diplomacy. – N.Y., Foreign Policy Association, 1996.

⁸⁰ *Feigenbaum H.B.* Globalization and Cultural Diplomacy. –Washington DC: Center for Arts and Culture, 2001.

большую роль в конкурентоспособности американской экономики на мировом рынке.

Источниковая база исследования. По изучаемой проблеме имеется широкий круг источников – как опубликованных, так и хранящихся в архивных фондах. В ходе проработки проблемы использовались отечественные и зарубежные документы. Среди отечественных необходимо выделить нормативно-правовые акты, регулирующие разработку и реализацию внешней культурной политики России: указы Президента Российской Федерации, распоряжения Правительства России, приказы МИД России и Минкультуры России, концептуальные документы внешней политики России, а также послания Президента России Федеральному Собранию.

Из зарубежных материалов были использованы аналитические сведения и доклады, разработанные американскими и европейскими научными центрами, такими как Совет по международным отношениям (США), Королевский институт международных дел (Великобритания), Корпорация РЭНД (США), Институт им. Айн Рэнд (США), Центр изучения искусства и культуры (США), Гарвардский университет (США), Стэнфордский университет (США), Принстонский университет (США), Институт Альберта Эйнштейна (США), Фонд Карнеги за международный мир (США), Академия и Институт культурной дипломатии (ФРГ), Фонд исторической перспективы (Россия), Консультативный комитет по вопросам культурой дипломатии Госдепартамента США.

Исследуемая проблема предполагает обработку обширного комплекса источников, составляющих опубликованные документы и материалы. Источниковую базу исследования можно систематизировать следующим образом.

1. Отечественные и зарубежные нормативно-правовые акты: официальные доктрины, концепции, программы, законы, приказы, распоряжения, подзаконные акты и т.д. по вопросам информационной безопасности, внешней культурной, образовательной и информационной политики. Например, «Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей с зарубежными странами»: приказ МИД России от 23 февраля 2001 г.; Доктрина информационной

безопасности Российской Федерации; Кодекс Соединённых Штатов Америки (раздел программ двусторонних обменов в области культуры); Директива Совета национальной безопасности США № 23 о взаимоотношениях с СССР от 22 сентября 1989 г. и др.

2. Доклады экспертов и исследовательских центров (Доклад С. Хантингтона «Кризис демократии», представленный членам Трёхсторонней комиссии в 1975 г.; стратегия вовлечения и демократического расширения от 1996 г.; доклад рабочей группы по национальной обороне «Преобразование национальной обороны в XXI в.», представленный в декабре 1997 г.; доклад государственного секретаря США Дж. Шульца «Дипломатия в информационную эпоху», представленный в Американском институте мира 1 апреля 1997 г.; доклад Корпорации РЭНД MR-1033-OSD от 1999 г.; доклад Центра искусств и культуры (США) от 2003 г. «Культурная дипломатия правительства США: обзор»; доклад Консультативного комитета по вопросам культурой дипломатии при Государственном департаменте США от 2005 г.; Стратегия национальной безопасности США от 2010 г.; стратегический документ Объединённого комитета начальников штабов армии США «Совместное видение 2010»; четырёхлетний обзор по обороне США, февраль 2010 г.; материалы выставки Международного валютного фонда 2011 г. «Важность глобальной кооперации» и др.

3. Стенограммы и программы заседаний: стенограмма слушаний в Комитете по международным делам Сената США от 6 мая 1977 г.; стенограмма слушаний в Комиссии по ассигнованиям Палаты представителей Конгресса США от 2001 г.; программа заседания участников Трёхсторонней комиссии в Вашингтоне: 8 – 10 апреля 2011 г.; программа 59-й встречи членов Бильдербергского клуба в Сент-Морице (Швейцария): 9 – 12 июня 2011 г. и т.д.⁸¹

⁸¹ United States Code // Mutual and Cultural Exchange Program. URL: <http://www2.ed.gov/about/offices/list/ope/iegps/fulbrighthaysact.pdf>; *Huntington S.* The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission // Trilateral Commission. – N.Y.: New York University Press, 1975; Peace Corps Authorization. Hearings before the Committee on Foreign Relations. US Senate, 95th Congress, 1st Session,

4. Архивные материалы – РГАНИ, ф. 5, о. 35, д. 42. Л. н/у; РГАНИ, ф. 5, о. 35, д. 228. Л. н/у.

5. Выступления государственных, политических и общественных деятелей: лекция губернатора штата Нью-Йорк Н. Рокфеллера, прочитанная в Гарвардском университете, май 1962 г.; интервью сенатора Дж.У. Фубрайта с Л. Зусманом, Ва-

May 6, 1977. – W, 1977; National Security Directive 23. US Relations with Soviet Union. September 22, 1989 // Federations of American Scientists; A National Security Strategy of Engage and Enlargement. Government Printing Office, Washington, Feb. 1996; Transforming Defense National Security in the 21st Century, Report of the National Defense Panel. December 1997. URL: http://www.dod.gov/pubs/foi/administration_and_Management/other/902.pdf; *Schultz G.* Diplomacy in the Information Age / Paper presented at the Conference on Virtual Diplomacy, U.S. Institute of Peace. Washington, D.C., April 1, 1997; *Arquilla J., Ronfeldt D.* The Emergence of Noopolitik: Toward an American Information Strategy. RAND/MR-1033-OSD. 1999; Department of the Interior and related agencies appropriations for 2002: Hearings before a subcommittee of the Committee on appropriations, House of representatives, 107th Congress., 1 sess. – Washington : Gov. print. Off., 2001. Part 4 : Justifications of the budget estimates; Cultural Diplomacy. The Linchpin of Public Diplomacy, Report of Advisory Committee on Cultural Diplomacy, U.S. Department of State, September 2005, URL: www.culturalpolicy.org; Международная Хартия Земли // Международный совет инициативы Хартии Земли. Пособие, 2008; National Security Strategy of the United States. May 2010. Washington, DC, 2010. P. i, 2, 3, 19, 47.48, 5, 44. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf; Joint Vision 2010. URL: <http://www.dtic.mil/jv2010/jv2010.pdf>; www.mid.ru; *Cummings M.C. Jr.* Cultural Diplomacy and the United States Government: A Survey (Washington DC: Center for Arts and Culture, 2003) ; The Quadrennial Defense Review (QDR). February 2010. URL: http://www.defense.gov/qdr/images/QDR_as_of_12Feb10_1000.pdf; The Dollar Glut. System in Crisis (1959-1971) // Money Matters: An IMF Exhibit - The Importance of Global Cooperation, 2011. URL: http://www.imf.org/external/np/exr/center/mm/eng/mm_sc_03.htm; Trilateral Commission / Program of the 2011 Annual Meeting. Washington, DC; United States, April 8-10. URL: <http://www.trilateral.org/go.cfm?do=File.View&fid=166>; Program of the 59th Bilderberg Meeting in St. Moritz, Switzerland from 9 – 12 June 2011.

шингтон 1991 г.; инаугурационная речь Дж. Буша-мл. от 20 января 2005 г.; инаугурационная речь Б. Обамы от 20 января 2009 г.; обращение президента США Б. Обамы к исламскому миру от 4 июня 2009 г.; выступление профессора Гарвардского университета Дж. Ная на Международном симпозиуме по культурной дипломатии, Берлин 2009 г.; стенограмма встречи президента РФ Д. А. Медведева с выпускниками советских и российских вузов, Ханой 31 декабря 2010 г.; выступление директора – распорядителя МВФ Д. Стросс-Кана на Конференции по международной валютной системе, Цюрих 11 мая 2010 г.; выступление канадского философа Ч. Тейлора на Мировом политическом форуме, Ярославль 10 сентября 2010 г.; выступление постпреда России при НАТО Д.О. Рогозина на Мировом политическом форуме, Ярославль 8 сентября 2011 г.⁸²

⁸² *Rockefeller N.* Federalism and Free World Order. May, 1962 // Godkin Lectures at Harvard University on The Future of Federalism. URL: <http://streitcouncil.org/uploads/PDF/F&U-%201962-%20May-%20Rockefeller-%20federalism%20and%20free%20world%20order.pdf>; интервью сенатора Дж.У. Фубрайта с Л. Зусманом. Вашингтон. 1991; инаугурационная речь Дж. Буша-мл. от 20 января 2005 г.; инаугурационная речь Б. Обамы от 20 января 2009 г. URL: http://www.snr.com.ru/live/21012009/live_20090121_2.htm; Обращение Б. Обамы к исламскому миру от 4 июня 2009 г.; International Symposium on Cultural Diplomacy (Berlin, 27th-31st , 2009) // Soft Power Explained – A Video Lecture By Harvard University Professor Joseph S. Nye Jr. URL: <http://www.culturaldiplomacy.org/academy/index.php?Videos-of-the-International-Symposium-on-Cultural-Diplomacy>; стенограмма встречи президента РФ Д.А. Медведева с выпускниками советских и российских вузов, Ханой 31 декабря 2010 г. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/9386>; Concluding Remarks by Dominique Strauss-Kahn, Managing Director of the International Monetary Fund, at the High-Level Conference on the International Monetary System, Zurich, 11 May 2010; выступление канадского философа Ч. Тейлора на Мировом политическом форуме, Ярославль 10 сентября 2010 г.; выступление постпреда России при НАТО Д.О. Рогозина на мировом политическом форуме, Ярославль 8 сентября 2011 г.

6. Статистические источники – Образовательная статистика Национального совета по образовательной статистике, 1977 г.⁸³

Значительное внимание в работе уделено анализу периодической печати и продукции средств массовой информации. Из зарубежных периодических изданий в работе использовались материалы The New York Times, Time, Newsweek, The Washington Post, Foreign Policy, Diplomatic History, Foreign Affairs и др. Среди отечественной периодики особого внимания заслуживает журнал «США и Канада: Экономика. Политика. Культура», а также «Международная жизнь», «Мировая экономика и международные отношения», «Полис», «Россия в глобальной политике» и др.

Термины и понятия, используемые в исследовании. Настоящее исследование базируется на специфическом терминологическом фундаменте, при этом учитываются особенности и расхождения в трактовке понятий представителями отечественной и зарубежной научной общественности. Подробный анализ терминологического аппарата монографии проведен в первой главе настоящей работы. Целесообразно выделить понятийный каркас исследования, строящийся из таких ключевых для понимания темы терминов, как **«жесткая»**, **«мягкая»** и **«умная» сила** (имеется в виду условная классификация сегментов американского внешнеполитического могущества), **культура и культурные продукты** как инструмент внешней политики США и компонент арсенала «мягкой силы» (интерес для исследования представляет не этнологическая или антропологическая концепция культуры, а социально-политический аспект), **американская культура**, которая разделяется на две основные составляющие: так называемую **высокую и массовую культуру; идеология, внешняя культурная политика, культурная дипломатия, публичная дипломатия** (как система взглядов стратегического характера, направленная на формирование позитивного имиджа страны за рубежом посредством реализации многоуровневой информационно-пропагандистской

⁸³ Digest of Educational Statistics 1977 // National Council of Educational Statistics.

политики), **пропаганда, информационная война, информационно-психологическая война, культурная безопасность, информационная безопасность, сеть и принцип сетецентрического управления, мультикультурализм, культурные войны** и т.д.

Цели и задачи исследования. Цель представленной монографии состоит в том, чтобы с помощью комплексного исследования проследить историю формирования системы, именуемой потенциалом «мягкой силы», во внешней политике США с 1945 по 2012 г.

Постановка упомянутой цели диктует необходимость решения следующих задач:

- рассмотреть роль и место факторов из арсенала «мягкой силы» США в системе их национальных интересов;

- раскрыть ключевые компоненты внешней культурно-информационной политики США и проследить историю ее формирования;

- выявить базовые принципы и структуру функционирования официального и неофициального механизмов реализации потенциала «мягкой силы» во внешнеполитическом арсенале США;

- определить роль и место неформальных институтов глобального управления как инструмента политики «мягкой силы» США на международной арене;

- провести анализ поэтапного оформления подходов представителей американского истеблишмента и академического сообщества к вопросу о путях эффективного использования несилового инструментария для реализации внешнеполитических задач США;

- проанализировать роль американского (транснационального) капитала в формировании и функционировании механизмов управления внешней политикой США и глобальной повесткой дня;

- выявить специфику, результаты и перспективы использования инновационных инструментов реализации внешней политики США в несилевом сегменте с точки зрения их влияния на ход глобальных процессов;

- проанализировать природу финансово-экономических кризисов с позиции фактора непрямого управления глобальными процессами в привязке к политтехнологической методике реализации «мягкой силы» во внешней политике США;

- провести сравнительно-исторический анализ использования культурно-информационных и образовательных инструментов СССР/Россией и США для реализации внешнеполитических задач;

- с учетом исторического опыта использования арсеналов «мягкой силы» двумя державами в период «холодной войны» и в постбиполярную эпоху представить концептуальные предложения для выработки российской стратегии обеспечения национальной культурной безопасности, а также регенерации отечественной публичной дипломатии и других эффективных форм невоенной внешнеполитической деятельности.

Хронологические рамки исследования обусловлены необходимостью комплексного рассмотрения истории внешней культурной политики США и формирования системы методов и средств непрямого управления и несилового влияния. В этой связи рассматривается период 1945 – 2012 гг. 1945 г. – отправная точка активного сознательного использования американским правительством культуры и информации в качестве инструмента дипломатии, что было, прежде всего, продиктовано внешними факторами – необходимостью ведения активной идеологической пропаганды в условиях «холодной войны». Именно во второй половине прошлого столетия экспорт культуры приобрел значение эффективного внешнеполитического инструмента. Однако при этом стоит учитывать, что ещё в 1938 г. был создан Отдел культурных связей в структуре Госдепартамента США как реакция американского истеблишмента на пропагандистскую деятельность нацистской Германии в Латинской Америке.

Теоретико-методологической основой работы служат принципы научной объективности и историзма, а также цивилизационный принцип.

Историко-проблемная постановка вопроса подразумевает комплексный анализ официального и неофициального направлений реализации внешней культурной политики США,

обеспечивает возможность проследить наличие взаимосвязи и отличий между ними, изучить процесс их развития, выявить качественные изменения в тесной связи с конкретными историческими условиями рассматриваемого периода.

Кроме того, при написании работы были использованы общенаучные методы: структурно-функциональный, компаративный, логический, системный, нормативный и др. Структурно-функциональный подход позволяет исследовать в структурированном виде теоретико-методологические основы механизма осуществления культурной политики как фундамента последующего возникновения и развития культурной дипломатии. Этот метод дает возможность рассмотреть эффективность координации внешней культурной политики США, разработки и реализации соответствующих решений.

Вместе с тем использование данного метода, а также компаративного метода дает возможность детального анализа функционирования внешнеполитического механизма США в сегменте «мягкой силы» путем выделения двух магистральных линий в изучении проблемы: исследование официально и неофициального компонентов.

В монографии также использованы терминология и научный аппарат, свойственный другим методологическим подходам, что нацелено тем не менее на всестороннее предупреждение логических и иных противоречий в анализе и выводах научного поиска.

Научная новизна монографии определяется как самой постановкой проблемы, так и подходом к ее исследованию с учетом разработанности соответствующих вопросов. В работе предпринята попытка комплексного историко-теоретического анализа процесса формирования потенциала «мягкой силы» во внешнеполитическом арсенале США и поэтапного оформления подходов представителей американского истеблишмента и академического сообщества к вопросу о путях эффективного использования этого сегмента для реализации внешнеполитических задач США.

Впервые в отечественной американистике проведено комплексное исследование истории формирования компонентов весьма обобщенной и очень содержательной катего-

рии – «мягкая сила» США. Кроме того, впервые предлагается структурное рассмотрение механизма реализации политики «мягкой силы» как метода непрямого управления в двух плоскостях: на официальном и неофициальном уровнях с последующим выявлением их взаимосвязи, объединяющего начала и противоположностей, прежде всего в контексте осуществления экспорта американской культуры, глобальных социально-политических, экономических процессов и функционирования системы международных отношений в рассматриваемый период в целом.

Автор рассматривает историю экспорта и распространения массовой культуры США в качестве политического инструмента, анализирует роль американского (транснационального) капитала в формировании и функционировании механизмов управления внешней политикой США и глобальной повесткой дня, в том числе посредством управляемых финансово-экономических кризисов, а также место и роль филантропических и иных фондов в этом процессе.

Принципиально новым для академической сферы является анализ истории формирования актуальных инновационных механизмов реализации «мягкой силы» во внешней политике США (сетевидный принцип, социальные сети и блогосфера, в том числе как двигатель революций, информационных и кибервойны, ненасильственное сопротивление и т.д.). Несмотря на безусловную актуальность вопроса в отечественной, да и в зарубежной, историографии наблюдается очевидная нехватка исследований по этой теме.

Научная новизна исследования заключается также в системном анализе сложного и противоречивого процесса истории становления и развития факторов непрямого управления как методов внешней политики США. Кроме того, впервые проводится сравнительный анализ использования инструментов «мягкой силы» СССР/Россией и США.

Практическая значимость. На основе осмысления и систематизации аналитического материала по истории формирования арсеналов «мягкой силы» внешней политики США и роли этих инструментов в российско-американских отношениях предлагаются практические рекомендации по раз-

работке стратегии национальной культурной безопасности России, призванные обеспечить условия для формирования отечественных потенциалов «мягкой силы» и модернизировать этот аспект внешнеполитической деятельности российского государства.

Практическая направленность исследования также определяется тем, что содержащийся в нем фактический материал, суждения и выводы могут быть использованы в дальнейших научных разработках, посвященных механизмам «мягкого» воздействия внешней политики Соединенных Штатов Америки, методам и средствам обеспечения государствами соответствующих протекционистских мер.

Материалы монографии могут быть использованы в учебном процессе в высших учебных заведениях, в частности, при разработке пособий и лекционных курсов по истории и современности внешней политики США. Выводы, содержащиеся в книге, могут найти применение в качестве практических рекомендаций для внешнеполитического ведомства России и других стран, формирующих собственную внешнюю культурную и информационную политику. Кроме того, результаты исследования могут быть полезны с точки зрения планирования и осуществления взаимодействия с США в информационной сфере.

Апробация исследования. Основные положения данного исследования отражены в предыдущей книге автора, статьях, а также были апробированы в рамках преподавания спецкурсов «Фактор "мягкой силы" во внешней политике США и современных международных отношениях» и «Дипломатия США» в Российском университете дружбы народов. К числу основных академических публикаций по представленной теме относится монография «"Мягкая сила" культурной дипломатии США» (М.: РУДН, 2010. – 212 с.), а также следующие статьи: «США на страже безопасности ЕС: глобальное соуправление как необходимость» (Образование. Наука. Научные кадры, № 2, 2012, с. 200 – 207); «Мультикультурализм США и Европы: политтехнологии в действии» (Политика и общество, № 2, 2012, с. 62 – 71); «Концепция «культурного империализма» в американской политической мысли» (Образование. Наука. На-

учные кадры, № 1, 2012, с. 181 – 184); «Социальные сети как инновационный механизм "мягкого" воздействия и управления массовым сознанием» (Политика и общество, № 1, 2012, с. 65 – 75); «Актуальные вопросы формирования российского потенциала "мягкой силы"» (Вестник РУДН. Политология, № 1, 2012, с. 67 – 82); «К вопросу об истории внешней культурной политики США» (Вестник РУДН. Международные отношения, № 4, 2011, с. 89 – 98); «Истоки формирования культурной политики США» (Вестник РУДН. Политология, № 2, 2011, с. 79 – 91); Russia`s soft power potential (Russia in global affairs, № 4, 2010 (англоязычная версия журнала «Россия в глобальной политике»)); «Стратегия национальной культурной безопасности и "мягкая сила" современной России» (Вестник РУДН. Международные отношения, № 3, 2010, с. 61 – 74); «Неофициальная внешняя культурная политика как компонент "мягкой силы" США» (США–Канада: экономика, политика, культура, № 4, 2007, с. 69 – 82); «Молодежные субкультуры как инструмент неофициальной внешней культурной политики США» (Федерация, № 17, 2006, с. 50 – 58) и др.

ГЛАВА I

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ И МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

1.1. Эволюция методов невоенного воздействия как форм непрямой аппликации национального интереса

Осмысление национального интереса, понимаемого с XVII до середины XIX в. в качестве объективно значимой системы целей и задач национального государства как целого, с отличными ценностями, происходило одновременно с ростом взаимозависимости между субъектами международных отношений. Рассматривая национальный интерес в фокусе изменений мирополитической системы, важно подчеркнуть: начиная с самых ранних форм организации (семья и племя) различные общества стремились к объединению в большие пространства, принимая доминирующую в них культурную матрицу.

С исторической точки зрения подобные процессы стимулировались урбанизацией средневековой Европы, вовлекающей деревенское население в городскую жизнь, где постепенно утрачивались традиционные связи с общиной и её устоями. Так прокладывался своего рода мост от феодального государства к национальному, в котором, по мнению видного французского политолога Р. Арона, «все граждане имеют одну и ту же культуру и проявляют желание жить вместе и самостоятельно»⁸⁴. Причём «гомогенность этой культуры», по Арону, «результат истории, т.е. часто – войн»⁸⁵. Эти войны, к примеру, «в эпоху Тридцатилетней войны (1618–1648) в значительной степени велись в связи с переходом от феодальных обществ, базировавшихся на традиции и претензии на универсальность, к современной государственной системе, опирающейся на *raison*

⁸⁴ Арон Р. Измерения исторического сознания / Пер. с фр. Отв. ред. и автор закл. ст. И.А. Гобозов. – М.: Либроком, 2010. С. 94.

⁸⁵ Там же.

d'État; войны времен Французской революции означали переход к государствам-нациям, определяемым наличием общего языка и культуры; войны XX в. были следствием распада империи Габсбургов и Османской империи, вызовом, связанным с претензиями на господство в Европе и концом колониализма. В каждый из этих переходных периодов то, что ранее принималось как должное, вдруг становилось анахронизмом: многонациональные государства XIX, колониализм XX в.»⁸⁶.

Обозначенные эпохи, стремительно избавляющиеся от старого теоретического наследия, сделали своей магистральной идеей национализм, облечённый в либеральные или социалистические одежды. По сравнению с нашим временем, когда теория свободной торговли превратилась в мощнейшую опору неолиберализма и «мягкой силы», национальный интерес основывался на меркантилизме, «воспеваемом в трактатах XVI – XVIII вв., обосновывавших необходимость активного вмешательства государства в хозяйственную деятельность, в основном в форме протекционизма – установления высоких импортных пошлин, субсидий национальным производителям и т.д.»⁸⁷. Именно благодаря этим принципам, введённым первоначально в Англии (1690-е гг.) и просуществовавшим «весь период от Тридцатилетней войны и вплоть до конца эпохи Наполеона во всей центральной Европе» для защиты государств «от деградации, связанной с режимом свободной торговли»⁸⁸, гарантировался суверенитет большинства национальных правительств и традиционных обществ.

Появление в XIX в. телеграфа и радио, ускоривших темпы развития мировой политики и экономики, заложило основу того, что мы позже назовем внешней культурной политикой («мягкой силой»), предоставив уже в тот период крупной промышленной буржуазии и финансовой аристократии уникальный шанс расширить зоны приложения капиталов. Так,

⁸⁶ Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. с англ. – М.: Ладомир, 1997. С. 734.

⁸⁷ Wallerstein I. The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy. – New York – London, 1980. P. 233, 266.

⁸⁸ Ibid.

в 1835 г. произошло знаковое событие, закрепившее нарастающую глобализацию, сформировавшую к концу века мировой рынок: француз Ш.Л. Гавас основал первое в мире информационное агентство – Agence Navas, которое, «занимаясь на первых порах распространением рекламы для печати», с 1870 г. «начало производить обмен информацией с крупнейшими информационными агентствами мира», а в 1879 г. превратилось в «акционерное общество, возглавляемое французской финансовой олигархией»⁸⁹. Ответ Британии не заставил себя ждать: в 1851 г. П.Дж. Рейтер, немец, эмигрировавший в Англию, основал в Лондоне своё информационное агентство для передачи биржевых новостей в Париж при помощи нового телеграфного кабеля.

Рождение и эволюция двух феноменов – мирового рынка (сформированного под лозунгами свободной торговли) и внешней культурной политики – происходили синхронно; успех свободной торговли, провозглашенной англичанами, тесно увязывался с информационным сопровождением товаров и услуг. *Таким образом, пропаганда, расширившая зону своего действия из-за технологических новаций, пополняет внешнеполитический арсенал ведущих держав мира, превратив информацию в могущественное оружие.*

На этом фоне нельзя игнорировать произошедшую естественную эволюцию взглядов американских теоретиков и практиков внешнеполитического планирования к системе воззрений, именуемой национальным интересом: в отличие от европейцев, ратовавших за суверенные права государств, идеологи *Rex Americana* делали ставку на принцип правосубъектности народов, их право участия в мировой политике.

В первые десятилетия XX в. американские промышленники проявляли беспокойство по поводу того, что их бизнес не мог действовать в огромных регионах, которыми владели всё ещё могущественные британская и французская империи. Промышленные круги США, стремящиеся проникнуть в колониальные владения французов и англичан, начали борьбу

⁸⁹ Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1969 – 1978 гг. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/76957/%D0%93%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D1%81>.

с их информационными картелями. Здесь следует отметить соперничество американского агентства «Ассошиейтед пресс» с британским «Рейтер» и французской информационной службой «Гавас»⁹⁰.

Начало американской идеологической экспансии непосредственно связано с президентом В. Вильсоном, предложившим создать новый миропорядок после Первой мировой войны. Американская пропаганда в этот период мечтала об отказе от тайной дипломатии, которая, по мнению политических элит, символизировала «коварство и аморальность» европейцев. Декларируемая Вильсоном идея Лиги наций, основанная на равноправии народов, возымела должное идеологическое действие в бывших колониальных странах, закамуфлировав главные внешнеполитические задачи США того периода (проникновение американского крупного бизнеса в сырьевую кладовую Ближнего и Среднего Востока; ослабление морской мощи Британской империи и предотвращение надвигающегося военно-политического лидерства Германии в Европе)⁹¹. Так, выступая на мирной конференции 14 февраля 1919 г., глава американского государства подчеркнул изменившийся характер механизма принятия решений в глобальной политике: «Посредством данного инструмента (Устава Лиги наций) мы ставим себя в зависимость в первую очередь и главнейшим образом от одной великой силы, а именно от моральной силы мирового общественного мнения...»⁹².

Спустя два десятилетия американский политический истеблишмент, заполучивший после Второй мировой войны лидерство в области спутниковой связи, нивелирующей фактор географического расстояния между материками, идёт ещё дальше, «утрачивая былой интерес к биполярным схемам

⁹⁰ Цатурян С.А. Общественная дипломатия США в новом информационном столетии // США и Канада: экономика, политика, культура. – М.: Наука, 2010. С. 106.

⁹¹ Там же.

⁹² Arthur L. The papers of Woodrow Wilson. – N.J.: Princeton Univ. Press, 1966. V. 55. P. 175. Цит. по: Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. с англ. – М.: Ладомир, 1997. С. 41.

типа "Хартленда" Х. Маккиндера» и акцентируя внимание на факторе «мультиполярности и взаимозависимости в мировой экономике и политике»⁹³. Так, со второй половины XX в. базовой теорией, связывающей национальные интересы Америки с «мягкой силой», становится доктрина свободной информации, продвигаемая Дж.Ф. Даллесом. Будучи опытным политиком, Даллес понимал значение коммуникационных войн, дающих возможность беспрепятственного доступа в интересующие регионы мира: «Если бы мне пришлось выбирать из принципов внешней политики, – писал он, – я провозгласил бы таким принципом свободный поток информации»⁹⁴.

Основываясь на этой доктрине, американская школа геополитики рассматривает антагонистические идеологии на «шахматной доске народов» как «экстерриториальные, обладающие способностью свободно преодолевать границы между странами и группами стран». Возводится в абсолют значение технического фактора, в том числе «роль средств массовых коммуникаций, в отношениях идеологической борьбы между государствами»⁹⁵, от которой «невозможно ни изолироваться и ни избавиться»⁹⁶.

Усложнившаяся геометрия сил в мировой политике предстаёт в виде четырёхугольника и описывается по двум диагоналям: «Запад – Восток», «Север – Юг». Первая диагональ трактуется как политический результат раздела мира в Ялте, в результате чего в 1947–1949 гг. в Центральной Европе возник «физический контакт» между «сверхдержавами». Его наличие вкупе с возможностью СССР и США уничтожить друг друга в ядерной войне оценивается как суть первой диагонали.

⁹³ Пономарева И.Б., Смирнова Н.А. Геополитика империализма США: Атлантическое направление. – М.: Мысль, 1986. С. 11.

⁹⁴ Цатурян С.А. Общественная дипломатия США в новом информационном столетии // США и Канада: экономика, политика, культура. – М.: Наука, 2010. С. 108.

⁹⁵ Тихонравов Ю.В. Геополитика: Учебное пособие. – М.: ИНФА-М, 2000. С. 155.

⁹⁶ Buckholts P. Political geography. – N. Y.: Ronald Press, 1966. P. 46.

Вторая диагональ – проблема «Север – Юг» сводится к экономическим противоречиям, контрастам между «богатым Севером» и «бедным Югом»⁹⁷.

Отныне магистральные политические процессы, увлекающие за собой теорию международных отношений, протекают на беспрецедентных скоростях.

Начиная с середины 1960-х гг. на фоне революционных изменений в культурно-коммуникационной сфере американские интеллектуалы подчёркивают структурные изменения в историческом развитии человечества. Так, именитый политолог Дж. Розенау констатирует «необычайно высокую степень взаимозависимости народов и обществ, коренные трансформации в международных отношениях», выраженные в том, что «главными действующими лицами становятся не государства, а *частные лица* (курсив мой – Г.Ф.), вступающие в отношения друг с другом при его минимальном посредничестве или даже вопреки его воле». В основе его концепции – «образование так называемого международного континуума, символическими персонажами которого выступают турист и террорист»⁹⁸.

В 1977 г. выходит совместная книга Дж. Ная и Р. Кохейна «Власть и взаимозависимость» (Power and Interdependence), заложившая теоретическую основу неолиберального институционализма. Ключевым понятием новой концепции становится «комплексная взаимозависимость» (заменявшая идею реалистов о коллективной безопасности), состоящая в экономическом взаимопроникновении в смысле международной торговли и перетока капиталов (под влиянием интернационализации мировой экономики); в общей заинтересованности государств в предотвращении крупной ядерной войны, экологической катастрофы и других глобальных проблем и вызовов⁹⁹;

⁹⁷ Тихонравов Ю.В. Геополитика: Учебное пособие. – М.: ИНФА-М, 2000. С. 156.

⁹⁸ Rosenau J. Le touriste et le terroriste ou les deux extrêmes du continuum transnational // 10 Etudes internationales. 1979. P. 219.

⁹⁹ Кохейн Р. Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой. Науч. ред. Е.Б. Шестопап. – М., 1999. С. 438 – 450.

отражающая, по мнению авторов, «ситуацию в мировой политике намного лучше, нежели это делает школа реализма»¹⁰⁰.

Новая концепция не отрицает анархичный характер международных отношений, отстаиваемый реалистами. В противовес сторонникам *realpolitik*, ставящим в основу своей системы национальное государство, неолибералы уравнивают *l'État* с международными организациями, церквями, неправительственными организациями, транснациональными корпорациями, революционными движениями и др. В этом смысле глобальное взаимопроникновение предстаёт еще одним доказательством будущего мирового порядка, основанного на либеральной демократии и индивидуальных правах человека.

Теоретики признают, что разнообразные и сложные связи и взаимозависимости между государствами и обществами растут, в то время как фактор военной силы во властном балансе большинства стран снижается, уступая место культурной дипломатии; подчёркивается, что этот инструмент будет только укреплять сотрудничество между народами, снижая вероятность крупномасштабных военных столкновений в будущем.

Выявляя упадок регулирующей роли государства в международных отношениях, Дж. Най и Р. Кохейн используют такой общеметодологический инструмент, как «теория игр»¹⁰¹, призванный объяснить причину сотрудничества или противостояния национальных правительств. С его помощью феномен комплексной взаимозависимости выявляет потенциальные выгоды от международного сотрудничества, делая ставку на транснациональные учреждения (институты), способные

¹⁰⁰ Keohane R., Nye J. Power and Interdependence: World Politics in Transition. – B.: Little, Brown and Company, 1977. P. 23.

¹⁰¹ Метод изучения оптимальных стратегий в играх. Под игрой понимается процесс, в котором участвуют две и более стороны, ведущие борьбу за реализацию своих интересов. Каждая из сторон имеет свою цель и использует некоторую стратегию, которая может вести к выигрышу или проигрышу — в зависимости от поведения других игроков. Теория игр помогает выбрать лучшие стратегии с учётом представлений о других участниках, их ресурсах и возможных поступках.

функционировать на основе взаимовыгодных договоренностей и компромиссов¹⁰².

Начало XXI в. лишь подтвердило практическую значимость этой концепции: основываясь на принципах неолиберального институционализма, Соединённые Штаты выступают за глобализацию в области политики, культуры, экономики, финансов и информации, что, как следствие, существенно ограничивает роль суверенного государства, превращая большинство политических элит мира в послушных исполнителей воли *лидера прогресса*.

Стремление укрепить доминирование Вашингтона в мировой системе путём планетарного распространения американской культуры обогатило неолиберальную идеологию понятием «мягкой силы»¹⁰³. Автором термина стал вышеупомянутый Дж. Най (возглавивший в середине 1990-х гг. школу управления им. Дж. Кеннеди при Гарвардском университете), впервые его употребивший в 1990 г. в книге «*Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы*». В этом труде учёный дал следующее определение: «"Мягкая сила" – это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или выплат». Причём этот феномен органично вписывается в стратегию США в XXI в., которая, по мнению автора, должна носить ускоренный характер: «Если Соединённые Штаты замедлят мобилизацию своих ресурсов ради международного лидерства, полиархия может возникнуть достаточно быстро и оказать свое негативное воздействие. *Управление взаимозависимостью* (курсив мой – Г.Ф.) становится главным побудительным мотивом приложения американских ресурсов, и оно должно быть главным элементом новой стратегии»¹⁰⁴.

¹⁰² Keohane R. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. – N.J.: Princeton University Press, 1984. P. 65.

¹⁰³ Следует отметить, что до появления этого термина в научной литературе имелось множество других, схожих по смыслу, но нетождественных понятий, таких как: культурный империализм, культурная дипломатия, публичная дипломатия, культурная политика, информационный экспансионизм.

¹⁰⁴ Nye J. Bound to Lead. – N. Y., 1990. P. 258 – 260.

В этой связи важно отметить, что главы Овального кабинета, начиная с Д. Эйзенхауэра (принцип домино) и заканчивая Дж. Бушем-мл. и Б. Обамой, выстраивали свою стратегию с учетом нарастающей взаимозависимости. Убедительное тому подтверждение мы находим во второй инаугурационной речи президента Буша-мл.: «Руководствуясь событиями и здравым смыслом, мы пришли к заключению: *сохранение свободы в нашей стране в значительной степени зависит от успеха свободы в других странах*. Самой лучшей надеждой на мир на земле является распространение свободы на всей планете»¹⁰⁵. Схожие ноты присутствуют в первом выступлении Б. Обамы в качестве главы государства, в ходе которого было даже подчеркнуто, что «фашизм и коммунизм» был «сокрушён не только с помощью ракет и танков», но и благодаря «прочным союзам и твердым убеждениям»¹⁰⁶.

Дж. Най выделяет три типа внешнеполитических ресурсов, на которых основывается совокупная мощь Америки:

1) военный потенциал, по которому США опережают весь остальной мир;

2) экономическое могущество, в рамках которого Вашингтон постепенно вытесняется Европейским союзом и Китаем;

3) нематериальные ресурсы – имидж и культурная мощь, ТНК, НПО, массовая культура; внешнеполитическая идеология (популяризируемая публичной дипломатией).

Ключевым же компонентом культурной политики Вашингтона становится массовая культура (отождествляемая большинством специалистов с понятием «американская культура»), успешность которой объясняется стремительным развитием высоких технологий. Благодаря этому американская поп-культура транслируется на весь мир, становясь эффективным политическим и идеологическим инструментом, находящимся на службе у различных медиамагнатов, транснацио-

¹⁰⁵ Инаугурационная речь Дж. Буша-мл. от 20.01.2005. URL: <http://www.inforos.ru/?id=3881&act=print>.

¹⁰⁶ Инаугурационная речь Б. Обамы от 20.01.2009. URL: http://www.snr.com.ru/live/21012009/live_20090121_2.htm.

нальных корпораций, представителей политических кланов, финансово-промышленных и иных деловых кругов¹⁰⁷.

В книге «Мягкая сила. Средства достижения успеха в мировой политике», вышедшей в свет в 2004 г., учёный подкрепляет инновационность теории следующим тезисом: «Если Наполеон, распространявший идеи Французской революции, был обязан полагаться на штыки, то ныне, в случае с Америкой, жители Мюнхена, равно как и москвичи, сами стремятся к результатам, достигаемым лидером прогресса»¹⁰⁸. Другими словами, классическая военная теория, основанная на «жесткой силе», претерпевает значительные изменения, аккуратно подчеркнутые автором: «Когда ты можешь побудить других возжелать того же, чего хочешь сам, тебе дешевле обходятся кнуты и пряники, необходимые, чтобы двинуть людей в нужном направлении. Соблазн всегда эффективнее принуждения, а такие ценности, как демократия, права человека и индивидуальные возможности, глубоко соблазнительны»¹⁰⁹.

Из этого следует, что культурная привлекательность страны при взвешенном использовании может также ослаблять стремление потенциальных оппонентов к созданию контрбаланса в виде различных союзов и коалиций. Таким образом, одна из ключевых задач американской геостратегии, сформулированная Дж. Бушем-ст. (актуальная и по сей день): «Соединённые Штаты считают своим жизненно важным интересом предотвращение доминирования на территории Евразии любой враждебной державы или группы держав»¹¹⁰ – неизбежно предполагает задействование «мягкой силы», способной оказывать не прямое влияние на потенциальных союзников и конкурентов Вашингтона.

¹⁰⁷ Филимонов Г.Ю. Фактор культуры во внешней политике США. URL: <http://humanities.edu.ru/db/msg/38693>.

¹⁰⁸ *Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics.* – N.Y., 2004. P. 87.

¹⁰⁹ *Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения.* URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1165.htm.

¹¹⁰ *Doyle M. Liberal Legacies and Foreign Affairs // Philosophy and Public Affairs.* Summer, 1983. P. 205 –235.

Понятие «мощь» (power) сравнивается с погодой, от которой зависит всё, но влияние которой не всегда поддается рациональному объяснению или математическому исчислению. Акцент делается исключительно на инструментах и ресурсах, позволяющих участникам международных отношений добиваться поставленных целей. При этом к «жесткой силе» (hard power) государств Най относит экономическую (что спорно) и военную мощь. В сравнении же с «жесткой силой», ориентированной на военное принуждение со стороны государства, «мягкая сила» предстаёт своего рода транслятором, культивирующим привлекательный образ «града, светящегося на холме» среди иностранной аудитории путем согласованных действий всего госаппарата.

Рассматривая «мягкую силу» в качестве тактического оружия, использующего «привлекательность демократии и свободного рынка», Белому дому предлагается использовать своё лидерство в культурно-коммуникационной сфере для усиления «эффекта американской дипломатии»¹¹¹. Совокупность же всех информационных возможностей, подкрепляющих геостратегическое преимущество Соединенных Штатов, создаёт информационный зонтик, с помощью которого американцы могут обмениваться сведениями со своими союзниками в одностороннем порядке, определяя их позиции по ключевым вопросам международной повестки дня. То есть «мягкая сила» представляется своего рода информацией, призывающей к политическому действию государства, входящие в зону национальных интересов звездно-полосатого флага. Таким образом, смысл силы как таковой («жесткой» или «мягкой») определяется возможностью добиться от других поставленной цели. Сама же эта возможность всецело зависит от наличия у конкретного режима тех или иных ресурсов осуществления власти, умения их применять, а также от контекста, т.е. от условий для их эффективного применения.

Несмотря на лидирующие позиции США в рамках глобализации Дж. Най в совместной статье с адмиралом У. Оуэнсом, указывают на две концептуальные проблемы, препятствующие

¹¹¹ Най Дж.С., Оуэнс У.А. Главная сила Америки – её информационные возможности. URL: <http://www.infousa.ru/information/gjcom6.htm>.

более эффективному использованию «мягкой силы»: 1) старое мышление как среди некоторых политиков, так и среди представителей влиятельной военной касты, которые не научились воспринимать информацию в качестве силы; 2) непонимание природы информации. Авторы утверждают, что «проследить и предсказать развитие возможностей по переработке и обмену информацией довольно легко». Так, например, информационная революция явно «находится на стадии развития, однако можно предвидеть, что уже на следующем этапе произойдет слияние ключевых технологий, таких как цифровая обработка данных, компьютеры, телефоны, телевидение и прецизионное глобальное позиционирование». Сложнее «понять последствия роста коммуникационных возможностей, особенно последствия взаимодействий между ними», поскольку «информационное могущество трудно поддается определению» в силу того, что «оно имеет отношение ко всем другим военным, экономическим, социальным и политическим возможностям, составляющим мощь государства и общества – иногда уменьшая эту мощь, а иногда многократно усиливая её»¹¹².

Дж. Най убежден, что тенденции в развитии международных отношений будут усиливать значение «мягкой силы» в общем властном балансе государств благодаря тому, что даже самые крупные и развитые государства больше не в состоянии решать собственные и международные проблемы исключительно военными средствами. Во-первых, это объясняется взаимным переплетением экономик, в результате чего применение некоторых форм современного оружия, прежде всего ядерного, теряет всякий смысл, хотя именно оно по-прежнему остается фактором стратегического сдерживания в первой половине XXI в. Во-вторых, резким «снижением роли военной доблести и славы в шкале ценностей современных постиндустриальных обществ», придающим «фактору привлекательности той или иной страны гораздо большее значение, чем даже сокрушительное военное превосходство»¹¹³.

¹¹² Най Дж. С., Оуэнс У.А. Главная сила Америки – её информационные возможности. <http://www.infousa.ru/information/gjcom6.htm>.

¹¹³ Там же.

Примечательно, что наиболее запомнившимися символами американской привлекательности считаются «четыре свободы для Европы» Ф.Д. Рузвельта в конце Второй мировой войны; молодежь за «железным занавесом», слушающая американскую музыку и новости по радио «Свободная Европа» и «Голос Америки» во время «холодной войны»; китайские студенты, сооружающие модель статуи Свободы на площади Тяньаньмэнь во время массовых протестов; освобожденные в 2001 г. афганцы, немедленно попросившие предоставить экземпляр Билля о правах; молодые иранцы, смотрящие запрещенные американские видеофильмы и передачи спутникового телевидения вопреки запретам теократического правительства¹¹⁴.

Программным документом, претворяющим в 1990-х гг. концепцию «мягкой силы» в реальность, стала Стратегия вовлечения и демократического расширения, провозглашенная администрацией У. Клинтона. В нём напрямую увязывались принципы национальной безопасности с укреплением позиций демократии во всем мире, что в конечном итоге должно обеспечить «устойчивое развитие»¹¹⁵ современного миропорядка. Так, в первом выступлении в ООН (сентябрь 1993 г.) президент Клинтон заявил: «Наша главная задача состоит в том, чтобы расширить сообщество рыночных демократий. В годы "холодной войны" мы стремились сдержать угрозу институтам свободного мира. Теперь мы стремимся расширить круг стран, опирающихся на эти институты. Мы мечтаем о мировом сообществе процветающих демократий, сотрудничающих между собой и живущих в мире...»¹¹⁶. Причём сама роль Соединённых Штатов в системе «рыночных демократий» и мировом порядке подчёркивалась тезисом главы американской дипломатии М. Олбрайт, который удовлетворил бы даже самого взыскательного реалиста: «Америка – это страна, без которой невозможно

¹¹⁴ *Най Дж.* «Мягкая сила» и американо-европейские отношения. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1165.htm.

¹¹⁵ A National Security Strategy of Engage and Enlargement. Government Printing Office, Washington, Feb. 1996.

¹¹⁶ *Кунядзе Г.Ф., Носов М.Г.* Политика США в Восточной Азии. URL: <http://www.interned.ru/articles/laws/ground/politikassha.html?sear>.

обойтись... мы будем сохранять наше присутствие повсюду, где есть необходимость в защите наших интересов»¹¹⁷.

По мнению академического сообщества США, подобные «планетарные инициативы» должны стимулировать руководство страны к активным действиям: использовать имеющиеся у него мощные инструменты «мягкой силы», т.е. более широко «продемонстрировать другим странам привлекательность своих идеалов, идеологии, культуры, экономической модели, а также социальных и политических институтов и обратить в свою пользу имеющиеся у них структуры для ведения международного бизнеса и телекоммуникационные сети»¹¹⁸.

Взяв курс на демократическое «расширение и вовлечение», американцы основывались во многом на трёх основных источниках «мягкой силы», обозначенных Дж. Наем в интервью журналу «Шпигель»: «Во-первых, это культура страны – так, в Америке культурное поле простирается от Гарварда до Голливуда. Во-вторых, политические идеалы, которые могут быть очень привлекательными для других, – это и демократия, и принцип свободы слова, и равенство возможностей. В-третьих, легитимность внешней политики, под которой понимается такой образ действий правительства, который другие народы могут признать соразмерной защитой наших национальных интересов»¹¹⁹.

В поддержку стратегии «мягкого» проникновения можно также привести следующее обстоятельство: «большинство развивающихся стран, экспортирующих сырьё на мировые рынки» (в отличие, к примеру, от начала XX в., когда пулемёт «Максим» обеспечивал преобладание белых колонизаторов над коренным населением Южной Африки), располагают широким доступом к современным военным технологиям, но, пожалуй, «никто из них не может контролировать или влиять на

¹¹⁷ *Albright M.* The Testing of American Foreign Policy / Foreign Affairs, November-December 1998. P. 59.

¹¹⁸ *Най Дж.С., Оуэнс У.А.* Главная сила Америки – её информационные возможности. URL: <http://www.infousa.ru/information/gjcom6.htm>.

¹¹⁹ *Штайнгарт Г., Шмитц П.* Америка, которая внемлет. URL: <http://www.globalaffairs.ru/articles/0/12594.html>.

мировую информационную магистраль». По большому счёту именно это обстоятельство укрепляет позиционное преимущество Запада над мировой периферией. Что же касается стран с «неразвитым информационным сегментом (например, страны Африки), то против них зачастую используются финансово-экономические или военные методы воздействия»¹²⁰. Существенные трудности для США и их союзников составляют авторитарные государства (к примеру, Китай), сдерживающие большинство информационных потоков, направляемых из-за рубежа. Как правило, такие страны располагают мощным пропагандистским аппаратом¹²¹.

Для решения этих проблем каждый президент США оказывается перед выбором: отстаивать интересы США силовым путем, посредством «жёсткой» силы или вкладывать инвестиции и пропагандировать свои идеалы, делая ставку на притягательность культурных ценностей; т.е. его задача сводится к правильному соотношению между «мягкой» и «жёсткой» силой. Однако несмотря на эффективность культурно-коммуникационной борьбы очевидно, что сверхдержава не может обойтись без спецслужб, высокотехнологичной армии и определенных экономических санкций.

Выверенное сочетание «жёсткой» и «мягкой» силы, по Дж. Наю, можно обобщить в понятие «умная сила» (smart power), которая строится на балансе как прямых, так и непрямых методов воздействия на стратегически важный объект. «Умная сила» – величина непостоянная, набор инструментов которой варьируется в зависимости от исходных условий, целей и задач конкретных политических шагов. Именно об этом обновленном в теоретическом плане арсенале американской внешней политики говорила Х. Клинтон в американском сенате в ходе слушаний, посвященных её утверждению в должности госсекретаря США. Тогда она изложила суть подходов

¹²⁰ Цатурян С.А. Новый информационный миропорядок как продукт культурной глобализации США // Современные проблемы международных отношений и мировой политики: Материалы шестой межвузовской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – М.: РУДН, 2010. С. 240.

¹²¹ Там же.

американской дипломатии к использованию «умной силы» как приоритетного инструмента внешней политики США, заявив, что «дипломатия "умной силы" станет авангардом внешней политики США» при администрации Б. Обамы¹²². Х. Клинтон полагает, что именно «умная сила», основанная на союзе «твердой дипломатии и развитии партнерских отношений с другими правительствами», может создать «совместные индивидуальные сети (сетевые организации – Г. Ф.) индивидов и НПО», способные «находить инновационные решения глобальных проблем»¹²³.

Экстраполируя вышеизложенное на современную ситуацию в Ираке и Афганистане, американский учёный полагает, что «прежде чем помогать в восстановлении страны, нужно остановить насилие». В данном случае «жесткая сила» должна сначала подготовить почву для «мягкой». Так, глава американской дипломатии Х. Клинтон недавно назвала это стратегией «трёх Д»: Defense, Diplomacy, Development – военная операция, дипломатическая миссия, восстановление инфраструктуры¹²⁴.

Подобная стратегия кажется оправданной в силу того, что США понесли значительные имиджевые потери после кризиса мировой финансовой системы (разразившегося в 2008 г.), которая ассоциируется в умах миллионов людей с образом «всесильной Уолл-Стрит».

Американский нелиберал также выдвигает суждение о том, что для применения «умной силы», предполагающей использование как военной, так и культурно-коммуникационной мощи, глава государства должен обладать «контекстуальным интеллектом», суть которого – способность к «анализу изменчивой обстановки» и в «согласовании имеющихся ресурсов

¹²² Филимонов Г. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. – М.: РУДН, 2010. С. 17.

¹²³ Smart power ou la «nouvelle» diplomatie américaine. URL: <http://pourconvaincre.blogspot.com/2009/02/smart-power-ou-la-nouvelle-diplomatie.html>.

¹²⁴ Штайнгарт Г., Шмитц П. Америка, которая внемлет. URL: <http://www.globalaffairs.ru/articles/0/12594.html>.

с поставленными задачами, двигаясь, скорее, вместе с течением событий, чем против него». Выстраивая политическую линию, он должен внутренне «ощущать направление и темп развития событий», проявлять изобретательность, предлагать «приемлемые и осуществимые стратегии», уметь «добиваться поддержки со стороны различных аудиторий дома и за рубежом», устанавливать четкие «пропорции при использовании "мягкой" и "жесткой" силы»»¹²⁵.

Причём умение задействовать «мягкую силу» во многом связывается с наличием трех личностных качеств. Во-первых, это политическое видение – способность обрисовать вдохновляющую картину будущего. Эффективное видение состоит в точном диагностировании ситуации в мире, установлении баланса между реальностью и риском, между идеалами и возможностями. Т. Рузвельту это удавалось, а В. Вильсону – нет. Во-вторых, это эмоциональный интеллект, знание себя и самодисциплина, позволяющая лидерам задействовать личное обаяние. Для умения производить впечатление также требуются некоторые таланты, свойственные хорошим актерам. В этом смысле Р. Рейгану очень помогла голливудская карьера. Наконец, в-третьих, это способность быть эффективным коммуникатором, которая помогает лидеру воодушевить аудиторию дома и за рубежом¹²⁶.

В этой связи военная операция НАТО в Ливии, опирающаяся на резолюцию ООН 1973 от 17 марта 2011 г. и ставшая серьезным испытанием для Б. Обамы, свидетельствует о наличии у американского президента «контекстуального интеллекта», способного комбинировать «мягкую силу» (вспомним знаменитое обращение к мусульманскому миру 4 июня 2009 г.) с военной мощью США и их союзников. Причём последние (главным образом, Франция, Великобритания и Италия) выдвигаются в авангард борьбы за интересы американских нефтяных монополий, что казалось немислимым в 2003 г., когда Пентагон прак-

¹²⁵ *Най Дж.* Лидерство в преобразованиях и национальная стратегия США // Россия в глобальной политике. 2006. № 4, июль-август. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_7059.

¹²⁶ Там же.

тически в одиночку оккупировал Ирак. Объясняя своё решение вмешаться в конфликт, Б. Обама выступил с речью, идеально выстроенной с точки зрения публичной дипломатии: «Отбросить обязательства Америки как мирового лидера и – что ещё более важно – наши обязательства перед человечеством в данных обстоятельствах было бы изменой самим себе... Рождённые в результате революции, совершенной теми, кто стремился к свободе, мы приветствуем тот факт, что сейчас история вершится на Ближнем Востоке и в Северной Африке и молодежь прокладывает дорогу вперед. Потому что если где-то люди стремятся к свободе, они всегда найдут друга в лице США»¹²⁷.

Вместе с тем растёт число критиков «мягкой силы», по мнению которых «администрация США и многие другие ошибались, считая, что улучшение имиджа даст Америке больше возможностей для проведения своего курса». Так, профессор международной политики Университета Тафта Д. Дрезнер утверждает, что несмотря на «восстановление имиджа США среди граждан и элит иностранных государств» это изменение «не трансформировалось в значительное укрепление "мягкой силы"; вести переговоры в рамках "Большой двадцатки" или в Совете Безопасности ООН не стало легче». Опираясь, главным образом, на уроки военной операции Америки и её союзников в Ливии, Дрезнер утверждает, что «мягкая сила», как выяснилось, «не может существенно помочь при отсутствии готовности применить "жесткую силу"»¹²⁸.

Это обстоятельство вовсе не свидетельствует о том, что «моральная сила мирового общественного мнения» отходит на второй план. Напротив, именно оно представляет собой единственный источник легитимности национальных правительств, которые ранее опирались на традиционные устои мировых религий. В современных международных отношениях «мягкая сила» представляет собой не только пропаганду, она, скорее, уникальный исторический феномен, подчеркиваю-

¹²⁷ Дрезнер Д. Есть ли у Обамы большая стратегия? Почему в смутные времена нам нужны доктрины // Foreign Affairs. 2011. № 4 // Россия в глобальной политике. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Est-li-u-Obamy-bolshaya-strategiya-15279>.

¹²⁸ Там же.

ций: государство-центричная вертикальная модель управления мировым порядком постепенно отходит на второй план, передавая пальму первенства различным сетевым структурам, обладающим средствами убеждения планетарного масштаба.

В игру вступает неведомая прошлым поколениям **сеть**, состоящая из элитных объединений бизнесменов и политиков клубного типа, транснациональных корпораций, мозговых трестов, неправительственных организаций и средств массовой информации. Очевидно, что эта модель сковывает и ограничивает национальные государства во всех вопросах, касающихся их безопасности и целостности, что, к примеру, во времена кардинала Ришелье или императора Петра I казалось невысказанным.

Причём изменения затрагивают все сферы государственной жизни, вызывая тем самым революцию в дипломатии. К такому выводу пришла корпорация «Рэнд» в отчёте под названием «Рождение ноополитики: формирование американской информационной стратегии»¹²⁹. Трансформировалось само понимание мира, в котором уже «не только материальная база является предметом ожесточенного соперничества»; отныне ключ к успеху будет лежать в умелом управлении информационными возможностями и ресурсами – стратегическом планировании и управлении¹³⁰.

Эксперты из «Рэнд» полагают, что существующие понятия киберпространства и информационной сферы (как совокупность киберпространства и СМИ) должны быть объединены в более широкий термин «ноосфера»¹³¹. Они предвещают

¹²⁹ *Arquilla J., Ronfeldt D.* The Emergence of Noopolitik: Toward an American Information Strategy. RAND/MR-1033-OSD. 1999. P. 102.

¹³⁰ *Гриняев С.Н.* Поле битвы – киберпространство: теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. – Мн.: Харвест, 2004. С. 13.

¹³¹ Термин «ноосфера» был введен в научный оборот выдающимся российским учёным и мыслителем В.И. Вернадским, понимающим под этим понятием сферу взаимодействия общества и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития. Развитие этой теории связано с именами французского математика Эд. Леруа и католического философа Т. де Шардена.

суть феномена следующим тезисом: на самых высоких уровнях политического руководства разработка информационной стратегии может способствовать появлению новой парадигмы, основанной на идеях, духовных ценностях, моральных нормах, законах и этике, переданных посредством «мягкой силы», в противоположность традиционной политике силы и её акценту на ресурсы и способности, связанные с традиционной, материальной «жесткой силой»¹³².

Формируется новая отрасль в политологии - «ноополитика», представляющая собой форму политического руководства, необходимую для взаимодействия с ноосферой, самым широким информационным пространством сознания, в котором объединены киберпространство (сеть) и инфосфера (киберпространство плюс СМИ); по сути, это метод реализации внешней политики в информационную эпоху, подчеркивающий первенство идей, духовных ценностей, моральных норм, законов и этики, основанный на применении «мягкой силы»¹³³.

Причины, побудившие к пересмотру ряда фундаментальных подходов в проведении внутренней и, прежде всего, внешней политики, лежат в непредсказуемости современного мира, изменившемся множестве угроз и уязвимостей национальной безопасности США. К примеру, в ряде официальных документов, таких как доклад Министерства обороны США Report of the quadrennial Defense Review, признаётся, что «мир продолжает быстро меняться» и научное сообщество Америки пока «не в состоянии полностью понять или предсказать проблемы, которые могут возникнуть в мире за временными границами, определяемыми традиционным планированием». При этом констатируется, что национальная стратегия «принимает такие неопределенности и готовит вооруженные силы таким образом, чтобы справиться с ними». В докладе же комиссии по национальной обороне Transforming Defense National Security in the 21st Century, Report of the National Defense Panel опреде-

¹³² Гриняев С.Н. Поле битвы – киберпространство: теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. – Мн.: Харвест, 2004. С. 13

¹³³ Там же. С. 14.

лено, что «ускорение темпа изменений делает будущие условия более непредсказуемыми и менее стабильными, выдвигая широкий диапазон требований к нашим силам»¹³⁴.

Из этого следует, что в XXI в. американская «мягкая сила» становится своего рода оружием массового поражения, которое в отличие, к примеру, от атомной бомбы применяется постоянно, без временных и пространственных ограничений. Преимущество же подобной политики очевидно: нанося не прямой информационный удар, объект воздействия, неспособный организовать фронтальную атаку, зачастую лишается былой уверенности и равновесия.

В результате складывается имперская система координат, в которой только Белый дом может без ограничений руководствоваться собственными национальными интересами, в то время как остальные правительства должны исходить из интересов эфемерного по своей сути мирового сообщества. Парадокс состоит в том, что, с одной стороны, «мягкая сила» – косвенная форма реализации национального интереса, а с другой – троянский конь, разрушающий классическое национальное государство, его духовную основу, культурное ядро и предлагающий взамен транснациональную культуру потребления и удовольствий, стандартизирующую традиционные общества по подобию США.

Учитывая это, американские эксперты подчеркивают: «национальные интересы, определенные в терминах государственности», не могут быть руководящим мотивом ноополитики. Отмечается, что *«национальные интересы по-прежнему будут играть важную роль, но они должны быть определены больше в общечеловеческом, а не государственном масштабе и быть совмещенными с более широкими, даже глобальными интересами в единую расширяющуюся транснациональную сетевую структуру (курсив мой – Г. Ф.)»*¹³⁵.

¹³⁴ Гриняев С.Н. Ноополитика – шаг на пути к созданию американской информационной стратегии. URL: <http://www.agentura.ru/equipment/psih/info/noo/>.

¹³⁵ Гриняев С.Н. Поле битвы – киберпространство: теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. – Мн.: Харвест, 2004. С. 14.

В сравнении с традиционным «реализмом, ставящим во главу угла государства», ноополитика заменяет их «сетью государств, государственных и негосударственных организаций», управляемых через «мягкую силу». То есть мы имеем дело с диаметрально противоположными пониманиями реальности: в то время как *realpolitik* «противопоставляет одно государство другому», ноополитика «поощряет межгосударственное сотрудничество в коалициях и других совместных структурах»¹³⁶.

Подобное видение международных отношений вовсе не свидетельствует об окончательном разрыве со школой реализма. Подтверждение тому мы находим у бывшего государственного секретаря США К. Райс, размышляющей (в стиле своего именитого предшественника Г. Киссинджера) на страницах «Форин афферс» об итогах своей работы: «Наши отношения с традиционными (Россия, Китай) и новыми великими державами (Индия, Бразилия) играют важную роль в проведении успешной внешней политики. Как и прежде, система союзов США в Северной и Южной Америке, Европе и Азии остаётся столпом международного порядка, и сейчас мы приглашаем наших партнёров совместно ответить на вызовы новой эпохи»¹³⁷.

Тем не менее рассматривая «мягкую силу» как продукт постиндустриальной эпохи, в которую стремительно вступила западная цивилизация, мы вынуждены заключить: ТНК, будучи флагманами культурной экспансии, упраздняют государственные границы, превращая национальный интерес в рудимент истории. Мы живём в революционную эпоху, когда мировая элита, продвигающая ценностную гомогенизацию планеты в интересах крупного промышленного и финансового капитала Америки и Европы, заявляет о своём намерении «создать инструменты для реализации принципов *глобального суверенитета* (курсив мой – Г.Ф.): парламент, правительство, приложения к Всемирной декларации прав человека, воплощение

¹³⁶ Гриняев С.Н. Поле битвы – киберпространство: теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. – Мн.: Харвест, 2004. С. 14.

¹³⁷ Rice C. Rethinking the National Interest. American Realism for a New World. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/64445/condoleezza-rice/rethinking-the-national-interest>.

в жизнь решений Международной организации труда (МОТ) в области трудового права, центральный банк, общую валюту; планетарные системы налогообложения, полицию и юстицию; общеевропейский минимальный доход и рейтинговые агентства, всеобъемлющий контроль за финансовыми рынками»¹³⁸.

Такой проект предлагает член Бильдербергского клуба, французский экономист и теоретик «нового мирового порядка» Ж. Аттали, назвавший современную эпоху «эрой денег», господства либерально-демократических ценностей и рыночных отношений, основанных не только на финансовом капитале, но и на информационных технологиях, которыми будут пользоваться «гиперкочевники», своего рода глобальный управляющий класс, оторванный от национальных корней. В этой всеобъемлющей системе «мягкая сила» становится мостом, связывающим национальное самосознание с мыслью о мировом господстве не единственной сверхдержавы, но рынка, в условиях которого произойдёт «глобальная приватизация экономики, во всех сферах утвердится главенство мировых корпораций, а понятие "нация" превратится лишь в отзвук былых реалий»¹³⁹. Подтверждая тем самым тезис Зб. Бжезинского о том, что Америка – последняя сверхдержава современности, Ж. Аттали рисует картину будущего в лучших традициях неоллиберализма и монетарной теории, обрамляя её мифологическими эпитетами: «От Сантьяго до Пекина, от Йоханнесбурга до Москвы все экономические системы будут поклоняться алтарю рынка. Люди повсеместно будут приносить жертвы богам прибыли. Две экономические сферы – конкурирующие друг с другом, отличающиеся нестабильностью, но все более однородные – будут вести борьбу за гегемонию: одна из них – действующая в районе Тихоокеанского бассейна, а вторая – вокруг Европы. Они будут вести жесткую конкурентную борьбу за умы, за методы, за рынки (курсив мой – Г.Ф.). В каждой из

¹³⁸ *Аттали Ж.* Мировой экономический кризис. А что дальше? – СПб.: Питер, 2009. С. 162, 163.

¹³⁹ *Аттали Ж.* Понятие «нация» станет отзвуком былых реалий // Россия в глобальной политике. 2007. № 2, март-апрель. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_8387.

них военное могущество уступит место могуществу экономическому, а демократия в основном сохранит свои позиции»¹⁴⁰.

В этом контексте внешняя культурная политика США и экспорт их культуры, форсирующий идеологическую борьбу в планетарных масштабах, способствуют развитию процессов глобализации, отчасти являясь порождением этих же процессов, и глобализация, в свою очередь, содействует реализации внешней культурной политики Соединённых Штатов и распространению американской культуры. Таким образом, эти явления находятся в состоянии взаимопроникновения и взаимовлияния, будучи одной из основных и неотъемлемых составляющих многоуровневой глобализации¹⁴¹.

Очевидно, что всеохватывающее «торжество рынка и денег», воспеваемое в трудах теоретиков «нового мирового порядка», невозможно без «непрерывного процесса унификации культурных предпочтений человечества», продвигаемого культурной» глобализацией. Начиная с итальянского Ренессанса, этот процесс прошел через стадии французского, английского и американского культурного влияния, географический ареал которого каждый раз расширялся. Так, позиции итальянского Возрождения ограничивались Западной Европой, а остальной мир жил собственной культурной жизнью. Французская культурная экспансия XVIII – начала XIX в. распространилась на всю Европу, а английское влияние XIX в. стало глобальным по охвату. Американскую же культурную традицию можно без преувеличения назвать планетарной – к концу XX в. практически нет такого уголка Земли, где население не знало бы таких понятий, как джаз, рок, рэп, пепси, Голливуд и т.д.¹⁴² Исходя из этого даже самые смелые модели глобального управления, исключаящие «национальный интерес» из поля своего действия, приобретают новое звучание.

¹⁴⁰ *Аттали Ж.* На пороге нового тысячелетия / Пер. с англ. - М.: Международные отношения, 1993. URL: <http://www.netda.ru/belka/texty/attaly/att1.htm>.

¹⁴¹ *Филимонов Г.* «Мягкая сила» культурной дипломатии США. – М.: РУДН, 2010. С. 20.

¹⁴² Там же. С. 22.

1.2. Терминологический аппарат исследования

Одна из отличительных особенностей, характеризующих современную систему международных отношений, заключается не только «в том, чья армия сможет одержать победу, а в том, чей сюжет выиграет»¹⁴³. Это становится возможным благодаря тому, что «человек живёт не только в объективно существующем физическом мире», но и в «ноосфере», «искусственно созданном мире культуры»¹⁴⁴. В свою очередь культурная матрица, формируемая под влиянием преобладающей в обществе экономической модели, определяет идеологию как «систему концептуально оформленных взглядов и идей, выражающую интересы различных социальных классов, групп, обществ, в которой осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, а также либо санкционируются существующие в обществе формы господства и власти, либо обосновываются их преобразования»¹⁴⁵.

Необходимо в связи с этим остановиться на работах, в которых в той или иной степени представлен понятийный аппарат исследуемой проблемы, в частности, даются определения ключевых понятий, на которых строится монография.

Если рассматривать имеющий более пятисот определений термин «культура», то с точки зрения исследуемой проблематики интерес представляет не этнологическая или антропологическая концепция культуры, а социальный и социально-политический аспект. Близким контексту исследования представляется определение понятия «культура», которое дает Д. Белл: «Для общества, группы или индивида

¹⁴³ International Symposium on Cultural Diplomacy (Berlin, 27th-31st, 2009) // Soft Power Explained – A Video Lecture By Harvard University Professor Joseph S. Nye Jr. URL: <http://www.culturaldiplomacy.org/academy/index.php?Videos-of-the-International-Symposium-on-Cultural-Diplomacy>.

¹⁴⁴ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2007. URL: <http://kara-murza.ru/books/manipul/manipul12.htm>.

¹⁴⁵ Семигин Г.Ю. Идеология // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2000. Т. 2. URL: <http://iph.ras.ru/elib/1185.html>.

культура представляет собой непрерывный процесс укрепления своей идентичности посредством согласованности, достигнутой через последовательную приверженность эстетике, моральное осмысление собственного естества и образ жизни, который отражает эти представления в предметах, украшающих жилище человека или самого человека, и во вкусе, выражающем, в свою очередь, эти взгляды. Таким образом, культура является областью проявления чувствительности, эмоций и морального состояния, а также разума, который стремится к упорядочению этих чувств»¹⁴⁶.

Производный от культуры термин «идеология» обязан своему появлению французскому философу А. Дестюту де Траси (в работе «*Eléments d'idéologie*»), который назвал её учением об идеях, позволяющим сформулировать основы политики и этики, открыть истинную организацию дискурса – способности суждения и оценки в различных областях¹⁴⁷. Начиная с К. Маркса, идеология понимается как «надстройка, зависящая от базиса (производственных отношений), который выражает специфические интересы определённого класса, выдаваемые за интересы всего общества через ложное сознание, в частности товарный фетишизм»¹⁴⁸. В произведении «Немецкая идеология» К. Маркс отождествляет идеологию с превращёнными формами сознания, которым присущи: 1) трактовка мира как воплощения идей; 2) иллюзии об абсолютной самостоятельности идей; 3) конституирование мнимой реальности¹⁴⁹.

Этот тезис в очередной раз подчёркивает изменения, происшедшие в наступившем информационном столетии, когда реальность как таковая упраздняется в угоду определённой политической и экономической конъюнктуре. По сути, балом правят образы, преобладающие в человеческом сознании; создаётся

¹⁴⁶ Bell D. *The Cultural Contradictions of Capitalism*. – N.Y.: BasicBooks, 1976. P. 36.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. – М.: Госполитиздат, 1955. С. 25.

¹⁴⁹ Семигин Г.Ю. Идеология // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2000. Т. 2. URL: <http://iph.ras.ru/elib/1185.html>.

уникальная картина: культурные и поведенческие стереотипы, сформировавшиеся на западном берегу Атлантики, проникают (благодаря средствам массовых коммуникаций) в самые отдалённые уголки планеты, становясь предметом для подражания.

Влияние американской культуры прослеживается на большей части планеты. Очевидно, что она не воспринимается повсеместно, вызывая неприязнь и отторжение на культурно-цивилизационном уровне, что провоцирует конфликты. Однако, в свою очередь, это служит своеобразным доказательством её мировой экспансии. Впрочем, стоит сделать оговорку относительно самого понятия американской культуры: этот феномен далеко не однозначен и порождает разнообразные точки зрения по поводу правомерности своего использования и даже самого факта существования¹⁵⁰.

Так, исследователи вопросов культурной дипломатии США Р. Пэлс¹⁵¹ и Дж. Гиноу-Хехт¹⁵² полагают, что неправомерно говорить об американском «культурном империализме», предлагая различать понятия американской и глобальной культуры. Они утверждают, что Америка продолжает находиться под влиянием общемировых культурных тенденций, глобальной культуры и лишь благодаря своей социокультурной специфике «переупаковывает» эти продукты, ретранслируя их на остальной мир.

Американскую культуру уместно разделить на высокую (элитарную) и массовую. Что касается высокой культуры, то она, как и вся культура Америки, формировалась с начала XX в. под влиянием эмигрантской среды, в том числе бывших наших соотечественников, вклад которых сложно переоценить. Речь идёт о талантливых музыкантах, композиторах, дирижерах, певцах, поэтах, писателях, художниках, театральных режиссерах, хореографах, танцорах и т.д. – выходцах из СССР и других, преимуще-

¹⁵⁰ Филимонов Г. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. – М.: РУДН, 2010. С. 19.

¹⁵¹ Pells R. Is American culture “American”? URL: www.usinfo.state.gov/journals/itgic/0206/ijge/pells.

¹⁵² Gienow-Hecht J.C.E. A European considers the influence of American culture. URL: www.usinfo.state.gov/journals/itgic/0206/ijge/gienowhecht.

ственно европейских, стран, которые и по сей день играют очень важную роль в культурной жизни Америки¹⁵³.

Неслучайно Д. Нэсбитт и П. Эбурдин в работе «Что нас ждёт в 90-е гг. Мегатенденции: Год 2000» пишут о том, что на начало 90-х гг. прошлого столетия в США наблюдался необычайный рост популярности и спрос на высокую культуру и искусство. Здесь они имеют в виду серьезный рост посещаемости концертов симфонических оркестров, оперы, балета, драматических театров, а также бум в изобразительных искусствах, возросшей посещаемости музеев и т.д.¹⁵⁴

Высокая культура Нового Света, как и само американское общество, напоминает мозаику: она синтезировалась под влиянием ассимиляции и адаптации традиций различных стран и регионов мира. В итоге появляется новый тип культуры, который, вбирая в себя инородные факторы, «переваривает» их с учётом уже сложившегося американского менталитета.¹⁵⁵

В культурном плане Америка представляет собой уникальное явление, универсальную модель межцивилизационного общения, а точнее межкультурного синтеза и взаимовлияния культур. Согласно одной из основных концепций формирования американской национальной идентичности Соединённые Штаты предстают «гигантским плавильным котлом» для различных народов. Так, любой гражданин, вне зависимости от национальной принадлежности, считает себя американцем, подчеркивая тем самым свою принадлежность к государству и обществу, единой американской нации, построенной по наднациональному принципу. На этот феномен влияют различные факторы исторического, культурного, политического, социального и иного плана. Наряду с этим представители каждого этноса вносят в общий котёл американской культуры часть своей национальной культуры, стимулируя тем самым взаимовлия-

¹⁵³ Филимонов Г. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. – М.: РУДН, 2010. С. 24.

¹⁵⁴ Нэсбитт Д., Эбурдин П. Что нас ждёт в 90-е годы. Мегатенденции: Год 2000. – М.: Республика, 1992. С. 70–105.

¹⁵⁵ Филимонов Г. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. – М.: РУДН, 2010. С. 25.

ние и взаимопроникновение разных традиций. В этом и состоит межцивилизационный диалог по-американски¹⁵⁶.

Важнейший компонент американской культуры – массовая культура. Зачастую в ней видят феномен, отражающий особенности производства культурных ценностей в современном обществе; разновидность культуры, поставляющей (обычно при помощи СМИ) духовные и материальные ценности для усредненного потребителя.

Преобразование массовой культуры в инструмент внешней политики Вашингтона – результат длительной социально-экономической и политической эволюции американского государства, которая стала возможной благодаря сращиванию банковского капитала с промышленным, создавшего в итоге крупные монополии, заинтересованные в массовом производстве. Радикальным шагом, изменившим всю индустриальную систему, стал запуск 1 апреля 1913 г. на автомобильных заводах Г. Форда первой конвейерной линии с инженерной организацией труда, разработанной Ф. Тейлором. Таким образом был заложен первый камень в построении нового общественного порядка, именуемого «массовым обществом». Впоследствии данная модель производства была применена в Великобритании, Франции, на севере и юге Европы и в Японии.

Первыми влияние массовой культуры ощутили на себе страны Западной Европы, стремительно развивающие трансатлантическое экономическое сотрудничество. Они демонстрировали быструю адаптацию к американской поп-культуре после Второй мировой войны, охотно усваивая такие простые принципы, как «свобода, легкость, жизнерадостность, либерализм, современность и юношеский задор». Это обстоятельство вынудило щепетильных в вопросах культуры и искусства европейских учёных отметить, что «доллары, инвестированные в рамках плана Маршалла, были важны для достижения целей США в реконструкции Европы, но не менее важными были и идеи, привнесенные с американской массовой культурой»¹⁵⁷.

¹⁵⁶ Филлимонов Г. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. – М.: РУДН, 2010. С. 25.

¹⁵⁷ Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1165.htm.

Основываясь на массовой модели производства, «примерно с середины XX столетия массовая культура становится одной из самых прибыльных отраслей экономики и даже получает соответствующие названия: «индустрия развлечений», «коммерческая реклама», «поп-культура», «индустрия досуга» и т. п.»¹⁵⁸. Отличительной чертой массовой культуры служит её простота, если не примитивность, часто переходящая в культ посредственности. Сам же успех массовой культуры обеспечивается её пристальным вниманием к таким темам, как любовь, семья, секс, карьера, преступность и насилие, приключения, ужасы и т.п.¹⁵⁹

В целом целесообразно определить массовую культуру как область культуры, «доступную для понимания представителям всех социальных слоев и групп и получившую широкое распространение в обществе, в том числе в молодежной среде»¹⁶⁰; которой присуща «опора на общепринятое в социальном и эстетическом смысле»; она «апеллирует к обыденному сознанию, что не требует специальных знаний и навыков для её усвоения»¹⁶¹.

Осмысление проблемы массовой культуры началось с работ О. Шпенглера «Закат Европы», А. Швейцера «Культура и этика», Х. Ортеги-и-Гассета «Восстание масс», Э. Фромма «Иметь или быть», в которых массовая культура предстаёт символом духовной несвободы.

Само выражение появилось в США в 1930-е гг., а в научный оборот было введено М. Хоркхаймером в труде 1941 г. «Искусство и массовая культура». С этого периода массовая культура становится флагманом американской культуры, своеобразной визитной карточкой Соединенных Штатов, а

¹⁵⁸ Мамонтов С.П. Основы культурологии. – М.: Изд. Российского открытого университета, 1994. С. 114.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Костина А.В. Популярная культура // Энциклопедия гуманитарных наук. 2005. № 3. С. 213.

¹⁶¹ Там же.

также одним из столпов современной североамериканской и, как следствие – западной цивилизации¹⁶².

Заслуженным вниманием пользовались такие специалисты, как Д. Стринати, автор книги «Введение в теорию массовой культуры», Ф. Ливиз, опубликовавший в 1933 г. труд под названием «Культура и среда», в которой стремился доказать, что массовая культура – зримое свидетельство упадка человечества в культурном плане. Ф. Ливиз и его многочисленные последователи придерживались мнения о том, что культуру губит стандартизация и массовое производство. Успеха в изучении массовой культуры добилась также именитая Франкфуртская школа, прославленная такими видными неомарксистами, как Т. Адорно, Г. Маркузе, Д. Лукач и т.д.

По их мнению, «бурное развитие массовой культуры – сущность потребительского капитализма». Производители «культурных товаров» (например, кинофильмов и книг), которых они именовали «культурной индустрией», заинтересованы только в увеличении сбыта и поэтому «подстраивают» общества под свои интересы. Именно таким образом – полагают неомарксисты – и «возникает гегемония определенных образцов культуры». Причем эти образцы, как правило, невысокого качества вследствие того, что «массовое производство не заинтересовано в единичных дорогих товарах высокого качества»; ему требуется много дешевых товаров, доступных большинству потребителей. Фактически «поп-культура превращается в инструмент контроля над мыслями и чувствами широких народных масс»¹⁶³.

В сравнении с высокой культурой США, которая является скорее продолжением европейской культурной традиции, современная поп-культура – истинно американский продукт. Именно коммерческий продукт, поскольку популярная культура являет собой индустрию, а её потребители – рынок сбыта,

¹⁶² Филлимонов Г. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. – М.: РУДН, 2010. С. 28.

¹⁶³ Нашествие поп-культуры: поп-дипломатия и поп-политика // Новости гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/1296>.

масштабы которого охватывают весь мир. Кроме того, между понятиями «американская культура» и «массовая культура» в ряде случаев можно поставить знак равенства, так как зачастую они взаимозаменяются и используются как тождественные. Говорить же о массовой культуре крупных европейских держав, таких как Великобритания, Франция, Германия и Россия, вряд ли целесообразно, поскольку в своей основе они являются производными от современной американской популярной культуры и находятся под её влиянием.

Схожими категориями оперирует редактор журнала «Американская история» Д. Броган, для которого «массовая культура – основное течение современной американской истории». Размышляя в работе «Проблемы высокой и массовой культуры» о характерных различиях в культурах Европы и Америки, он приходит к выводу, что Америка была вынуждена создать массовую культуру для урбанизированного населения страны, которое не обладало возможностью унаследовать или впитать какую-либо национальную культуру. Все западные общества моделировали новую для них, городскую традицию в уже сложившейся ранее, традиционной культуре. Общество Англии или Германии, по мнению Брогана, находилось лишь на одной из очередных для него стадий – стадии урбанизации. Эти общества были свободны от обязательств создавать унифицированный вариант национальной традиции. Американцы же, в силу обстоятельств, должны были «делать две вещи одновременно»: модернизировать деревенскую культуру в городской тип культуры и создать универсальный, удобный для всех тип культуры, который мог быть свободно продаваемым (в американском понимании этого термина) продуктом культуры¹⁶⁴.

Немецкий исследователь В. Флюк отмечает, что «этот процесс начался задолго до того, как культура США стала предметом экспорта»: американизация «была запущена отнюдь не в результате вывоза американской культуры в годы после Второй мировой войны, а гораздо раньше, на рубеже веков, с возникновением новой городской культуры развлече-

¹⁶⁴ Brogan D.W. The Problem of High Culture and Mass Culture // Literary taste, culture and mass communication. Culture and mass culture. Vol. I. Cambridge, 1983. P. 194.

ний». По Флюку, «первой её жертвой стала сама американская культура, по крайней мере в викторианском варианте». В ней «начался интенсивный поиск культурных форм, способных преодолеть границы национальных и этнических традиций и создать универсальный язык коммуникации» (курсив мой – Г.Ф.); «речевые средства общения обнаружили при этом очевидную ограниченность, а визуальные образы и музыка – очевидные преимущества». Учёный поясняет эту трансформацию следующим образом: «Если восприятие образа ещё предполагает наличие у реципиента определенной грамотности в смысле владения визуальным кодом, то музыка снимает это потенциальное ограничение. Поэтому кинематограф, телевидение, но в особенности популярная музыка, выступают движущей силой американизации современной культуры»¹⁶⁵.

Интересную характеристику массовой культуре предоставляет американский исследователь Д. Макдональд, отмечая, что «как веяние капитализма, она явилась мощной, динамической, революционной силой, сметающей на своём пути все традиционные классовые барьеры, привычные обычаи, вкусы». Массовая культура «растворяла в себе все возможные культурные разграничения», «перемешала все типы культур и представила свой тип культуры, который можно назвать "усредненной" культурой». Это и есть достижение Америки — «процесс тотального усреднения, который распространяет повсюду ровным слоем "взбитые культурные сливки", вместо того, чтобы позволить отдельным "молочным" крупицам всплыть самостоятельно на поверхность»¹⁶⁶.

Американское государство всегда стремилось задействовать массовую культуру для решения среднесрочных и долгосрочных задач внешней политики. Так, М. Франклин, автор

¹⁶⁵ Флюк В. Американизация современной культуры. URL: http://www.prof.msu.ru/publ/book5/c5_2_4.htm.

¹⁶⁶ MacDonald D. A Theory of Mass Culture // Literary taste, culture and mass communication. Culture and mass culture. Vol. I. Cambridge, 1983. P. 171. Цит. по: Рахимова М.В. О популярной культуре США // Знание. Понимание. Умение. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Rakhimova/#_edn5.

и редактор сборника статей под названием «Переозвучивая международные отношения», приводит следующий пример: в 1950 – 1960-е гг. Администрация США поощряла гастроли американских джазовых музыкантов в СССР и другие социалистические страны. Причины этого были достаточно просты. Во-первых, советских граждан пытались очаровать обаянием американской музыки, а, во-вторых, джазмены (в подавляющем большинстве своем — чернокожие) наглядно демонстрировали, что в США межрасовые проблемы (о которых постоянно сообщала советская пропаганда) не столь болезненны¹⁶⁷.

В 1970-е гг. США прилагали значительные усилия по либерализации мировых культурных рынков, чему препятствовали не только СССР, но и ЮНЕСКО, воспринимавшие эту политику как проявление американского культурного империализма. По сей день многие страны пытаются защищать себя от иностранного культурного влияния — как с помощью прямых запретов, так и иными способами, например, устанавливая квоты на показ иностранных фильмов или трансляцию иностранной поп-музыки¹⁶⁸.

Некоторые события массовой культуры становились важными факторами мировой политики. Традиционно, особое возмущение вызывают голливудские кинофильмы. Только в последние несколько лет было отмечено несколько кризисов такого рода. Великобритания, например, выражала недовольство тем, что Голливуд изображает Британскую империю исключительно в негативном свете, поводом для чего стали несколько фильмов актера и режиссера М. Гибсона. Иран протестовал против оскорбительного образа древних персов в фильме «300 спартанцев» и т. д.¹⁶⁹

Успех массовой культуры Соединённых Штатов «кроется в том, что образы, идеи, товары и стили ныне распространяются по всему миру гораздо быстрее, чем в прошлые десятилетия»: «торговля, развитие информационных технологий,

¹⁶⁷ Нашествие поп-культуры: поп-дипломатия и поп-политика // Новости гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/1296>.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Там же.

международные средства массовой информации и миграция в глобальных масштабах способствуют свободному перемещению культуры через границы национальных государств». Примером возрастающего влияния Вашингтона на мировое население служит фильм «Титаник», снятый в 1997 г. Британский социолог Э. Гидденс видит главную причину успеха в следующем: «Титаник» отражал «определенный набор взглядов и ценностей, разделяемых широкой аудиторией во всем мире. Одна из центральных тем фильма – возможность романтической любви вопреки классовым различиям и семейным традициям. Хотя в большинстве западных стран такие идеи являются общепринятыми, в других частях света они еще только начинают обретать право на существование. Успех "Титаника" говорит о том, что даже в тех странах, где традиционные ценности почитаются по-прежнему, сегодня заметно изменяется отношение к вопросам личной жизни и брака». Но в то же время, поясняет Гидденс, наряду с другими западными фильмами, «Титаник» сам способствует (курсив мой – Г.Ф.) этим переменам ¹⁷⁰.

Факторы, стимулирующие распространение массовой культуры США:

1) повсеместное распространение английского языка в качестве основы для международной коммуникации (лингвистическая политика);

2) преобладание англо-американской популярной музыки в мире;

3) лидерство американских фильмов (и телесериалов) в мировом кинопрокате (80% киноафиш в Германии и Великобритании);

4) экспорт продукции и капиталов американскими корпорациями, имеющими мировую известность: *Coca-Cola, Levi's, Mc Donalds, Nike, Microsoft, Esso Impérial* и т.д.

В США действуют научные центры, концентрирующие внимание на проблемах массовой культуры. Среди них выделяются такие академические организации, как «Ассоциация популярной культуры» (The Popular Culture Association) и «Ассоциация американской культуры» (The American Culture

¹⁷⁰ Гидденс Э. Социология / При участии К. Бердсолл / Пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 67.

Association). Издания, посвящённые данной тематике – «Журнал популярной культуры» (Journal of Popular Culture), «Журнал американской культуры» (Journal of American Culture). Гуманитарные кафедры университетов США предлагают масштабный тематический материал, который позволяет максимально полноценно исследовать проблемы популярной культуры. Среди курсов популярной культуры, предлагаемых университетами, наблюдаются литературные направления типа криминальной беллетристики, научной фантастики, мягкой литературы, бестселлеров; телевизионные курсы, изучающие такие жанры телевидения, как мыльная опера, шоу-программы; предлагаются научные курсы, направленные на изучение фольклора, литературы стран Латинской Америки и индейской литературы¹⁷¹.

Вышеперечисленные обстоятельства в очередной раз демонстрируют взаимовыгодный характер сотрудничества американского государства с колоссальной по своим масштабам индустрией. Получая многомиллиардные прибыли, транснациональные корпорации с преимущественно американским капиталом продвигают стереотипы, идеи и вкусы по всему миру, укрепляющие в конечном итоге геополитическое могущество США. В широком смысле мир стоит на пороге создания глобальной культуры, оркестрируемой из единого центра.

Преобладая в мировом информационном пространстве, Америка всё больше использует нематериальные факторы своей внешней политики. Поэтому когда заходит речь об экспорте американской культуры, культурном империализме и других явлениях подобного рода, прежде всего имеется в виду не высокая культура США, а их массовая культура, которая благодаря развитию высоких технологий транслируется на весь мир, воспринимается на большей его части и которая стала достоянием современной цивилизации, превратившись в наднациональное явление. Планетарные завоевания американской культуры стали возможны только благодаря поп-культуре.

¹⁷¹ *Browne R.B. English Literature Departments as Centers of the Humanities // Popular Culture Studies Across the Curriculum: Essays for Educators / Ed. by Ray B. Browne. Jefferson (North Carolina) and L.: McFarland & Co., Inc., Publishers, 2005. P. 15.*

Так, на конференции по культурной дипломатии организованной в Белом доме 28 ноября 2000 г. бывший президент США У. Клинтон заявил, что «"холодную войну" выиграл Элвис Пресли»¹⁷², и обратился к законодателям с призывом увеличить ассигнования на нужды культуры, а к Госдепартаменту — эффективнее ими распоряжаться.

Учитывая тот факт, что в эпоху информационной глобализации правительства уделяют всё больше внимания своей культурной политике, термин «внешняя культурная политика» приобретает особую актуальность и всё чаще используется, поскольку при успешной реализации он превращается в сильный вспомогательный фактор, благоприятствующий реализации внешнеполитической стратегии государства; создаётся фундамент, позволяющий не только отстаивать и продвигать свои национальные интересы на мировой арене, но и оказывать влияние на мировое развитие¹⁷³.

Что касается культурной политики, то она основывается на тех устоях и ценностях, которые разделяются самим обществом. На практике она реализуется как правительством (в лице органов законодательной и исполнительной власти) в отношении своего населения, так и различными частными институтами (от корпораций до общественных организаций), формируя в конечном итоге систему координат, определяющую перспективы развития общества и государства¹⁷⁴.

Одно из первых определений понятия «культурная политика» было введено в оборот на круглом столе ЮНЕСКО в Монако в 1967 г. В докладе «Политика в сфере культуры – предварительные соображения» под политикой в сфере культуры понимался «комплекс принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают основу действий государства в области культуры». В этом контексте реализация политики в сфере культуры пред-

¹⁷² Шмагин Е.А. Культура и дипломатия // Международная жизнь. 2002. № 3.

¹⁷³ Филлимонов Г. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. – М.: РУДН, 2010. С. 18.

¹⁷⁴ Там же.

ставляет собой «всю сумму сознательных и обдуманых действий (или отсутствие действий) в обществе, направленных на достижение определенных культурных целей, посредством оптимального использования всех физических и духовных ресурсов, которыми располагает общество в данное время»¹⁷⁵.

Обобщая принятые подходы к определению культурной политики у зарубежных философов и культурологов, российский исследователь Л. Востряков предлагает выделять целевой, институциональный и ресурсный подходы к определению категорий культурной политики.

Наиболее близким к целевому подходу является определение профессора Белградского университета М. Драгичевич-Шешич: «Термин "политика" обозначает сознательную деятельность, направленную на достижение востребованных обществом целей. Каждая сторона общественной жизни имеет свою цель, поэтому мы говорим о целях в области экономики, здравоохранения, образования. Когда речь идёт об осуществлении востребованных обществом целей в области культуры, появляется понятие культурной политики. Зная, что нет человеческого общества без культуры, можно было бы прийти к выводу, что нет и общества без культурной политики. Этот вывод, однако, не соответствует действительности, так как само по себе существование культуры не означает, что направление ее развития определено рядом целей и задач, которые необходимо осуществить с помощью соответствующих мер, механизмов и действий, а именно в этом и заключается понятие "культурная политика". (...) Итак, культурная политика является сознательным регулированием в области культуры при принятии необходимых решений по всем вопросам, относящимся к культурному развитию общества в целом»¹⁷⁶.

¹⁷⁵ Востряков Л. Культурная политика: основные концепции и модели // URL: <http://www.dvinaland.ru/culture/Publications/ЕоС/ЕоС2004-1/07.pdf>.

¹⁷⁶ Драгичевич-Шешич М., Стойкович Б. Культура: Менеджмент, анимация, маркетинг / Пер. с сербохорв.; Новосиб. отд. Союза театральных деятелей России. При содействии Новосиб. отд. Института «Открытое общество». – Новосибирск: Тигра, 2000. С. 26.

Сотрудник Департамента науки и исследований Министерства культуры Франции О. Жирар в книге «Культурное развитие: опыт и политика» даёт следующее определение этому термину: «Культурная политика – это система максимальных и практических целей, преследуемых социальной группой, и средств, ею применяемых, которая используется властью. Культурная политика может осуществляться профсоюзами, партиями, образовательными учреждениями, институтами, предприятиями, городами и правительствами. Однако независимо от института, её проводящего, она подразумевает наличие долгосрочных, среднесрочных и краткосрочных целей, а также средств (людей, денег и законодательства), объединённых в тесно связанную систему»¹⁷⁷.

Зачастую правительства большинства развитых стран претворяют в жизнь культурную политику, ограничиваясь такими общеизвестными сферами, как средства массовой информации, искусство, образование и иногда – спорт. Однако средства её реализации достаточно разнообразны: гранты, программы по занятости населения и поддержанию благоприятных условий для деятельности в сфере культуры, охрана исторических памятников и т.д.

В свою очередь внешняя культурная политика осуществляется теми же институтами, но ориентирована вовне. Её цель в формальном понимании заключается в трансляции национальной культуры, стимулирующей процесс кросскультурного взаимодействия между народами (через организацию культурных обменов, проведение экспозиций и т.д.).

Согласно разработанному в российском внешнеполитическом ведомстве концептуальному документу «Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей с зарубежными странами» внешняя культурная политика определяется как специфический инструмент достижения внешнеполитических целей государства посредством развития международного культурного сотрудниче-

¹⁷⁷ Филлимонов Г. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. – М.: РУДН, 2010. С. 31, 32.

ства¹⁷⁸, разработка и реализация которого осуществляется на основе правовых норм, идеологических установок и практических мероприятий.

В западной политологической мысли внешняя культурная политика часто заменяется понятием «культурная дипломатия». Так, один из американских исследователей этого феномена М. Каммингс-мл. характеризует культурную дипломатию как «обмен идеями, информацией, произведениями искусства и другими компонентами культуры между государствами и населяющими их народами с целью укрепления взаимопонимания»¹⁷⁹, т.е. это комплекс практических действий в сфере межгосударственного культурного взаимодействия. Культурная дипломатия рассматривается в качестве основы для публичной дипломатии, призванной воздействовать на международную общественность, поддерживать и развивать контакты с другими народами в сфере образования и культуры.

Итак, одним из краеугольных понятий данного исследования является термин «публичная дипломатия» (*public diplomacy*), определяемый некоторыми исследователями как «стратегическое политическое общение». Под этим подразумевается «создание, распространение, контроль, использование, переработка информации в качестве политического ресурса правительствами, организациями или отдельными гражданами». Программы публичной дипломатии трактуются также в качестве «официальных государственных усилий, направленных на формирование зарубежной информационной среды, в которой проводится внешняя политика с целью уменьшения неверного понимания сложных межгосударственных отношений». Согласно словарю Госдепартамента публичной дипломатией называют «финансируемые правительством программы, направленные на информирование и

¹⁷⁸ Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей с зарубежными странами: приказ МИД России от 23 февраля 2001 г. URL: www.mid.ru.

¹⁷⁹ *Cummings M.* Cultural Diplomacy and the United States Government: A Survey (Washington DC: Center for Arts and Culture, 2003) P. 1. URL: www.culturalpolicy.org.

влияние на граждан зарубежных стран посредством публикаций, кинопродукции, обменов в области культуры, радиовещания и телевидения»¹⁸⁰.

Как таковая публичная дипломатия только в XX в. начала формироваться в государственную политику, подкрепленную законодательными актами. Согласно результатам исследования программ по культуре, проведенного специалистами Библиотеки Конгресса для сенатского комитета по международным отношениям, термин «публичная дипломатия» был введен деканом факультета юриспруденции и дипломатии Университета Тафта в 1965 г. при основании Центра им. Эдварда Марроу. В 1977 г. этот термин впервые был употреблен в Конгрессе (в докладе Комиссии Мэрфи). До этого в Конгрессе существовали такие термины, как «культурная дипломатия», «новая дипломатия» или «четвертое измерение внешней политики»¹⁸¹. В отечественной науке для обозначения публичной дипломатии нередко употребляются такие термины, как «общественная дипломатия», «народная дипломатия», «культурная дипломатия» или «публичная политика».

Публичная дипломатия – система взглядов стратегического характера, направленная на формирование позитивного имиджа страны за рубежом посредством реализации многоуровневой информационно-пропагандистской политики. Основные элементы: внешняя культурная политика, культурная дипломатия (не стоит путать эти понятия), информационное сопровождение международной деятельности государства, а по-другому – информационно-идеологическая пропаганда (этот термин более адекватен), образовательные программы по обмену, информационная деятельность неправительственных организаций и других институтов гражданского общества, корпоративного сектора и т.д. При этом в отличие от традиционной дипломатии публичная дипломатия адресована не-

¹⁸⁰ Манжулина О.А. Публичная дипломатия США. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/126454.html>. Цит. по: Цатурян С.А. Общественная дипломатия США в новом информационном столетии // США в Канада: экономика, политика, культура. – М.: Наука, 2010. С. 105.

¹⁸¹ Там же.

посредственно населению, обращается к людям через головы правительств¹⁸².

Известный сторонник подобной политики – Э. Марроу, директор Информационного агентства США (ЮСИА) в 1960-е г., понимал публичную дипломатию как деятельность, нацеленную не только на иностранные правительства, но прежде всего на отдельных людей и организации¹⁸³. В начале 2000-х гг. эта точка зрения нашла своё продолжение в тезисе М. Макфола (ныне посол США в России, до этого курировал в Совете национальной безопасности США политику в Евразии и отношения с Россией), согласно которому суверенитет народа должен превалировать над государственным суверенитетом. Из этого следует, что американские стратеги официально подчеркивают большую эффективность прямого воздействия на народ, нежели контакты на государственном уровне¹⁸⁴.

Согласно концепции Дж. Ная выделяются три основных параметра публичной дипломатии: так называемый повседневный параметр (предполагает готовность к кризисным ситуациям и проведению оперативных информационных контрактов); так называемая стратегическая коммуникация (включает разработку простых тем, как в политической или рекламной кампании, и их внедрение в массовое сознание в течение года); разработка долгосрочных взаимоотношений с ключевыми индивидами в течение многих лет через систему различных стипендий, обменов, семинаров, доступа к СМИ и т.д.¹⁸⁵

Широко известны различные образовательные и культурные программы, которые разрабатывает Государственный де-

¹⁸² *Ширяев Б.А.* Внешняя политика США. – СПб., 2007. Цит по: *Филимонов Г.Ю.* Актуальные вопросы формирования российского потенциала «мягкой силы». URL: http://www.georgefilimonov.com/articles/topical-issues-of-formation-of-russias-soft-power-potential/#_ftn6.

¹⁸³ *Филимонов Г.Ю.* Актуальные вопросы формирования российского потенциала «мягкой силы». URL: http://www.georgefilimonov.com/articles/topical-issues-of-formation-of-russias-soft-power-potential/#_ftn6.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же.

партамент США через свое Бюро по делам образования и культуры. Программы Госдепартамента, осуществляемые совместно с разнообразными частными благотворительными фондами и иными организациями подобного рода, направлены на формирование позитивного облика США за рубежом, распространение в других странах позитивной информации об этом обществе, формирование фундамента взаимопонимания между разными странами и культурами. Одна из основных целей этих программ – предоставление молодым ученым и специалистам грантов на обучение в ведущих американских вузах¹⁸⁶.

Образовательные программы также способствуют утечке умов в США, что в принципе соответствует их кадровой политике, национальным интересам и демонстрирует эффективность воздействия «мягкой силы». Более того, посредством различных образовательных и культурных программ, а также фондов и иных инструментов Вашингтон нередко получает возможность влиять на внутривосточную ситуацию в государствах.

Так, идеалы и ценности, которые Америка экспортирует в умы более полумиллиона иностранных студентов, которые каждый год обучаются в американских университетах, а затем возвращаются в свои родные страны, или в сознание азиатских предпринимателей, которые приезжают домой после стажировки или работы в Силиконовой долине, направлены на то, чтобы добраться до властных элит. Пример тому – сыновья или дочери большинства китайских лидеров, получившие образование в Америке¹⁸⁷.

Прообраз этого феномена – пропаганда (в пер. с лат. – подлежащая распространению, от *propago* – распространяю), понятие, подразумевающее под собой распространение фактов, аргументов, слухов и других сведений, в том числе заведомо неправдоподобных, для воздействия на общественное мнение. Термин происходит от названия созданной папой Григорием XV в 1622 г. католической организации *Congregatio de*

¹⁸⁶ Филлимонов Г. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. – М.: РУДН, 2010. С. 21.

¹⁸⁷ Най Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. – М.: Фонд социопрогностических исследований «Тренды», 2006. С. 40.

propaganda fide («Конгрегация подлежащей распространению веры»)¹⁸⁸.

Пропаганда сводится к систематическим попыткам манипуляции мнениями и убеждениями людей посредством различных символов: слов, лозунгов, монументов, музыки и т.д. От других способов распространения знаний и идей она «отличается нацеленностью на манипуляцию сознанием и поведением людей». Пропаганда «всегда имеет цель или набор целей». Для достижения этих целей пропаганда «отбирает факты и представляет их таким образом, чтобы воздействие на сознание было наибольшим», «отбрасывая некоторые важные факты или искажая их, а также пытаясь отвлечь внимание аудитории от других источников информации». По сути, именно «преднамеренное искажение и фильтрация информации отличает пропаганду от образования»¹⁸⁹.

В целом она предполагает распространение «политических, философских, научных, художественных и других взглядов и идей с целью их внедрения в общественное сознание и активизации массовой практической деятельности». Составные элементы: «субъект (социальная группа, интересы которой выражает пропаганда), содержание, формы и методы, средства или каналы пропаганды (радио, телевидение, печать, система лекционной пропаганды и т.д.), объект (аудитория или социальные общности, которым адресована пропаганда)». Решающим фактором для понимания процесса пропаганды служат «социальные интересы её субъекта, их соотношение с интересами общества в целом и отдельных групп, к которым обращена пропаганда». Это «определяет её содержание и оказывает существенное влияние на выбор форм, методов и средств пропаганды»¹⁹⁰.

Конечная цель пропаганды – управление сознанием масс (mind management), осуществляемое посредством стереотипи-

¹⁸⁸ Propaganda // Britannica. URL: <http://www.britannica.com/EVchecked/topic/478875/propaganda>.

¹⁸⁹ Ibid.

¹⁹⁰ Пропаганда // Большая советская энциклопедия. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Пропаганда/>

зации, т.е. «психологического воздействия с помощью создания иллюзорных стереотипов»¹⁹¹.

Автор понятия «стереотип» – видный идеолог неоллиберализма, американский публицист У. Липпман, впервые его употребивший в 1922 г. в работе «Общественное мнение». По Липпману, «стереотип – это принятый в исторической общности образец восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании и узнавании окружающего мира, основанный на предшествующем социальном опыте»¹⁹². Он полагал, что каждой категории людей свойственны свои стереотипы и антагонизм между людьми определяется не их классовым положением, не различным отношением к средствам производства, а «различием между их стандартами стереотипов». Соответственно, объединить людей может «единый символ». В качестве такового он предлагал «американизм»¹⁹³.

Соответствующий набор символов и стимулов воздействует на человека, с одной стороны, укореняя его веру в существующий строй, вызывая положительные эмоции: одобрение, симпатию, а с другой – вызывая негативные эмоции: чувства страха, ненависти, гнева ко всему, что этому строю угрожает. Психологическое воздействие с помощью таких эмоционально окрашенных моделей будет иметь эффект, поскольку влияние, которое «создают и поддерживают стереотипы», является «наиболее глубоким и тонким»¹⁹⁴. В итоге система стереотипов, дошедшая до конечного потребителя, конструирует социальную реальность. В свою очередь, сами стереотипы состоят

¹⁹¹ Стереотипизация как метод пропаганды // Техника дезинформации и обмана / Под ред. Я.Н. Засурского. – М.: Мысль, 1978. URL: <http://psyfactor.org/lib/stereotype10.htm>.

¹⁹² Липпман У. Общественное мнение /Пер. с англ. Т.В. Барчунова, под ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. С. 82.

¹⁹³ Стереотипизация как метод пропаганды // Техника дезинформации и обмана / Под ред. Я.Н. Засурского. – М., Мысль, 1978. URL: <http://psyfactor.org/lib/stereotype10.htm>.

¹⁹⁴ Там же.

из ряда психологических установок, культивирующих политически значимые позиции объектов воздействия. Этот тезис подтверждается американским социальным психологом Р. Харрисом, считающим, что «под влиянием набора установок может сложиться образ мышления, который будет определять всё наше мировоззрение»¹⁹⁵.

Французские исследователи Л. Дуба и Ж. Эллюль видят в этом феномене «спланированное и целенаправленное духовное воздействие на аудиторию с целью её привлечения на свою сторону», что становится возможным в силу «контроля за мышлением и поведением». В широком смысле пропаганда предстаёт «совокупностью определенных структур, абстрактом символов, влияющих на человеческое восприятие и поведение»¹⁹⁶. Этим она близка по содержанию другим понятиям (в том числе *public relations*).

В настоящий период западные исследователи всё меньше употребляют термин «пропаганда»¹⁹⁷, зачастую заменяя его понятием «информационная война» (*information warfare*). Термин «информационно-психологическая война» был заимствован в русский язык из лексикона военных кругов США. Перевод этого термина (*information and psychological warfare*) с английского языка может звучать как «информационное противоборство» и как «информационная и психологическая война» в зависимости от контекста конкретного официального документа или научной публикации¹⁹⁸. В схожем смысле используется также термин «психологическая война» – комму-

¹⁹⁵ Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/harr/02.php.

¹⁹⁶ Ellul J. Propaganda: The Formation of Men's Attitudes. Trans. Konrad Kellen & Jean Lerner. – N.Y.: Knopf, 1965. P. 11.

¹⁹⁷ Автор полагает, что термин «пропаганда» имеет негативные ассоциации в мировом общественном мнении, связанные с нацистской политикой, что, в свою очередь, вынуждает большинство исследователей заменять его нейтральными понятиями.

¹⁹⁸ Манойло А.В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar35.htm>.

никационное воздействие на гражданское население и (или) военнослужащих другого государства с целью достижения политических или чисто военных целей¹⁹⁹.

Понятие «информационная война» появилось в лексиконе военных специалистов в середине 80-х гг. XX в. в связи с новыми задачами вооруженных сил Америки после окончания «холодной войны». Оно стало широко упоминаться в прессе после проведения операции «Буря в пустыне» в 1991 г., где на поле боя были впервые использованы новые информационные технологии. Официально термин был впервые употреблён в директиве министра обороны США от 21 декабря 1992 г. и в директиве Комитета начальников штабов Вооружённых сил США TS. 3600 1. Детальное изложение и разъяснение он получил в меморандуме № 30 (1993) Министерства обороны и Комитета начальников штабов Вооружённых сил США²⁰⁰.

В организационном плане психологическая война против иностранных государств ведётся только с санкции президента, правительства или совета национальной безопасности. Фактически же в стране со слабой исполнительной властью она осуществляется с помощью средств массовой информации, контролируемых теми или иными политическими группировками либо финансово-промышленными элитами (в том числе транснациональными)²⁰¹.

Примечательно, что операции информационной войны необязательно проводятся только вооруженными силами, и они направлены не только против военных объектов. Другие правительственные ведомства, агентства и организации, промышленные и коммерческие структуры тоже принимают в них участие и самостоятельно проводят информационные операции, которые существенно влияют на ход и результаты конфликта. Такие операции объединяются понятием «информационная война» или «информационная борьба». Это зна-

¹⁹⁹ Словарь-справочник по социальной психологии / В. Крысько. – СПб.: Питер, 2003. С. 230.

²⁰⁰ *Григачев С.Н.* Поле битвы – киберпространство: теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. – Мн.: Харвест, 2004. С. 100, 101.

²⁰¹ Там же.

чит, что любой взрослый, военный или гражданский человек участвует в информационной войне или в борьбе в той или иной форме. Именно в этой связи становится понятным определение западных специалистов информационной войны как «войны каждого с каждым»²⁰².

Информационную войну можно определить как «комплекс мероприятий и операций, проводимых вооружёнными силами и другими организациями в интересах национальной безопасности своей страны и направленных на обеспечение информационного превосходства над противником». Все формы «информационной войны сводятся к воздействию на информационную инфраструктуру противника, его систему и ресурсы с целью искажения получаемой информации, лишения его возможности получить новую информацию или физического уничтожения его информационных средств». Кроме того, к ней относятся «мероприятия по защите информации собственных вооруженных сил (а также структур управления) от аналогичных действий противника»²⁰³. Так, в программах Университета национальной обороны США выделяются следующие формы информационной войны: 1) радиоэлектронная война; 2) психологическая война; 3) война с использованием средств разведки; 4) война с хакерами; 5) кибернетическая война²⁰⁴.

Совокупность методов и средств информационного воздействия на технику и людей рассматривается как информационное оружие²⁰⁵. Что же касается его применения, то в первую очередь оно отражает историческую тенденцию перехода от войн с истреблением противника к войнам, ориентированным на деморализацию и социальную деградацию противника без его уничтожения²⁰⁶.

²⁰² Информационно-психологическая и психотронная война: Хрестоматия / Под общ. ред. А.Е. Тараса. – Мн.: Харвест, 2003. С. 3.

²⁰³ Там же. С. 4, 5.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Гриняев С.Н. Поле битвы – киберпространство: теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. – Мн.: Харвест, 2004. С. 99.

²⁰⁶ Там же. С. 100.

В информационном противоборстве американские специалисты выделяют наступательные и оборонительные операции, главными целями которых служат общественное мнение или отдельно взятый человек. Акцент делается как на внедрении в массовое сознание «определённых привычек, представлений и поведенческих стереотипов», так и на «вызове недовольства или паники среди населения, провоцировании деструктивных действий различных социальных групп (курсив мой – Г.Ф.)»²⁰⁷. С институциональной точки зрения ведущую роль в организации психологической войны играет Управление информационных систем (Defense Information Systems Agency – DISA) Министерства обороны США²⁰⁸.

Наряду с этим новые инструменты воздействия стимулируют создание средств информационного сдерживания, направленных на обеспечение информационной безопасности и, в более широком смысле, культурной безопасности общества и государства. Теоретически эти понятия разнятся по своему охвату. Так, если информационная безопасность подразумевает под собой «состояние сохранности информационных ресурсов государства и защищенности законных прав личности и общества в информационной сфере»²⁰⁹, то культурная безопасность предполагает «защищенность культурного многообразия меньшинств и защиту общественного развития от деструктивных тенденций (сохранность культурной идентичности)», поскольку «угрозы культурной безопасности вызывают разрушение традиционных общностей – семьи, общины,

²⁰⁷ Информационно-психологическая и психотронная война: Хрестоматия / Под общ. ред. А.Е. Тараса. – Мн.: Харвест, 2003. С. 10.

²⁰⁸ По данным Ассоциации электронной промышленности США, только прямые затраты Министерства обороны на проведение работ в области подготовки к информационной войне в наступившем десятилетии будут находиться в пределах 1,7 – 2,1 млрд долл. в год. См.: Информационно-психологическая и психотронная война: Хрестоматия / Под общ. ред. А.Е. Тараса. – Мн.: Харвест, 2003. С. 16.

²⁰⁹ Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура: Словарь-справочник / Автор-сост. профессор В.Ф. Пилипенко. 2-е изд., доп. и перераб. – М.: ПЕР СЭ-Пресс, 2005. С. 7.

организации, этнической группы, что не поддаётся точному количественному измерению, но по силе воздействия имеет катастрофические последствия»²¹⁰.

Осмысление проблем культурной безопасности началось в первой половине XX в. с «Тюремных тетрадей» итальянского неомарксиста А. Грамши, научного труда, в котором понятие культурной безопасности заменялось культурной гегемонией. В своей основе культурная гегемония – «часть общей теории революции как слома государства и перехода к новому социально-политическому порядку». Согласно Грамши, «государство, какой бы класс ни был господствующим, стоит на двух китах – силе и согласии». Положение, при котором достигнут достаточный уровень согласия («безопасности» в современной терминологии), он называет гегемонией, которая предстаёт «не застывшим, однажды достигнутым состоянием, а тонким и динамичным, непрерывным процессом». При этом «государство является гегемонией, облеченной в броню принуждения». Иными словами, принуждение – лишь броня гораздо более значительного содержания. Более того, гегемония предполагает не просто согласие, но благожелательное (активное) согласие, при котором «граждане желают того, что требуется господствующему классу»²¹¹.

По Грамши, установление и подрыв гегемонии – молекулярный процесс. Он протекает не как столкновение классовых сил (Грамши отрицал механистические аналогии исторического материализма), а как невидимое, малыми порциями изменение мнений и настроений в сознании каждого человека. Гегемония опирается на культурное ядро общества, которое включает в себя совокупность представлений о мире и человеке, добре и зле, прекрасном и отвратительном, множество символов и образов, традиций и предрассудков, знаний и опыта многих веков. Пока это ядро стабильно, в обществе имеется «устойчивая коллективная воля», направленная на сохранение

²¹⁰ Зеркалов Д. Общественная и культурная безопасность. URL: <http://www.zerkalov.org/node/148>.

²¹¹ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2007. URL: <http://kara-murza.ru/books/manipul/manipul12.htm>.

существующего порядка. Подрыв культурного ядра и разрушение коллективной воли – условие революции. Создание этого условия – молекулярная агрессия в культурное ядро. Это не изречение некой истины, которая совершила бы переворот в сознании, какое-то озарение. Это «огромное количество книг, брошюр, журнальных и газетных статей, разговоров и споров, которые без конца повторяются и в своей гигантской совокупности образуют то длительное усилие, из которого рождается коллективная воля определенной степени однородности, той степени, которая необходима, чтобы получилось действие, координированное и одновременное во времени и географическом пространстве»²¹².

На сегодняшний день вся информационная политика стран Запада строится на методологии А. Грамши. Его теоретические наработки используются для проведения глобальных пропагандистских кампаний, государственных переворотов, именуемых «цветными революциями», стимулирования межнациональных столкновений, продвижения ценностей и принципов глобализации, выверенных в общечеловеческом фокусе.

Влияние учения о культурной гегемонии также прослеживается в современной военной теории, основанной на новых принципах оперативного искусства, получивших название сетевой войны (*network-centric warfare*). Концепция сетевой войны была заложена в основу программы военного строительства в США до 2010 г. (*Joint Vision 2010*), а для её ведения создается новая глобальная информационная сеть Пентагона (проект *Defense Information Grid*), первым полигоном которой стал Афганистан²¹³.

Эта система взглядов обязана своему появлению тотальной компьютеризации, модернизировавшей силы и средства внешнеполитической борьбы. Разработанная Офисом реформирования ВС (*Office of Force Transformation*) Министерства обороны США под руководством вице-адмирала А. Цибровски

²¹² *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2007. URL: <http://kara-murza.ru/books/manipul/manipul12.htm>.

²¹³ Концепция сетевой войны. URL: <http://psyfactor.org/psyops/webwar.htm>.

(вместе с профессором Гартска в 1998 г. они впервые выдвинули и обосновали стратегическую концепцию сетцентрических войн), концепция, по мнению американских стратегов, в ближайшем будущем должна «если не заменить собой традиционную теорию войны, то существенно и необратимо изменить её»²¹⁴.

Основа сетцентрического ведения и управления конфликтом формируется заблаговременно, путём создания и развертывания на пространстве войны разветвленных автоматизированных электронных (компьютеризированных) сетей разведки, информации и управления, которые совокупными усилиями создают единое информационно-управленческое поле, охватывающее всё интересующее пространство²¹⁵.

Победа в конфликте достигается за счёт качества оперативного управления – полноты, глубины, оперативности знания, единого понимания и оценки динамично развивающейся обстановки командованием всех уровней, за счёт быстроты реагирования на изменяющуюся ситуацию принятием своевременных обоснованных решений и ускоренного доведения их до действующих сил для реализации²¹⁶.

Вот как описал парадигму сетевой организации российский исследователь В.М. Ильин: «Вместо нескольких "птиц" или "акул" (в зависимости от среды боевых действий) со "сверхдальнозоркими" органами чувств, развитым интеллектом и большой физической силой, целесообразно иметь "рой насекомых" или "стаю пираний". Каждое из этих "насекомых" существенно уступает "птице" по любому из сенсорных и силовых параметров и в прямом сопоставлении ей безнадежно проигрывает. Однако противостоять хорошо организованному

²¹⁴ Чельцов Б., Волков С. Сетевые войны XXI века // Воздушно-космическая оборона. 2008. № 4. URL: <http://pressa.budet.ru/article/detail.php?ID=47601>.

²¹⁵ Горшков А.Ф. Современные информационные технологии диктуют новый облик будущих войн. В вооруженных силах США происходит не просто реформа, а революция // Независимое военное обозрение. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2005-04-01/4_usa.html.

²¹⁶ Там же.

"рою" неизмеримо сложнее, чем "птице", хотя бы потому, что обнаружить отдельное "насекомое", а значит и уничтожить его, гораздо труднее»²¹⁷.

Применительно к внешнеполитической пропаганде сетевая структура состоит из множества неправительственных организаций, филантропических фондов, транснациональных информационных вещательных организаций, газет, финансово-промышленных корпораций, которые перманентно борются за место под солнцем, продвигая американское видение мира. В этой системе, американские университеты, готовящие журналистов, экономистов, политологов и других специалистов для этих организаций, предстают своего рода глобальной фабрикой, подпитывающей «мягкую силу» США.

1.3. Исторический обзор формирования культурной политики США как базового компонента американской «мягкой силы»

Исходя из укоренившегося в научном сообществе представления о культурном компоненте как о стержне категории «мягкая сила» целесообразно уделить особое внимание анализу истории формирования культурной политики внутри США, что позволяет выявить предпосылки и основу развития отдельных направлений внешней культурной стратегии государства в исторической ретроспективе. Более того, внешнеполитическая стратегия США и их национальные интересы вырастают из национальной идентичности, а формирование международной политики во многом зависит от хода внутренних дебатов об идентичности.

Как позитивные, так и во многом негативные моменты истории государства оказывают серьезное воздействие на формирование национального самосознания и психологии и впоследствии становятся неотъемлемой частью менталите-

²¹⁷ Чельцов Б., Волков С. Сетевые войны XXI века // Воздушно-космическая оборона. 2008. № 4. URL: <http://pressa.budet.ru/article/detail.php?ID=47601>.

та, влияя на формирование внутренней и внешней политики. Внутренние культурные предпосылки определяют содержание ценностей, транслируемых вовне.

Осмысление роли культурных факторов в жизни общества имело важное значение на протяжении всей американской истории со времен ранних европейских поселений. Для первых поселенцев в Северной Америке было свойственно полное надежд весьма утопичное видение Нового Света, свободного от предрассудков, чопорности и скованности, характерных в то время, по их мнению, для традиционного европейского общества. Этот наследственный синтез идеализма и надежды до сих пор во многом определяет сознание американцев. Благодаря политике, проводимой в отношении автохтонных культур Северной Америки, утопизм и идеализм был предан забвению.

Культурная политика американского правительства на ранних этапах была достаточно сложной и разноплановой, но, к сожалению, в одном она была практически всегда одинаково последовательной – в подавлении культурного разнообразия. Парадоксально, но известное своей мультикультурной спецификой современное американское общество прошло на пути своего исторического формирования ряд неоднозначных этапов, первым из которых стало уничтожение коренного населения и создание для его проживания специальных резерваций.

Однако хотелось бы заметить, что перед нами стоит задача не выступать в качестве обличителя, а представить объективную историческую картину, о чем часто говорят и пишут сами американские историки. Тем более эти факты оказали определенное влияние на формирование американской культуры, ценностей и культурной политики США.

Конечно, между местными племенами индейцев и поселенцами из Старого Света встречались частные случаи дружественных контактов, но это было далеко не определяющей тенденцией в их взаимоотношениях. В американской истории достаточно печальных свидетельств репрессивных акций по отношению к коренному населению, которые еще больше провоцировались вспышками эпидемий неизвестных европейцам заболеваний, порождаемых контактами с индейским населе-

нием. Было осуществлено немало попыток насаждения автохтонному населению европейской культурно-цивилизационной модели, либо под угрозой смерти, либо, уже позже, путем организации специальных государственных школ.

Как пишет С. Хантингтон, «в первые десятилетия вслед за основанием поселений в Плимуте и Массачусетс-Бэй (1620 и 1630 гг. соответственно) отношения колонистов с индейцами были в основном дружескими. В середине XVII в. начался даже "золотой век взаимного процветания" для индейских племен и английских колонистов. Крепла торговля, частым явлением становились смешанные браки. Но уже в 1660-х гг. торговля заметно сократилась, а притязания колонистов на индейские земли вылились в войну короля Филиппа (1675 – 1676). Это была едва ли не кровопролитнейшая из войн в американской истории: уровень потерь среди колонистов почти вдвое превысил потери в Гражданской войне и в семь раз – потери во Второй мировой»²¹⁸.

В 1830-х гг. президент Эндрю Джексон убедил Конгресс принять закон об устранении индейцев; по этому закону важнейшие племена шести южных штатов были принудительно выселены к западу от Миссисипи, что привело ко Второй войне семинолов (1835 – 1843). Сегодня этот закон называли бы «этнической чисткой»²¹⁹.

Политика американского правительства в этом направлении привела практически к уничтожению и консервации культур коренных народов Северной Америки, что нашло отражение в проблематичном статусе индейского населения в современных США. Это также является одним из болезненных вопросов американской истории и современности.

В этом контексте полагаю целесообразным также обратиться к оригинальным, актуальным и крайне интересным историческим исследованиям В.Р. Мединского, отраженным в цикле его трудов «Мифы о России», где автор пишет, что «на территории будущих США 1700 г. жило до полутора миллионов индейцев. К 1900 г. их осталось порядка 100 тыс. человек, но

²¹⁸ Хантингтон С. Кто мы? – М.: АСТ, 2004. С. 95.

²¹⁹ Там же. С. 96.

с самых плодородных и богатых земель их вытеснили. В США в XIX в. "открыли" еще один "естественный" способ "освобождения" земли от дикарей: индейцы не имели иммунитета против многих европейских болезней»²²⁰. В результате индейцев специально заражали, эпидемии уносили тысячи жизней, а их земли доставались европейским поселенцам.

На данном историческом фоне вопрос об ответственности общества за урон, нанесенный коренным американским культурам, воспринимался с большой неприязнью. Государство и общество прилагали слишком мало усилий для поддержки, сохранения и восстановления культурных традиций коренного населения. Основной инициативой правительства в этом направлении стало создание специальных резерваций, а главной альтернативной тенденцией правительства – стремление насильственно ассимилировать индейцев с доминирующей культурой.

Американские индейцы на протяжении долгого исторического периода продолжали и продолжают борьбу за сохранение своей уникальной культуры. Во второй половине XX в. наметились ощутимые сдвиги в государственной политике по отношению к коренному индейскому населению и, в частности, к его культуре. Сами активисты из числа потомков коренного населения внесли большой вклад в дело восстановления своих культурных традиций. На сегодняшний день во многом благодаря патриотической идеологии государства, деятельности профильных общественных организаций, а также в большой степени литературе и кинематографу индейцы, как это ни парадоксально, стали одним из американских символов и неотъемлемой частью культуры США.

Чтобы лучше представить социальную основу формирования американской культуры и государства представляется целесообразно дать краткую характеристику составу американского общества времен ранних поселений.

Так, например, В.В. Согрин пишет: «Освоение Нового Света являлось делом частных лиц и групп, получивших соответствующие разрешения от монарха Англии. Различия в со-

²²⁰ *Мединский В.Р.* О русском рабстве, грязи и «торьме народов». – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 103.

циальном облике этих групп и лиц предопределили различие тенденций колонизации. Грубо говоря, изначально среди тех, кто осваивал Америку, выделились три главные группы: акционерные компании буржуазного типа, устремлявшиеся за океан в поисках рынков, прибылей, источников сырья; протестанты, надеявшиеся воплотить на новой родине свои религиозные и этические принципы; аристократы, помышлявшие об обширных феодальных владениях»²²¹. Кроме того, на освоение новых земель в поисках лучшей жизни отправлялись крестьяне (преимущественно английские, ирландские и шотландские), потерявшие землю в результате «огораживания», ремесленники, лишившиеся работы вследствие развития мануфактурного производства, а также преступники, лица вышедшие из мест лишения свободы, различные деклассированные элементы, которых ссылали туда, и просто искатели приключений, богатства и свободы (в смысле свободы действий и мысли).

До первых больших волн иммиграции XIX в., основное белое население молодой американской нации составляли английские протестанты. Их взгляды были пропитаны идеями Просвещения, что нашло отражение в американском Билле о правах, т.е. первых десяти поправках к конституции США, хотя применялись эти принципы очень избирательно, по большей степени в пользу владельцев крупной земельной собственности. Ценности эпохи Просвещения, в интерпретации первых американских политических философов, делали основной акцент на защите личных свобод и сохранении независимости от потенциальной тирании со стороны государственной власти. Несмотря на то что такие культурные аспекты американской общественно-политической жизни, как образование, избирательное право и рабство, были предметами горячих общественных дискуссий, правительство заняло позицию невмешательства, которая автоматически благоприятствовала наиболее могущественным силам страны.

Противовесом такой американской культурной ценности, как личная свобода, на протяжении всей истории США становилась противоположная традиция – общинные ценно-

²²¹ *Созрин В.В.* Политическая история США XVII – XX вв. – М.: Весь мир, 2001. С. 8.

сти. Возведение жилищ, взаимопомощь во время урожая или перед лицом наводнений и иных стихийных бедствий, недоверие далеким от народа политическим лидерам – всё это стало частью культурного наследия, которое также имеется в виду при употреблении термина «американская культура».

Власть в США принадлежала белым, но на формирование американской культуры серьезное влияние оказало чернокожее население, которое тогда составляли рабы, завезенные из Африки. Этот сегмент американских социокультурных реалий будет рассмотрен отдельно в контексте анализа массовой культуры США и её экспорта как инструмента «мягкой силы».

В 1619 г. в Вильямсбург (штат Вирджиния) из Африки прибыл первый корабль с рабами (за год до того, как к берегам восточного побережья США в Плимут Рок подошел корабль «Мэйфлауэр», на борту которого находились пуритане-пилигримы, почитаемые сегодня в Америке в качестве основателей американской демократии и национального суверенитета).

Основные исторические причины ввоза европейскими колонизаторами рабов из Африки на территорию Америки (Северной, Центральной, Южной) заключались в малой пригодности автохтонного индейского населения этих континентов для "практических" нужд белых колонизаторов»²²². Захват индейцев в рабство был делом опасным, а экономический эффект от их работы на плантациях, где они тысячами умирали, был крайне невысоким. В результате «эксплуатировать их практичные европейцы посчитали невыгодным»²²³ и начали ввозить чернокожих рабов из Африки, которые были выносливы и трудолюбивы. За XVII – XVIII вв. из Африки вывезли примерно 15 млн рабов, 10 млн из них – мужчины (готовые работники). При этом, по данным ученых, на упомянутые 15 млн приходится не менее 5 млн умерших в пути²²⁴.

²²² *Мединский В.Р.* О русском рабстве, грязи и «торьме народов». – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 96.

²²³ Там же.

²²⁴ Там же. С. 97.

В Африке шла полномасштабная охота на рабов. Европейцы подкупали вождей, чтобы они продавали своих подданных или устраивали войны, захватывая подданных своих соседей»²²⁵. Не секрет, что этот «бизнес» приносил серьезную прибыль вовлеченным в него «предпринимателям» и имел колоссальный капиталоборот.

Только в XIX в. стал активно обсуждаться вопрос о запрете работорговли, инициатором которого выступила Россия на Венском конгрессе 1815 г. (Декларация о запрете торговли рабами приложена к Генеральному акту Венского конгресса), о чем совершенно справедливо нам напоминает В.Р. Мединский²²⁶. При этом русские едва ли имели полное представление об этом явлении, формировавшееся в основном по впечатлениям путешественников, и уж тем более вряд ли предполагающее возможность аналогии с крепостным правом, как по форме, так и по содержанию. Хотя окончательная отмена этого ремесла была оформлена только в 1890 г., когда Брюссельский противоневольничий акт подписали более 20 стран в Европе, Азии и Африке.

Вернемся к Соединённым Штатам. Расистские настроения в США заметно усилились в XVIII в., когда вся экономика и социальная структура Юга оказалась в зависимости от использования рабского труда и работорговли.

Первый статут о натурализации от 1790 года открывал доступ к американскому гражданству лишь «свободным белым людям». В ту пору чернокожие, преимущественно рабы, составляли около 20% населения США. Отношение к ним американского общества в тот период хорошо демонстрирует высказывание первого генерального прокурора США Э. Рэндольфа о том, что рабы не являются «надлежащими членами (американского) общества»²²⁷.

Томас Джефферсон, как и другие отцы-основатели – Джеймс Мэдисон, Генри Клэй, Джон Рэндольф, поддерживали

²²⁵ *Мединский В.Р.* О русском рабстве, грязи и «пюрьме народов». – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 98.

²²⁶ Там же. С. 99 – 100.

²²⁷ *Хантингтон С.* Кто мы? – М.: АСТ, 2004. С. 97.

усилия Американского общества колонистов по организации возвращения свободных чернокожих в Африку (эти усилия привели к созданию в 1821 г. государства Либерии, куда постепенно переправили от 11 до 15 тысяч чернокожих)²²⁸.

Вопрос о рабстве стал предметом горячих дебатов на каждой ступени истории североамериканского государства в течение достаточно длительного периода. В начале XIX в. идея расовой принадлежности занимала центральное место в научном, интеллектуальном и народном мышлении как в Европе, так и в Америке. К середине этого столетия «неотъемлемое неравенство рас признавалось в Америке за научно доказанный факт»²²⁹. Американцы также выработали убеждение, что неравенство рас заложено в человеческой природе, а не определяется условиями жизни.

Как известно, обсуждение вопроса о рабстве в американском обществе вылилось в конфликт Севера и Юга, приобретший характер антагонизма двух разнородных общественно-политических систем, который завершился Гражданской войной (1861 – 1865). Рабовладельцам срочно понадобилось создать религиозные, моральные, научные и политические оправдания рабства. Эта расистская философия выжила после Гражданской войны и еще долго процветала, дожив на официальном уровне до XX в., и частично сохранилась по сей день на неофициальном уровне.

Согласие белого большинства по этому вопросу сохранялось еще определенный период после войны Севера и Юга. Когда более крупные и разношерстные группы иммигрантов начали прибывать на территорию Соединенных Штатов, те, кто считали себя «истинными американцами», серьезно встревожились. Страх перед зарубежными веяниями и незнакомыми культурными традициями привел к введению жестких ограничений на иммиграцию в страну, квотированию и созданию запретительных барьеров для въезда представителей так называемых нежелательных этнических групп. Расистские настроения, направленные ранее в сторону афро-американцев и

²²⁸ Хантингтон С. Кто мы? – М.: АСТ, 2004. С. 97.

²²⁹ Там же. С. 98.

коренных индейцев, распространились теперь и на новые для США этнические группы выходцев из стран Европы, Азии и Латинской Америки.

Вопрос об иммиграции на территорию США приобрел остроту далеко не только в расово-этническом плане. Так, с середины 1840-х гг. началось обострение проблемы белой иммиграции: в течение 10 лет в страну прибыли 3 млн переселенцев из Европы, что составляло 15% от всего американского населения. Новые иммигранты (в основном представители бедных слоев населения Ирландии и Германии) резко обострили конкуренцию на рынке труда. В отличие от прежней миграции (преимущественно протестантской и англосакской) новая волна была католической, в связи с чем возникал новый конфликт, в том числе религиозно-этнического характера – с 1852 г. набравшее силу антикатолическое и антииммигрантское движение создало имевшую миллионный электорат Американскую партию, которую в 1854 – 1856 гг. вытеснила Республиканская партия²³⁰.

Официальная политика дискриминации этнических меньшинств стимулировалась и усиливалась постоянными акциями, направленными на защиту прав так называемых настоящих американцев. Появление известного ку-клукс-клана было спровоцировано стремлением белых южан сохранить расовый порядок, существовавший до Гражданской войны, который был временно нарушен послевоенной политикой реконструкции. Позже клан начал направлять свои действия против еврейских иммигрантов и католиков.

Начало форсированного строительства железных дорог после Гражданской войны привело к возрастанию иммиграции из Китая, и поскольку вслед за китайскими рабочими на территорию США устремились и китайские проститутки, в 1875 г. был принят первый закон об ограничении иммиграции, запретивший впускать в страну преступников и проституток. В 1882 г. народные волнения в Калифорнии и других штатах привели к принятию Акта о выселении китайцев, временно приостановившего китайскую иммиграцию. На рубеже XIX – XX вв. воз-

²³⁰ *Созрин В.В.* Политическая история США XVII – XX вв. – М.: Весь мир, 2001. С. 138.

ника проблема и с японской иммиграцией – в 1908 г. президент Теодор Рузвельт заключил с Японией «джентельменское соглашение», по которому Япония обязывалась остановить миграцию своих граждан в США²³¹.

Вопрос этнической принадлежности стал краеугольным камнем построения социальных отношений и формирования американской культурной идентичности с началом массовой иммиграции из стран Южной и Восточной Европы в 1880 гг., в 1900 гг. эта волна захлестнула Америку, достигнув пика в 1914 г. В 1921 г. Конгресс установил «потолок» в 150 000 иммигрантов ежегодно.

История США конца XIX столетия стала свидетельницей безумных действий самосуда и насилия над представителями расово-этнических меньшинств. В качестве примера достаточно привести упомянутые насильственные акции, направленные против китайской диаспоры в Калифорнии, не говоря уже о печально известных судах Линча. Все это бросало вызов мифу о нации, где все созданы равными.

Критический период американской истории рубежа XIX-XX вв., отмеченный расовыми и антииммигрантскими актами насилия, привел к возникновению идеи, которая с тех пор стала стержнем культурной политики США. (Хотя, разумеется, все происходило не так быстро и, как известно, свои полноценные плоды эта политика начала приносить лишь в последней четверти XX века.) Речь идёт о так называемой концепции мультикультурализма, или, как ее еще именуют, плавильного котла (или плавильного тигля), которая обязана своим названием пьесе «Плавильный котел» (The melting pot) 1908 г., написанной британским евреем Израелем Зангвилем. В этом произведении автор раскрывает свое видение формирующейся американской культуры. Хотя концепция плавильного тигля была выдвинута еще ранее – в 1780-х гг. Эктором Сент-Джоном де Кревекером, который утверждал, что «представители всех народов словно сплавляются в новую расу»²³².

Плавильный котел явился наиболее неоднозначным символом американского общества из всех, которые когда-

²³¹ Хантингтон С. Кто мы? – М.: АСТ, 2004. С. 100.

²³² Там же. С. 204 – 205.

либо существовали. С одной стороны, он указывает на основную особенность современной американской культуры: ее внутреннее разнообразие и многоликость, что можно сказать и об американском обществе в целом. Но в то же время этот термин воплощает в себе направляющее течение в истории формирования мультикультурного социума США: отрыв от этнических корней и погружение в огромный унифицирующий мультинациональный плавильный котел.

Существует и другая концепция американской идентичности – концепция томатного супа, фокусирующаяся на культурной ассимиляции и «основанная на допущении, что иммигранты и их потомки адекватно адаптируются к англо-саксонским культурным паттернам»²³³. Более точная, нежели остальные модели, концепция прекрасно работала с волнами иммиграции до 1960-х гг.

Стоит заметить, что эти концепции, как и многие другие, стали порождением своего времени и были призваны обслужить определенную политическую доктрину, после чего спрос на них снижался. К тому же, как было отмечено, внутри этнических сообществ историко-культурные традиции сохраняются довольно тщательно, и несмотря на адаптацию и ассимиляцию с доминирующей культурой пришлые культуры до конца не растворяются, являясь своеобразными очагами культурного наследия народов.

В 1915 г. Х. Коллэн разработал концепцию салата, которую назвал теорией культурного плюрализма²³⁴. Согласно теории общественные группы объединяются происхождением, а не культурой. В настоящее время среди ученых все чаще распространяется мнение, согласно которому современное американское общество и, соответственно, его культура представляет собой, скорее, салат, нежели плавильный котел. Это иллюстрация того, что в сегодняшней Америке различные культуры не плавятся, превращаясь в единую унифицированную гомогенную культуру, а, вступая в кросскультурный диалог, сохраняют свои историко-культурные особенности, не синтезируясь друг с другом.

²³³ Хантингтон С. Кто мы? – М.: АСТ, 2004. С. 206.

²³⁴ Там же.

Таким образом, среди множества других менее знаковых теорий выделяются два основных подхода к формированию американской национальной идентичности: концепция плавающего котла и концепция салата.

Развитие американской культуры в XX столетии часто обсуждалось в свете анализа таких понятий, как «американский характер», «американский дух», «американская мечта» и т.д. Многие институты, прямо или косвенно занимавшиеся реализацией культурной политики в США, стремились реализовать на практике и популяризировать в ту пору среди иммигрантов идею об американском образе жизни. Например, по их мнению, строящиеся многоэтажные жилые дома способствовали американизации иммигрантов. В сельской местности проводилась работа по культурному просвещению на американский манер деревенских жителей. Акцент делался на подготовке иммигрантов к успешной ассимиляции. Меценаты оказывали помощь в открытии музеев, библиотек, создании оркестров и других учреждений в сфере культуры, которые могли бы задать правильный вектор процессу погружения в доминирующую культуру, что являлось в то время (в конце XIX – начале XX в.) основополагающей тенденцией.

В результате противоречие, возникшее между тенденцией к ассимиляции и тенденцией к сохранению культурного разнообразия, привело к возникновению термина «культурная демократия».

Дж. Дракслер стал одним из пионеров в изучении этой проблемы. В монографии 1920 г. «Демократия и ассимиляция: смешение иммигрантского наследия в Америке» он выступает за то, что этнические сообщества и отдельные его члены сами вправе решать, в какой степени должно сохраняться их культурное наследие²³⁵. Дракслер призывает к культурной демократии, считая ее неотъемлемым дополнением ценностей политической и экономической демократии.

Двадцать лет спустя другой американский ученый У. Дюбуа рассматривал культурную демократию как своего рода

²³⁵ Adams D., Goldbard A. Cultural Policy in U.S. History. URL: www.wvcd.org.

обязанность общества, которая необходима для ликвидации расизма в США²³⁶.

Упомянутый ранее Х. Колэн, профессор Новой школы социальных исследований (Нью-Йорк), встревоженный увеличением расистских организаций в 1910-х гг., писал: «Культурное развитие основывается на культурном плюрализме. Культурный плюрализм возможен только в демократическом обществе, чьи институты поощряют индивидуализм в социальных группах, личностях, характерах, чьи установки освобождают личностей и посвящают в братство свободы и сотрудничества. Америка стоит перед альтернативой: «Культур Клукс Клан» или культурный плюрализм»²³⁷. Такие взгляды на американскую культуру в процессе ее формирования составили противоречивые позиции реакционно-расистских кругов в США.

Представители промышленно-деловых кругов, такие как Э. Карнеги и Л. Стэнфорд, осуществляли благотворительную деятельность, финансируя создание и развитие новых культурных учреждений и программ, которые могли бы достойно способствовать ознакомлению иммигрантов с доминирующей культурой и осуществлению их ассимиляции с ней.

В начале XX в. непосредственное влияние общества на культурную жизнь, ее организацию, поддержание и регулирование было достаточно ограниченным. В основном все сводилось к участию общественного сектора в процессе всеобщего образования и организации и управлению рядом публичных библиотек. Все остальные инициативы в сфере культуры были предоставлены частным лицам, имевшим здесь свои интересы.

Преобладание частного сектора в сфере культуры в США, которое сохранилось и по сей день, было юридически закреплено в начале XX в. законом 1917 г., согласно которому лица, осуществлявшие благотворительность, освобождались от уплаты части налогов (на сумму пожертвований). Эта инициатива со стороны американских политиков была направлена на сохранение и стимулирование активности частных предприни-

²³⁶ Adams D., Goldbard A. Cultural Policy in U.S. History. URL: www.wgcd.org.

²³⁷ Ibid.

мателей в области культуры, а также на то, чтобы исключить возможность диктата со стороны государства в сфере культурной политики.

Большинство благотворительных взносов, естественно, осуществлялось и осуществляется людьми с высоким уровнем доходов, так как в связи с положениями налогового законодательства лица со средними и малыми доходами практически не извлекают никакой пользы из своих пожертвований.

Несмотря на то что сегодня частный сектор остается центральным звеном в осуществлении культурной политики США, американской истории известен период, когда государство играло ключевую роль в реализации этого направления, – эпоха федеральных культурных программ «Нового курса» президента Ф.Д. Рузвельта.

Кажется вполне естественным, что первая серьезная попытка сформировать и осуществить комплексную культурную политику в Америке на государственном уровне произошла во время Великой депрессии, когда в обществе возникло опасение полного краха частного сектора в экономике. Программы 1930-х гг. явились едва ли ни единственным в американской истории ярким мероприятием государства в области культурной политики. Шаги правительства в этом направлении после второй мировой войны разительно отличались от инициатив Рузвельта.

Федеральные культурные программы «Нового курса» внутри США предоставляли интересные модели децентрализованного развития сферы культуры, проектировавшиеся, чтобы отвечать американской мультикультурной среде. Они были направлены на охват как можно большей части населения и затрагивали наиболее актуальные в то время противоречивые и болезненные вопросы. Несмотря на активное участие государства в реализации внутренней и внешней культурной политики продолжалось усиление взаимодействия правительства с частным сектором, на долю которого уже тогда приходилась организация многих культурно-образовательных программ и обменов.

Однако впоследствии произошло усиление цензуры, что проявилось в том числе в создании Комитета по антиамери-

канской деятельности в Конгрессе США (House Unamerican Activity Committee), которому ещё только предстояло сыграть важную роль в грядущей эпохе.

Вторая мировая война явила собой разделительную черту между культурной деятельностью 1930-х гг. и послевоенным временем. Только один элемент культурной политики, обсуждавшийся в 1930-х гг., перекочевал в новую эпоху. Этим элементом стала так называемая охота на ведьм. Корни антикоммунистической лихорадки 1950-х гг., которую в американской историографии именуют «эрой Маккарти», отчасти кроются в 1930-х гг.

Великая депрессия способствовала появлению и распространению самых разных политических, экономических и культурных идей радикального толка, многие из которых отразились в культурных программах этого периода, что в свою очередь спровоцировало усиление реакции в США.

Война, кроме того, стала переломным моментом для культурной жизни в Соединенных Штатах. В период противостояния с Советским Союзом Америка начала активно внедрять в массы представление об американском образе жизни, американской мечте, что было частью идеологической пропаганды. Одной из целей стало стремление адаптировать понятие американской мечты к новым социально-политическим реалиям.

Урбанизация в США набирала все большие обороты, развитие пригородов становилось более интенсивным и поднималось на новый уровень, вместе с чем формировалась вся совокупность новых культурных условий среды обитания.

Большой импульс после войны получило развитие американского телевидения и средств массовой информации. Американцы смотрели с надеждой в будущее послевоенного мира, который должен был быть спроектирован согласно их идеологии по американскому образцу. В этом контексте все разработки в области культурной политики 1930-х гг. были быстро забыты. Америка начинала распространение коммерческой культуры в мировом масштабе.

В 1950-х гг. в США практически не было конкретных дискуссий по вопросам культурной политики. Основные идеи

в этой сфере фокусировались на создании национальных культурных центров наподобие современного Центра Дж. Кеннеди. Хотя в то же время движение за гражданские права начинало делать успехи в борьбе с расизмом. Это было одним из немногих движений, планомерно продолжавших отстаивать свои позиции в Америке 1960 – 1970-х гг.

В период внутривойсковой реакции, цензуры, идеологической войны, когда было опасно исповедовать любые политические взгляды, кроме правых, деятели искусства продолжали предпринимать радикальные шаги, отказываясь от традиционных форм, все больше уходя в абстракцию. Эта пропасть между искусством и повседневной жизнью оказала существенное влияние на формирование концептуального базиса современной культурной политики внутри США.

50-е гг. прошлого века ознаменовали возникновение нового подхода к культурной политике, охарактеризованного двумя основными чертами: узкая заинтересованность в профессиональных учреждениях и акцент на частных лицах в определении направлений и приоритетов.

Смещение акцентов в пользу профессиональных организаций ознаменовало собой разрыв с основными принципами культурной политики 1930-х гг. Тогда многие из причастных к реализации культурной политики считали, что демократическое правительство должно преследовать цели, отличные от целей частных предприятий, чтобы оправдать государственные субсидии, направляемые на финансирование этой сферы. Они полагали, что в тех случаях, когда существующие частные учреждения оказывались неспособными служить демократическим культурным ценностям, правительство могло сыграть ключевую роль, стимулируя развитие творческого процесса.

С середины 1950-х гг. начала четко прослеживаться тенденция взаимосвязи государственных и частных учреждений культуры, происходит все более заметное вмешательство государства в регуляцию культурной жизни. Особенно заметным этот процесс стал в период правления президента Дж. Кеннеди, когда была расширена система органов, осуществляющих культурную политику под контролем как федерального правительства, так и Конгресса. Принятие американским государ-

ством ранее не свойственных ему функций встретило серьезное сопротивление, но после длительных дебатов в Конгрессе и широкой дискуссии в стране в 1965 г. был все же учрежден Национальный фонд искусств и гуманитарных наук как основной правительственный орган, распределяющий государственные субсидии, вырабатывающий рекомендательные программы в области культуры и участвующий в проведении культурной политики.

Эту тенденцию, ярко проявившуюся в 1960-е гг., можно проследить на примере доклада директора Фонда ХХ в. Огэста Хекшера президенту Кеннеди, сделанного в мае 1963 г. Хекшер был назначен специальным советником по вопросам искусства в марте 1962 г. ввиду необходимости скорейшего появления подобной программы.

В документе содержались ответы на вопросы о путях плодотворной реализации взаимодействия правительства с частными учреждениями в сфере искусства и культуры, а также об участии государства в культурной жизни страны.

Здесь открываются некоторые новые факторы, повлиявшие на характер культурной политики 1960-х гг. О. Хекшер, в частности, отмечает быстрый рост интереса к искусству, проявляющийся в возросшей посещаемости выставок, книжных ярмарок и наличии такого количества культурных учреждений, которое было бы немыслимо ещё поколение назад. Кроме того, в докладе озвучены такие мысли, как необходимость осмысления на новом уровне соотношения времени, которое тратят жители США на работу и, соответственно, на отдых. Дело в том, что у граждан стало появляться больше свободного от работы времени, следовательно, приходилось задумываться о развитии сферы культурного досуга и индустрии развлечений в целом.

Другой знаковый момент в документе заключается в констатации того, что важную роль в формировании облика США играет не только их экономическое и политическое могущество, но и «качество» американской цивилизации, уровень развития ее культурной составляющей. Хекшер указывает, что «весь мир смотрит на США» как на сверхдержаву, в чем, разумеется, чувствуется исторический контекст глобального политико-идеологического и экономического противо-

стояния двух систем. Доклад Хекшера был одним из многих документов подобного характера, подготовленных в начале 1960-х гг., которые были посвящены внутренней культурной политике США.

Частные филантропические фонды и спонсорские организации тем не менее играли ведущую роль в подготовке аргументов для государственной поддержки тех или иных сфер искусства и культуры.

Так, одно из наиболее значимых исследований было осуществлено специальной группой, сформированной Фондом братьев Рокфеллеров. Оно касалось перспектив профессионального исполнительского искусства в США.

В заявлении этой группы, в состав которой входили многие видные деятели культуры и искусства в Америке, в том числе вышеупомянутый О. Хекшер, прямо указывается на фактор, определивший еще на достаточно долгий период основные черты государственной культурной политики. Речь идет о фокусировании внимания на качестве культурных ценностей, так или иначе фигурирующих в процессе реализации культурной политики, о недопустимости замены или имитации истинных произведений искусства посредственной продукцией, о невозможности снижения стандартов.

В течение 1970-х гг. культурная политика продолжала осуществляться по большей части в указанном направлении. Расовая проблема в Америке 1970-х гг. продолжала оставаться одним из наиболее болезненных моментов и оказывала влияние на реализацию не только культурной политики, но и всей внутренней политики в целом.

В 1980-е гг. при администрации Р. Рейгана приоритетной моделью государственной политики США стал новый федерализм, означающий тенденцию к децентрализации управления различными сферами деятельности, в том числе и культуры, сужение масштабов вмешательства государства в духовную сферу, перекладывание задач на различные деловые и общественные институты.

Децентрализация управления культурной политикой проявилась в предоставлении более широких полномочий в этой сфере местным органам власти. Новый федерализм в куль-

турной политике привел к значительному усилению и без того крепких позиций частных благотворительных фондов, спонсорских организаций и иных негосударственных институтов.

В 1990-е гг. благотворительные организации продолжали играть ведущую роль в процессе реализации культурной политики и оказывать влияние на ее содержание. Как известно, в США не существует отдельного ведомства, целиком специализирующегося на вопросах культуры и культурной политики. Широкий круг вопросов, связанных с функционированием культурной сферы, относится к компетенции общественных, частных организаций и филантропических фондов.

Что касается роли государства в осуществлении культурной политики в 1990-х гг., то одним из примечательных событий в этом плане является организация (по инициативе бывшего госсекретаря М. Олбрайт) конференции по культурной дипломатии, состоявшейся 28 ноября 2000 г. и ставшей одним из последних мероприятий Б. Клинтона на посту Президента США.

1.4. «Мягкая сила» внешней культурной политики США (1945 – 2012)

Дискуссия по проблеме американского культурного экспорта в научном сообществе США, начавшаяся после завершения Второй мировой войны, прошла в своем развитии три последовательных фазы, как утверждает исследователь из ФРГ Дж. Гиноу-Хехт²³⁸. Суть первой фазы заключалась в выражении недовольства теоретиками начального периода «холодной войны» по поводу отсутствия у американских властей интереса к проведению активной внешней культурной политики. Затем проявилась тенденция, согласно которой критики культурного империализма определяли экспорт американской культуры в качестве плохо завуалированного инструмента глобальной

²³⁸ *Gienow-Hecht J.* Shame on US? Academics, Cultural Transfer, and the Cold War- A Critical Review. *Diplomatic History*, Vol. 24, № 3 (Summer 2000). P. 465.

экономической экспансии и эксплуатации. Наконец, ученые, придерживавшиеся противоположной точки зрения, совсем отвергли концепцию культурного империализма и на сегодняшний день часть исследователей полагают, что сопротивление внешнему культурному воздействию в других странах сокращает или окончательно сводит на нет импорт культурной продукции как части глобального процесса.

По сути, обозначенные три тенденции отражают содержание дискуссии по этой проблеме в американском научном сообществе, выходящей далеко за рамки вопросов, касающихся лишь истории международных отношений. Спор, начинавшийся в сугубо политическом ракурсе, со временем превратился в научную дискуссию по вопросу культуры как инструмента силы и влияния.

Так сложилось, что изначально американцы своей особенностью и отличительной чертой считали не поэтов, писателей, художников и других деятелей искусства и культуры, а свою политическую систему – предмет их особой гордости. В Соединённых Штатах популярная культура рассматривалась в качестве средства развлечения, нежели инструмента внешней политики. Американские политические деятели никогда серьезно не задумывались о создании культурного ведомства в федеральном правительстве. Парадокс заключается в том, что в стране, культурный экспорт которой приобрел позже столь огромный масштаб и вызвал массу противоречий во всем мире, изначально практически не проявлялся интерес к организованной внешней культурной политике и экспорту культуры.

Хотя уже в начале XX столетия культурные явления США, как и их успехи в научно-технической сфере, становились широкоизвестными. После Первой мировой войны программы обмена и распространение американских товаров народного потребления, кинокартин, литературы привели к формированию «международного американского культурного климата», как полагают А. Ирие, Дж. Гиноу-Хехт²³⁹, а также Мэри Нолэн, которая, в частности, указывает на то, что в то

²³⁹ *Gienow-Hecht J.* Shame on US? Academics, Cultural Transfer, and the Cold War- A Critical Review, *Diplomatic History*, Vol. 24, № 3 (Summer 2000). P. 466.

время «настоящее Америки сильнейшим образом повлияло на видение Веймарской Германией собственного промышленного, социального и культурного развития в будущем»²⁴⁰. Кинематография и радио связали Европу и Америку немислимым ранее способом.

Согласно американской и европейской историографии экспорт и влияние культуры Соединённых Штатов на европейские государства ясно прослеживались уже в начале XX века. Но в то время когда страны Европы, прежде всего Франция, начали подходить к экспорту своей культуры как к инструменту дипломатии, правительство США не торопилось разрабатывать сколько-нибудь последовательную внешнюю культурную политику.

Однако если обратиться к феномену образовательных обменов начала XX столетия, то здесь Америка уже демонстрировала завидную активность. Своими корнями образовательная политика Вашингтона уходит в британскую колониальную традицию, в рамках которой региональная элита, за исключением генерал-губернаторов, комплектовалась из автохтонного населения. Предприимчивые англичане создавали множество образовательных учреждений в колониях, превращающих, к примеру, коренных индусов в «утонченных британских аристократов», приверженных ценностям либерализма и свободной торговли.

Задействование образовательных программ, призванных укрепить доминирующее положение Америки в мировом созвездии наций, происходило синхронно с её торгово-экономическим усилением. Пионером американской образовательной политики стал президент Т. Рузвельт, при котором учиться в вузы США приехали 2 тыс. китайских студентов. Уолл-Стрит, заинтересованный в потребительском рынке Поднебесной, нуждался в лояльной китайской элите, которая бы обслуживала интересы финансового и промышленного капитала, сливавшегося постепенно в единый властный конгломерат.

²⁴⁰ Nolan M. *Visions of Modernity: American Business and the Modernization of Germany*. – N.Y.: Oxford University Press, 1994. P. 3 – 6, 30 – 57.

Дальнейшее развитие образовательной политики происходило под лозунгом борьбы с коммунистической и нацистской пропагандой в 1920 – 1930 гг. как в самих США, так и в странах Латинской Америки. В этот период главная цель внешней политики Вашингтона заключалась в переориентации элит латиноамериканских стран с европейских программ на американские.

На помощь государству приходит Нельсон Рокфеллер, влиятельный представитель деловой Америки, организовав специальные программы для обучения латиноамериканских бизнесменов. Идеологам американской внешней политики было также необходимо противостоять возросшей популярности СССР во времена Великой депрессии 1929 – 1932 гг., стойкость которого обуславливалась интровертностью экономического уклада, ориентированного преимущественно на внутреннее потребление.

Активность США достигла таких масштабов, что перед началом Второй мировой войны администрация Ф. Рузвельта предоставила военным из стран Латинской Америки право обучения в американских вузах в ответ на развернутые Германией образовательные программы. Позже программы военного обучения распространились и на те страны Азии, Европы, и Ближнего Востока, где Америка имела свои стратегические интересы. Юридической основой этой политики послужил документ, утвержденный Конгрессом в 1946 г. под названием International Military Education and Training Program (Международное военное образование и тренинги – Г.Ф.)²⁴¹.

В 1936 г. в Буэнос-Айресе на Панамериканской конференции в поддержку мира по инициативе делегации Соединенных Штатов была принята Конвенция по развитию межамериканских культурных связей, подтвердившая намерение правительства США поддерживать и стимулировать программы по обмену для студентов и деятелей искусства. Конвенция стала прототипом и образцом для многочисленных культурно-образовательных программ периода «холодной войны».

²⁴¹ *Ширяев Б.А.* Внешняя политика США. Принципы, механизмы, методы. – СПб., 2007. С. 255.

В 1938 г. в структуре государственного департамента США был создан Отдел культурных связей (Division for Cultural Relations), где работал Нельсон Рокфеллер. Со вступлением Соединенных Штатов во Вторую мировую войну еще более усиливается культурное направление американской дипломатии, наряду с действовавшим Отделом по координации межамериканских отношений (Office of the Coordinator of Inter-American Affairs) создается Отдел военной информации (Office of War Information). Этот отдел стал острием американской культурной дипломатии в военный период и занимался не организацией двусторонних культурно-образовательных обменов, а информированием мировой общественности о целях и задачах американской политики.

Кроме того, значительные усилия американской культурной дипломатии в военный период были сосредоточены на вопросе о возврате культурных ценностей, вывезенных немцами с оккупированных территорий. С этой целью в 1943 г. Госдепартамент объявил о создании специальной Комиссии по спасению и защите художественно-исторических памятников в зонах военных действий.

В американской историографии деятельность этой комиссии оценивается как один из наиболее успешных проектов по спасению культурного наследия и возвращению вывезенных культурных ценностей. Так, в 1945 – 1946 гг. большая часть утраченных коллекций была возвращена музеям европейских стран, а некоторые из вывезенных шедевров выставлялись в США, что значительно оживило интерес к искусству в американском обществе²⁴².

Западная и Восточная Европа, оказавшаяся в условиях послевоенного экономического кризиса и идеологического вакуума, стимулировала администрацию США организовать образовательные программы, целью которых было укрепление политических, экономических, военных и социокультурных связей со Старым Светом, рассчитанных на представителей соответствующих элит, молодежь, представителей политических

²⁴² *Cummings M.C. Jr. Cultural Diplomacy and the United States Government: A Survey* (Washington DC: Center for Arts and Culture, 2003) P. 4. URL: www.culturalpolicy.org.

партий, государственных учреждений, бизнесменов и академических кругов²⁴³. В такт со стратегической линией Госдепартамента известный американский дипломат и архитектор доктрины «сдерживания коммунизма» Дж. Кеннан заявляет, что «только культурные контакты способны преодолеть негативное отношение к Америке, укоренившееся в мировом общественном мнении»²⁴⁴.

Несмотря на достигнутые результаты, даже когда в 1938 г. в Государственном департаменте был организован Отдел культурных связей, многие из американских политиков продолжали критически относиться к использованию культурного фактора в качестве инструмента дипломатии. С их точки зрения, культура являлась сферой творчества и делом вкусов общества. Как, задавались они вопросом, можно выиграть в дипломатической игре, используя картины, спектакли и мюзиклы? Кроме того, культурные программы были весьма дорогостоящими, а иностранцы не могут проголосовать за того или иного кандидата на выборах в американские органы власти, таким образом оправдав расходы. Но история все расставила на свои места, доказав политическую близорукость, явленную такими подходами американских политиков.

Ситуация коренным образом пересматривается после окончания Второй мировой войны. Дипломаты в Соединённых Штатах начинают осознавать необходимость для страны экспорта американского образа жизни как части идеологической пропаганды. Общественные деятели наряду с политиками стали призывать власти к масштабному распространению американской культуры за рубежом для усиления влияния Америки в мире. Консультант государственного департамента А. Макмэхон в 1945 г. заявил: «Мы оказались бы в состоянии декаданса, если бы не хотели, чтобы другие знали, что такое американские стандарты, американская техника..., ко-

²⁴³ *Шурыев Б.А.* Внешняя политика США. Принципы, механизмы, методы. – СПб., 2007. С. 256

²⁴⁴ *Kenan G.* International Exchange in the Arts. Perspectives USA , 1956. P. 8.

торые очевидным образом способствовали тому, чтобы люди были счастливы»²⁴⁵.

В послевоенной Германии на подконтрольной США территории Белый дом принимается за реализацию культурных и образовательных программ с целью приобщения граждан этой страны к демократическим ценностям. С 1945 по 1954 г. более 12 тыс. немцев и 2 тыс. американцев приняли участие в двусторонних образовательных программах по обмену²⁴⁶. Подобная программа осуществлялась и в Японии.

В 1945 г. президент США Г. Трумэн передал Госдепартаменту информационные функции двух ведомств военного времени – Отдела по координации межамериканских отношений и Отдела военной информации. Сферу компетенции этих органов объединили с функциями Отдела культурных связей. В результате возник Отдел международной информации и культурных связей, переименованный через год в Отдел международной информации и образовательных обменов (Office of International Information and Educational Exchange). Этот орган подчинялся помощнику госсекретаря по вопросам публичной дипломатии. В последующие годы подведомство претерпевало немало организационных изменений.

В 1946 г. сенатор от Арканзаса У. Фулбрайт помог обеспечить принятие закона «79-584», известного как Акт Фулбрайта, по которому Госдепартамент был уполномочен заключать договоры с правительствами других стран, не требующими утверждения сената, а также использовать иностранную валюту – выручку от продажи военного оборудования с целью финансирования научных и культурных обменов. Затем правительство приняло решение о выделении ежегодных ассигнований на указанные нужды. Так появилась знаменитая программа Фулбрайта.

²⁴⁵ *Gienow-Hecht J.* Shame on US? Academics, Cultural Transfer, and the Cold War – A Critical Review, *Diplomatic History*, Vol. 24, № 3 (Summer 2000). P. 467.

²⁴⁶ *Cummings M.C. Jr.* Cultural Diplomacy and the United States Government: A Survey (Washington DC: Center for Arts and Culture, 2003) P. 4. URL: www.culturalpolicy.org.

В том же году Госдепартамент, при непосредственном участии помощника госсекретаря У. Бентона, предпринял попытку популяризации американских достижений в области искусства и культуры путём организации двух выставок произведений художников из США, собранных из частных и корпоративных коллекций. Первая носила название «Американская промышленность поддерживает искусство», вторая – «Продвижение американского искусства». Первая экспозиция даже вывозилась в Египет и Европу. Вторая вызвала немало противоречивых оценок во властных кругах США, поскольку в её основу легли экспериментальные произведения современного искусства.

В связи с изменившимися внешнеполитическими условиями и началом эры биполярной конфронтации Конгрессом США учреждались новые международные культурные и образовательные программы. Был принят Закон Смита-Мундта (Smith-Mundt Act) и в 1948 г. Закон об информационном и культурном обмене. Согласно букве последнего правительство США должно было «вести деятельность по международным информационным, образовательным и культурным обменам в мировом масштабе»²⁴⁷. Закон определял правила, по которым Госдепартамент мог осуществлять пропагандистские операции, направленные на иностранную аудиторию. Мотивируя принятие акта, Конгресс провозгласил «истину мощным оружием», выделив следующие цели информационной политики: объяснять внешнеполитические мотивы Соединенных Штатов; укреплять моральный дух американцев и их союзников; давать убедительную картину американской жизни; поддерживать американскую внешнюю политику. Акт предоставил правительству США возможность «вести деятельность по международным информационным, образовательным и культурным обменам в мировом масштабе»²⁴⁸. Более того, в соответствии с документом целью программ являлось информирование ми-

²⁴⁷ *Cummings M.C. Jr.* Cultural Diplomacy and the United States Government : A Survey (Washington DC: Center for Arts and Culture, 2003). P. 7. URL: www.culturalpolicy.org.

²⁴⁸ *Ibid.*

ровой общественности о США, обеспечение лучшего понимания страны за рубежом, а также укрепление взаимопонимания между американской нацией и народами других государств²⁴⁹.

В параграфе 501 документа значилось, что «информация, создаваемая "Голосом Америки" или другими вещательными организациями для аудитории за пределами Соединенных Штатов, не должна распространяться на территории США..., но по запросу должна быть доступна (только для членов Конгресса) на английском языке в любое время после её выпуска за рубежом»²⁵⁰. Лоббисты этого документа – Дж. Маршалл, государственный секретарь; Д. Ачесон, заместитель государственного секретаря; У. Гарриман, министр торговли; В. Смит, посол США в СССР; Д. Эйзенхауэр, генерал и Верховный главнокомандующий экспедиционных сил союзников в Европе.

Эти формулировки обуславливались обеспокоенностью США относительно целей и задач внешней политики СССР и стремлением в этой связи к укреплению национальной безопасности. Кроме того, законодательные инициативы стали реакцией США на советскую антиамериканскую пропаганду. Таким образом, стержнем культурной дипломатии американского правительства в эпоху «холодной войны» становится идеологическая пропаганда. В целях контрпропаганды в условиях идеологического противостояния с Советским Союзом в 1950 г. в Центральной и Восточной Европе учреждается программа «Кампания за правду»²⁵¹.

Отдел Государственного департамента по культурным связям был вновь реорганизован. На его месте появляются две структуры – Отдел образовательных обменов, ответственный за международные обмены, поддержку зарубежных библиотек и институтов, а также Отдел международной информации, в компетенцию которого входила работа с пишущей прессой, телевидение и распространение художественных фильмов.

²⁴⁹ Филлимонов Г. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. – М.: РУДН, 2010. С. 62.

²⁵⁰ *Ninkovich F.* The Diplomacy of Ideas: U.S. Foreign Policy and Cultural Relations, 1938 – 1950. Cambridge University Press, 1981. P. 122.

²⁵¹ Ibid..

Суть реорганизации заключалась в разделении проектов, преследующих долгосрочные цели (обеспечение культурно-идеологического влияния, создание привлекательного имиджа США за рубежом), и программ краткосрочной перспективы – контрпропаганда через СМИ в условиях идеологической конфронтации с СССР.

К этому периоду самым деятельным инструментом американской информационной политики становится радиостанция «Голос Америки». Сначала «Голос Америки» входил в Управление по координации межамериканских дел (Office of the Coordinator of Interamerican Affairs), созданное в 1940 г. Нельсоном Рокфеллером как полунезависимое от Госдепартамента объединение. Управление отправляло коротковолновые новостные сигналы в Латинскую Америку, подрывая нацистскую пропаганду. Затем в 1942 г. «Голос Америки» передаётся в ведение Управления по военной информации. В том же году благодаря соглашению с британской «ВВС» «Голос Америки» начинает прямое вещание в Тунисе и Италии, создав уже к 1945 г. 39 собственных радиопередатчиков, передающих новости на 40 языках мира. В 1946 г. «Голос Америки» передаётся под контроль Госдепартамента ²⁵².

Особый интерес для настоящего исследования представляет радиовещательная корпорация «Радио Свобода / Радио Свободная Европа», созданная в 1949 г. в Нью-Йорке на базе Национального комитета за свободную Европу для пропаганды американских ценностей на территории Восточной Европы, Ближнего Востока и Центральной Азии. Основатели организации – А. Даллес, директор ЦРУ; Дж. Грю, посол США в Японии, директор Национального комитета за свободную Европу; Д. Уоллес, владелец журнала Reader's Digest; Ф. Альтшуль, нью-йоркский инвестиционный банкир; Д. Пул, американский дипломат и основатель Public Opinion Quarterly. Контролируемая ЦРУ, «Радио Свобода» стояла, по мнению Дж. Кеннана и Дж. Ф. Даллеса, в авангарде войны идей, борясь с привлекательностью коммунистических идей в Европе

²⁵² *Dizard W.* Inventing Public Diplomacy: The Story of the US Information Agency. Lynne Rienner Publishers, 2004. P. 24.

и развивающихся странах, воздействуя на все слои общества, от интеллектуалов до рабочих²⁵³.

Создав в 1951 г. Американский комитет за освобождение народов России (Amcomlib) для давления на И.В. Сталина и его окружение, ЦРУ также поддерживает «Радио Свободу» для широкого информационного наступления на СССР и страны народной демократии²⁵⁴. По мнению американского исследователя С. Микельсона, именно «Радио Свобода», широко освещая беспорядки в Берлине 1953 г. и в Познани 1956 г., подготовило почву для мятежа в Венгрии 1956 г., послужившего причиной ввода советских войск в республику²⁵⁵.

В итоге весь груз ответственности за проделанные пропагандистские операции ложится на ЦРУ и Отдел по культурным связям при Государственном департаменте США. Известный дипломат из Совета по международным отношениям Х. Финн отдаёт дань уважения спецслужбам, подчёркивая, что «родоначальники американской культурной политики завоевывали умы и сердца умеренных элементов в обществе, которые имели склонность к радикализму». Учитывая, что «отчаянные и лишённые гражданских прав молодые люди в развивающихся странах искали утешение в коммунизме», руководство Америки «сумело дать этой тенденции идеологический отпор»²⁵⁶.

С обострением «холодной войны» США уделяют особое внимание необходимости информирования мира о целях, содержании и приоритетах своей внутренней и внешней политики. В этой связи в 1953 г. создается Информационное агентство США (ЮСИА) (United States Information Agency/ USIA) как

²⁵³ *Puddington A.* Broadcasting Freedom: The Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty. – L.: University Press of Kentucky, 2003. P. 7, 10, 14.

²⁵⁴ *Mickelson S.* America's Other Voice: the Story of Radio Free Europe and Radio Liberty. – N. Y.: Praeger Publishers, 1983. P. 59, 241.

²⁵⁵ *Ibid.* P. 80.

²⁵⁶ *Finn H.* The Case for Cultural Diplomacy: Engaging Foreign Audiences / Foreign Affairs. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/59359/helena-k-finn/the-case-for-cultural-diplomacy-engaging-foreign-audiences>.

независимое от Госдепартамента учреждение. Новое агентство объединило в себе программы, ранее входившие в компетенцию Государственного департамента, включая «Голос Америки». Исключение составили государственные образовательные программы по обмену, оставшиеся в зоне ответственности внешнеполитического ведомства, хотя через два года часть их была передана в ведение ЮСИА.

В то же время немалые усилия в направлении распространения американской идеологии и влияния предпринимались по линии ЦРУ, которое осуществляло ряд культурно-образовательных программ за рубежом. В целях укрепления и развития контактов между американскими и иностранными деятелями искусства и культуры ЦРУ участвовало в создании Конгресса за свободу культуры (Congress for Cultural Freedom) и тайном финансировании экспозиций из США за рубежом, заграничных турне американских театральных коллективов, а также публикаций в других странах журналов об американской культуре.

С новой силой акцент на реализацию образовательных и культурных обменов был сделан при администрации Д. Эйзенхауэра (1953-1961 гг.). В 1954 и 1956 гг. в США были приняты законы о международных культурных обменах, после чего 111 различных творческих коллективов были отправлены на гастроли в 89 стран мира. В контексте культурно-коммуникационного противостояния США и СССР особый интерес представляет инициатива президента Д. Эйзенхауэра. Речь идёт об одобренной им 29 июня 1956 г. рекомендации Совету национальной безопасности «предпринять шаги в направлении развития двусторонних культурных и научных связей с СССР и его союзниками». Предполагалось решительное «развитие обмена информацией и визитами в соответствии с 17 пунктами аналогичной программы, безуспешно обсуждавшейся в октябре 1955 г. на конференции министров иностранных дел США, Франции, Великобритании и СССР»²⁵⁷.

Программа касалась широкого спектра культурного сотрудничества. В контексте обсуждения её научных составляющих важны вопросы обеспечения свободного и прямого обме-

²⁵⁷ Независимая газета / Наука. 22 июня 2011 года.

на информацией между гражданами западного и восточного блоков, взаимной отмены цензуры (пункт 1), вопросы создания информационных центров в крупных городах и стимулирования широкого обмена книгами и периодикой между библиотеками наших стран, проведение выставок (пункты 2, 4 и 7). Предполагалось отключить «радиоглушилки» и обмениваться радиопередачами по актуальным проблемам мирового развития, в том числе по вопросам достижений науки и техники (пункты 8 и 9)²⁵⁸. Ударными были пункты 12, 13 и 15. Планировалось всемерно способствовать развитию научных визитов и совместному участию ведущих учёных обеих стран в важнейших международных научных конференциях. И, наконец, принять решительные меры по расширению студенческих обменов. «Студентам очень важно понять и узнать особенности студенческой жизни в стране пребывания»²⁵⁹, – говорилось в пункте 15.

Советский Союз оказался не готов к такой открытости, опубликовав 12 июля 1956 г. в «Правде» гневный комментарий о том, как Запад в очередной раз попытался «наводнить соцлагерь шпионами и оболванить коварной пропагандой»²⁶⁰. СССР понимал, что свободный поток информации способен разрушить культурную гегемонию коммунистической партии, спровоцировав впоследствии распад страны, как это имело место при М. Горбачёве. Другое дело – научное сотрудничество, которое шло только на пользу СССР, вставшего с 1920-х гг. на рельсы индустриализации. В ту эпоху страна, «не считаясь с затратами, осваивала буржуазные технологии и растила молодое поколение учёных». Советский Союз «закупал заводы и почти до конца второй пятилетки имел возможность щедро платить зарубежным экспертам»²⁶¹.

Предугадывая реакцию советского руководства, Америка начинает действовать в одиночку. Так, в 1954 и 1956 гг. в США были приняты вышеупомянутые законы о международ-

²⁵⁸ Независимая газета / Наука. 22 июня 2011 года.

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Там же..

²⁶¹ Там же.

ных культурных обменах, после чего 111 различных творческих коллективов были отправлены на гастроли в 89 стран мира²⁶².

На базе Гавайского университета при поддержке государственных фондов был создан Центр «Восток–Запад» с целью развития добрососедских отношений между Соединенными Штатами и государствами Азиатско-Тихоокеанского региона посредством организации совместных исследований и семинаров.

В 1958 г. с принятием Закона «О международных культурных обменах» и Закона «О добросовестной торговле» продолжается рост количества программ Госдепартамента, нацеленных на расширение американского культурного присутствия. Стоит отметить, что содержание таких программ и шаги американского правительства в направлении развития культурной дипломатии как инструмента внешней политики соответствовали личным убеждениям президента Эйзенхауэра. Ещё будучи ректором Университета Колумбии, он активно поддержал создание программы Американской ассамблеи по вопросам публичной дипломатии.

Большим успехом в Советском Союзе пользовались американские выставки, организованные Госдепартаментом. Начиная с Американской национальной выставки в Москве 1959 г. по 1990 г., в 12 часовых поясах СССР прошли 19 выставок, где демонстрировались культурные и технологические новшества США, графика, достижения в сельском хозяйстве, медицине и даже в отдыхе обычной американской семьи на природе. Посетители выставок - советские ученые, руководители правительства, преподаватели, начальники предприятий, представители интеллигенции, художники и рабочие из 25 городов Союза, таких как Москва, Ленинград, Киев, Ташкент, Новосибирск, Владивосток²⁶³.

Не скрывая своей досады, западные интеллектуалы были вынуждены признать догоняющий характер политики США

²⁶² Филимонов Г. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. – М.: РУДН, 2010. С. 64.

²⁶³ 50th Anniversary of the American Exhibits to the USSR. / US. Department of State. URL: <http://www.state.gov/p/eur/ci/rs/c26472.htm>.

в области культурной дипломатии. Успех коммунистической пропаганды связывается с 1955 г., когда запускаются советско-американские культурные обмены. В то же году наблюдается рост числа американцев, посетивших СССР, а также обмен делегациями. Советские и американские СМИ красочно описывали визиты, придавая импульс культурным связям на всех уровнях. Вместе с тем репортажи, посвященные встречам делегатов, выполняли свою политическую задачу: информация отражала официальные позиции Кремля и Белого дома. Правящая элита США постепенно переосмысливала национальную информационную политику²⁶⁴.

В 1958 г., отвечая на широкое наступление советской высокой культуры, Государственный департамент и Информационное агентство США впервые отправляют квартет известного джазового композитора Д. Брубeka в заграничное турне. Брубек концертировал в Восточном Берлине, Польше и Турции²⁶⁵.

13 августа 1961 г., когда коммунистические власти ГДР перегораживали Берлин стеной, западноберлинская радиостанция весь день играла Д. Брубeka, в том числе «Бранденбургские ворота», написанные в 1958 г. после посещения разделённого города, и, конечно, «Take five». Творчество Д. Брубeka, назвавшего джаз «истинно американским языком», нашло, по мнению «Вашингтон пост» возможность «проходить сквозь границы языка, культуры, политики и расы». Вот как охарактеризовал деятельность музыканта председатель Национального фонда поощрения искусства Д. Джойя: «Вряд ли можно найти ныне здравствующего американца, который сделал для культурной дипломатии больше, чем Брубек. Дэйв не только один из великих мастеров американской музыки. Он еще один из великих мастеров дипломатии»²⁶⁶. Помимо Д. Брубeka, докладательством улучшения межрасовых отношений в США за-

²⁶⁴ *Gienow-Hecht J., Donfried M. Searching For a Cultural Diplomacy. – N.Y.: Berghahn Books, 2010. P. 33 – 50.*

²⁶⁵ Дэйв Брубек, мастер джазовой дипломатии // Голос Америки. URL: <http://www.voanews.com/russian/news/a-33-2008-04-09-voa14.html>.

²⁶⁶ Там же.

нимались такие выдающиеся исполнители джаза, как Л. Армстронг, Дж. Гиллеспи и Б. Гудман²⁶⁷.

После вступления в должность Президента США в 1961 г., Дж. Кеннеди назначил на нововведенный пост помощника госсекретаря по вопросам образования и культуры Филиппа Кумбса – бывшего директора образовательных программ Фонда Форда. В 1962 г. на должность специального советника президента по вопросам искусства назначен цитированный выше О. Хекшер.

Учитывая полезность религиозных миссионеров в истории бывших колониальных империй – Англии и Франции, Дж. Кеннеди делает ставку на социальное миссианство, создав в 1961 г. «Корпус мира» (*Peace Corps*). С помощью этого института, администрация Кеннеди, озабоченная геополитическими последствиями деколонизации в Азии, Африке и Латинской Америке, отождествляет успехи американского общества с мировым развитием. С 1961 г. более 200 тыс. американцев присоединились к инициативам «Корпуса мира» в 139 странах мира. Участники программы работали с правительствами, школами, некоммерческими и неправительственными организациями, образовательными учреждениями; предпринимали меры по борьбе с голодом в развивающихся странах; помогали молодежи стран третьего мира организовать бизнес, использовать информационные технологии, развивать сельское хозяйство и защищать окружающую среду. По истечении двух лет службы добровольцы могли вновь продлевать свои полномочия.

В разгар деятельности «Корпуса мира» в 1967 г. в нём служили около 15 тыс. добровольцев (90% из них в возрасте моложе 30 лет), действовавших в 70 странах Азии, Африки и Латинской Америки, а всего через «Корпус мира» за первые 16 лет его существования прошли свыше 100 тыс. человек²⁶⁸.

²⁶⁷ Burnham C. Jazz Diplomacy: a Cold War Relic? URL: http://mountainrunner.us/2011/02/burnham_jazz_diplomacy_a_cold_war_relic.html.

²⁶⁸ Peace Corps Authorization. Hearings before the Committee on Foreign Relations. US Senate, 95th Congress, 1st Session, May 6, 1977. – W., 1977. P. 18.

Потом, когда за ними туда попадали американские дельцы, военные и пропагандисты, они встречали более благожелательное отношение населения к американцам вообще – добровольцы успешно решали поставленную перед ними задачу «приобретать друзей в США»²⁶⁹.

По мнению американского исследователя Т. Соренсена, задача «Корпуса мира» состояла в том, что, присутствуя в глубинке развивающихся стран, молодежь Соединённых Штатов пыталась сломать «стереотипное представление об американцах»²⁷⁰. Советский историк-американист И.Л. Шейдина резонно именуется «Корпус мира» миссионерской организацией, реализующей, однако, не религиозное миссионерство, как это имело место в прошлые века, а социальное. Шейдина приводит свидетельство такого близкого к президенту Дж. Кеннеди человека, как А. Шлезингер-мл., констатирующего уважительное отношение американского президента к способности СССР мобилизовать молодежь для разного рода добровольной работы. Так, в одном из своих предвыборных выступлений, говоря о «Корпусе мира», Кеннеди прямо призвал американскую молодежь «продемонстрировать» всему миру способность работать с таким же энтузиазмом, «с каким работают в своей системе коммунисты»²⁷¹.

Для администраций Кеннеди и позже Джонсона была характерна убежденность в необходимости развития внутренних культурных программ, поощрявших творчество американских деятелей искусства, что имело целью изменить представление о США за рубежом как о стране стяжателей и материалистов²⁷².

С 1960-х гг. американские «программы взаимного образовательного и культурного обмена» превращаются в ин-

²⁶⁹ Шейдина И.Л. Невоенные факторы силы во внешней политике США. – М.: Наука, 1984. С. 275.

²⁷⁰ Sorensen T. Kennedy. – L., 1965. P. 642.

²⁷¹ Schlesinger A.M.Jr. A Thousand Days. John F. Kennedy in the White House. – L., 1965. P. 209.

²⁷² Cummings M.Jr. Cultural Diplomacy and the United States Government: A Survey (Washington DC: Center for Arts and Culture, 2003). P. 9. URL: www.culturalpolicy.org.

ституционализированные, проводимые на регулярной основе цикличные мероприятия с возобновляемым бюджетом, регламентированным содержанием и строго очерченной целевой аудиторией. Эти программы реализуются на базе детально разработанного федерального законодательства, в основе которого лежит закон Фулбрайта–Хэйса (*Fulbright–Hays Act*) 1961 г.²⁷³ В преамбуле документа было заявлено, что основная цель правительства США – «улучшить взаимопонимание между американским народом и остальными странами с помощью образовательных и культурных обменов; наладить международное сотрудничество в области образования и культуры для дружественных и мирных отношений Америки с другими странами»²⁷⁴. Эта законодательная инициатива, по мнению американских историков, вернула международным культурно-образовательным и обменным программам признание в качестве самостоятельного официального направления внешней политики США.

Сенатор Д.У. Фулбрайт, имя которого носят известные программы академических обменов, был сторонником сближения наций через международные образовательные программы. Переломным моментом в жизни и карьере самого Фулбрайта стало обучение в Великобритании по британской стипендиальной программе С. Родса. Позже он написал: «Подобный опыт излечивает от представлений о том, что за границей живут какие-то другие люди, не такие, как мы, враги. Живя за границей, перестаешь верить, что все иностранцы плохи»²⁷⁵.

С этого периода программы обучения иностранных студентов в университетах США становятся одним из самых важных проявлений «мягкой силы». Деколонизация, сместившая акценты в реализации международных образовательных программ на страны третьего мира, стимулировала американские

²⁷³ *Фоминых А.* «Мягкая мощь» обменных программ. URL: <http://www.intertrends.ru/sixteenth/008.htm#note6>.

²⁷⁴ United States Code // Mutual and Cultural Exchange Program. URL: <http://www2.ed.gov/about/offices/list/ope/iegps/fulbrighthaysact.pdf>.

²⁷⁵ Из интервью сенатора Дж.У. Фулбрайта с Л. Зусманом. Вашингтон. 1991. URL: <http://www.fulbright.ru/about/>.

власти реформировать систему образования в большинстве стран Азии и Африки, кадры для которых готовились в университетах Соединённых Штатов.

Рассматривая культурную дипломатию как «область дипломатии, связанную с созданием, развитием и поддержанием отношений с иностранными государствами посредством культуры, искусства и образования», международные образовательные обмены предстают ключевым фактором «внешней проекции системы ценностей на двустороннем и многостороннем уровнях»²⁷⁶.

Сами термины «обменные программы» и «международные обмены», хотя и находятся в широком употреблении, не получили четкого определения. Во многих публикациях, посвященных вопросам международного сотрудничества в области высшего образования, в качестве синонима используется понятие «международная академическая мобильность», под которым понимают перемещение лиц из одной страны в другую с целью обучения, проведения исследований, научной стажировки и иной академической деятельности. Но содержание обменных программ не сводится лишь к академической сфере образования. Образовательные программы или мероприятия, которые разрабатываются правительственными ведомствами для реализации внешнеполитических задач и финансируются из госбюджета, составляют значительную долю международных обменов. Однако наряду с этим существуют программы культурного обмена, молодежные программы сезонной занятости, волонтерское движение, «чиновничий туризм» – «технические образовательные программы» для сотрудников госучреждений различного уровня, политиков и специалистов разных отраслей²⁷⁷.

²⁷⁶ Concise Review of the Basics of Cultural Diplomacy. URL: <http://textus.diplomacy.edu/textusBin/BViewers/oview/culturaldiplomacy/oview.asp>.

²⁷⁷ Цветкова Н.А. Оценка эффективности международной образовательной политики СССР и США в годы «холодной войны» // 200 лет российско-американских отношений: наука и образование: Сборник статей / Под ред. А.О. Чубарьяна и Б.А. Рубла. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 378 – 393.

Квинтэссенция основных положений образовательной и научно-технической политики США содержится в книге влиятельного американского политолога Зб. Бжезинского «Между двумя эпохами: роль Америки в технотронную эру». По Бжезинскому, изначально Соединённые Штаты Америки воздействовали на мир в силу того, что их образ ассоциировался со свободой; затем он стал ассоциироваться с материальными благами; теперь же «влияние Америки, прежде всего, носит научно-технический характер и является функцией от американского превосходства в области науки, техники и образования»²⁷⁸. Анализируя американскую политику в этих областях, отечественный исследователь И.Л. Шейдина выделила четыре аспекта образовательной и научной политики: 1) обмен публикациями, научной информацией, книгами, периодическими изданиями по различным проблемам науки и техники; 2) контакты учёных и специалистов, международные научные форумы, симпозиумы, конференции, выставки; 3) двустороннее и многостороннее научно-техническое сотрудничество на уровне государственных учреждений, отдельных предприятий, организаций или частных фирм; 4) передача научно-технических достижений, технологии и передового технологического опыта на коммерческих началах (лицензии, техническая помощь, оказание услуг в проектировании и строительстве, консультирование и т.п.)²⁷⁹.

И.Л. Шейдина полагает, что образовательная и научно-техническая политика США была направлена на то, чтобы закрепить в сознании мировой общественности стереотип, в соответствии с которым между США и другими странами невозможна другая модель отношений, кроме как отношения между новатором и подражателем²⁸⁰. Провозглашая научно-технический прогресс, с одной стороны, «основой цивилиза-

²⁷⁸ *Brzezinski Z.* Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era. – N.Y., 1970. P. 25.

²⁷⁹ *Шейдина И.Л.* Невоенные факторы силы во внешней политике США. – М.: Наука, 1984. С. 175, 176.

²⁸⁰ *Brzezinski Z.* Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era. – N.Y., 1970. P. 31.

ции», а с другой – едва ли не исключительно американской собственностью (научно-техническая революция нередко имее-
тся у заокеанских авторов «третьей американской револю-
цией»), эти идеологи пытаются представить претензии пра-
вящих кругов США на глобальное лидерство как совершенно
неоспоримые в силу американского научно-технического пре-
восходства²⁸¹. Именно в круге такой тематики заметнее, чем
где-либо ещё, насколько сильна и теперь мессианская струя
в американской идеологии, только теперь это, в ногу со вре-
менем мессианизм технологический²⁸². Советский социолог
Г.Х. Шахназаров называл такого рода техницистские утопии
«техноидиллиями»²⁸³.

Помимо Зб. Бжезинского, на такого рода позициях сре-
ди международников стояли также К. Хаскинс, Ю. Сколников,
У. Кинтнер и многие другие авторы. С. Хантингтон, например,
утверждает, что научно-техническое превосходство наклад-
ывает на США особое бремя – «бремя помощи остальному
человечеству»²⁸⁴. Социолог К. Болдинг вводит понятие «су-
перкультуры» – наднациональной, глобальной надстройки,
порождённой прогрессом науки и техники («культуры аэро-
портов, скоростных автомагистралей, небоскрёбов, зерновых
гибридов и искусственных удобрений, контроля рождаемости
и университетов»²⁸⁵, исходящей из Америки).

Американский политолог В. Бэсьюк, комментируя кон-
цепцию суперкультуры, утверждает, что она не просто распро-
страняется по всему миру из США, но и вытесняет традицион-
ную культуру, попутно «снимая как устаревшие» все проблемы

²⁸¹ Шейдина И.А. Невоенные факторы силы во внешней политике США. – М.: Наука, 1984. С. 243.

²⁸² Там же.

²⁸³ Шахназаров Г.Х. Фиаско футурологии (Критический очерк немарк-
систской теории общественного сознания). – М., 1979. С. 57.

²⁸⁴ Huntington S. Transnational Organizations in World Politics. – World
Politics, 1973. P. 34.

²⁸⁵ Boulding K. The Emerging Superculture. – Values and the Future / Eds
K. Baier, N. Resher. – N.Y., 1969. P. 347.

национальности, расы и вероисповедования и т.д. Завершая свою мысль, Бэсюк пишет: «Таким образом, соединяя эти абстрактные рассуждения с конкретными внешнеполитическими целями США, – роль Америки как образца мировой цивилизации является средством обеспечения подходящего климата – как внутри страны, так и повсюду в мире, ибо эти понятия уже более неотделимы друг от друга, – для сохранения и дальнейшего распространения американских ценностей»²⁸⁶.

В геополитическом отношении, теории постиндустриального, технотронного общества и им подобные подрывали, по И.Л. Шейдиной, марксистско-ленинское учение о развитии общества²⁸⁷. Вышесказанное свидетельствует о том, что американские образовательные учреждения и образовательные обмены, в частности, превратились, выражаясь терминологией Зб. Бжезинского, в «социальную лабораторию мира»²⁸⁸. Тезис канадского социолога и теоретика СМИ М. Маклюэна *media is the message* – «средство информации и есть суть информации» – принимает у Бжезинского форму утверждения, будто «структура и содержание общественного сознания прямо зависят от технических средств распространения информации»²⁸⁹. Развивая логику своего коллеги, Б. Мэннинг, возглавлявший к тому времени Совет по международным отношениям, писал, что «Соединённые Штаты в конце концов обретут своё моральное лидерство среди других стран мира – не силой своей экономической мощи и не силой оружия, но в силу достоинств своего идеологического примера»²⁹⁰. Данный подход был бли-

²⁸⁶ *Basiuk V.* Technology, World Politics, and American Policy. – N.Y., 1977. P. 34, 326.

²⁸⁷ *Шейдина И.Л.* Невоенные факторы силы во внешней политике США. – М.: Наука, 1984. С. 244.

²⁸⁸ *Brzezinski Z.* America in a Hostile World. – Foreign Policy, 1976. N. 23. P. 92.

²⁸⁹ *Brzezinski Z.* Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era. – N. Y., 1970. P. 40.

²⁹⁰ *Manning B.* Goals, Ideology, and Foreign Policy. – Foreign Affairs, 1976, Jan. P. 283.

зок и советской гуманитарной науке, основываясь на тезисе К. Маркса, озвученном в 1871 г.: «Ежедневная пресса и телеграф, который моментально разносит свои открытия по всему земному шару, фабрикуют больше мифов за один день, чем раньше можно было изготовить за столетие»²⁹¹.

В начале 1970 г. администрация Р. Никсона в корне меняет образовательную политику США в Восточной Европе. Советник по национальной безопасности Г. Киссинджер предлагает президенту концепцию дифференциации международной образовательной политики. Суть концепции Г. Киссинджера состояла в необходимости для США сконцентрировать программы международного образования для правящей элиты и молодёжи в тех странах, где возможно их беспрепятственное проникновение. Исходя из данной концепции восточноевропейские страны, исключая Югославию, были подвержены особому ранжированию: Польша и Румыния были обозначены в первой группе; Венгрия и Чехословакия – во второй; Болгария, Восточная Германия и Албания – в третьей²⁹². США намеревались посредством обучения правящей элиты и молодёжи общества поддержать идеи национализма, что потенциально могло в будущем ослабить связи восточноевропейских обществ с Советским Союзом, а также изменить отношение к Америке среди представителей коммунистических партий, мэров городов и чиновников. В ходе реализации данной программы в течение 1970-х гг. правительству США удалось увеличить число участников программ в таких государствах, как Польша и Румыния²⁹³.

В 1979 г. администрация Дж. Картера также создаёт программу «Север – Юг», в рамках которой в США проводилась ежегодная стажировка около 250 молодых людей из развивающихся стран. После окончания учебы эти люди должны были, по мнению создателей программы, «нести информацию о США своим народам». Реализуя подобный обмен, Белый дом

²⁹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 33, С. 215.

²⁹² Kissinger H. White House Years. Boston, 1979. P. 1265.

²⁹³ Цветкова Н.А. Cultural imperialism: международная образовательная политика США в годы «холодной войны». – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. С. 152.

надеялся использовать неформальные каналы культурной экспансии, которые делали американские идеалы и ценности более привлекательными. Академические круги также активно участвовали в реформировании дипломатической службы страны, предлагая чаще задействовать потенциал «Корпуса мира», преданного забвению администрациями Р. Никсона и Дж. Форда. Рекомендации учёных основывались на том, что неправительственные организации, не обременённые государственным ярлыком, эффективнее воздействуют на мировое общественное мнение.

В 1978 г. при президенте Дж. Картере произошла очередная институциональная реорганизация в ведомствах, осуществляющих внешнюю культурную политику и пропаганду, в результате чего возникло новое самостоятельное учреждение – Агентство по международным связям США (United States International Communications Agency), которое объединило в себе функции ЮСИА и Бюро по делам образования и культуры Госдепартамента США.

В своём письме Конгрессу Картер обратил особое внимание на двойное назначение нового ведомства – сообщать миру об обществе США и их политике, особенно приверженности американцев культурному разнообразию и личной свободе, а также информировать самих американцев об окружающем мире в целях обогащения их культуры и расширения представления о путях эффективного решения межгосударственных противоречий.

Реорганизация 1978 г. положила конец двойному управлению программами по обмену, так как ранее администрированием этих проектов в Вашингтоне занималось Бюро по делам образования и культуры Госдепартамента, а их зарубежной реализацией – ЮСИА.

Наряду с вышеназванными инструментами «мягкой силы» институциональным новшеством культурно-коммуникационной политики Америки становится всемирная телевизионная сеть «Уорлднет». Её первая пресс-конференция состоялась в 1983 г. С тех пор проведено более 3000 диалогов, в которых принимали участие президенты многих стран мира, госсекретари, министры обороны, ведущие экономисты. Сеть

«Уорлднет» связывает Вашингтон с городами в 80 странах. В Западной Европе её специализированная служба «Евронет» охватывает 96 местных кабельных систем и 8 телевизионных станций. Приём передач «Евронет» осуществляют 40 пунктов ЮСИА в Западной Европе, где информация записывается и рассылается различным учреждениям и библиотекам. Вещание ведется на английском языке два часа в сутки, аудитория составляет 4 млн человек²⁹⁴.

Неоглобальная внешнеполитическая стратегия, провозглашённая Р. Рейганом, усилила психологическую войну против социалистического лагеря. В рамках «крестового похода против коммунизма и большевизма» были вдвое увеличены ассигнования на внешнеполитическую пропаганду.

Один из наиболее близких к Р. Рейгану людей К. Эдельман (директор Агентства по контролю над вооружениями и разоружению) квалифицировал публичные методы дипломатии таким образом: «По большому счёту культурная дипломатия носит превентивный характер. Она помогает удерживать симпатии народов и лидеров дружественных стран к США и старается не допустить полного разрыва отношений с недружественными государствами»²⁹⁵. Эдельман считал, что в 1980-е гг. завершился процесс формирования американской культурной политики как особой формы дипломатической деятельности. Она стала важным элементом внешней политики, той «мягкой силой», возможности которой не имеют границ.

Расширяя масштабы культурной дипломатии, администрация Рейгана за первые четыре года пребывания у власти удваивает бюджет «Голоса Америки». По подсчётам специалистов, «радиорупор агентства находился в эфире 900 часов в неделю, передачи шли на 39 языках, в том числе 164 часа вещались на русском и ещё 7 языках народов СССР»²⁹⁶. В на-

²⁹⁴ Цатурия С.А. Общественная дипломатия США в новом информационном столетии // США v Канада: экономика, политика, культура. – М.: Наука, 2010. С. 113.

²⁹⁵ Матвеев В.М. Дипломатическая служба США.– М.: Международные отношения. 1987. С. 105.

²⁹⁶ Foreign Affairs. – 1981. Spring. P. 928.

чале 1985 г. на строительство лишь одной ретрансляционной станции на территории Израиля была ассигнована сумма, примерно равная годовым правительственным расходам на все программы культурного обмена. В этот период газета «Правда» отмечала, что «с помощью «Голоса Америки» планируется передавать радиogramмы для среднеазиатских и закавказских республик СССР, а также для Афганистана и Ирана»²⁹⁷. Таким образом, американская администрация направляла усилия пропагандистской машины в те регионы мира, которые противодействовали культурному лидерству Вашингтона. Президент Рейган сделал также все необходимое для возобновления прямого радиовещания на западно-европейские страны.

Учитывая то, что антиамериканские настроения в мире оказывают влияние на политиков и могут стать одним из факторов, вызывающих трения в отношениях США с их союзниками, Белый дом указал на важность более интенсивной обработки сознания западноевропейцев в проамериканском духе. В этой связи выдвигалась задача осуществления «оркестрируемой из единого центра информационной программы, которая дополнялась бы другими формами деятельности ЮСИА»²⁹⁸.

Внимание внешнеполитических стратегов США сфокусировалось на странах Ближнего Востока и Восточной Европы, что объясняется геополитической и геоэкономической логикой американского доминирования в Евразии. Посредством образовательных программ ставка делалась на создании и усилении оппозиционных движений. Так, в 1989 г. после визита Дж. Буша в Польшу и Венгрию был принят закон Support Eastern Europe Democracies, по которому в странах народной демократии были развернуты широкомасштабные образовательные программы. Судя «по количеству обученных студентов в период правления администрации Р. Рейгана и Дж. Буша, которое в 1985 г. было утроено, а в 1989 г. умножилось в четыре раза по сравнению с количеством студентов в США из Восточной Европы в 1975 – 1976 гг., задача Америки по усилению свое-

²⁹⁷ Правда. – 1984. 9 октября.

²⁹⁸ Foreign Affairs. – 1981. Spring. P. 917.

го влияния в регионе была достигнута»²⁹⁹. В октябре 1992 г. появился закон «Акт в поддержку свободы» (Freedom Support Act), который создавал масштабные программы обучения для российских граждан. Это событие можно считать логическим завершением американской международной образовательной политики периода «холодной войны»³⁰⁰.

С приходом к власти в СССР М. Горбачёва и политики гласности передачи «Радио Свобода» и других американских вещательных конгломератов перестают «глушиться» советскими спецслужбами; диссиденты открыто выступали в прямом эфире³⁰¹. Руководство ЦК КПСС предают забвению культурную и информационную безопасность народов Советского Союза, подрывая тем самым идейно-политические связи между всеми союзными республиками. К 1990 г. «Радио Свобода» становится лидирующей радиостанцией европейской части Советского Союза³⁰², освещая борьбу за власть между М. Горбачёвым и Б. Ельциным и августовский путч 1991 г. Сразу же после прихода к власти Б. Ельцин благодарит радио в своём президентском указе и санкционирует открытие его представительства в Москве³⁰³.

²⁹⁹ Digest of Educational Statistics 1977 // National Council of Educational Statistics. URL: <http://nces.ed.gov/pubs/digest97/d97t410.html>. Цит. по: Цветкова Н.А. Cultural imperialism: международная образовательная политика США в годы «холодной войны». – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. С. 162.

³⁰⁰ National Security Directive 23. US Relations with Soviet Union. September 22, 1989 // Federations of American Scientists. URL: www.fas.org. Цит. по: Цветкова Н.А. Cultural imperialism: международная образовательная политика США в годы «холодной войны». – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. С. 166.

³⁰¹ Puddington A. Broadcasting Freedom: The Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty. Lexington: University Press of Kentucky, 2003. P. 287.

³⁰² Sosin G. Sparks of Liberty: An Insider's Memoir of Radio Liberty. University Park: Pennsylvania State University Press, 1999. P. 209.

³⁰³ Ibid. P. 219.

Крах СССР наглядно продемонстрировал значение «мягкой силы», которая за сравнительно короткий промежуток времени внесла смятение в социалистический лагерь. Руководство СССР оставило без внимания антисоветскую пропаганду в странах Варшавского договора. Демонтаж берлинской стены, успех польской «Солидарности», падение режима Н. Чаушеску, победа В. Гавела, распад Югославии – все эти события происходили под аккомпанемент «культурного оркестра» из Вашингтона. Политическая власть, будучи идеологической надстройкой, подверглась демонтажу вследствие перманентной информационной обработки широких масс населения. Ось социалистических государств Восточной Европы (которая долгие годы являлась своеобразным буфером для Москвы) пала, вызвав культурное цунами по всему евразийскому континенту³⁰⁴.

Демонтаж системы социализма позволил Белому дому активизировать свою деятельность по разрушению «русского мира» в странах СНГ, выраженную во многом в упрочении позиций английского языка и усилении антисоветской пропаганды. В этой связи интересна точка зрения Э.А. Иваняна: «"Массовая культура" преимущественно заокеанского происхождения заполнила культурное поле России. На книжный рынок сотнями тысяч экземпляров выбрасываются переводы сочинений бесчисленного множества американских авторов – так называемых триллеров, саспенсов, дамских романов и детективов. На киноэкранах российских городов демонстрируются ежегодно столь же огромное количество фильмов аналогичного жанра. Все эти факты даже с большой натяжкой можно отнести к достойным внимания событиям культурной жизни России или образцам успешного развития российско-американского культурного сотрудничества»³⁰⁵.

Механизм принятия решений по реализации международных обменных программ США остался прежним. Агентство США по международному развитию (USAID) отвечает за

³⁰⁴ *Цатурян С.А.* Общественная дипломатия США в новом информационном столетии // США v Канада: экономика, политика, культура. – М.: Наука, 2010. С. 114.

³⁰⁵ *Иванян Э.А.* Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей. – М.: Международные отношения, 2007. С. 409.

администрирование программ с участием представителей из развивающихся стран. Обменные программы для Российской Федерации и большинства постсоветских государств относятся к сфере компетенции Бюро по делам образования и культуры Госдепартамента. Оно составляет планы по реализации программ обмена в тех или иных странах на основе аналитических материалов, поступающих из региональных отделов, дипломатических представительств Соединенных Штатов, а также спецслужб. При этом такие ключевые вопросы, как корректировка *country plans* в зависимости от текущей политической ситуации, смещение географических и иных приоритетов, упразднение действующих и учреждение новых программ, решаются на уровне Совета национальной безопасности – с участием представителей Госдепартамента, Министерства обороны, ЦРУ, экспертов и администрации президента США³⁰⁶.

Образовательная политика, по мнению бывшего госсекретаря США Дж. Шульца, сравнима с садоводством, в рамках которого, «сажая семена идей и идеалов, духовного восприятия мира, эстетических и политических ориентиров в сознание иностранной аудитории», Белый дом может «укреплять доверие и взаимопонимание между народами», «почву, столь необходимую в период кризисов и потрясений»³⁰⁷. Примерами успешности этой политики служат следующие персоны, получившие в разное время образование в США: президент Египта А. Садат, премьер-министры Великобритании М. Тэтчер и Э. Блэр, канцлеры ФРГ Г. Шмидт и Г. Шрёдер, президент Афганистана Х. Карзай³⁰⁸. Большинство людей по всему миру смогли также приобщиться к американскому образованию и культуре через сеть библиотек и информационных центров, которые находились в ведении ЮСИА.

³⁰⁶ Цветкова Н.А. Оценка эффективности международной образовательной политики СССР и США в годы «холодной войны». С. 381–382.

³⁰⁷ *Schultz G. Diplomacy in the Information Age / Paper presented at the Conference on Virtual Diplomacy, U.S. Institute of Peace. Washington, D.C., April 1, 1997. P. 9.*

³⁰⁸ Report of the Advisory Committee on Cultural Diplomacy / The Linchpin of Public Diplomacy. U.S. Department of State, 2005. P. 10.

Благодаря своему планетарному охвату образовательная политика Соединённых Штатов превратилась в действенный метод «мягкой силы», позволяющий формировать мировую политическую, экономическую, интеллектуальную и военную элиту, верную догмам либеральной демократии и рыночной экономики по-американски. Эксперты Консультативного комитета по культурной дипломатии при Госдепартаменте США связывают этот феномен с тем, что «высшее образование в Америке, несмотря на трудности в получении студентами виз, по-прежнему остаётся предметом для подражания»³⁰⁹.

*Большинство выпускников американских вузов выступают не только в качестве неофициальных послов в странах происхождения, но и восполняют серьёзные пробелы в области науки и техники в Америке, проводя передовые исследования: по данным Национального совета по науке, на долю иностранных студентов приходится 38% опубликованных докторских диссертаций*³¹⁰.

*Осуществляя культурную политику через образовательные обмены, американское общество было мобилизовано соответствующей политической риторикой, законодательными мерами и финансовыми вливаниями. Частные институты, «стоявшие ещё до Второй мировой войны в авангарде межкультурного общения Америки с другими государствами, вновь пришли на помощь Белому дому». Ввиду своей «уникальной роли в обществе, филантропические фонды, профессиональные объединения и университеты превратились в незаменимых поставщиков множества обменных программ»*³¹¹.

В отличие от своих советских оппонентов, администрация США сделала ставку на масштабное «финансиро-

³⁰⁹ Report of the Advisory Committee on Cultural Diplomacy / The Linchpin of Public Diplomacy. U.S. Department of State, 2005. P. 6.

³¹⁰ Zakaria F. Rejecting the Next Bill Gates / The Washington Post, November 23, 2004. P. 29.

³¹¹ *Вн L.* Educational Exchange and Cultural Diplomacy in the Cold War // Journal of American Studies Vol. 33, No. 3, Part 1: Women in America. Cambridge University Press, 1999. P. 393.

вание и техническое оснащение», приведшее к тому, что США и сегодня лидируют по количеству привлечённых иностранных студентов, «обучая ежегодно порядка 450 тыс. человек»³¹². Однако количество студентов вовсе не умаляет качество их образования и последующего трудоустройства. Пример тому – программы обменов им. Д. Эйзенхауэра (*Eisenhower Fellowships*). Это одна из наиболее закрытых и престижных обменных программ США, о чем свидетельствуют хотя бы имена председателей правления: в настоящее время эту должность занимает бывший госсекретарь США К. Пауэлл, а до него – Г. Киссинджер. К 50-летию юбилею деятельности Программы им. Дуайта Эйзенхауэра в 2003 г. были опубликованы данные, согласно которым среди ее выпускников насчитывалось 4 главы правительств иностранных государств, 110 министров, 43 посла, 37 руководителей государственных компаний и банков³¹³.

Из общего числа 600–700 тыс. человек (более точные данные привести вряд ли возможно), участвовавших в международных образовательных программах Госдепартамента США в период конфронтации, около 200 человек были или являются главами государств, а еще 600 – представителями правительств, парламента и различных министерств. Наиболее широко выпускники американских обменных программ представлены в политической элите Южной Кореи, Аргентины, Чили, Германии, Великобритании, Израиля и Японии³¹⁴.

После распада Советского Союза образовательная политика Соединенных Штатов получила широкое распространение на территории России и стран СНГ. По некоторым данным, «почти каждый десятый студент, каждый пятый пре-

³¹² Ширяев Б.А. Внешняя политика США. Принципы, механизмы, методы. – СПб. 2007. С. 254.

³¹³ Eisenhower Fellowships. URL: <http://eisenhowerfellowships.org/fellows/fellows.html>.

³¹⁴ Цветкова Н.А. Оценка эффективности международной образовательной политики СССР и США в годы «холодной войны». С. 392.

подаватель вузов России является участником академических программ, которые финансируют США»³¹⁵.

Говоря о «строительстве элит» на постсоветском пространстве, в первую очередь следует упомянуть феномен М. Саакашвили. Нынешний президент Грузии в 1992 г. окончил факультет международного права Киевского госуниверситета. В 1994 г. получил степень магистра права Колумбийского университета в Нью-Йорке, где обучался по стипендии программы им. сенатора Эдмунда Маски, а в 1995 г. Саакашвили получил степень доктора философии в Университете им. Джорджа Вашингтона³¹⁶.

При администрации Дж. Буша-ст. (1989 – 1993) в контексте глобальных изменений на политической карте мира и формирующейся новой архитектуры международных отношений США делают попытку придать ЮСИА и другим инструментам культурной дипломатии новое звучание, отличное от их содержательного наполнения в период «холодной войны». Однако при Буше-ст. экономика США оказалась в кризисном состоянии и избирательная кампания 1992 г. была в основном сосредоточена на вопросах преодоления экономического спада и внутриполитической проблематике. Внешнеполитические аспекты отошли тогда на второй план.

С победой на выборах в 1993 г. кандидата от демократической партии У. Клинтона американская администрация осуществила ряд значимых шагов в сфере внешней культурной политики. Как с иронией отмечают американские историки, одним из наиболее заметных поступков правительства США в тот период стала очередная попытка сокращения бюджета ЮСИА.

В 1999 г. функции ЮСИА (за исключением Бюро международного вещания – International Broadcasting Bureau) были переданы Госдепартаменту. Бюро международного вещания стало формально независимым агентством, но вместе с тем подконтрольным госсекретарю. Очередная реорганизация привела к возвращению культурных обменных программ в ве-

³¹⁵ *Ширяев Б.А.* Внешняя политика США. Принципы, механизмы, методы. – СПб., 2007. С. 258.

³¹⁶ *Фоминых А.* «Мягкая мощь» обменных программ. URL: <http://www.intertrends.ru/sixteenth/008.htm#note6>.

дение Госдепартамента, где они возникли изначально. В целях координации вопросов внешней культурной политики в структуре Госдепартамента США была создана новая должность – заместитель госсекретаря по вопросам публичной дипломатии.

В то же время президент Клинтон и его супруга объявили о создании при Белом доме Совета тысячелетия. Совет был создан с целью организации символических мероприятий, отображающих культурный багаж, с которым американский народ вступает в новое тысячелетие. Из более 80 организованных советом мероприятий существенная часть – проекты внешнекультурной направленности.

Прошли девять «Вечеров тысячелетия в Белом доме», устроенных президентской четой. На эти мероприятия приглашались представители научных кругов, деятели искусства и культуры, которые вели дискуссии по широкому кругу вопросов. При этом была организована прямая теле- и интернет-трансляция из Восточной комнаты Белого дома. Программы Совета тысячелетия положили начало порядка 30 проектам, в том числе с участием Государственного департамента.

По инициативе супругов Клинтон 28 ноября 2000 г. в Белом доме состоялась ранее упоминавшаяся первая Конференция по культуре и дипломатии, на которой председательствовала в ту пору госсекретарь США М. Олбрайт.

Дж. Буш-мл., вступивший в должность президента США 20 января 2001 г., в первый год своего правления сконцентрировался прежде всего на внутренних вопросах. Затем последовали трагические события 11 сентября 2001 г. и реакция американского правительства – война в Афганистане, затем в Ираке. Теперь попытки в направлении культурной дипломатии акцентировались в большей степени на выстраивании взаимоотношений с исламским миром.

Политика администрации Дж. Буша-мл. охарактеризовалась сокращением финансирования и сворачиванием многочисленных культурно-образовательных программ, существовавших ранее. По оценкам исследователей, смещение акцентов в пользу военной силы в ущерб инструментарию внешней культурной политики явно обозначилось с 2003 г. Дж. Най живописно иллюстрирует смену подходов американской власти к вопросу об использовании культуры как инстру-

мента силы и влияния и игнорирование тогдашним хозяином Белого дома значимости и эффективности «мягкой силы» во внешней политике государства³¹⁷.

Понимание политическим истеблишментом Соединенных Штатов сложившейся ситуации и необходимости преодоления возникших перекосов привело к учреждению Конгрессом в марте 2004 г. Консультативного комитета по культурной дипломатии. В функции комитета входит разработка предложений для госсекретаря США по развитию механизма использования культурной дипломатии как эффективного инструмента внешней политики Соединенных Штатов. Это учреждение призвано уделять приоритетное внимание расширению присутствия за рубежом лучших образцов американского искусства, развитию сотрудничества между государством, обществом и бизнесом с целью поддержки культурных обменов и иных культурных программ, позволяющих продвигать национальные интересы США в мире³¹⁸.

После вступления в должность 20 января 2009 г. Б. Обама сформировал мощную команду специалистов в области внешнеполитической пропаганды, центральное место среди которых заняла заместитель госсекретаря США по общественной дипломатии Джудит Макхейл. До прихода в администрацию Обамы она была руководителем большого коммерческого телеканала «Дискавери». На сегодняшний день в ведении Д. Макхейл в Госдепартаменте находятся культурно-образовательные и обменные программы, располагающие бюджетом в миллиард долларов³¹⁹.

³¹⁷ Nye J. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. – New York: Public Affairs, 2004. (*Най Дж.* Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. – Новосибирск – Москва, 2006.)

³¹⁸ *Cultural Diplomacy. The Linchpin of Public Diplomacy*, Report of Advisory Committee on Cultural Diplomacy, U.S. Department of State, September 2005. P. 6. URL: www.culturalpolicy.org.

³¹⁹ Филимонов Г. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. – М.: РУДН, 2010. С. 124; Цатурия С.А. Общественная дипломатия США в новом информационном столетии // США и Канада: экономика, политика, культура. – М.: Наука, 2010. С. 112.

Одним из первых шагов новой администрации в области публичной дипломатии стало обращение президента 4 июня 2009 г. с трибуны Каирского университета ко всему исламскому миру. По мнению эксперта московского Центра Карнеги А. Малашенко, Б. Обама обратился «не к умеренным, прозападно ориентированным политикам типа египетского президента или саудовского короля, которые и так смотрят на него с надеждой, и не к исламским экстремистам из "Талибана" и "Аль-Каиды"... Он пытается донести свои слова до простого мусульманина, который может поддержать власть, но может и стать базой религиозной оппозиции. Обама пытается переломить (не сразу, конечно) взгляд этого мусульманина на Америку. Он обращается к мусульманскому народу точно так же, как в США он обращается к народу американскому. Обама старается убедить мусульман в том, что в американском обществе нет чувства враждебности к исламу»³²⁰.

Стратегия Б. Обамы изначально получила поддержку как в политических, так и в академических кругах США. Ближайшим сторонником президента выступил министр обороны Р. Гейтс (бывший глава ЦРУ). По мнению Гейтса, Соединённые Штаты должны увеличить свои затраты на публичную дипломатию. В поддержку президента также выступил профессор Гарвардского университета Дж. Най, подготовив с бывшим первым заместителем госсекретаря США Р. Армитиджем совместный доклад для Конгресса, где «умная сила» (smart power), выстраиваемая на балансе между «мягкой» и «грубой» силой, провозглашалась наиболее эффективной концепцией.

Официальный документ, отражающий точку зрения правящей элиты Америки, – Стратегия национальной безопасности США, опубликованная 26 мая 2010 г. Вопреки «превентивному» характеру стратегии республиканской администрации, демократы особое внимание уделили «мягкой силе», реализуемой посредством дипломатии, сотрудничества и международно-правового регулирования. Стратегия подчёркивает намерение Америки выстроить «позитивные партнёрские отношения с мусульманскими общинами по всему миру» и

³²⁰ Обращение Б. Обамы к исламскому миру. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/news/81730>.

впервые констатирует многополярность системы международных отношений, необходимость либерально-демократических реформ в развивающихся странах и повышение их политической роли. Принцип комплексной взаимозависимости, выдвинутый ещё в 1970-е гг. Дж. Наем и Р. Кохейном, находит своё воплощение в следующем тезисе стратегии: ни одна нация не может в одиночку взять на себя бремя урегулирования вооружённых конфликтов, происходящих в мире, что, в конечном итоге, вынуждает Америку делать ставку на использование международных организаций ³²¹.

Характеризуя современную внешнюю политику США, политолог Р. Кейган сравнивает Б. Обаму с В. Вильсоном, который в своё время утверждал, что «доброжелательность и моральный облик Америки» будут оказывать необходимое воздействие на позиции других государств. По мнению Р. Кейгана, Б. Обама сторонник такой точки зрения: если другие нации отказались сотрудничать с нами, то только потому, что они считают Соединенные Штаты агрессивным и злым государством. В этой связи, продолжает американский исследователь, «ключевой задачей Обамы является изменение этого восприятия». Подводя итог действиям администрации, Р. Кейган делает интересное обобщение, которое как нельзя лучше определяет цель публичной дипломатии Вашингтона: «... обращение к исламскому миру, призывы устранить все ядерное оружие и "перезагрузка" в отношениях с Россией – всё это основа дипломатии Обамы, которая демонстрирует, что Америка вдруг стала другой. Она изменилась. Стала лучше... Пришло время сотрудничества всех наций с США...»³²².

Процесс развития культурной дипломатии США, цель которой завоевание стратегических коммуникационных пространств, позволяет сделать такое заключение: для полноценного лидерства в современном мире необходима монополия на средства убеждения, с её помощью можно получить

³²¹ National Security Strategy of the United States. May 2010. Washington, DC, 2010. P. i, 2, 3, 19, 47, 48, 5, 44 . URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf.

³²² Washington Post. – June 7. 2009.

(в одностороннем порядке) широкий доступ как в сырьевую кладовую планеты, так и захватить новые рынки сбыта продукции. Администрация США, взявшая на себя задачу глобального лидерства, прекрасно осознаёт, что невозможно контролировать мировые процессы исключительно путём военной силы.

Вспомогательная роль в трансляции американских ценностей во внешний мир и аппликации геополитической мощи Вашингтона по-прежнему остаётся за образовательными обменами, которые, по мнению российского политического философа В. Ванчугова, стимулируются «повышением глобальной мобильности и унификацией образовательного процесса»³²³. Согласно годовому отчету Института международного образования (Institute of International Education), формирующего свои данные с 1949 г., число иностранных студентов в американских университетах в течение 2010 – 2011 учебного года выросло на 4,7%, достигнув показателя в 723,277 человек. Для сравнения: в кризисный 2008 – 2009 учебный год там было 671,616 иностранных студентов, обеспечивших дополнительный вклад в американскую экономику в размере 17,6 млрд долларов. Из Азии в Новый Свет отправлялись 62% студентов; Старого Света – 13%, Латинской Америки – 10%, Африки – 5%, Ближнего Востока – 4%, Океании – 1%³²⁴.

Первая десятка стран, из которых приезжают учиться в Соединённые Штаты, выглядит так. В лидерах давно уже отмечается Китай, который в 2010 – 2011 учебном году обеспечил Америку 157,558 студентами (на 23% больше по сравнению с прошлым годом), на втором месте – Индия (103,895), на третьем – Южная Корея (73,351). Далее идут: Канада (27,546), Тайвань (24,818), Саудовская Аравия (22,704, на 44% больше чем в прошлом году), Япония (21,290 – это на 14% меньше, чем в прошлом году), Вьетнам (14,888, на 14% больше чем в прошлом году), Мексика (13,713) и Турция (12,184). Ну а если на это явление посмотреть сквозь призму гендерных исследо-

³²³ Ванчугов В. Зарубежный школяр как «агент влияния». Какую выгоду извлекают США в большом количестве студентов из других стран? URL: <http://www.terra-america.ru/zarubejnyy-shkolyar-kak-agent-vliyaniya.aspx>.

³²⁴ Там же.

ваний, то следует отметить, что среди иностранных студентов девушки составляют 45%³²⁵.

Несмотря на популярность американских образовательных учреждений «мягкая сила» Вашингтона будет испытывать на себе ожесточённое сопротивление со стороны Китая, который как никогда озабочен проблемой своего «недоброкачественного» имиджа, препятствующего реализации собственных товаров и услуг. В июле 2009 г. центральное телевидение Китая начало вещание на арабском языке (наряду с вещанием на английском, французском и испанском) и планировало трансляцию передач на русском языке. По мнению, китайских официальных властей, цель этих проектов – «дать миру реальное представление о жизни в Китае»³²⁶.

Основываясь на высокоинтеллектуальной методике манипуляции сознанием, Вашингтон «продолжит борьбу за стратегические коммуникационные пространства». Однако «в силу дальнейшего формирования многополярного мира, вызванного торгово-промышленным и политическим усилением Евросоюза и Китая, США будут вынуждены форсировать создание системы "информационного сдерживания" этих центров силы»³²⁷. По всей видимости, они сделают ставку на использование своего единоличного положения в сфере спутниковой связи и сети Интернет. Исходя из этого прогноза в обозримом будущем военная и финансово-экономическая мощь (главным образом – доллар) Вашингтона ещё больше станет зависеть от культурной дипломатии.

³²⁵ Ванчугов В. Зарубежный школяр как «агент влияния». Какую выгоду извлекают США в большом количестве студентов из других стран? URL: <http://www.terra-america.ru/zarubejnyy-shkolyar-kak-agent-vliyaniya.aspx>.

³²⁶ Центральное телевидение Китая начало вещание на арабском языке. URL: http://www.svobodanews.ru/archive/ru_news_zone/20090725/17/17.html?id=1785023.

³²⁷ Цатуриян С.А. Общественная дипломатия США в новом информационном столетии // США и Канада: экономика, политика, культура. – М.: Наука, 2010. С. 115.

Как и в прежние времена, формируемый мировой порядок станет результатом продолжительной силовой игры, однако сама сила будет уже измеряться не только количеством вооружений, но объёмами и качеством передаваемой информации. Из этого следует, что национальные интересы России, дважды за минувший век пережившей кардинальную трансформацию (1917 и 1991 гг.) своей политической системы, вновь потребуют эффективных усилий в области «мягкой силы». Речь идёт не о каких-то тактических мерах, а о стратегии национальной культурной безопасности, способной консолидировать её внутренний строй, укрепить государствообразующее положение русского народа и защитить республики бывшего Советского Союза от стандартизирующей глобализации. Культурно-коммуникационное преобладание США в мировой системе и рост пропагандистского потенциала Китая и Европейского союза – тревожные сигналы для России, её территориальной целостности, которая, в свою очередь, является производной от целостности духовной.

Исторический экскурс по внешней культурной политике США XX – начала XXI в. дает возможность найти ответ на резонный вопрос: почему, изначально проигнорировав такой важный аспект внешнеполитического влияния, как культурная дипломатия, со временем американские политики проявили заинтересованность в трансляции своих культурных ценностей за рубеж?

Во-первых, в американских политических кругах возникло понимание возможности эффективного использования фактора культуры в качестве действенного орудия на идеологическом уровне. Долгое время – вплоть до горбачевской перестройки – Советский Союз фактически повсеместно лидировал в идеологическом информационно-пропагандистском обеспечении своей внешней политики, опережая США по производству продуктов «мягкой силы», ведя активную работу в странах социалистического лагеря. США, соответственно, осуществляли антикоммунистическую контрпропаганду, стремясь к вовлечению в орбиту своего влияния все большего числа государств.

Помимо этой рациональной основы, американские ученые, а также политические и общественные деятели свято верили в образцовость их политической системы, демократических идеалов и ценностей, а также в то, что распространение и популяризация за рубежом их «свободной» культуры обеспечит продвижение демократических принципов в разных государствах планеты и уничтожит фашизм, коммунизм и прочие радикальные идеологии. Хотя необходимо признать, что было бы сложно оспорить утверждение о том, что в вышеуказанной позиции США со времени «холодной войны» не произошло каких-то радикальных изменений.

Из излагаемого становится очевидно, что идеологический аспект был и остается одной из неотъемлемых составляющих внешней культурной политики США, так как именно Америка «влила» идеологический компонент в комплексное понимание внешней культурной политики. Но с другой стороны, потребность Белого дома в арсенале для ведения серьезной идеологической атаки (или контратаки) во времена «великого противостояния» дала мощный начальный импульс развитию и укреплению внешнего культурного фактора, если иметь в виду сугубо государственный подход к реализации внешней культурной политики.

Возвращаясь к предмету исследования, необходимо добавить следующее: в 1950-х гг., несмотря на то что во многих (если не в большинстве) странах мира американские товары и сами Соединенные Штаты ассоциировались со свободой и демократией, в научных кругах Америки возникла серьезная обеспокоенность в связи с ростом негативного отношения к США за их границами.

В 1959 г. Ф. Джозеф, будучи председателем Американско-европейского фонда (American European Foundation), и Р. Арон издали сборник эссе под названием «Как нас видят другие» (As Others See Us), в котором 20 представителей разных стран характеризуют отношение к США, сложившееся в их государствах.

Известный французский мыслитель Р. Арон пишет о своём неприятии индустрии массовой культуры, снижения уровня стандартов в сфере культуры в угоду массам, а также говорит о расовых проблемах в американском обществе и «ин-

теллектуальном корме, предлагаемом американским потребителям скандальными журналами и книжными дайджестами». Впрочем, обобщая все высказывания, основную их мысль можно выразить в следующей фразе: «Американцы достигли замечательных результатов в деле производства материальных благ, и у них есть свои ноу-хау, но Америка, по сути, выглядит гигантом с головой неотесанной деревенщины»³²⁸.

Как полагают американские исследователи, анализ культурного экспорта США в конце 1950-х – 1960-х гг. подтверждает мнение, согласно которому пропагандистские шаги правительства Соединенных Штатов на информационном фронте и программы культурных обменов представляли собой робкую реакцию на советскую идеологическую атаку.

В 1958 г. журналист Питер Грот писал: «Америка является страной с наиболее развитой индустрией рекламы, но когда дело касается наиболее важной рекламной кампании – рекламы самих себя и демократического образа жизни, мы заметно отстаем от коммунистов». П. Грот обвинял американских политиков в том, что после завершения Второй мировой войны с их стороны не было предпринято каких-либо заметных шагов в сторону учреждения программ по культурным контактам с другими государствами. Причиной тому, считал журналист, было невежество президента, Конгресса и американского общества в целом.

Подобно Гроту, многие журналисты и учёные призывали правительство Соединённых Штатов использовать литературу, кинопродукцию, информационные программы как средство ознакомления людей во всем мире с американской историей, политикой и индустрией развлечений. Мир, по их мнению, нуждался в американской культуре, а правительство должно было обеспечить это.

³²⁸ *Gienow-Hecht J.* Shame on US? Academics, Cultural Transfer, and the Cold War— A Critical Review. *Diplomatic History*, Vol. 24, № 3 (Summer 2000). P. 468.

ГЛАВА II

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ АРСЕНАЛЕ США (1945 – 2012)

2.1. Бюро по делам образования и культуры Государственного департамента США

В преддверии рассмотрения эволюции подходов американского истеблишмента к использованию инструментария «мягкого» воздействия как средства решения внешнеполитических задач, а также анализа основных институтов и инструментов реализации «мягкой силы» в арсенале США автор предлагает классифицировать функционирование внешнеполитического механизма США в сфере использования методов и средств «мягкой силы» в двух магистральных направлениях – официальном и неофициальном.

Одним из основных учреждений американского правительства, ответственных за реализацию внешней культурной политики, целесообразно считать Бюро по делам образования и культуры (Bureau of Educational and Cultural Affairs) в структуре Госдепартамента США. Бюро призвано способствовать развитию взаимопонимания между США и другими государствами посредством разработки и осуществления международных образовательных программ и семинаров.

Учреждение обеспечивает развитие связей на личном, профессиональном и институциональном уровнях между частными лицами и организациями в США и за рубежом, а также информирует мировую общественность об американской истории, современном обществе США, американском искусстве и культуре. Бюро по делам образования и культуры, в частности, выступает с инициативой и способствует осуществлению следующих программ:

- программа Фулбрайта, предоставляющая гранты аспирантам, исследователям, преподавателям и руководителям;

- курсы по изучению английского языка, создаваемые отделом программ по английскому языку, целью которых – содействие взаимопониманию между Соединенными Штатами и другими странами. Зарубежные представительства отдела программ по английскому языку осуществляют поддержку и руководство языковыми программами, инициируемыми посольствами и консульствами США по всему миру;

- программы для России, стран СНГ, восточноевропейских и балканских государств, которые предусматривают предоставление стипендий, а также способствуют развитию связей на институциональном уровне;

- через соответствующую службу Бюро по делам образования и культуры предоставляет также информацию о новых грантах и культурно-образовательных программах по обмену как для частных лиц, так и для научных и некоммерческих организаций;

- подразделение по информации и ресурсам в сфере образования (Educational Information and Resources Branch) развивает популярность и повышает престиж американского высшего образования за рубежом, сотрудничает с образовательными организациями Америки с целью интенсификации международных обменов;

- программы по изучению США призваны улучшить знания о Соединенных Штатах зарубежных студентов посредством организации летних семинаров, форумов и т.д.;

- образовательные партнерские программы нацелены на поддержание контактов между американскими и зарубежными учреждениями в сфере среднего и высшего образования;

- отдел гражданских обменов (Office of Citizen Exchanges) участвует в развитии культурных и молодежных программ в сотрудничестве с некоммерческими организациями США;

- программа по защите международного культурного достояния основана с целью демонстрации ответственности США за сохранение культурных памятников в других странах;

- посольский фонд сохранения культурного наследия (Ambassador's Fund for Cultural Preservation), основанный Конгрессом в 2001 г., нацелен на оказание помощи развивающимся странам в сохранении их культурного наследия и де-

монстрацию уважения, которое выказывает США по отношению к другим культурам.

Это далеко не полный перечень программ и инициатив, реализуемых Бюро по делам образования и культуры при помощи и совместно с разными общественными и частными организациями и фондами. Госдепартамент также активно развивает программы по укреплению культурных контактов с зарубежными партнерами и популяризации американской культуры и искусства через проекты:

- Инициатива в сфере исполнительского искусства – проект, направленный на обеспечение финансирования бюджетов американских посольств с целью организации гастролей мастеров исполнительского искусства из США в странах пребывания американских дипмиссий;

- «Ритм дороги – американская музыка за рубежом» (Rhythm Road – American Music Abroad) – программа по организации гастролей американских музыкальных коллективов за рубежом, как правило, джазовых и хип-хоп исполнителей;

- Госдепартамент также обеспечивает официальное представительство американского современного изобразительного и других видов искусства на крупных международных выставках, участвует в организации выездных экспозиций американских художников;

- по линии Госдепартамента проводится отдельная кинематографическая программа в сотрудничестве с Кинематографической ассоциацией США и другими организациями при поддержке коммерческих структур. Проект направлен на организацию и проведение за рубежом под патронажем американских посольств кинофестивалей, направленных на демонстрацию не только голливудских блокбастеров, но и голливудской классики, а также независимого кино.

Стоит заметить, что программы Бюро по делам образования и культуры Госдепартамента США в настоящее время выходят из довольно продолжительного состояния депрессии в ходе предшествующего периода правления республиканской администрации Дж. Буша-мл. (финансирование проектов Бюро сократилось более чем на 30%, а количество их

участников с 1995 по 2001 г. уменьшилось с 45 тыс. до 29 тыс. человек)³²⁹.

Финансирование программ Бюро по делам образования и культуры осуществляется за счет средств как федерального бюджета, так и частного капитала. С точки зрения неправительственной поддержки наиболее заметными и известными программами Бюро являются упоминавшаяся фулбрайтовская программа, а также программа для иностранных гостей (International Visitor Program). Интересно, что финансирование культурных программ за рубежом иногда проходит через бюджеты территориальных бюро Госдепартамента. Кроме того, на реализацию проектов по двусторонним культурным обменов немалые ассигнования выделяются со стороны государств – участников проектов. Например, в 2001 г. иностранные правительства выделили 27,9 млн долларов США на поддержку научных обменов по линии двусторонних комиссий Фулбрайта³³⁰.

Реализация культурно-образовательных обменов за рубежом ложится на так называемых офицеров заграничной службы (Foreign Service Officers), а также рекрутируемых на местах национальных сотрудников заграничной службы (Foreign Service National Employees). За 90-е гг. прошлого века кадровый состав этих сотрудников также сократился более чем на 30%. С 1993 по 1999 г. численность офицеров в структуре ЮСИА сократилась с 867 до 652 человек.

Апогей деградации культурной дипломатии и публичной дипломатии США был достигнут с приходом к власти США в 2001 г. республиканской администрации, опирающейся преимущественно на силовой фактор в реализации своей международной политики. Два президентских срока Дж. Буша -мл. ознаменовались значительным уменьшением дотаций на развитие культурных программ за рубежом и сокращением кадрового резерва, в том числе должностей сотрудников, ответственных за вопросы культурной дипломатии в зарубежных предста-

³²⁹ Sablosky J.A. Recent trends in Department of State Support For Cultural Diplomacy: 1993-2002. P. 7. URL: www.culturalpolicy.org.

³³⁰ Ibid.

вительствах США. Да и сегодня во многих американских посольствах сотрудники занимаются вопросами организации культурных обменов по совместительству с другими направлениями своей работы ввиду отсутствия должности офицера по делам культуры. Это, отмечают аналитики, привело к оттоку опытных специалистов и значительному снижению эффективности американской публичной и культурной дипломатии при утрате многих ранее завоеванных позиций.

2.2. История Информационного агентства США (ЮСИА) как инструмента американской публичной дипломатии

Значимость ЮСИА³³¹ как инструмента американской публичной дипломатии для международной политики США, особенно в период «холодной войны», трудно переоценить. Поэтому несмотря на фактическую ликвидацию ведомства в 1999 г. представляется целесообразным более подробно остановиться на анализе его работы как одного из наиболее эффективных каналов осуществления внешней культурной и информационно-пропагандистской политики американского правительства. Согласно распространенному мнению, именно благодаря эффективной деятельности ЮСИА СССР потерпел поражение в «холодной войне», прежде всего на идеологическом уровне, в сфере пропаганды и публичной дипломатии.

Создание единого руководящего ведомства в системе внешнеполитического механизма США явилось своеобразным венцом упорных усилий американских правящих кругов после Второй мировой войны для отработки и налаживания внешнеполитической пропаганды. До этого создавалось множество разнообразных комитетов и комиссий, анализировавших положение в сферах политического, социального и психологического воздействия на другие государства и народы. Многократно предлагались планы совершенствования форм и методов

³³¹ В работе использованы аналитические материалы, подготовленные с.н.с. ИСКРАН и ИАМП МИД РФ к.и.н. А.Б. Берзиным.

оказания внешнего информационного воздействия. То есть речь шла о выработке такой стратегии и тактики в послевоенный период, которая обеспечивала бы максимальную поддержку политическому курсу США на мировой арене. Вопрос о создании ЮСИА был поставлен в 1953 г. Консультативной комиссией по информации при правительстве Соединённых Штатов, по рекомендации которой президент Д. Эйзенхауэр направил в Конгресс США «План реорганизации № 8», получивший силу закона 1 августа 1953 г.³³²

В соответствии с дополнительной директивой президента от 22 октября 1953 г. относительно ЮСИА первоочередной задачей этого органа должно быть «предоставление народам других государств с помощью технических средств связи доказательств того, что цели и политика США находятся в гармоничной связи». Иными словами, была сформулирована задача, в соответствии с которой пропаганда в зарубежных странах должна всегда идти в ногу с внешнеполитическим курсом и быть его прочной опорой. Примечательно, что в то время в президентской директиве не фигурировали такие понятия, как «пропаганда» или «психологическая война». Американские правящие круги сочли более предпочтительным ввести в обиход более завуалированную терминологию, как, например, «международная информация», «международное общение», «политические коммуникации» и т.д.³³³

Однако эта терминология просуществовала недолго, и конец ей положили сами руководители ЮСИА. Так, упомянутый Э. Мюрроу – глава ЮСИА при президенте Дж. Кеннеди – неоднократно называл ЮСИА, прежде всего, «пропагандистским органом», а его преемник К. Роуэн определил роль этого звена внешнеполитического механизма следующим образом: «Мы являемся четвертым измерением (четвертой властью) во внешней политике, что означает добавление к дипломатическим, военным и экономическим инструментам информационного, психологического или пропагандистского оружия». Координируя все информационные, культурные и образова-

³³² Филлимонов Г. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. – М.: РУДН, 2010. С. 110.

³³³ Там же. С. 111.

тельные программы, ЮСИА, по выражению одного американского дипломата, ознаменовало собой «брак американской дипломатии с американской культурой»³³⁴. Официальной задачей агентства объявлялось «распространение информации об американском обществе, поддержка американской политики и улучшение взаимопонимания между США и другими странами»³³⁵.

Дуайт Эйзенхауэр – один из наиболее последовательных американских президентов, уделяющих пропаганде особое место. Став хозяином Овального кабинета, генерал, закалённый в военных баталиях, выступил с инициативой создания частного информационного агентства, подчеркнув: «Государственные пропагандистские материалы могут убедить лишь немногих, в то время как аналогичная информация, поступающая из независимого от правительства источника, имела бы больший успех»³³⁶. Предполагалось задействовать всевозможные каналы подачи информации, в том числе и «личные контакты сотрудников агентства, телевидение, радио, выставки, библиотеки, книги, газеты и даже обучение английскому языку»³³⁷.

Информационное агентство США – внешнеполитическое пропагандистское ведомство, на которое возлагалась прямая и непосредственная задача по деятельности в сфере идеологии и пропаганды, по координации усилий в этих областях всех американских правительственных учреждений. В задачи агентства входило также распространение за рубежом информации о США и информирование правительства страны о восприятии там имиджа Соединенных Штатов.

³³⁴ Цатурян С.А. Общественная дипломатия США в новом информационном столетии // США и Канада: экономика, политика, культура. – М.: Наука, 2010. С. 111.

³³⁵ Ширяев Б.А. Внешняя политика США. Принципы, механизмы, методы: Курс лекций. 2-е изд. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. С. 247.

³³⁶ Osgood K. Total Cold War: Eisenhower's Secret Propaganda Battle at Home and Abroad. University Press of Kansas. 2006. P. 20.

³³⁷ Elder R. The Information Machine: The United States Information Agency and American Foreign Policy. – N.Y.: Syracuse University Press, 1968. P. 76.

В соответствии с законом в распоряжение нового органа была передана радиостанция «Голос Америки», зарубежные библиотеки Государственного департамента, а также подразделения, ведающие прессой и производством и распространением кинопродукции. На ЮСИА была возложена обязанность претворения в жизнь так называемых объединенных информационных программ, ранее готовившихся Администрацией международной информации и другими ведомствами правительственного механизма. Однако программы в области внешней пропаганды министерства обороны и ЦРУ под контроль ЮСИА поставлены не были.

Поиски новых форм и методов для осуществления американского внешнеполитического курса сопровождались энергичными усилиями по активизации деятельности ЮСИА при решении тех или иных внешнеполитических задач США. В свое время ему была вменена обязанность предоставления «консультаций президенту, его представителям за рубежом, а также другим учреждениям и ведомствам относительно использования общественного мнения за рубежом при разработке настоящей и будущей политики, программ и официальных заявлений со стороны Соединенных Штатов».

Привлечение ЮСИА к непосредственному участию в процессе формирования внешнеполитического курса привело к координации пропагандистской деятельности с внешнеполитическими акциями, а также к разработке более гибких средств и методов информационного и психологического воздействия на другие страны.

Необходимо отметить одну характерную особенность деятельности Информационного агентства США. ЮСИА всегда было объектом пристального внимания со стороны республиканской партии. Еще до своего прихода к власти в 1968 г. руководство партии имело довольно четкую позицию по вопросу о роли информации во внешней политике. Координационным комитетом партии в 1968 г. был подготовлен доклад с анализом ухудшения представлений об «образе Америки за рубежом», а также содержалась резкая критика форм и методов подачи информации на зарубежные страны при администрациях демократической партии. В докладе содержались предложения,

направленные на улучшение качественных показателей деятельности ЮСИА. Предложения предусматривали совершенствование организационной структуры агентства и более активное привлечение к его деятельности «частного сектора».

В 1970-е гг., изменившиеся отношения между Востоком и Западом модифицировали цели и риторику «холодной войны». Конфронтация между Севером и Югом активизировала чувство экономической взаимозависимости государств. Аспекты выживания в условиях усилившейся взаимозависимости сделали международные отношения сферой интересов не только избранной элиты, но и больших сегментов общест­венности. «Взрыв грамотности» и коммуникационных технологий предоставили этой общественности больший доступ к насущной информации и, соответственно, большее влияние на национальную политику. Возросшая значимость вопроса о правах человека обострила продолжающийся идеологический конфликт. Гонка вооружений сделала использование военного фактора в международных делах неразумным и более сомнительным. В сложившихся условиях, с учетом роста числа независимых государств, сферой публичной дипломатии стал фактически весь мир.

При республиканской администрации Р. Никсона большое внимание стало уделяться научным исследованиям и разработкам в области использования информации. Причем главная задача, возлагавшаяся на исследования, состояла в том, чтобы при их помощи определять эффективность разнообразных направлений деятельности агентства, а также его программ. Было обращено внимание на изучение и анализ реакции зарубежной общественности на те или иные мировые события, отдельные аспекты американского внешнеполитического курса и выработку по ним соответствующих рекомендаций.

Со временем центр тяжести по осуществлению целей и задач ЮСИА за рубежом стал перемещаться на информационные службы США или, как их сокращенно именовали – ЮСИС. Этим термином стали обозначаться информационные посты, библиотеки, культурные и так называемые двунациональные американские центры. В этих центрах особый акцент был сделан на преподавание английского языка, чтение лек-

ций и проведение семинаров американскими специалистами, распространение различного рода печатных изданий. Одним из направлений деятельности ЮСИС стало проведение закрытых опросов общественного мнения по вопросам и проблемам, представляющим особый интерес для американских правительственных кругов. Большое внимание стало уделяться использованию СМИ, где одно из главных мест заняла обширная радиосеть «Голос Америки».

Деятельность ЮСИА неоднократно подвергалась критике за неэффективность некоторых мероприятий и неспособность «предотвратить падение престижа Соединенных Штатов на международной арене». В таких условиях при администрации Дж. Картера было предложено еще более централизовать информационную деятельность за рубежом в едином ведомстве, включая и радиостанцию «Голос Америки». Президент Картер, следуя предвыборным обещаниям реформировать систему правительственных органов, в 1978 г. перестроил структуру внешнеполитической пропаганды. С одобрения конгресса Бюро по делам образования и культуры Госдепартамента было соединено с ЮСИА, образовалось новое ведомство ЮСИКА (Агентство международных коммуникаций США). Перед ЮСИКА были поставлены две задачи: рассказывать миру о США и ее политике – в частности, о ее приверженности культурному разнообразию и индивидуальной свободе; рассказывать американской общественности о мире, с тем чтобы обогатить ее культуру, а также дать американцам понимание того, как эффективно решать проблемы, возникающие между государствами.

Информации на зарубежные страны стало придаваться значение как «ключевому элементу» в так называемой открытой дипломатии, при помощи которой президентская администрация намеревалась найти пути и доступ к широким слоям населения в других странах. По мнению администрации, основная обязанность такого органа, как ЮСИА, должна состоять прежде всего в том, чтобы «способствовать обмену идеями и культурой между народами Соединенных Штатов и других стран». Агентство особо нацеливалось на пропаганду «достижений США в области культуры и свободы личности,

а также в реализации политики правительства по устранению барьеров международному обмену идей и информации».

В период президентства Дж. Картера ЮСИА в соответствии с выданным ему мандатом предприняло ряд мер по изменению деятельности в области ведения и использования внешнеполитической информации. Были определены новые возможности по повышению результативности работы агентства, заключены рабочие соглашения с Национальным фондом развития искусств и Национальным фондом развития гуманитарных наук.

Для разработки основных направлений деятельности ЮСИА и его концептуальной основы стал привлекаться более широкий круг экспертов и учреждений как в США, так и за их пределами. В рамках агентства был создан и укомплектован персонал по вопросам политики в области СМИ, в функции которого вошло осуществление совместной работы с другими заинтересованными правительственными ведомствами по развитию и претворению в жизнь «всеобъемлющей национальной политики в области массовых коммуникаций, способной обеспечить максимальный уровень потока информации и идей между народами мира». Были разработаны новые инструкции о деятельности ЮСИС и библиотек агентства за рубежом, в соответствии с которыми материалы, распространяемые за границей, стали носить более разнообразный характер. Они включили в себя американские правительственные заявления, тексты речей государственных, политических и общественных деятелей, редакционные статьи и комментарии ведущих газет и журналов и, особенно, материалы об американском образе жизни. При администрации Картера резко возрос обмен учеными и специалистами. Ежегодно США стали принимать около 5 тыс. экспертов из различных государств мира.

В 1980 г. к власти в США приходит Р. Рейган, который в следующем году назначает своего близкого друга Ч. Уика директором Агентства по международным связям США. В 1982 г. агентству вернули прежнее название ЮСИА. Ч. Уик дольше всех в истории учреждения руководил ЮСИА – с 1981 по 1989 г. В его управлении организацией отразилась как «жесткая», так

и «мягкая» линия американской внешней информационной культурной политики.

Ч. Уик разделял мнение Рейгана о Советском Союзе как об «империи зла» и использовал необходимость наращивания контрпропаганды как основание для заявок на выделение ЮСИА дополнительных финансовых средств из федерального бюджета. Политика руководства агентства в этот период была больше акцентирована на пропаганде и работе со СМИ в этом ключе. В 1981 г. Уик предложил вдвое сократить количество программ по обмену в надежде на освоение высвобожденных средств и финансирование готовившихся им медиапроектов. Но эта попытка не удалась. Конгресс принял решение оставить реализацию культурно-образовательных программ по обмену в прежнем объеме (во многом благодаря успешно проведенной участниками фулбрайтовских программ кампании в культурном сообществе США).

Вместе с тем позже, после подписания в 1985 г. с СССР Соглашения о культурных обменах и в связи с решительным настроем президента Рейгана на развитие диалога с М.С. Горбачевым, директор ЮСИА также смещает акценты. В последние годы нахождения Ч. Уика у руля ЮСИА программы по обмену получили толчок к большему развитию и распространению.

В складывающейся обстановке правящая элита Соединённых Штатов внедряла в практику внешнеполитической деятельности весь комплекс регулярно обновлявшихся политических и информационных установок. В периоды нахождения у власти администраций Дж. Буша-ст. и У. Клинтона регулярно происходил пересмотр и корректировка задач и целей внешней политики США. Многие идеологические рупоры Америки, в том числе и ЮСИА, активно занимались реконструкцией веры в непогрешимость «американского образа жизни», в систему «свободного предпринимательства», «свободы личности», «прав человека» и т.д. В частности, при администрации У. Клинтона был принят новый план по реорганизации ряда агентств, имеющих отношение к проведению внешнеполитического курса страны.

В 1982 г. рейгановская администрация, сохраняя прежнюю структуру внешнепропагандистского ведомства, но до-

полняя ее новыми программами, вновь переименовала его в ЮСИА. Была обновлена и расширена широкомасштабная программа, получившая в среде американских специалистов название «психополитическая война». Реформы и идея активизации культурных контактов за счет корректировки государственной пропаганды вошли в противоречие с внешне- и внутривосточной конъюнктурой 1980-х гг. Вновь были смещены акценты с культурно-образовательных обменов на массивную пропаганду.

Наиболее правые и консервативные круги, получившие карт-бланш при администрации Р. Рейгана, сделали вывод о том, что какие-либо изменения к лучшему на мировой арене едва ли возможны, союзники не заслуживают доверия, враги же готовы пойти на все во имя достижения своих целей. Поэтому, деятельность международных организаций, как и ведение дипломатических переговоров или заключение соглашений, не могут обеспечить желательный для Америки мир. Отсюда излюбленная идея американских консерваторов об укреплении «Америки, являющейся бастионом "свободного мира"». Отсюда и свойственные американским консерваторам садистские наклонности вплоть до требования об использовании силы как единственной основы для взаимоотношений Соединенных Штатов с другими государствами. Усиление влияния наиболее консервативных сил привело к тому, что почти все то, что происходит на мировой арене, стало трактоваться как таящее в себе угрозу глобальному статусу-кво или как скоординированные заговоры против США.

Такая позиция администрации привела к резкому увеличению финансовых вливаний в ЮСИА, которые, по словам упоминавшегося Ч. Уика, были предназначены для «создания всемирной сети глобальной спутниковой системы телевизионного вещания ЮСИА, которая могла бы явиться жизненно важным форумом для разъяснения целей и задач внешнеполитического курса США». Именно использование этой системы призвано было определить, «будут ли США лидером или нет в современном мире, и будут ли они решать судьбу демократических идей, исповедуемых ими». ЮСИА стало активно принимать участие в проведении в жизнь проекта, известного

под названием «Публичная дипломатия и улучшение демократии», при помощи которого планировалось оказание помощи другим народам претворить в жизнь американские установки по демократизации.

Эта программа была нацелена на упрочение демократических сил в других государствах, на развитие в них «стремления к свободе вместе с национализмом». Естественно возникал вопрос, каким же образом намеревались США оказать помощь другим народам по претворению в жизнь американских установок по демократизации. Было выбрано несколько «мирных и популярных способов», сводившихся к тому, что, во-первых, необходимо способствовать демократической эволюции существующих систем, и, во-вторых, «нужно поощрять приверженность людей идеалам демократии (американской), даже если нет возможности в скором времени воплотить их в жизнь».

Была разработана и постепенно вводилась в действие программа по обменов в области спорта «Спорт Америка», с помощью которой было запланировано открыть «новый диалог» США с отдельными государствами, которые «невосприимчивы к другим видам программ». В соответствии с программой предусматривалось создание возможностей для тренировок и подготовки спортсменов, особенно тех, которые принимали участие или стали призерами на престижных международных состязаниях по различным видам спорта.

Исходя из значимости поставленных перед ЮСИА задач государство предусматривало внушительные статьи расходов на финансирование программ. В 1988 г. правительство США выделило 392 млн долларов, включая 169,6 млн долларов – на «Голос Америки», 172,5 млн долларов – на радио «Свобода» и «Свободная Европа», 37 млн долларов – на телесеть «Уорлднет» и 12,8 млн долларов – на «Радио Марти»³³⁸. Особая роль ЮСИА отводилась радиослужбе «Голос Америки», она была полуофициальным органом правительства США. Однако ее цели формулировались весьма осторожно и взвешенно.

Более скромная роль отводилась радиостанциям «Свобода» и «Свободная Европа», хотя по утверждению их президента Дж. Бакли, они являются наиболее надежным источником

³³⁸ *Сейдов В.Г.* Публичная дипломатия. URL: www.polpred.ru.

новостей и анализа для своих слушателей, людей более двадцати национальностей в Восточной Европе и СССР; и передаваемая ими информация «концентрируется на книгах запрещенных авторов, религиозной тематике и историко-культурном анализе, опровергающем постулаты марксизма». Неслучайно французский философ Р. Арон назвал это время «идеологией в поисках политики»³³⁹. «Радио Свободная Европа/Радио Свобода» и «Радио Свободная Азия» относятся к числу частных корпораций, не преследующих целей извлечения прибылей, их финансирование осуществляется путем предоставления грантов от ЮСИА.

Одним из последних и эффективных проектов ЮСИА стала всемирная телевизионная сеть «Уорлднет». После первой пресс-конференции «Уорлднет» в 1983 г. прошло более 3 тыс. мероприятий, в которых принимали участие президенты многих стран, министры иностранных дел, министры обороны, ведущие экономисты. «Уорлднет» и сегодня передает новости, образовательные и культурные программы 24 часа ежедневно миллионам зарубежных зрителей через американские посольства, посты ЮСИС, а также по иностранным телевизионным и кабельным сетям.

Действенный канал, применявшийся ЮСИА для передачи информации печатным изданиям и бюллетеням за рубежом, – программа «Беспроводное досье», предназначенная для распространения текстов официальных речей и материалов брифингов по политическим, социальным, научным и культурным проблемам и иной оперативной информации непосредственно из Вашингтона.

ЮСИА осуществляла непосредственное руководство правительственными программами по обменов в области образования и культуры. Например, наиболее известная из них программа обменов Фулбрайта действует сегодня более чем в 140 государствах мира³⁴⁰. Кроме того, ежегодно свыше 2400 зарубежных лидеров и высококвалифицированных профессионалов посещают США по приглашению ЮСИА в качестве меж-

³³⁹ *Сейдов В.Г.* Публичная дипломатия. URL: www.polpred.ru.

³⁴⁰ www.fulbright.ru.

дународных гостей. 1800 – 2000 человек прибывают в США в качестве гостей-добровольцев на срок до 30 дней для участия в мероприятиях, проводящихся под патронажем агентства. В проведении этого вида деятельности содействуют представители академических кругов, филантропических организаций и частные лица, а также правительства иностранных государств и американские волонтеры.

Ещё одна программа им. Хэмфри была нацелена на находящихся в зените своей карьеры ученых из развивающихся стран, которые хотели бы повысить свою квалификацию в университетах США.

Ученые, которых ЮСИА приглашало выступить с лекциями в зарубежных странах, традиционно были лояльно настроены к американскому правительству и американскому образу жизни. Но в условиях усиливающейся идеологической конфронтации в мире и проведения администрацией США жесткого внешнеполитического курса новые лица в ЮСИА и те, кто стояли выше – люди из ближайшего окружения Рейгана, видимо, считали, что привлекаемые к сотрудничеству также должны занимать жесткую, бескомпромиссно проамериканскую позицию.

Более скромное место в системе ЮСИА занимали печатные издания. Хотя агентство и публиковало 8 журналов и несколько коммерческих бюллетеней на 18 языках, тиражи их были невелики. Приоритетное значение традиционно отдавалось выходящему на русском языке ежемесячнику тиражом более 50 тыс. экземпляров «Америка» и двухмесячнику на английском и испанском языках «Проблемы коммунизма». Первое издание было призвано с позиций социологии пропаганды «размывать» у читателей негативный образ Америки, задачи второго – предупредить все страны мира об «угрозе коммунизма» и выработать единую стратегию и тактику действий.

Однако интересы публичной дипломатии были направлены не только против СССР, его действительных или потенциальных союзников: ЮСИА издавал и иные печатные продукты, рассчитанные на другие регионы. На страны района Сахары был нацелен англо- и франкоязычный двухмесячник «Топик», на Ближний Восток и Северную Африку – арабо-

язычный «Аль Маджал». ЮСИА публиковал на английском, французском и испанском (а иногда и на других языках) ежеквартальник американской культуры и общественной мысли «Диалог». Не была забыта и экономическая проблематика – в лице англо- и испаноязычного ежеквартальника «Экономик импакт».

Как упоминалось ранее, структура ЮСИА включала в себя как штатные, так и подразделения на общественных началах, с привлечением частного бизнеса и экспертов. Союз частной инициативы и государственного аппарата – это в основном американское явление, хотя и в других странах оно также имеет место быть. Раньше ответственность за пропаганду в основном переключивалась на частные организации, за спиной которых кроме Белого дома стояли влиятельные силы Государственного департамента и Пентагона. На средства последнего действовали 35 радиостанций и телецентров в 30 странах.

Вышеизложенное показывает, что в складывавшейся обстановке весь комплекс регулярно обновлявшихся политических и информационных установок и концепций приходивших к власти группировок активно внедрялся в практику внешнеполитической деятельности. То же самое происходило и в периоды нахождения у власти администраций Д. Буша-ст. и Б. Клинтона. Регулярно происходили пересмотр и корректировка задач и целей внешней политики США, давалась обновленная трактовка альтернатив внешнеполитического курса. Многие идеологические рупоры американского внешнеполитического механизма, в том числе и ЮСИА, активно занимались реконструкцией веры в непогрешимость «американского образа жизни», в систему «свободного предпринимательства», «свободы личности», «прав человека» и т.д. В частности, при администрации Б. Клинтона был принят новый план по реорганизации ряда агентств, имеющих отношение к проведению внешнеполитического курса страны, ставивший целью дальнейшее совершенствование деятельности этих органов.

Согласно закону 1998 г. о реформе и реструктуризации в сфере внешней политики ЮСИА было интегрировано в Государственный департамент, где заместитель госсекретаря по вопросам публичной дипломатии курирует деятельность

Бюро по вопросам образования и культуры, Управления координатора по вопросам международной информации и Бюро по общественным связям, куда вошла телевизионная служба «Уорлднет». Отделения ЮСИА, организованные по географическому принципу, вошли в состав соответствующих региональных бюро. Управление ЮСИА по исследованиям и изучению реакции СМИ продолжает работать в составе Бюро сбора данных и исследований.

Интегрированные в Госдепартамент функции ЮСИА осуществляются в основном при помощи сотрудниковграничной службы, закрепленных за американскими миссиями за рубежом. Эти сотрудники под руководством и при поддержке материалами из вашингтонской штаб-квартиры руководят образовательными, культурными и информационными программами на местах. Именно бывшими сотрудниками ЮСИА, как правило, укомплектованы отделы прессы, культуры и общественных связей посольств США за рубежом. Контроль за деятельностью американских культурных центров, библиотек и видеотек, курсов английского языка, демонстрацией фильмов, организацию выступлений американских лекторов, проведение симпозиумов, организацию выставок, обеспечение американскими пособиями местных школ, колледжей и университетов осуществляет атташе по культурным вопросам.

Радиостанция «Голос Америки» вещает в течение 660 часов еженедельно на 53 иностранных языках. «Радио Марти», созданное в 1985 г., вещает 24 часа в сутки на испанском языке на Кубу, «ТВ Марти» осуществляет теле вещание ежедневно.

Радиостанции «Свободная Европа/Радио Свобода» вещают 500 часов еженедельно на 23 языках Центральной Европы, России, Ирана, Ирака и стран Содружества Независимых Государств. Этим радиостанциям было дано указание таким образом готовить информацию о внутренней и внешней политике США, чтобы это способствовало увеличению сторонников американского образа жизни и американских концепций международного развития.

Агентство принимало самое непосредственное участие в осуществлении программ обменов с государствами СНГ, которые были сфокусированы, в первую очередь, на научных,

культурных и информационных обменах, призванных способствовать «развитию демократии и свободной рыночной экономики». До сих пор действует программа предоставления стипендий Э. Маски, в соответствии с которой наиболее одаренные выпускники образовательных учреждений приглашаются для участия в американских образовательных программах в области бизнеса, экономики, управления. Предоставляются стипендии для аспирантов и молодых исследователей в области социальных и гуманитарных наук.

ЮСИА – единственный орган в правительстве США, отвечающий за представление президенту, Государственному секретарю и другим официальным лицам данных по зарубежному общественному мнению практически в каждой стране мира. Дважды в день ЮСИА готовило доклады о комментариях в зарубежных средствах массовой информации относительно внешнеполитического курса США, а также по большому количеству проблем, которые могут представлять интерес для ведущих деятелей внешнеполитического механизма США.

Что касается руководства сферой публичной дипломатии и теми подразделениями, которые раньше входили в состав ЮСИА, то здесь стоит напомнить о том, что их деятельность курируется упомянутой Консультативной комиссией по публичной дипломатии США, в состав которой входят представители Госдепартамента, конгресса, общественности и СМИ. В свою очередь, комиссия подотчетна заместителю госсекретаря США по вопросам публичной дипломатии.

Заместитель госсекретаря США по вопросам публичной дипломатии и связям с общественностью Ш. Бирс за провал информационного обеспечения военной агрессии США против Ирака в 2003 г. была отправлена в отставку. Её заменила М. Татуайлер – профессионал пиара, известная в кругах республиканской элиты с 1970-х гг., она недолго занимала эту должность. В 2005 г. президент Дж. Буш-мл. предпринял очередную попытку поправить, мягко говоря, пошатнувшийся имидж Соединённых Штатов в мире, особенно в мусульманских странах, назначив на этот пост свою давнюю соратницу Карен Хьюз – также опытного специалиста в сфере пиара и публичной дипломатии. Совместно с госсекретарём США

К. Райс Карен Хьюз решительно приступила к попыткам сгладить шокирующее по охвату враждебное отношение к Америке в мире, вызванное военными действиями США в Ираке, инцидентами в местах содержания пленных (в том числе Гуантанамо) и иными акциями силового характера³⁴¹. В докладе двухпартийной дискуссии, опубликованной в 2003 г., говорится: «Враждебность по отношению к Америке достигла шокирующего уровня, требуется не просто тактическая адаптация, но стратегическая и радикальная трансформация»³⁴².

США столкнулись с необходимостью всестороннего регулирования негативных последствий своей политики, опирающейся на примат «жесткой силы». В этих обстоятельствах к республиканцам приходит осознание необходимости обратить взор на полузабытые и игнорируемые «мягкие» инструменты силы. Райс заявляет о намерении администрации увеличить финансирование образовательных обменов и упростить процедуры получения виз для участия в этих программах. В 2005 г. администрация запросила у Конгресса 430 млн долларов на приглашение в США студентов, учёных, деятелей культуры и отправку американцев за границу, что было на 20% больше, чем в предыдущем году³⁴³. К. Хьюз предпринимала попытки всемерного стимулирования культурной дипломатии. В результате её работы Госдепартамент США увеличил финансирование культурных обменов в четыре раза по сравнению с 2000 г.³⁴⁴

Однако плоды деятельности тандема Райс–Хьюз так и не смогли вывести США из крайне негативного информационного поля, куда Америка себя собственноручно погрузила. На практике это оказалось трудновыполнимой задачей.

³⁴¹ Филлимонов Г. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. – М.: РУДН, 2010. С. 123.

³⁴² Най Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. – М.: Тренды, 2006. С. 76.

³⁴³ Вейсман С. Карен Хьюз назначена ответственной за улучшение имиджа Америки за границей // The New York Times. 23 august 2005.

³⁴⁴ Гоцин Ч. Особенно важно снискать доверие народа // Жэньминь Жибао. 16 октября 2006 г.

После прихода к власти в США в 2009 г. демократической партии во главе с Б. Обамой на пост заместителя госсекретаря по вопросам публичной дипломатии была назначена Дж. Макхэйл, долгое время работавшая на всемирно известную медиа-корпорацию «Дискавери».

Таким образом, несмотря на многочисленные реорганизации, органы управления внешнеполитической пропагандой США, а вместе с тем и публичной дипломатией, внешней культурной политикой и культурной дипломатией продолжают функционировать, являясь действенным механизмом реализации американского внешнеполитического курса.

2.3. Филантропические фонды и спонсорские организации

В США институт филантропических фондов стал одним из важнейших политико-экономических рычагов управления, в том числе глобальными процессами. Это своего рода сеть «возникших в начале XX в., специально созданных учреждений, в которой сконцентрированы миллиардные средства, до определенной степени освобожденные от выполнения чисто экономических функций, и основное направление деятельности которой нацелено на оказание как политического, так и экономического воздействия»³⁴⁵. По мнению специалистов, в настоящее время ничто не приносит американскому капиталу таких устойчивых экономически и политически выгодных дивидендов, как филантропическая деятельность, а наибольшую отдачу получают ведущие группы американского финансового капитала.

Выделяются три главных направления, по которым действуют основные американские филантропические фонды: разработка целей и направлений внешнеполитического курса США на современном историческом этапе, а также стратегии и тактики для их достижения в будущем; идеологическое обо-

³⁴⁵ Шолудько А.Н., Архангельский А.В. США: экономика, наука и культура во внешней политике.— М.: Уникум-Центр, 2000. С. 38.

снование и социально-экономическое оправдание поставленных задач, их пропаганда в качестве целей, отвечающих интересам американского народа; подготовка, отбор и расстановка собственных и зарубежных кадров для практического осуществления глобальной политики США. Филантропические фонды и спонсорские учреждения стали своеобразной базой разветвленной сети различных организаций, которая включает так называемые независимые научно-исследовательские и общественные организации, совместно финансируемые и управляемые, устанавливающие условия и соответствующие рамки для определения долгосрочного внешнеполитического курса США на мировой арене.

Обладая практически неисчерпаемыми финансовыми ресурсами, обеспечиваемыми со стороны Уолл-Стрит, фонды определяют ключевые векторы американского образования. По данным советского дипломата Р.С. Овинникова, порядка 2/3 всех вложений филантропических фондов в институты высшего образования США сосредоточены всего в 20 университетах. Концентрация «даров» фондов Карнеги, Рокфеллеров и Форда носит ещё более ярко выраженный характер³⁴⁶, о чём свидетельствует учёный-филолог С.В. Воронин: в 1965 – 1971 гг. «пожертвования», предоставленные фондами Форда, Рокфеллера и Карнеги 11 ведущим американским университетам, составили 351 млн долларов. При этом половина (49,7%) из них приходилась всего на три университета: Колумбийский, Гарвардский и Чикагский³⁴⁷.

В работе, посвящённой невоенным факторам силы во внешней политике США, отечественный исследователь И.Л. Шейдина подчёркивает особую роль американских «благотворительных» фондов, массированно финансирующих разного рода проекты и программы содействия США развивающимся странам в области образования, а также оплачивающие пребывание и обучение в Америке студентов из стран третье-

³⁴⁶ Овинников Р.С. Уолл-Стрит и внешняя политика. – М.: Международные отношения, 1980. С. 156.

³⁴⁷ Воронин С.В. «Благотворительные» фонды США. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. С. 109.

го мира. От трети до половины субсидий фондов (а их в США около 30 тыс.) реализуются в сфере образования, к этому добавляются ещё примерно 15%, ассигнованные специально на развитие «международных связей»³⁴⁸. Шейдина полагает, что несмотря на косвенный характер своего влияния фонды зачастую оказывают решающее воздействие на ход политических событий. Так, например, были случаи, когда Конго, Нигерия, Бангладеш, Египет и другие страны находились с США в конфликтных отношениях и не имели никаких других каналов общения, кроме тех, которые сохранялись благодаря перманентной деятельности филантропических фондов³⁴⁹.

Деятельность фондов способствует созданию благоприятного инвестиционного климата; нередко они консультируют правительства при решении различных хозяйственных вопросов, при разработке государственных планов к их содействию прибегают охотнее, чем к помощи официального американского аппарата. Особое внимание фонды уделяют созданию научных центров, учебных заведений. Фонд Форда и Фонд Рокфеллера, например, сыграли значительную роль в «зеленой революции»: они финансировали в Азии работу над выведением новых сортов риса; в частности, с их помощью при Филиппинском университете был создан Институт риса, преобразованный позднее в Международный центр исследований по рису³⁵⁰.

Заодно были извлечены некоторые коммерческие выгоды для родительской организации – налажены прямые контакты фирмы рокфеллеровской группы «Эссо» с соответствующими филиппинскими организациями; в частности, «Эссо» заключила договор с сельскохозяйственным колледжем Филиппинского университета, в котором было оговорено, что в случае каких-либо нововведений или усовершенствований, сделанных сотрудниками или студентами колледжа в работе

³⁴⁸ Шейдина И.А. Невоенные факторы силы во внешней политике США. – М.: Наука, 1984. С. 283.

³⁴⁹ Там же.

³⁵⁰ Там же. С. 284.

над совместными проектами, колледж согласен предоставить «Эссо» безвозвратный, безгонорарный патент на использование этих нововведений в любой стране мира³⁵¹.

Фонд Форда и Фонд Рокфеллера финансировали схожий проект и в Африке – создание Международного института тропического сельского хозяйства в Ибадане (Нигерия). Э.А. Журихин подробно рассматривает механизм влияния фондов на социально-политическую и экономическую жизнь развивающегося государства на примере Индонезии, где, как он пишет, американским неправительственным организациям удалось «сформировать политику нового режима»³⁵², благоприятную для США после государственного переворота в 1965 г.

По резонной оценке И.Л. Шейдиной, «вся эта деятельность, не носящая характера краткосрочной политической кампании, но проводящаяся неуклонно и постоянно уже на протяжении десятилетий (причём всё менее и менее рекламируемая теми, кто в ней участвует), преследует действительно долгосрочные и стратегические цели – повлиять на процессы создания интеллигенции в молодых государствах». При этом, продолжает Шейдина, «особое внимание США привлекают, естественно, те, кто может войти в состав национальных бюрократических и технократических групп; именно их американцы стремятся привлечь к себе таким образом, чтобы на них можно было опереться в борьбе против оппозиционных движений, чтобы обеспечить себе с их стороны социальную солидарность, поощряя в этой среде космополитические тенденции, тягу к западному образу жизни, культуре потребления и т.п.»³⁵³. Данную точку зрения также разделяют известные отечественные авторы М.С. Очков, Э.А. Журихин и В.М. Муромцев, констатирующие: фонды отдают себе отчёт в том, что университеты и колледжи – это кузница кадров специалистов,

³⁵¹ Журихин Э.А. «Филантропические» фонды США в системе власти монополий. – М., 1978. С. 144 – 145.

³⁵² Там же. С. 144 – 155.

³⁵³ Шейдина И.Л. Невоенные факторы силы во внешней политике США. – М.: Наука, 1984. С. 284.

от социальной позиции которых во многом зависит эффективность экономической системы Запада³⁵⁴.

Усилиями Фонда Карнеги, Фонда Рокфеллера и Фонда Форда («тройки») было вызвано две волны в создании при ведущих американских университетах специализированных внешнеполитических научно-исследовательских центров. Первая волна охватила 1950 – 1952 гг. Она началась с учреждения в Чикагском университете центра по изучению внешней политики США. В 1961 г. основанный еще до Второй мировой войны при Йельском университете центр международных исследований был передан Принстонскому университету, где он был радикально перестроен и расширен на средства тех же фондов. В том же году центр международных исследований был организован при Массачусетском технологическом институте. Он содержался на «дары» фондов Рокфеллера и Форда. Наконец, в 1952 г. на деньги Корпорации Карнеги был создан Институт исследований проблем войны и мира при Колумбийском университете, взятый впоследствии на дотацию и Фондом Рокфеллера³⁵⁵.

В 1957 – 1960 гг. после пятилетнего перерыва прокатилась новая волна создания фондами «тройки» подопечных научно-исследовательских центров по внешнеполитическим проблемам при важнейших американских университетах. Фонд Форда финансировал создание при Гарвардском университете центра по международным проблемам, а также программу оборонных исследований, к субсидированию которой присоединилась и Корпорация Карнеги. Специфической целью последней из упомянутых программ была подготовка учебных материалов и руководств для всех других университетов США, которые пожелали бы в дальнейшем создать какие-либо курсы по политике в области обороны. Затем на деньги Фонда Рокфеллера при Гарвардском университете была создана дополнительная

³⁵⁴ *Очков М.С., Журихин Э.А., Мурамцев В.М.* «Филантропические» фонды – важное идеологическое оружие империализма. – М.: Наука, 1976. С. 52.

³⁵⁵ *Овинников Р.С.* Уолл-Стрит и внешняя политика. – М.: Международные отношения, 1980. С. 114.

программа научных исследований. Фонды опекали в это время создание научно-исследовательских внешнеполитических центров при других американских университетах. Так, в 1957 г. был создан вашингтонский центр научных исследований в области внешней политики, поставленный на ноги Фондом Рокфеллера и поддержанный Фондом Форда и Корпорацией Карнеги. В 1959 г. Корпорация Карнеги помогла учреждению центра по исследованию проблем конфликтов при Мичиганском университете. Особая роль фондов Карнеги, Рокфеллера и Форда в деле создания при американских университетах центров по разработке внешнеполитических альтернатив заведомо бросалась в глаза³⁵⁶.

Один из главных мотивов филантропии – стремление сократить налоги на сумму пожертвований. В среднем по стране благотворительные пожертвования уже несколько десятилетий держатся на уровне всего лишь 2%, так что альтруизм вполне уживается с выгодой. Однако на индивидуальном уровне размеры, мотивы и механизм пожертвований также производят сильное впечатление. Программы деятельности благотворительных организаций, как правило, ориентируются на запросы общества, что приносит им и их основателям соответствующий авторитет, зачастую отражает прямые или косвенные интересы деловых кругов, а также субъективные интересы создателей фондов.

К началу 1990-х гг. в США насчитывалось свыше 34 тыс. благотворительных фондов и организаций с суммарным капиталом, значительно превышающим 25 млрд. долларов. На наиболее крупные фонды, такие как фонды Форда (с капиталом порядка 12 млрд долл.), Лилли (16 млрд долл.), Рокфеллера (3,3 млрд долл.), а также Карнеги, Джона и Кэтрин Маккартуров, Сороса и др., приходится большая часть активов, сосредоточенных в благотворительных фондах США. Все они относятся к категории общецелевых фондов, действующих не только в национальных, но и в мировых масштабах, в отличие от значительного числа других фондов, не выходящих в своей

³⁵⁶ Овинников Р.С. Уолл-Стрит и внешняя политика. – М.: Международные отношения, 1980. С. 114 .

деятельности за рамки удовлетворения более узких локальных интересов³⁵⁷.

С 1970-х гг. отмечается значительный рост пожертвований на благотворительность со стороны фондов и различных корпораций США. В 1990 г. ими было израсходовано около 13 млрд долларов, что почти в 5 раз превышает подобные траты в 1970 г.³⁵⁸ Что касается интересующей нас сферы культуры, то на культуру и искусство в начале 1990-х гг. было выделено 9 053 гранта на сумму 639 млн долларов³⁵⁹.

Рассматривая финансирование культуры США частными фондами, хотелось бы сказать несколько слов о финансировании этой сферы как со стороны правительства, так и со стороны вышеуказанных организаций.

В своё время Дж. Нэбитт и П. Эбурдин писали: «По мере снижения объема финансирования со стороны федерального правительства художественным организациям приходится бороться за своё существование изо всех сил... Искусство США получает средства от самого крупного в мире мецената – американского бизнеса – и является предметом зависти планировщиков европейских правительств... В 1988 г. правительство США выделило на развитие культуры и искусства 167,7 млн долларов. В том же году оно истратило на душу населения 1143 доллара на оборону, 74 доллара на образование и 70 центов на культуру. Хотя многим любителям искусства это покажется ужасным, они должны признать, что скупость правительства побудила корпорации вложить 1 млрд долларов в год в сферу искусства и культуры, что в 45 раз больше по сравнению с 22 млн в 1967 г. – году «Великого общества».

Тем временем, растёт финансирование искусства на уровне штатов и местном уровне, где легче определить возможности экономического развития. В 1989 финансовом году 50 шта-

³⁵⁷ Шолудько А.Н., Архангельский А.В. США: экономика, наука и культура во внешней политике. – М.: Уникум-Центр, 2000. С. 38.

³⁵⁸ Берзин Л.Б. Филантропические фонды и спонсорские организации США. – М: ИСК РАН, 1997. С. 3.

³⁵⁹ Там же.

тов вместе ассигновали на эти цели 268,3 млн долларов, что на 11% больше, чем в 1988 г.»³⁶⁰.

Помимо этого авторы указывают на то, что администрация США и руководство штатов вместе взятые, на время написание их книги, тратили 2 доллара на душу населения на развитие искусства и культуры, что в сравнении с данными по западноевропейским государствам, которые приводят Нэбитт и Эбурдин, ничтожно мало. В США сфера искусства и культуры вынуждена была стать более ориентированной на бизнес, более предприимчивой в привлечении и зарабатывании средств.

Данные на тот период наглядно демонстрируют сложившуюся на определенном историческом этапе ситуацию с государственным финансированием культуры в США и тотальную ориентацию всего сектора на поддержку со стороны филантропических фондов и американского бизнеса в целом.

В 2000 г. общая сумма пожертвованных средств составила, по данным ежегодника Giving USA, 203,5 млрд долларов или 2% валового национального продукта. Для наглядности: это 558 млн долларов в день или 720 долларов в расчете на каждого жителя США (в Канаде сбор пожертвований на одного жителя в 5 раз, в Англии – в 9 раз ниже)³⁶¹. Для сравнения: с указанным уровнем филантропии сопоставима валовая продукция таких производственных отраслей в США, как электронные коммуникации (телефон, телевидение, радио), коммунальный сектор (газ, электроэнергия, санитарные услуги). Ниже этого уровня – объём продукции каждой из таких отраслей, как промышленное машиностроение, энергетическое оборудование и химическая индустрия, а выше его лишь строительство и транспортные перевозки. По общему мнению специалистов, ни одна страна мира не может сравниться по масштабам благотворительности с США, и опыт ее организации изучается во всем мире.

³⁶⁰ Нэбитт А., Эбурдин П. Что нас ждёт в 90-е годы. Мегатенденции: Год 2000. – М.: Республика, 1992. С. 90 – 91.

³⁶¹ Фурман Ф. Филантропия. Американский вариант // Русский базар. 2002. № 36 (332) 29 августа – 4 сентября. URL: <http://www.russian-bazaar.com>.

Частные фонды и спонсорские организации Америки, действуя во всемирном масштабе и являясь, таким образом, одним из наиболее эффективных инструментов внешней политики США представляют собой инструменты очень мощного американского влияния за пределами Штатов. К тому же деятельность этого института отражает прямые или косвенные интересы представителей деловой элиты, а также, глобального управляющего класса. Кроме того, на примере деятельности частных благотворительных фондов и организаций, в очередной раз предоставляется возможность проследить близость, взаимосвязь и взаимодополнение политических, экономических, геополитических и культурных факторов во внешнеполитической стратегии американского государства.

Однако в 2001 г. ввиду объективных обстоятельств, в том числе связанных с последствиями трагических событий 11 сентября 2001 г., отчетливо проявилась тенденция к преимущественному инвестированию фондами внутренних культурных потребностей, к импорту культуры, нежели ее экспорту. Это выразилось в предоставлении грантов на привлечение в США зарубежных деятелей культуры и искусства, организацию экспозиций из-за рубежа и т.д. (62 из 87 грантов 2001 г. общей суммой в 10,5 млн долларов были направлены на привнесение в Америку культуры извне и лишь 14 грантов на сумму 1,7 млн долларов были ориентированы на финансирование зарубежных гастролей американских творческих коллективов и проведение выставок американского искусства за границами Америки)³⁶².

В 2009 г. на фоне глобального экономического кризиса крупнейшие благотворительные фонды Америки сократили общую сумму затрат на филантропию на 14 млрд долларов по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Такой вывод делают составители рейтинга журнала «Форбс» «200 крупнейших благотворительных фондов Америки». Причем сами доноры меньше жертвовать не стали. Напротив,

³⁶² Szanto A. A new mandate for philanthropy? U.S. foundation support for international arts exchanges. P. 11. URL: www.culturalpolicy.org.

сумма благотворительных взносов увеличилась на 16% или на 7 млрд долларов³⁶³.

Главная причина сокращения расходов на благотворительность – все крупные благотворительные фонды в США реализуют свои проекты за счёт средств, полученных от инвестиционной деятельности, или на проценты от банковских вкладов. Из-за кризиса финансовой системы фонды недополучили значительные суммы. У некоторых из них убытки были настолько велики, что по итогам полугодия их общий баланс оказался отрицательным.

Потеряли деньги почти половина фондов – 90 из 200 исследуемых. В результате общий итог управления финансами в благотворительной сфере тоже оказался минусовым. Это случилось впервые за последние 10 лет. Так, если в 2008 г. общий доход участников рейтинга составил 66 млн долларов, то в 2009 г. общие потери оцениваются в 6 млн долларов.

Завершая краткое освещение роли филантропии как практического инструмента реализации внешней политики США и «мягкой силы» в целом, отметим, что здесь упоминаются не все институты, прямо или косвенно уполномоченные реализовать официальную внешнюю культурную политику, а лишь основные учреждения, от деятельности и решений которых в наибольшей степени зависит функционирование американской культурной дипломатии.

В этой связи следует упомянуть роль Конгресса США, которая заключается в формировании законодательной базы, обеспечивающей функционирование внутренней и внешней политики в области культуры и культурной сферы в целом. Конгресс – учредитель крупнейших в США правительственных организаций в области науки, культуры и искусства, например, Национального фонда искусств (National Endowment for the Arts), Национального фонда гуманитарных наук (National Endowment for the humanities) и т.д. К тому же Конгресс ежегодно утверждает статьи бюджета, предназначенные для финансирования культуры, в том числе ассигнования на содержание государственных организаций (GSE – government sponsored

³⁶³ Гладских Е. Филантропы США сели на мель. URL: <http://delo.ua/biznes/kompanii/filantropy-ssha-seli-na-mel-134827/>.

enterprises)³⁶⁴. Помимо двух вышеуказанных, к ним относятся такие учреждения, как Смитсоновский институт, Национальная галерея, Центр исполнительского искусства им. Дж. Кеннеди, Международный центр Вудро Вильсона и др. Напрямую или косвенно эти учреждения участвуют в осуществлении внешней культурной политики американского правительства, что, в частности, проявляется в организации и проведении не раз упомянутых международных культурных обменов, организации выставок, взаимных обменах экспонатами для проведения экспозиций и т.д.

Весомую роль в реализации внешней культурной политики США и программ публичной дипломатии в целом играют неправительственные организации (НПО). Помимо федеральных ведомств, на международной арене действуют сотни и тысячи НПО, которые напрямую или опосредованно выступают в защиту американских национальных интересов и способствуют созданию положительного образа США в мире. По некоторым данным, только во внешнеполитической деятельности США участвует около 15 тыс. НПО, всего же в Америке их, по информации Госдепартамента, свыше миллиона³⁶⁵.

Развивают активность и международные НПО, а также исследовательские институты, занимающиеся изучением и непосредственно реализацией широкого спектра направлений культурной дипломатии в современных международных отношениях. Характерный пример – более чем активная научная и общественно-политическая деятельность расположенных в Берлине НПО – Института и Академии культурной дипломатии.

Итак, институт филантропических фондов стал одним из важнейших политико-экономических рычагов работы глобальных элит на территории США и одним из наиболее эффек-

³⁶⁴ Department of the Interior and related agencies appropriations for 2002: Hearings before a subcommittee of the Committee on appropriations, House of representatives, 107th Congress., 1 sess. – Washington : Gov. print. Off., 2001. Part 4 : Justifications of the budget estimates.

³⁶⁵ *Ширяев Б.А.* Внешняя политика США. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. С. 251.

тивных инструментов реализации политики «мягкой силы» в международном плане. Эти учреждения явились локомотивами продвижения идеологии глобализма (фонд Рокфеллера, в частности, поддерживал ряд организаций, пропагандировавших философию **либерального интернационализма**). Крупные фонды не только финансируются и создаются политически ориентированными институтами, такими как аналитические центры, но также играют ключевую роль в организации университетов и образовательных учреждений, в частности, в сфере изучения международных отношений. Через эти организации элиты получили возможность формировать идеи, обеспечивая постоянную гегемонию в обществе посредством производства и контроля над знаниями.

При этом частные филантропические фонды – главная опора сферы культуры в США, они являются одним из основных (хотя и негосударственных) институтов, реализующих культурную политику как внутри страны, так и вовне. Такая ситуация сложилась ввиду отсутствия в системе органов власти США культурного ведомства (аналога нашего министерства культуры), а также потому, что федеральные средства, выделяемые на сферу культуры, часто значительно уступают взносам филантропических фондов.

ГЛАВА III

НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США (1945 – 2012)

Под неофициальным сегментом реализации Соединёнными Штатами политики «мягкой силы» в международном масштабе понимаются такие опосредованные, но тем не менее крайне эффективные рычаги воздействия, как неофициальное измерение внешней культурной политики США, олицетворенное в первую очередь массовой культурой (давно ставшей достоянием отнюдь не только самих США) и её американским культурно-идеологическим символом – Голливудом. Голливудский кинематограф – основной инструмент современной американской культурной политики, главный культурный продукт, идеологическое орудие и одно из важнейших средств формирования имиджа этого государства на мировой арене. К этой категории также относятся средства массовой информации, которые являются проводниками как официальной, так и неофициальной внешней информационной и культурной политики (американское телевидение, радио, интернет, шоу-бизнес). Вместе с тем, говоря о влиянии неофициальной культурной политики США в контексте экспорта поп-культуры, нельзя не отметить масштабность воздействия на уровне субкультур.

Термин «неофициальная» подразумевает относительно неконтролируемый поток популярной американской культуры, который направляется Соединенными Штатами при помощи средств массовой информации практически во все уголки планеты. Вместе с тем относительная «неконтролируемость» экспорта массовой американской культуры здесь означает невозможность проконтролировать все содержание продукции, даже той, которая наполняет внутренний рынок США, а также определенную стихийность ее распространения.

В качестве косвенного примера можно привести критику кандидата на пост вице-президента США в 2000 г. от демократической партии Джо Либермана в адрес американских кинопроизводителей за пропаганду насилия, в том

числе в фильмах для детей. Накануне съезда демократов в Лос-Анджелесе в 2000 г. в эфире одного из каналов американского телевидения он заявил: «Я люблю фильмы, люблю музыку, но в индустрии развлечений все еще слишком много насилия, секса, непристойности, что очень осложняет родителям процесс воспитания детей в духе общепризнанных ценностей»³⁶⁶. Кроме того, сенатор высказался о возможном закреплении на законодательном уровне ограничительных мер для кинопроизводителей.

Обращаясь к живописным и эмоционально содержательным примерам П. Бьюкенена, уделяющего пристальное внимание роли массовой культуры в формировании социокультурного облика современной Америки, также многократно убеждаемся в существовании и благополучном развитии искусственно спроектированной и хорошо управляемой неофициальной внешней культурной политики как одного из ключевых компонентов арсенала «мягкой силы» США: «Если водопроводную воду пить невозможно, покупай родниковую воду в бутылках. Это правило применимо и к загрязненной культуре». Но у детей положение сложнее, чем у взрослых. «В музыке, которую они слушают, в фильмах, которые они смотрят, на MTV и на других телеканалах, в книгах и журналах, которые они читают, торжествует гедонизм. От него нигде не укрыться. Пожалуй, лучшее, что могут сделать родители, – это внушить своим детям необходимые жизненные ценности и молиться, чтобы они эти ценности воплощали в жизни, чтобы не погрязли в грандиозном болоте американской масс-культуры»³⁶⁷.

³⁶⁶ Lieberman Attacks Hollywood // BBC News. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/879681.stm>

³⁶⁷ Бьюкенен П. Смерть Запада. – М.: АСТ, 2004. С. 342 – 343.

3.1. Сетевые структуры глобального управления при помощи методов «мягкой силы»

Анализируя истоки формирования арсенала невоенных методов и средств управления, применяемых во внешнеполитической деятельности США, представляется необходимым акцентировать внимание на ключевом элементе истории оформления американской государственности и стержне политической системы США – масонстве. Этот феномен представляет собой крайне важный неотъемлемый политический, социокультурный и экономический атрибут истории Соединённых Штатов, своего рода стержень американской государственности, правящей элиты и, соответственно, конфигурации современной политико-экономической системы США. Отмечая этот базовый элемент американской политической действительности, целесообразно рассматривать его в привязке к процессу разработки, принятия и реализации внешнеполитических решений, в том числе касающихся прямого или косвенного использования инструментов «мягкой силы».

Политические элиты государств, имеющих планетарные притязания на лидерство, всегда стремились создать универсальную модель управления, которая бы упорядочивала их властную структуру и сделала её эффективной. Причём, какие бы формы модель ни принимала, она всегда носила толпо-элитарный характер (рис.).

Попытками построения этой модели в расширенном масштабе можно считать действия императора Наполеона Бонапарта в первой половине XIX в. по созданию Соединённых Штатов Европы с центром в Париже; планы российского государя Александра I относительно европейской директории – «Священного союза» (задумывался как постоянно действующий орган), консервативного альянса России, Пруссии и Австрии, призванного сохранить установленный на Венском конгрессе (1815) международный порядок; британский сетевой проект, представленный масонскими ложами – закрытыми клубными объединениями, берущими своё начало с создания Великой ложи в 1717 г. в Лондоне, ставшей впоследствии Объединенной великой ложей Англии (ОВЛА) (UGLE – United Grand Lodge of England) и считающейся материнской для всего масонства³⁶⁸.

Как следует из вышеизложенного, история международных отношений предоставила политическим элитам две модели управления – иерархическую и сетевую. Первая из них выстраивалась по прямому принципу, а вторая, соответственно, – косвенному, что значительно роднило её с децентрализованными бизнес-структурами, популярными в Западной Европе с периода позднего средневековья. С ростом экономической взаимозависимости, повлекшим за собой революционные изменения в культурно-коммуникационной сфере, имперостроительство в различных частях света и США, в частности, избрало сетевую парадигму в качестве первоосновы.

На первых порах масоны превращаются в неотъемлемый символ колониальной сцены, придающей Британской империи, разбросанной по всему миру, «мистическое единство»³⁶⁹. Англия делает ставку на экспорт масонских движений за пределы собственных границ. Так, первые масонские ложи в Америке появляются «в Массачусетсе в 1733 г., когда Г. Прайс, имевший полномочия от Великой ложи Англии, становится Великим магистром основанной им Массачусетской великой

³⁶⁸ См.: The History of Grand Lodge. URL: <http://www.ugle.org.uk/static/ugle/the-history-of-grand-lodge-1.htm>.

³⁶⁹ Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи 1781–1997 / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2010. С. 279.

провинциальной ложи св. Иоанна». Его помощником был Э. Белчер, сын губернатора провинции. К 1750 г. «в Бостоне существовали уже две другие ложи», которые наряду с «их головной ложей св. Иоанна собирались в таверне "Гроздь винограда", расположенной в районе современных улиц Стейт-стрит и Килби-стрит». Полковые ложи британских войск, «находящиеся под покровительством Великой ложи Англии, также собирались в этом помещении». Следовательно, ложа св. Иоанна взяла под свое крыло более 40 лож. С 1733 по 1737 г. Великая ложа Англии «выдала патенты провинциальным великим ложам Массачусетса, Нью-Йорка, Пенсильвании и Южной Каролины». Не сохранилось никаких документов по Вирджинии, но «там, вполне вероятно, имелись ложи, уполномоченные не только Великой ложей Англии, но и Великой ложей Йорка, исповедовавшей якобитскую систему масонства». Тем временем в 1743 г. Великая ложа Англии «назначила видного бостонского торговца Томаса Оксарда Великим провинциальным магистром Северной Америки», превратив Бостон в «масонскую столицу британских колоний за океаном»³⁷⁰.

Популярность этого движения подкреплялась экономическим и политическим могуществом Лондона – «столицы невидимой финансовой империи, включавшей в себя банковское дело, страхование, брокерство и инвестиции, что давало ей долю почти в каждой стране мира»³⁷¹. Подобное величие завораживало посетителей Англии, одним из которых был Б. Франклин, создавший по приезду в Америку собственное тайное общество – Клуб кожаного передника – прототип будущего Книгоиздательского и философскоамериканского общества. В масоны Франклин был принят в Филадельфии в 1731 г. и сразу приобрёл в Великой ложе заметное влияние. Год спустя он составляет для неё первый в Америке масонский устав, а в 1734 г. становится гроссмейстером. Под влиянием

³⁷⁰ *Бейджент М., Ли Р.* Храм и ложа. От тамплиеров до масонов. - М.: Эксмо, 2006. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/beydj/08.php.

³⁷¹ *Брендон П.* Упадок и разрушение Британской империи 1781–1997 / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2010. С. 116.

тех же обстоятельств в ноябре 1752 г. молодой майор королевской армии, будущий герой освободительной войны Дж. Вашингтон принимается в братство вольных каменщиков.

С накоплением крупных состояний новая американская буржуазия превращает масонство, привнесённое из туманного Альбиона, в оппозиционную для Лондона силу. Америка становится домом для военных шотландских и ирландских лож, не признававших авторитета Великой лондонской ложи. Новые организации, распространившие своё влияние после Американской революции во всех штатах, отличались от прежних большей демократичностью и доступностью: если английская ложа ограничивала свой состав исключительно представителями высшего света, то американские масоны открывали двери простым офицерам, морякам, ремесленникам и купцам средней руки.

Во время войны североамериканских колоний за независимость (1775 – 1783) «большинство участвовавших в ней офицеров и солдат – как с той, так и с другой стороны – либо сами были масонами, либо разделяли взгляды и ценности масонства»; «широкое распространение полковых лож приводило к тому, что даже не члены братства постоянно соприкасались с идеалами организации». Многие из этих идеалов явно «совпадали с тем, за что сражались колонисты». Принципы, которые провозгласили колонисты и за которые они сражались, были – возможно, случайно – преимущественно масонскими. Поэтому британское командование вместе с рядовым составом «оказалось втянутым в войну не просто с соотечественниками, а с братьями-масонами»³⁷².

Стоящие в авангарде борьбы против Британской империи, вольные каменщики одними из первых осознали преимущества «мягкой силы» (которая в то время именовалась «пропагандой») над обычной грубой силой. Влияние научного прогресса, рационалистические постулаты эпохи Просвещения, искусство и литература, освобождённые от католической догматики, – все эти универсальные факторы заложили осно-

³⁷² *Бейджент М., Ли Р.* Храм и ложа. От тамплиеров до масонов. - М.: Эксмо, 2006. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/beydj/08.php.

ву культурной привлекательности североамериканского государства, которому уже в первой половине XIX в. А.С. Пушкин пророчил великодержавное могущество.

Масоны становятся проводниками идей культурного универсализма, обретших особую популярность в конце XIX в., когда пострасовая по своей природе американская массовая культура, движимая торговым усилением США, начинает масштабное освоение Старого Света.

Пройдя многочисленные испытания, сетевая структура управления, на которой зиждется масонство, демонстрирует свою эффективность и устойчивость. Успешный опыт побуждает к действию: череда европейских буржуазных революций 1848 г., разрушающих феодальные устои, и экономический кризис 1857 г., охвативший большинство стран мира, приводят к тому, что немецкий философ К. Маркс становится у руля универсальной сетевой организации – Международного товарищества трудящихся (Первого интернационала). Выстроенный с учётом структуры масонских обществ, Интернационал объединил (на волне польского восстания 1864 г.) под своими знаменами европейских рабочих и национально-освободительные движения, анархистов и масонов. Собравшись для защиты своих классовых интересов, участники Интернационала, призывавшие «пролетариев всех стран соединиться», подтвердили давнюю мечту масонских орденов о глобальном управлении. По иронии судьбы спустя 90 лет в мае 1954 г. американская элита создаст новый интернационал – Бильдербергский клуб, где классовые интересы рабочих трансформировались в интересы мировой корпоратократии.

На рубеже XIX – XX вв., когда США демонстрируют впечатляющие успехи в экономике, происходит консолидация англо-американского истеблишмента, нашедшая своё отражение в деятельности «Круглого стола», неправительственной организации, созданной Л. Кёртисом при поддержке лорда Натана Ротшильда. «Круглый стол» стремился придать Британской империи федеративный характер, что, по мнению основателей движения, позволило бы со временем включить в её состав Соединённые Штаты. Столицей этого проекта мог бы стать Вашингтон. Такие взгляды преобладали в умах членов

«Круглого стола» с 1884 по 1915 г.³⁷³ Намереваясь построить на базе Британии англо-американскую или мировую федерацию, участники «Круглого стола» сумели в последующем создать Британское содружество наций, однако основной целью организации, по мнению профессора из Джорджтаунского университета К. Квигли, оставалось мировое правительство³⁷⁴.

Своим названием организация обязана одноимённому журналу, который выходил под редакцией Л. Кёртиса. Основная идея была позаимствована из легенд о короле Артуре и его рыцарях. Тайное общество впервые собралось в 1891 г. в Южной Африке под предводительством С. Родса. Во «внутренний круг посвященных» вошли С. Родс, А. Мильнер, лорд А. Бальфур, лорд Н. Ротшильд, А. Тойнби, Х. Маккиндер, Л. Кёртис и лорд Э. Грей. Информационное сопровождение их деятельности осуществлялось через семейство Асторов, контролирующих лондонскую «Таймс». В период с 1909 по 1913 г. А. Мильнер организывает «внешний круг», «ассоциацию помощников»³⁷⁵, в которую входят такие деятели, как лорд Р. Бранд, сделавший впоследствии карьеру выдающегося банкира в Лондонском Сити, Дж. Доусон, редактор «Таймс», и Ф. Керр, член административного аппарата премьер-министра Л. Джоржда, а во время Второй мировой – британский посол в Вашингтоне³⁷⁶.

Политическое влияние Ротшильдов возрастало совместно с пространственным расширением Британской империи. В 1890-х гг. российский историк Е. Соловьёв даёт этой семье характеристику, и по сей день не утратившую своей актуальности: «У Ротшильдов не было отечества; их отечество – банкирские конторы, одинаково доходные как в Англии, так и в Китае; у них нет общественных интересов, потому что они выросли вне

³⁷³ *Quigley C.* Tragedy and Hope: A History of the World in Our Time. – N.Y.: Macmillan, 1966. P. 133.

³⁷⁴ *Quigley C.* The Anglo-American Establishment: From Rhodes to Cliveden. – N.Y.: Books in Focus, 1981. P. 150

³⁷⁵ *Ibid.* P. 311–315.

³⁷⁶ *Тойнби А. Дж.* Пережитое. Мои встречи / Пер. с англ. – М.: Айрис-пресс, 2003. С. 405.

общества; религия и делание денег – единственное, что они признавали, чего постоянно держались»³⁷⁷. «Советская историческая энциклопедия» была более критична к семье европейских финансовых магнатов, заявив, что она «поддерживала займами монархии в борьбе против революционных и национально-освободительных движений», содействовала «захвату Алжира французскими колонизаторами» и «финансировала походы С. Родса». Отмечалось также, что «на субсидии Ротшильдов были куплены акции Суэцкого канала», а в «сферу их влияния входят крупнейшие концерны Royal Dutch Shell, Imperial Chemical Industries, Rio Tinto, банки, оружейные заводы, страховые компании»; на службе у Ротшильдов состоят «многие государственные деятели западноевропейских стран»³⁷⁸.

После 1902 г. организация финансировалась на средства протезе Ротшильдов, алмазного магната С. Родса, который расширял британское господство в Южной и Центральной Африке³⁷⁹; в дальнейшем материальная поддержка группы осуществлялась также Фондом Рокфеллера, с представителями которого Л. Кёртис неоднократно встречался в Париже и Лондоне³⁸⁰.

Финансовый капитализм, представленный этой группой, поставил своей целью «создать мировую систему финансового контроля, сосредоточенную в частных руках и способную влиять на политическую систему каждой страны и экономику мира в целом». Предполагалось, что эта система «будет совершенно феодально управляться центральными банками мира, действующими в соответствии с тайными соглашениями, заключенными на часто проводимых личных встречах и совещаниях»³⁸¹.

³⁷⁷ Соловьёв Е. Ротшильды. Их жизнь и капиталистическая деятельность. – СПб., 1894. С. 60, 82.

³⁷⁸ Бегун В. Вторжение без оружия. – М.: Молодая гвардия, 1977. С. 20.

³⁷⁹ Quigley C. The Anglo-American Establishment: From Rhodes to Cliveden. – N.Y.: Books in Focus, 1981. P. 117.

³⁸⁰ Тойнби А. Дж. Пережитое. Мои встречи / Пер. с англ. – М.: Айрис-пресс, 2003. С. 415.

³⁸¹ Quigley C. Tragedy and Hope: A History of the World in Our Time. – N.Y.: Macmillan, 1966. P. 324.

Они рассматривали Англию как силу «атлантическую, а не европейскую, и рассчитывали на создание федерации англоязычных стран»³⁸². А. Мильнер полагал, что «люди должны бороться за построение Царства Небесного на земле, и лидерство в выполнении этой задачи, несомненно, должно принадлежать англоязычным народам»³⁸³. Группы «Круглого стола», созданные в Южной Африке, Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Индии и Соединенных Штатах, управлялись из Англии. В их состав «входили самые известные политики британского правительства, и все они были полностью преданы идее всемирного правительства»³⁸⁴.

Участники, а также люди посторонние зачастую называли «Круглый стол» «группой Мильнера», «комитетом трёхсот» (отдельная организация), «иллюминатами» или «неоиллюминатами» и «олимпийцами» (равными греческим богам Олимпа)³⁸⁵. Ассоциация группы Мильнера с иллюминатами вызвана тем, что «Круглый стол» тесно сотрудничал с влиятельной масонской ложей «Великий восток», созданной в 1733 г., в которой доминировали последователи А. Вайсгаупта. Поддержка «Круглого стола» со стороны банковских домов Рокфеллера и Моргана вселяла уверенность и позволила наладить связи с руководителями Фонда Карнеги и другими американскими НПО ³⁸⁶.

Следует также отметить сотрудничество «Круглого стола» с Фабианским обществом (Fabianists), закрытым элитным клубом, пропагандирующим с 1884 г. (год основания) интернационализм социалистического толка. Более того, писатель Бернард

³⁸² *Hagger N.* The Syndicate. The Story of the Coming World Government. – W.: O Books, 2004. P. 26, 27.

³⁸³ *Rivera D.* Final Warning - A History of the New World Order. - California: InteliBooks, 1984. P. 90.

³⁸⁴ *Ibid.*

³⁸⁵ *Hagger N.* The Syndicate. The Story of the Coming World Government. – W.: O Books, 2004. P. 27.

³⁸⁶ *Rivera D.* Final Warning – A History of the New World Order. – California: InteliBooks, 1984. P. 91.

Шоу, неформальный лидер движения, многократно выступал с речами, воспевающими Британскую империю. Властная модель Туманного Альбиона объявлялась «наиболее приближенной к мировому правительству», что давало «англосаксам право управлять остальными обществами в интересах прогресса»³⁸⁷. Крупнейшие представители фабианства – экономисты Сидней и Беатриса Вебб, Дж.М. Кейнс, У. Беверидж, Э. Кеннан, Дж. Дуглас, К. Блэк, журналист Р. Блэтчфорд, писатель-фантаст Г. Уэллс, философ Б. Рассел, экономический историк Р. Тоуни. Институциональным детищем фабианцев стала Лондонская школа экономики и политических наук, где после окончания Гарвардского университета учился будущий лидер интернационализма, американский банкир Дэвид Рокфеллер³⁸⁸.

После Первой мировой войны логичным продолжением «Круглого стола» становятся такие объединения, как Королевский институт международных дел (*Royal Institute for International Affairs*), Совет по международным отношениям (*Council on Foreign Relations*) и Институт тихоокеанских отношений (*Institute of Pacific Relations*). В последующие годы рост взаимозависимости стимулировал создание новых транснациональных структур и реанимацию старых. Примеры тому – Бильдербергский клуб (*Bilderbergers*), Римский клуб (*Club of Rome*), Трехсторонняя комиссия (*Trilaterals*), Институт Брукингса, Международная группа по предотвращению кризисов (МГПК), Орден св. Иоанна Иерусалимского (*Order of St. John of Jerusalem*), Германский фонд Маршалла (*German Marshall Fund*), Фонд Чини (*Cini Foundation*), Венецианская Черная аристократия (*Venetian Black Nobility*), Общество Монт Пелерин и многие другие³⁸⁹.

³⁸⁷ *Брендон П.* Упадок и разрушение Британской империи 1781–1997 / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2010. С. 300.

³⁸⁸ Местопребывание общества – Лондон, отделения – в других городах Англии. Число членов центрального общества в 1899 г. – 861, провинциальных отделений — до 2000 человек; в 2004 г. – 5810 членов. В разные времена в обществе состояли премьер-министры Великобритании Рамсей Макдональд, Клемент Эттли, Гарольд Вильсон, Джеймс Каллаган и Энтони Блэр.

³⁸⁹ *Коулмэн Дж.* Комитет трёхсот. – М.: Витязь, 2011. С. 6.

Существуют более дискуссионные авторские версии неформальных институтов, в том числе координирующих деятельность упомянутых объединений сверху. Так, известный эксперт Дж. Коулмэн, в приобретшей большую популярность книге «Комитет трехсот», считает «Комитет трёхсот» центральным руководящим органом тайных клубных объединений мировой элиты, т.е. своего рода кабинетом министров мирового правительства.

Упомянутые Совет по международным отношениям (СМО) и Королевский институт международных дел (КИМД) – хрестоматийные опорные пункты западного механизма глобального управления. Они сыграли значительную роль в осмыслении развития трансатлантических связей. После Парижской мирной конференции 1919 г. в начале 1920-х гг. они практически одновременно появились по обе стороны Северной Атлантики. Прообразом этих «фабрик мысли» стало Англо-американское общество по изучению международных отношений, основанное в Париже. Для того времени их новаторство заключалось в публикации объективных трудов, относящихся к интересующей общество теме. Помимо изучения ключевых проблем мирового развития ставилась задача укрепить отношения Англии и США путем поддержки со стороны американской аудитории. СМО и КИМД функционировали изначально по нестандартной схеме: участникам предлагалось работать над заданными целями за пределами организации и под вымышленными именами. Рупорами этих институтов стали журналы «Foreign Affairs» (СМО) и «International Affairs» (КИМД)³⁹⁰.

По мнению отечественного американиста и дипломата Р. Овинникова, «в первом эшелоне учредителей СМО, охватывавшем тех, кто официально занял в нем организационные или административные посты, шли следующие лица: Элиу Рут – первый президент Фонда Карнеги и бывший государственный секретарь; Джон Дэвис – старший партнер главной

³⁹⁰ Цатурян С.А., Филимонов Г.Ю. США на страже безопасности ЕС: глобальное соуправление как необходимость. URL: <http://www.georgefilimonov.com/articles/the-united-states-are-on-the-watch-of-european-union-security/>.

юридической фирмы Морганов «Дэвис Полк, Уордуэлл, Гардинер энд Рид», впоследствии попечитель Фонда Рокфеллера; Фрэнк Полк – еще один партнер этой моргановской фирмы и бывший заместитель государственного секретаря США; Поль Крава – глава рокфеллеровской юридической фирмы «Крава, Свэйн энд Мур»; Исая Баумен – один из доверенных Фонда Карнеги; нью-йоркские банкиры Поль Варбург, Норман Дэвис, Отто Кан. В свою очередь, во втором, вспомогательном эшелоне находились старший партнер банка «Дж. П. Морган» Т. Ламонт, менеджеры рокфеллеровской империи Рэймонд Фосдик (в 1936 – 1948 гг. – президент Фонда Рокфеллера) и Джером Грин, а также лично Джон Рокфеллер и его тесть и партнер Нельсон Олдрич. Кроме того, основателями СМО были Джон Ф. Даллес (будущий председатель Фонда Рокфеллера и государственный секретарь США) и его брат Аллен (президент СМО в 1946 – 1950 гг. и будущий глава ЦРУ), представлявшие в то время юридическую фирму «Салливэн энд Кромвелл». Среди них были также Кристиан Гертер (будущий государственный секретарь) как представитель бостонских финансистов; Аверелл Гарриман (будущий старейшина американской дипломатии) – партнер банка «Браун бразерс, Гарриман»; совладелец фирмы «Кун, Леб» Я. Шифф и другие финансисты»³⁹¹.

В 1925 г. при поддержке Фонда Рокфеллера и Фонда Карнеги создаётся Институт тихоокеанских отношений³⁹², призванный определять стратегию Соединённых Штатов и их европейских союзников по отношению к странам Азии. Руководящий орган института – Международный секретариат, состоящий из национальных советов стран, имеющих интересы в тихоокеанском бассейне. Таковыми являлись США, Англия, Советский Союз, Франция, Китай, Австралия, Новая Зеландия, Канада, Нидерланды и Филиппины.

Особая организация в мире научных исследований – вышеназванный Институт Брукинса, созданный в 1927 г. путем слияния трёх самостоятельных научно-исследовательских учреждений: первым был созданный в 1916 г. на средства Рок-

³⁹¹ Овинников Р.С. Уолл-Стрит и внешняя политика. – М.: Международные отношения, 1980. С. 145.

³⁹² Hooper P. Remembering the Institute of Pacific Relations: The Memoirs of William L. Holland. – Tokyo: Ryukei Shyosha, 1995. P. 77 – 120.

Феллеров Институт правительственных исследований, вторым – образованный в 1922 г. Корпорацией Карнеги Институт экономики, третьим – организованный в 1924 г. бизнесменом Робертом Брукингсом Институт для подготовки аспирантов по экономическим проблемам и вопросам правительственной политики. Для взглядов Р. Брукинга была характерна вера в то, что с помощью совершенствования техники управления можно отвлечь США от опасностей социализма и коммунизма. Он также считал, что рост благосостояния населения ни в коем случае не должен достигаться за счет перераспределения доходов между различными слоями общества³⁹³. Имея таких основателей, Институт Брукинга стал каналом проведения финансово-экономических интересов Уолл-Стрит. К тому же вливания фондов в него продолжались на систематической основе³⁹⁴.

Вместе с этим стремительное развитие политической, экономической и интеллектуальной кооперации после Первой мировой войны, двигателями которой явились филантропические фонды, субсидирующие СМО и КИМД, «не исключило противоречий и острых конфликтов между Англией и Америкой»: «в 1929–1931 гг. директор Центрального банка Англии Монтэгу Норман "закрыл" Британскую империю (25% мирового рынка) от остального мира, нанося тем самым сознательный и мощный удар по США». По мнению российского исследователя А. Фурсова, «именно это противоречие сыграло огромную роль в возникновении Второй мировой войны и заставило значительную часть американской элиты поставить задачу разрушения Британской империи в качестве первоочередной»³⁹⁵.

К концу Второй мировой войны «фабрики мысли» превращаются в надежную опору государственных органов и зачастую замещают их функции. К примеру, через СМО, расширившийся между двумя мировыми войнами с 300 до 663 человек, действовал влиятельный лоббист и идеолог панъевропейского

³⁹³ *Guttman D., Willner B. The Shadow Government. – N.Y., 1976. P. 117.*

³⁹⁴ *Овинников Р.С. Уолл-Стрит и внешняя политика. – М.: Международные отношения, 1980. С. 93.*

³⁹⁵ *Фурсов А. Глобальные игроки нового хаосопорядка. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/545/>*

движения Ричард Куденхов-Калерги, призвавший американцев создать в Европе федеративное устройство сразу же после установления мира. В 1946 г. его усилия увенчались успехом, и СМО включил проект единой Европы в список рекомендаций Государственному департаменту.

По мнению американских исследователей Л. Шупа и У. Минтера, члены СМО взяли на себя полноценное руководство внешней политикой США, что подтверждается следующей статистикой: в администрации Г. Трумэна сотрудники Совета заняли 42% руководящих постов в Госдепартаменте; при Д. Эйзенхауэре – 40%; в администрациях Дж. Кеннеди и Л. Джонсона – 51 и 57%³⁹⁶. Доля членов СМО в руководстве, например, некоторыми высшими учебными и научно-исследовательскими заведениями США оказалась также внушительной: в правлениях Гарвардского и Колумбийского университетов она составляла соответственно 40 и 39%, среди попечителей Института Брукингса – 32%, в руководстве корпорации РЭНД – 45% и Института оборонного анализа – 41%³⁹⁷. Подчёркивается также огромное влияние СМО на средства массовой информации, через которые «распространяется и утверждается его идеология и глобальная повестка дня». Так, по состоянию на 1972 г. пятеро из девяти исполнительных директоров «New York Times» входили в СМО; аналогичное положение наблюдается в «Washington Post», «Time Magazine» и в «Newsweek», где практически половина руководителей, включая Кэтрин Грэм (президент Washington Post) и Осборна Элиота (вице-президент Washington Post и главный редактор Newsweek) – сотрудники Совета³⁹⁸.

Л. Шуп и У. Минтер выявляют «особые отношения» СМО с Институтом Брукингса, корпорацией «Рэнд», Институтом Хадсона, Ассоциацией внешней политики, Фондом Рокфеллера, Фондом братьев Рокфеллеров и Фондом Форда, 15 попе-

³⁹⁶ Shoup L., Minter W. Imperial Brain Trust: The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy. – N.Y.: Authors Choice Press, 2004. P. 62 – 64.

³⁹⁷ Ibid. P. 70, 76.

³⁹⁸ Ibid. P. 66 – 67.

чителей которого (из 21) входят в Совет, включая директора Фонда – Дж. Джонсона³⁹⁹.

В деятельности СМО можно проследить ступени развития доктрины глобализма, к осуществлению которой мир нужно было подготовить. По наблюдению отечественного историка Н.А. Нарочницкой, уже в 1960 – 1970-е гг. пробиваются на поверхность всходы целенаправленной работы всего XX в. по консолидации и созданию наднациональных механизмов контроля над общемировым развитием, в которых стратегия отдельных стран была бы незаметно подчинена поставленным целям. Задача эта связана с панорамными расчётами ведущих сил Запада, которые они вели с начала века в отношении своего политического и экономического будущего. Между двумя мировыми войнами речь шла о рычагах воздействия на оформление нужного идеологического, политического и экономического облика мира, об условиях накопления экономической и финансовой мощи. В этот период были испробованы и первые международные политические и финансовые учреждения – Лига Наций и Банк международных расчётов (БМР). Созданный по плану Оуэна Юнга (председатель СМО в 1920-е гг.) якобы для решения репарационного вопроса, БМР успешно укрепил ведущую роль англо-американского капитала в европейской политике. С начала 1950-х гг. влиятельнейшим сторонником доминирования Америки в международных делах становится Дэвид Рокфеллер⁴⁰⁰. Выпускник Гарварда и Лондонской школы экономики, Д. Рокфеллер до занятия руководящих позиций в СМО пополнял свои знания о Ближнем Востоке и Северной Африке благодаря помощи со стороны французской военной разведки⁴⁰¹. Возглавив СМО в 1949 г. (ныне – почётный председатель совета директоров) американский банкир снискал мировую славу на политическом и

³⁹⁹ *Shoup L., Minter W.* Imperial Brain Trust: The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy. – N.Y.: Authors Choice Press, 2004.. P. 66-70.

⁴⁰⁰ *Нарочницкая Н.А.* Американские «аналитические институты». Глаза, уши и совесть Америки // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека/ Отв. ред. Н.А. Нарочницкая. – СПб.: Алетей, 2008. С. 18.

⁴⁰¹ *Rockefeller D.* Memoirs. – N.Y.: Random House, 2002. P. 113.

финансовом поприще, принимая активное участие не только в создании идеологии интернационализма, но и её аппликации по обе стороны Атлантики⁴⁰².

Поддержка этой инициативы осуществлялась Тавистокским институтом человеческих отношений, Стэнфордским исследовательским институтом (в частности, Стэнфордским центром передовых исследований в области бихевиоральных наук), Институтом социальных отношений, а также самым широким спектром исследовательских организаций, «фабрик мысли», фондов и НПО, специализирующихся на социальной инженерии и прикладной социальной психиатрии. В частности, особое внимание исследователей приковано к проектам Тавистокского института, созданного в 1946 г. при финансовой поддержке Фонда Рокфеллера. Превратившись в крупнейшего производителя технологий в области социальной инженерии, группового и организационного поведения, Институт получил всеобщее признание благодаря проектам культурно-информационного моделирования и формирования общества, прежде всего посредством воздействия на молодежную среду (через использование СМИ, преимущественно телевидения как информационного оружия). По распространенной версии⁴⁰³, такими методами создавались масскультурные идолы, искусственно рождались новые субкультуры, фабриковалась ментальная среда новых поколений.

В известном труде «Столетие войны. Англо-американская нефтяная политика и новый мировой порядок» американский исследователь Ф. Энгдаль отдаёт должное Тавистокскому институту, выделяя заслуги его сотрудника доктора психологии Фредерика Эмери, предложившего использовать СМИ в качестве инструмента для дестабилизации национальных государств. В исследованиях Ф. Эмери обратил внимание на уди-

⁴⁰² Цатуриян С.А., Филимонов Г.Ю. США на страже безопасности ЕС: глобальное соуправление как необходимость. URL: <http://www.georgefilimonov.com/articles/the-united-states-are-on-the-watch-of-european-union-security/>.

⁴⁰³ См.: Эстулин Д. Секреты Бильдербергского клуба. – М.: Пошпурн, 2009. С. 19.; Коулман Дж. Комитет трёхсот. – М.: Витязь, 2011. С. 66.

вительное поведение толпы во время рок-концертов, которые тогда были редкостью. Эмери был убежден, что таким поведением можно манипулировать в целях национальной обороны, и написал об этом работу под названием «Следующие 30 лет: принципы, методы, ожидания». В ней он ввел в оборот специальный термин «подростковый рой», которым можно эффективно управлять, как роем насекомых, чтобы разрушить государство за короткий срок. Эмери пришел к выводу, что подобное роение (стадность) неразрывно связано с «мятежной истерией». Ученый установил, что демократическое лидерство (основанное на сетевой модели), предполагающее использование «полуавтономных» мультидисциплинарных команд специалистов, позволяет получить лучшие в сравнении со структурами, основанными на разделении труда и иерархических методах управления, результаты. Другими словами, Эмери разработал концепцию, в рамках которой социальные сети (хотя тогда они существовали только в умах теоретиков) могут эффективно участвовать в смене политических режимов. Впервые идеи Эмери были «опробованы оперативниками разведки США и НАТО при успешной дестабилизации Франции Ш. де Голля во время студенческих протестов в мае 1968 г.»⁴⁰⁴.

Значительную активность в укреплении институтов глобализма развил Фонд Форда, располагавший наибольшими средствами. Богатая информация на этот счёт содержится в вышедшей в США книге Поля Диксона «Фабрики мысли»⁴⁰⁵. Первой заявкой Фонда Форда на создание подопечных научно-исследовательских учреждений была его ключевая роль в преобразовании в 1948 г. фирмы РЭНД (ранее эта фирма была фактически филиалом авиационной компании Douglas Aircraft). Предоставленная тогда РЭНД Фондом Форда сумма в 1 млн долларов явилась началом ее независимости от компании Douglas Aircraft и первым шагом к подчинению тройке фондов. В составе попечителей РЭНД прочно осели представители самого Фонда Форда и его дочерних организаций,

⁴⁰⁴ *Engdahl F.* A Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order. – London: Pluto, 2004. P. 274.

⁴⁰⁵ *Dickson P.* Think Tanks. – N.Y., 1971. P. 19.

Фонда Рокфеллера, Корпорации Карнеги, Фонда Карнеги для международного мира и др. Показателем вратания РЭНД в американскую внешнеполитическую элиту служит и тот факт, что почти половина попечителей РЭНД традиционно являются членами СМО⁴⁰⁶.

Выполняя в основном заказы Пентагона, РЭНД, таким образом, обеспечивает должную ориентацию военных ведомств США. Вместе с тем она не забывает и своих «благодетелей», реализуя непосредственные научно-исследовательские задания Фонда Форда и Корпорации Карнеги. В числе гражданской продукции РЭНД можно назвать такие, например, исследования: подготовительные материалы к поездке Н. Рокфеллера в Латинскую Америку в качестве специального представителя Р. Никсона (1969), серию исследований по ряду внешнеполитических проблем для советника президента по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджера (1970), возможные варианты решения ближневосточного кризиса - по специальному заказу Фонда Форда (1971 – 1972, 1975). Особенно интересны с точки зрения исследуемой в настоящей работе темы среди проводившихся РЭНД изысканий подготовленные по заказу Пентагона доклады с такими названиями, как «Воздействие на коммунистов при помощи музыки»⁴⁰⁷.

Помимо создания ООН, призванной после Второй мировой войны осуществлять законное политическое и экономическое регулирование планетарными процессами, в августе 1948 г. состоялась 1-я ассамблея Всемирного совета церквей (ВСЦ) в Амстердаме, в которой приняли участие представители двух церквей: Константинопольского патриархата и Элладской церкви и 145 сект из 44 стран. Вступительную речь произнес американский бизнесмен и политик Дж.Ф. Даллес, сыгравший наряду с известным масонским деятелем Дж. Моттом и экуменистом В. Виссертом-Хуфтом ключевую роль в организации ассамблеи. Создание ВСЦ – результат длительной работы по консолидации международного экуменическо-

⁴⁰⁶ Овинников Р.С. Уолл-Стрит и внешняя политика. – М.: Международные отношения, 1980. С. 112.

⁴⁰⁷ Там же. С. 118.

го движения, во главе которого стояли также Рокфеллеры, к тому времени самая влиятельная семья Северной Атлантики. Завершение Первой мировой войны дало строительству зеленый свет: после того как американские сенаторы отвергли Версальский договор, Дж. Рокфеллер-мл. создаёт в 1919 г. Межцерковное всемирное движение⁴⁰⁸ (Interchurch World Movement – IWM), заложив тем самым институциональную основу для Всемирного совета церквей (ВСЦ), крупнейшей экуменической организации, объединяющей сегодня свыше 330 христианских церквей, члены которых представляют религиозные организации более 100 стран, за исключением Южных баптистов, Миссурийского лютеранского синода в США и Римско-католической церкви.

Создавая прототип глобальной единой церкви, глава именитой фамилии писал: «Я не думаю, что мы можем переоценить важность этого движения. Мне кажется, что оно принесет гораздо больший вклад в дело обеспечения мира, деловой репутации и процветания всех людей в мире, чем Лига Наций ...Я не знаю лучшего инструмента страхования и безопасности своих инвестиций, процветания Америки и её будущей стабильности, чем это движение»⁴⁰⁹. Примечательно, что в 1946 г. под эгидой ВСЦ также создаётся кузница кадров для международного экуменического движения – Экуменический институт в Боссе (Швейцария), «объединяющий людей из разных церквей и культур для обучения, научных исследований и межличностного общения»⁴¹⁰.

В 1947 г. в Монтрё создается светский аналог ВСЦ – Всемирное движение федералистов (World Federalist Movement), неправительственная организация, ставящая своей целью «построение нового мирового порядка путём укрепления ООН». В своей пропагандистской деятельности федералисты «при-

⁴⁰⁸ *Harvey Ch.* John D. Rockefeller, Jr., and the Interchurch World Movement of 1919-1920: A Different Angle on the Ecumenical Movement. Church History, Vol. 51, No 2. (Jun., 1982). P. 198-209.

⁴⁰⁹ *Ibid.*

⁴¹⁰ *Taylor D.* Rockefeller and the New World Religion. URL: <http://www.oldthinkernews.com/?p=155>.

звали преобразовать ООН в универсальную федерацию государств с полномочиями по контролю над вооружениями». Подобная позиция подкреплялась тем, что «государства должны отказаться от своих суверенных прав накапливать оружие и воевать; они должны передавать свои споры в авторитетные международные институты для вынесения судебного решения; мир во всем мире будет достигнут только путем создания мирового закона»⁴¹¹.

3.1.1. Бильдербергский клуб и Трёхсторонняя комиссия: транснациональные управленческие объединения

Под воздействием объективных обстоятельств, иллюстрируемых событиями в мировой политике, всё больше актуализируются технологии разработки и принятия внешнеполитических решений как отдельными государствами, так и их объединениями в виде многосторонних международных институтов. Ни для кого не секрет, что реальный механизм разительно отличается от изложенных в учебной и научной литературе структурированных схем принятия аппаратных решений, будучи более сложным, разветвленным и глубинным. Интерес к данной проблематике во многом обусловлен значимостью работы механизма, выраженного в решениях, формирующих специфические аспекты современной международной жизни.

На арену истории вышел новый субъект – так называемый *глобальный управляющий класс*, представленный группами влияния в составе руководителей крупных транснациональных корпораций, бывших и нынешних глав государств и членов правительств, руководства силовых структур стран – участниц процесса, авторитетных представителей экспертного сообщества и культуры, продуцирующих образы, которые формируют благоприятный масскультурный климат – площадку

⁴¹¹ Clark G., Sohn L. World Peace Through World Law , 2 nd ed. Cambridge: Harvard University Press. 1960. Цит. по: World Government / Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/world-government/>.

для эффективной реализации мировой элитой глобальных политических, финансово-экономических и военных задач. Речь идёт о «глобальных племенах» (*global tribes*) – структуре, ведущей мировую борьбу за власть, информацию и ресурсы⁴¹².

То есть современные глобальные игроки – не государства, а устойчивые кластеры, сетевые структуры (одно из главных исключений – Китай). Поэтому когда анализируется внешняя политика США и её влияние на мировую политику и экономику, «имеется в виду не столько американское государство, сколько Америка как кластер, зона деятельности ТНК и финансово-информационных структур, прежде всего Федеральной резервной системы (ФРС)». Российский исследователь А. Фурсов полагает, что «американское национальное государство не дожило двух лет до 200-летнего юбилея: в результате ползучего переворота 1963–1974 гг., начавшегося убийством Дж.Ф. Кеннеди и окончившегося импичментом Р. Никсона, США превратились, прежде всего, в кластер ТНК, финансовых олигархий и их наднациональных структур (например, Трёхсторонней комиссии)»⁴¹³.

Мы становимся свидетелями перехода от управления в интересах государств-наций к управлению в интересах глобальных сетевых структур. Идеологическую базу для этого политического поведения составил неолиберализм, проповедующий принцип свободной торговли, открывающий национальные границы для сбыта товаров и услуг современных корпораций.

Это обстоятельство стимулирует развитие принципиально новых форм тайной внешней политики, существенно отличающихся от тайной политики прошлого. Субъектами здесь выступают интегрированные кластеры ТНК, спецслужб, финансовых, религиозных, информационных и академических

⁴¹² Фурсов А. Глобальные игроки нового хаосопорядка. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/545/>. В интервью заведующий отделом Азии и Африки ИНИОН РАН А. Фурсов подчеркнул, что события, разворачивающиеся на мировой сцене, – отголосок скрытых от внешнего наблюдателя столкновений теневых мировых группировок.

⁴¹³ Там же.

структур различных стран. Корпоратократия⁴¹⁴, в отличие от государственно-монополитической буржуазии, одновременно «приобретает наднациональное и инфранациональное измерения»⁴¹⁵, что неизбежно порождает антагонизм и противоборство между национальной бюрократией государств и глобальным управляющим классом.

Участники этого социума несут политические и финансово-экономические обязательства транснационального характера, зачастую не отвечающие текущим потребностям народов стран их происхождения и национальным интересам⁴¹⁶ этих государств. Формируется понимание одного из магистральных условий функционирования современного государства как игрока на глобальной арене – способность и готовность его истеблишмента руководствоваться не только внутренними факторами и патриотическими соображениями и не столько национальными интересами своей страны, сколько законами взаимодействия на уровне международных элит. Анализируя картину мировой политики сегодня, сложно избавиться от устойчивого ощущения наличия наднациональных правил игры бюрократических элит⁴¹⁷.

На этом фоне сердцевиной или социальной верхушкой глобального управляющего класса можно считать те разноформатные «клубные» объединения транснациональных государственно-корпоративных «менеджеров», которым обычно присваивают довольно поверхностное клише - «мировое правительство». Однако этот термин не отражает в полной мере содержания феномена.

⁴¹⁴ Корпоратократия (англ. corporatocracy – власть корпораций) – форма правления государством или политическая система, при которой власть осуществляется через могущественные и богатые корпорации.

⁴¹⁵ Там же.

⁴¹⁶ Понятие «национальный интерес» претерпело значительную трансформацию после Вестфальского мира 1648 г.

⁴¹⁷ *Филимонов Г.* Когда спящие проснутся. Сбой в системе глобального управления. URL: <http://www.terra-america.ru/kogda-spyaschie-prosnutsya.aspx>.

В последнее время на волне происходящих в мире событий возрастает общественный интерес к исследованиям этой сферы национальной и международной политики государств, обостряется внимание как экспертов, так и любителей к теме влияния таких механизмов на внешнюю политику государств и сценарии развития ситуации в мировой политике в целом.

Существует немало публикаций о работе неформальных объединений, управляющих мировой политикой. Однако наша задача состоит в том, чтобы избавиться от эмоций и мистификаций, окружающих деятельность таких организаций. Представляется целесообразным акцентировать внимание на этой форме влияния на мировую политику и экономику как на данности – объективно существующем эффективном механизме разработки и принятия решений по ключевым вопросам международной и национальной повесток дня.

Вместе с этим возникает уместный вопрос о достоверности источников, предоставляющих материал по данной теме. Учитывая глубоко непубличный характер заседаний упомянутых объединений, сложно академически подтвердить излагаемые факты. Однако при наличии схожих свидетельств из других ресурсов и тем более документов (итоговых документов заседаний, протоколов судебных слушаний) представляется допустимым оперировать такой информацией.

Необходимо сместить акцент с расхожего понятия «теория заговора» и исследовать существующий феномен как адекватный инструмент формирования государственного истеблишмента и обеспечения процесса проработки, принятия и реализации внутри- и внешнеполитических решений (по ряду объективных исторических причин особенно этот инструмент характерен для политической системы США и западноевропейских государств). Что касается транснациональных механизмов управления, то и здесь стоит избавляться от авторских эмоций, изучая феномен с точки зрения истории и современности глобальной политики.

Термин «теория заговора», как правило, вызывает обоснованный скепсис и отторжение предмета изучения как, дескать, плохо аргументированного и в научном смысле сложно доказуемого. При этом нельзя исключать, что данное понятие

сознательно запущено политтехнологами в мировое информационное пространство для распыления общественного интереса к проблемам глобального строительства и блокирования возможных фундаментальных исследований.

Бильдербергский клуб – один из наиболее известных закрытых форматов предметного общения мировой элиты, «неформальная сеть влиятельных людей, которые консультируются друг с другом конфиденциально и в частном порядке»⁴¹⁸, основанная в 1954 г. в Нидерландах. Клуб собирается один раз в год и состоит примерно из 130 представителей политической, финансовой, военной, академической и медиа элиты Северной Америки и Западной Европы.

Ввиду того что клуб не оставляет за собой зафиксированных в итоговых документах решений, влияющих тем не менее на процесс принятия решений вполне официальных институтов – государств и многосторонних международных организаций – существуют объективные препятствия для академической аргументации наличия этого механизма. Однако имеющихся источников и литературы вполне достаточно, для того чтобы выводить дискурс в научное поле. Среди заслуживающих внимания книг и статей, посвященных клубу, целесообразно выделить работы Д. Эстулина, Дж. Коулмэна, Н. Хаггера, Х. Скляр, Д. Риверы, К. Квигли, Л. Шупа, У. Минтера, Ф. Энгдаля и Э. Маршалла.

Головной орган Бильдербергского клуба – руководящий комитет, председатель которого избирается на четырёхлетний срок и может быть переизбран. Совместно с участниками комитета председатель определяет повестку встреч и вносит предложения в оргкомитет относительно кандидатур, которые могут быть приглашены на ежегодную конференцию⁴¹⁹. Постоянные участники встреч – руководители или председатели советов директоров крупнейших мировых корпораций, таких как Exxon Mobil, Royal Dutch Shell, British Petroleum или Total,

⁴¹⁸ Informal forum or global conspiracy? CBC News Online. 13 June, 2006. URL: <http://www.cbc.ca/news/background/bilderberg-group/>.

⁴¹⁹ Governance// BilderbergMeetings. URL: <http://www.bilderbergmeetings.org/governance.html>

европейские монархи и международные банкиры, такие как Д. Рокфеллер, президенты и премьер-министры⁴²⁰.

С американской стороны в формировании Бильдербергской группы участвовали: Дэвид Рокфеллер; Дин Раск, высшее должностное лицо СМО, который был тогда главой Фонда Рокфеллера; Джозеф Джонсон, еще один лидер СМО, бывший директор Фонда Карнеги; Джон Дж. Макклой, высший руководитель СМО (в 1953 г. стал председателем Chase Manhattan Bank), возглавлявший также совет директоров Фонда Форда⁴²¹, Джордж Макги, бывший заместитель госсекретаря США по политическим вопросам; Джордж Болл, бывший посол США в ООН; Уолт Ростоу, экономист и политический мыслитель; Макджордж Банди, советник по вопросам национальной безопасности в администрациях Дж. Кеннеди и Л. Джонсона, бывший директор Фонда Форда; Артур Дин, бывший член совета директоров СМО; Пол Нитце, стратег, бывший военно-морской министр США и заместитель министра обороны.

Как писал политический социолог С. Гилл, «в американском секторе доминировали интересы Рокфеллеров»⁴²². Что же касается европейского сектора Бильдербергской группы, то здесь широко представлены интересы банковского дома Ротшильдов: Эдмонд де Ротшильд был членом руководящего комитета, а Франко Бернабе, вице-председатель «Ротшильд Европа», в настоящее время входит в число членов руководящего комитета⁴²³. Между тем есть основания полагать, что интересы Рокфеллеров в клубе преобладают, в то время как положение

⁴²⁰ *Holly S.* Trilateralism: The Trilateral Commission and Elite Planning for World Management. – Boston: South End Press, 1980. P. 161–171.

⁴²¹ *Marshall A.* Bilderberg 2011: The Rockefeller World Order and the High Priests of Globalization // Global Research, June 16, 2011. URL: <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=25302>.

⁴²² *Stephen G.* American Hegemony and the Trilateral Commission. – N.Y. Cambridge University Press, 1990. P. 131, 132.

⁴²³ Bilderberg Meetings, Former Steering Committee Members, Bilderberg Meetings.org. URL: <http://bilderbergmeetings.org/former-steering-committee-members.html>; Steering Committee <http://bilderbergmeetings.org/governance.html>

Ротшильдов сознательно преуменьшается и уводится в тень; и всё это происходит на фоне того, что «влияние Ротшильдов в XX и XXI веках не только не уменьшилось, но даже возросло, однако стало менее заметным для непосвященных»⁴²⁴.

Несмотря на то что Дэвид Рокфеллер – единственный член Консультативного комитета клуба, его близкие и доверенные лица давно входят в руководящий комитет и тесно связаны с организацией. Среди них Шарон Перси Рокфеллер; Джордж Болл; Генри Киссинджер, давний помощник Рокфеллера и американский стратег; Збигнев Бжезинский, глава СНБ в администрации Дж. Картера, один из основателей Трехсторонней комиссии; Джозеф Э. Джонсон; Джон Дж. Макклой; Джеймс Вулфенсон, бывший президент Всемирного банка и попечитель Фонда Рокфеллера⁴²⁵. Один из действующих членов руководящего комитета, представляющий интересы Рокфеллеров и крупных фондов, – Джессика Т. Мэтьюз. Будучи президентом Фонда Карнеги, она одновременно является старшим научным сотрудником СМО, членом Трехсторонней комиссии, попечителем Фонда Рокфеллера, а также входит в совет директоров Института Брукингса, Фонда братьев Рокфеллеров и Фонда Джойса⁴²⁶.

Ключевой целью Бильдербергской группы стало объединение Европы и реанимация её роли в международных делах. По официальной версии, автор проекта – Джозеф Ретингер, который, будучи генеральным секретарём «Европейского движения», поддерживал контакты с влиятельными политическими лидерами Западной Европы той поры, в том числе с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем и канцлером ФРГ К. Аденауэром. В 1946 г., выступая в Королевском институте международных отношений, он заявил, что Европе для создания федеративного союза необходимо «отказаться от части своего суверенитета». Ретингер был основателем «Евро-

⁴²⁴ *Marshall A. Bilderberg* 2011: *The Rockefeller World Order and the High Priests of Globalization* // *Global Research*, June 16, 2011. URL: <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=25302>.

⁴²⁵ *Ibid.*

⁴²⁶ *Ibid.*

пейского движения» (ЕМ), лоббирующей организации, занимающейся созданием федеративной Европы. Он обеспечивал финансовую поддержку Европейского движения со стороны СМО⁴²⁷, который получал материальную подпитку из Фонда Карнеги, Фонда Форда и, в особенности, Фонда Рокфеллера⁴²⁸.

Помимо Дж. Ретингера, идеологами евроинтеграции были Жан Монне, впоследствии первый президент Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), предшественника Европейского общего рынка; Робер Шуман, премьер-министр Франции, автор проекта о создании ЕОУС («план Шумана»); Поль-Анри Спаак, премьер-министр Бельгии, первый председатель Европейского парламента, генсек НАТО. По данным английской «Дейли Телеграф», эти деятели рассматривались американцами как «наёмные работники»⁴²⁹.

Рассекреченные в 2001 г. документы показывают, что американское разведывательное сообщество в 1950 – 1960-е гг. проводило специальную кампанию для того, чтобы подтолкнуть объединение Западной Европы, финансируя и направляя федералистское движение. В частности, 26 июля 1950 г. появился меморандум, подписанный генералом У. Донованом (в период Второй мировой войны глава Управления стратегических служб – предшественник ЦРУ), который давал инструкции к кампании, содействующей созданию полнофункционального Европейского парламента. В дальнейшем «главным инструментом Вашингтона по формированию европейской повестки дня был Американский комитет за единую Европу (АСУЕ), созданный в 1948 г.»⁴³⁰.

Эти документы показывают, что «АСУЕ, финансировавшее "Европейское движение", являлось важнейшей феде-

⁴²⁷ *Holly S. Trilateralism: The Trilateral Commission and Elite Planning for World Management.* – Boston.: South End Press, 1980. P. 161-162.

⁴²⁸ *The First Transformation // CFR History.* URL: http://www.cfr.org/about/history/cfr/first_transformation.html.

⁴²⁹ Euro-federalists financed by US spy chiefs. *Daily Telegraph*, 19.09.2000.

⁴³⁰ *William J. Rogues' gallery of EU founders.* *The New American.* July 12, 2004. URL: http://findarticles.com/p/articles/mi_m0JZS/is_14_20/ai_n25093084/pg_1?tag=artBody;col1.

ралистской организацией в послевоенные годы». Роль США в процессе просматривается как классическая тайная операция. Финансирование ACUE шло со стороны «фондов Форда и Рокфеллера, а также со стороны бизнес-структур, близко связанных с американским правительством»⁴³¹.

В 1952 г. Дж. Ретингер оставляет свой пост в «Европейском движении» и предлагает голландскому принцу Бернарду⁴³² создать дискуссионный центр – клуб для продвижения в мире западных ценностей, представив нидерландскому монарху произведение, в основу которого были положены труды Дж. Барджеса, А. Мэхэна, а также Х. Маккиндера и Дж. Стронга – англо-американских геополитиков XIX–XX вв.

В работе подчёркивалось, что англосаксы как раса предназначены для того, чтобы одни расы вытеснить, другие ассимилировать, и так до тех пор, пока в них не будет растворен весь мир. Прежде всего предлагалось установить контроль над сердцевиной (Heartland) земного шара – Россией/СССР, без которого господство не представлялось возможным. Реализация этого плана основывалась на стратегии анаконды, в соответствии с которой США и их союзники должны сдавливать Россию со всех сторон: с запада – с помощью Германии и Великобритании, с востока – Японии. На южном направлении было предложено создать государство-вассал проанглосакского толка, которое, раскинувшись между Каспийским, Черным, Средиземным, Красным морями и Персидским заливом, плотно закрыло бы выход России на Ближний Восток.

Русский народ был провозглашен «главным и естественным врагом англо-американцев на пути к мировой гегемонии».

⁴³¹ William J. Rogues' gallery of EU founders. The New American. July 12, 2004. URL: http://findarticles.com/p/articles/mi_m0JZS/is_14_20/ai_n25093084/pg_1?tag=artBody;col1..

⁴³² Член совета директоров крупнейших западноевропейских авто- и авиакомпаний; выполнял важные миссии в Латинской Америке, поддерживал политические контакты с первыми лицами ряда государств. До 1934 г. был членом нацистской партии, а также работал в немецком промышленном гиганте I.G. Farben – производителе газа «Циклон-Б», используемого в концентрационных лагерях.

Учитывалось, что «достижение указанных целей потребует времени» и выполнения следующих стратегических пунктов:

- 1) недопущение России в Европу;
- 2) обеспечение доминирующей роли США в Атлантическом союзе;
- 3) сдерживание Германии путем сохранения статус-кво⁴³³.

Все эти постулаты были тщательно выверены СМО ещё до начала Второй мировой войны. Так, в меморандуме о пан-Европе провозглашалась необходимость «растворить и интегрировать германский потенциал, устранить дорогостоящие противоречия между германцами и романцами». Запад под эгидой Америки «выстраивался в единое геополитическое, экономическое, военное и культурное консолидированное целое». Идеи единой Европы и «постепенное превращение её в некое супергосударство с наднациональными институтами управления были составной частью глобальной стратегии США». Отныне «американское политическое сознание постепенно отождествляет себя с Западом в целом»⁴³⁴. В эту стратегию также входило введение единой евровалюты, что, по мнению члена Бильдербергской группы Э. Давиньона (бывший еврокомиссар по вопросам промышленности), внимательно обсуждалось и планировалась на встречах клуба⁴³⁵.

В Бильдербергском клубе имеется официальный список участников, но на собраниях присутствуют и те, чьи имена не значатся ни в одном официальном пресс-релизе. Согласно ныне действующему уставу постоянные члены клуба – исключительно англосаксы по происхождению – обязаны хранить безусловное молчание и никогда не выпускать в свет официальных документов о деятельности сообщества. Единственный

⁴³³ *Атаманенко И.* Тайны Бильдербергского клуба – большая политика и коровы // Независимая газета, 17.06.2011.

⁴³⁴ *Нарочницкая Н.А.* Американские «аналитические институты». Глаза, уши и совесть Америки // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека/ Отв. ред. Н.А. Нарочницкая. – СПб.: Алетей, 2008. С. 19.

⁴³⁵ *Retzman A.* «Jury's out» on future of Europe, EU doyen says. EUobserver: 16 March, 2009. URL: <http://euobserver.com/9/27778>.

документ после каждой встречи – конфиденциальный отчёт, направляемый только её участникам при строгом условии, что содержание документа никогда не будет предано огласке. В нём указываются главные темы состоявшегося обсуждения без упоминания имен выступавших или выражавших свои мнения. В соответствии со специальной статьей устава критерием при отборе участников заседания всегда является их приверженность «к духовным ценностям Запада». Приглашенными, как правило, являются граждане стран – участниц НАТО, но в любом случае, приезжая на встречу, они должны отречься от каких бы то ни было «националистических предрассудков».

Причём за отказ от национализма ратует сам Нельсон Рокфеллер, губернатор Нью-Йорка, ставший в 1974 г. вице-президентом США. Выступая в 1962 г. в Гарвардском университете с программной лекцией «Федерализм и свободный мировой порядок», он реанимирует идеи планетарного федеративного устройства, призвав создать общемировое государство, руководимое единым правительством. В своих построениях Н. Рокфеллер ссылался на «отцов-основателей» США, провозгласивших «универсальный принцип»: «соединить в одно целое весь мир» для того, чтобы «избавить человечество от войн и насилия»⁴³⁶.

Глобальное строительство набирает высокие обороты: нарастающий кризис американской финансово-экономической системы вынуждает Старый и Новый Свет присоединить к своим инициативам динамичную Японию. Основав в 1968 г. на базе СМО Римский клуб, Д. Рокфеллер не останавливается на достигнутом. В 1972 г. на заседании Бильдербергского клуба Рокфеллер предлагает интегрировать Японию в существующую систему международных отношений путём создания Трёхсторонней комиссии, которая, по его заверениям, позволит «привлечь лучшие умы мира для решения проблем будущего... собирать и обобщать знания, которые предоставят новому поколению возможность восстановить концептуаль-

⁴³⁶ *Rockefeller N. Federalism and Free World Order. May, 1962 // Godkin Lectures at Harvard University on The Future of Federalism. URL: <http://streitcouncil.org/uploads/PDF/F&U-%201962-%20May-%20Rockefeller-%20federalism%20and%20free%20world%20order.pdf>.*

ные основы внешней и внутренней политики»⁴³⁷. Наталкиваясь на скепсис европейцев, Рокфеллер собирает в июле 1972 г. в своём имении в Нью-Йорке влиятельных сторонников этой идеи. По данным американского исследователя С. Холли, на встрече присутствовали Зб. Бжезинский, М. Банди, президент Фонда Форда (брат главного редактора журнала *Foreign Affairs* У. Банди) и Б. Мэннинг, директор СМО⁴³⁸. Результатом встречи становится проект создания в 1973 г. Трехсторонней комиссии во главе с Зб. Бжезинским, объединившей 390 влиятельных представителей Северной Америки, Западной Европы и Японии, что частично размыло влияние банковского дома Ротшильдов на процесс принятия решений.

Комиссия была образована в середине 1973 г. с трехлетним мандатом. Позднее он был продлен на второй трехлетний период (1976 – 1979) и сейчас проходит свой тринадцатый трехлетний период, который заканчивается в середине 2012 г. Функционирование этого образования связывалось со следующими целями:

1) консультироваться и сотрудничать более тесно, на основе равенства, разработать и проводить скоординированную политику по вопросам, затрагивающим общие интересы;

2) воздерживаться от односторонних действий в ущерб другим регионам, несовместимых в условиях взаимозависимости;

3) воспользоваться существующими международными и региональными организациями и далее укреплять свою роль в мировой политике⁴³⁹.

Руководство комиссии осуществляется председателем и его тремя заместителями, каждый из которых курирует свой регион. Они несут ответственность за выбор целей, планируют встречи и совместные мероприятия. Исполнительный коми-

⁴³⁷ *Stephen G. American Hegemony and the Trilateral Commission.* – N.Y.: Cambridge University Press, 1990. P. 117.

⁴³⁸ *Holly S. Trilateralism: The Trilateral Commission and Elite Planning for World Management.* – Boston.: South End Press, 1980. P. 76–78.

⁴³⁹ См. What is the Trilateral Commission? When and why was it formed? URL: <http://www.trilateral.org/go.cfm?do=Page.View&pid=9#5>.

тет, состоящий из представителей трех регионов, собирается один раз в год для обсуждения возможных тем, даёт рекомендации председателю и его заместителям. У каждого региона, представленного в комиссии, имеется собственный исполком, который собирается несколько раз в год. Ежедневная работа Трёхсторонней комиссии осуществляется малыми штабами в Вашингтоне, Токио и Париже, каждая под руководством регионального директора ⁴⁴⁰.

Устав Трёхсторонней комиссии не позволяет государственным служащим быть её членами. Именно поэтому представленные в комиссии лица приостанавливают своё членство на время занятия государственных должностей.

Влиятельные участники: Д. Рокфеллер, основатель Трёхсторонней комиссии, член исполнительного комитета и председатель группы Северной Америки с середины 1977 по ноябрь 1991 г., ныне – почетный председатель Совета директоров; Зб. Бжезинский, исполнительный директор комиссии с 1973 по 1976 г., после службы в администрации Картера доктор Бжезинский возглавил исполнительный комитет в 1981 г., проработав в нём до 2009 г.; Генри Д. Оуэн, директор Центра внешнеполитических исследований Института Брукингса; Джордж С. Франклин; Роберт Р. Боуи, представитель Ассоциации внешней политики, директор Гарвардского центра по международным делам; Джерард К. Смит, участник переговоров ОСВ-I; Маршалл Хорнблауэр, бывший партнер Wilmer, Cutler & Pickering; Уильям Скрэнтон, бывший губернатор Пенсильвании, Эдвин Райшауэр, профессор Гарвардского университета; Макс Констамм, председатель группы Западной Европы с 1973 по 1976 г.; Алан Гринспен, председатель Федеральной резервной системы США (1987 – 2006); Пол Волкер, председатель группы Северной Америки (1991 – 2001), председатель Федеральной резервной системы США (1979 – 1987); Томас Фоли, председатель группы Северной Америки (2001 – 2008); Джозеф С. Най, председатель группы Северной Америки с 2008 г., заслуженный профессор и бывший декан Школы государственного управления им. Дж.Ф. Кеннеди при Гарвардском

⁴⁴⁰ Who leads the Commission? URL: <http://www.trilateral.org/go.cfm?do=Page.View&pid=9#5>.

университете, бывший председатель Национального совета по разведке и бывший заместитель министра обороны США по вопросам международной безопасности; Питер Сазерленд, нынешний председатель группы Западной Европы, бывший гендиректор ГАТТ, председатель ВР и Goldman Sachs International; Ётаро Кобаяси, председатель группы Японии (расширена за счёт участников из Китая и Южной Кореи), главный корпоративный советник Fuji Xerox Company Ltd, член совета директоров Callaway Golf Company, Nippon Telegraph and Telephone, Sony Corporation и American Productivity & Quality Center, пожизненный попечитель Keizai Dooyukai (японская ассоциация корпоративных руководителей), председатель Института Аспен, Япония. Финансирование организации обеспечивают Дэвид Рокфеллер, Фонд Чарльза Ф. Кеттеринга и Фонд Форда.

По данным американского экономиста и историка Ф. Энгдаля⁴⁴¹, один из первых политических документов, выпущенных Трехсторонней комиссией, был написан гарвардским профессором С. Хантингтоном, человеком, который впоследствии к середине 1990-х гг., спроектирует спорный тезис о «столкновении цивилизаций», заложивший основу для последующей «войны с террором» правительства Дж. Буша-мл.⁴⁴² Статья Хантингтона в 1975 г. называлась «Кризис демократии»⁴⁴³.

Для Хантингтона и его партнёров из Трехсторонней комиссии «кризис, однако, состоял в том факте, что сотни тысяч обычных американских граждан начали протестовать против политики своего правительства». «Америка или, по крайней мере, её правящая элита, объявил Хантингтон, оказались перед угрозой избытка демократии». «Непослушные аборигены», очевидно, становились «слишком беспокойными» для

⁴⁴¹ См.: *Engdahl F. Gods of Money: Wall Street and the Death of the American Century.* – Wiesbaden: edition.engdahl, 2010; *Engdahl F. Full Spectrum Dominance: Totalitarian Democracy in the New World Order.* – Boxboro, MA: Third Millennium Press, 2009.

⁴⁴² *Engdahl F. Seeds of Destruction. The Hidden Agenda of GMO.* Centre for Research on Globalization Publishing, 2007. P. 37–39.

⁴⁴³ *Huntington S. The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission // Trilateral Commission.* – N.Y.: New York University Press, 1975. P. 45.

элитных кругов истеблишмента вокруг Хантингтона и Д. Рокфеллера. Далее Хантингтон предупреждал, что «эффективное функционирование демократической политической системы обычно требует некоторой меры апатии и равнодушия со стороны некоторых людей и групп». Он также настаивал, что «... секретность и обман ...являются ...неизбежными атрибутами ...правительства»⁴⁴⁴.

По Энгдалю, ненадежная природа демократического правительства, субъекта давления непредсказуемого настроения общественности, только продемонстрировала (среди прочих вещей) для круга Хантингтона и рокфеллеровской Трехсторонней комиссии мудрость приватизации государственных предприятий и отказ от регулирования промышленности. Первые шаги к тому, чтобы прекратить регулирование и приватизировать правительственные службы, фактически были сделаны при президенте Дж. Картере, отобранном лично Д. Рокфеллером кандидатом в президенты и члене Трехсторонней комиссии⁴⁴⁵.

В свою очередь японская сторона, воспользовавшись всеми преимуществами участия в Трёхсторонней комиссии, сумела интегрировать Токио в мирополитическую систему, получить опыт переговоров в транснациональных дискуссионных клубах и наладить политические и экономические контакты с элитами Западной Европы. Вот как характеризует влияние комиссии на Японию Киити Миядзава, бывший японский министр финансов и министр иностранных дел, один из основателей Трехсторонней комиссии и группы Японии: «Трехсторонняя комиссия интегрировала нашу страну в международный концерт. Самое важное для Японии состоит в том, что она была привлечена к созданию комиссии ещё на исследовательской стадии, впервые приняв равноправное участие в семинаре такой важности и величины... Дискуссии в рамках комиссии влияют на стратегические решения нашего правительства»⁴⁴⁶.

⁴⁴⁴ *Engdahl F.* Seeds of Destruction. The Hidden Agenda of GMO. Centre for Research on Globalization Publishing, 2007. P. 39.

⁴⁴⁵ *Ibid.*

⁴⁴⁶ What has the Commission done to further understanding of global problems? <http://www.trilateral.org/go.cfm?do=Page.View&pid=9#5>.

Трехсторонняя комиссия, будучи частной организацией, была создана за закрытыми дверями, чтобы заложить основы новой глобальной стратегии для паутины взаимных связей представителей международных элит (многие из которых являлись деловыми партнерами Рокфеллеров), чей объединенный финансовый, экономический и политический вес был беспрецедентным. Амбиции организации состояли в том, чтобы создать то, что член комиссии Дж. Буш-ст. позже назовет «новым мировым порядком», выстроенным по проекту Рокфеллера и сочувствующих ему властных кругов. Трехсторонняя группа заложила фундамент того, что к 1990-м гг. получило название «глобализация»⁴⁴⁷.

Однако уже в 1980-е гг. далеко заглядывающие в будущее стратеги Вашингтона и влиятельные исследовательские центры, определяющие повестку для Бильдербергского клуба и Трёхсторонней комиссии, «начали понимать, что они опустошили промышленный потенциал США и что рано или поздно другие государства или регионы, такие как поднимающийся Европейский союз или Юго-Восточная Азия и Китай, достигнут такого экономического потенциала, который в один прекрасный день сможет бросить вызов превосходству американского доллара»⁴⁴⁸. В 2001 г., когда Дж. Буш и Р. Чейни прибыли в Вашингтон, американский истеблишмент, выражаясь языком Ф. Энгдаля, «эти всемогущие патриции американской послевоенной власти» Дж. Бейкер и Дж. Буш-ст., явно решили, что «для продолжения американского доминирования и в новом столетии необходимы крутые меры». «Американский век» (термин, использованный Генри Льюисом после победы во Второй мировой войне для описания американского экспансионизма) «демонстрировал все признаки упадка, когда Буш и Чейни начали проводить свою самоуверенную военную политику с целью продления его господства». Они решили, что необходимо использовать всю неограниченную военную мощь,

⁴⁴⁷ *Engdahl F.* Seeds of Destruction. The Hidden Agenda of GMO. Centre for Research on Globalization Publishing, 2007. P. 36.

⁴⁴⁸ *Engdahl F.* A Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order. – London: Pluto 2004. P. 261.

чтобы завершить строительство «нового мирового порядка» (термин, использованный Джорджем Бушем-ст. в конце «холодной войны» для обозначения своей стратегии). Наблюдая за ситуацией сквозь призму античности, Ф. Энгдаль констатирует, что «процесс имперского перенапряжения и окончательного упадка шёл уже во многих отношениях интенсивнее, чем в старой Римской империи, которая ослабла и, в конечном итоге, пала в четвертом веке нашей эры из-за череды все более безнадежных войн в попытках сохранить свое господство, в то время как последовательно обесценивалась ее валюта, а элита разлагалась среди невообразимых богатств империи»⁴⁴⁹.

Подводя промежуточный итог, американский учёный называет эру Буша–Чейни «радикальным усилием мировой финансовой элиты», «направленным на изменение хода истории с помощью "грубой" силы». По Энгдалю, основные фигуры были выбраны исходя из совпадения интересов американского военно-промышленного комплекса под руководством таких гигантов, как Boeing и Lockheed Martin, и интересов большой нефти под руководством Enron, Exxon Mobil, Chevron Texaco. Старая компания Чейни – корпорация Halliburton объединяла между собой две эти мощные группировки. Подразделение Kellogg Brown & Root корпорации Halliburton является крупнейшим в мире строителем военных баз, и сама корпорация нефтяного обслуживания Halliburton также крупнейшая в мире⁴⁵⁰.

Впервые за последние два десятилетия вызовы, стоящие перед США и их союзниками, теснейшим образом объединяют усилия Северной Америки, Европы и Японии. В частности, это обстоятельство ярко прослеживается в совпадении программы ежегодного совещания Трёхсторонней комиссии в апреле 2011 г. в Вашингтоне, которая носит более расширенный и прикладной характер, с предметом обсуждений в Бильдербергском клубе за 2010 – 2011 гг. Общие темы – политика Соединённых Штатов и мировая экономика; экономика США; восстановление глобальной экономики после кризиса; демографические вызовы; социальные сети; проблемы кибербезопасности; G-20

⁴⁴⁹ *Engdahl F. A Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order.* – London: Pluto 2004. P. 262 – 263.

⁴⁵⁰ *Ibid.*

и глобальное экономическое регулирование; ситуация вокруг Афганистана и Пакистана; «арабская весна» и политические трансформации на Ближнем Востоке⁴⁵¹.

В отличие от своих коллег по комиссии, члены клуба сконцентрировались в ходе встречи в Сент-Морице (июнь 2011) на долговых проблемах еврозоны и бюджетной дисциплине, что во многом объясняется персоной нынешнего председателя руководящего комитета Анри де Кастри, председателя и главного исполнительного директора французской корпорации АХА, крупнейшей в Европе страховой группы, занимающей 9-е место в мире по капитализации. В этом году в руководящий комитет вошли председатели таких влиятельных финансово-экономических империй, как Й. Аккерман (Deutsche Bank AG), Ф. Бернабе (Telecom Italia S.p.A.), М. Агиус (Barclays PLC), Р. Альтман (Evercore Partners Inc), Т. Эндерс (Airbus SAS), Дж. Керр и Й. Оллила (Shell), К. Манди (Microsoft Corporation), П. Сазерленд (Goldman Sachs International)⁴⁵². Этот список был также пополнен представителями экспертного сообщества: М.Ж. Крэвис, старший научный сотрудник Института Хадсона; Р. Перл, старший научный сотрудник Американского института предпринимательства; Дж. Мэтьюз, президент Фонда Карнеги; В. Хальберштадт, профессор экономики Лейденского университета; М. Монти⁴⁵³, профессор Университета коммерции им. Луиджи Боккони и Т. де Монбриаль, президент Французского института международных отношений.

⁴⁵¹ Trilateral Commission / Program of the 2011 Annual Meeting. Washington, DC; United States, April 8-10. URL: <http://www.trilateral.org/go.cfm?do=File.View&fid=166>; The 59th Bilderberg Meeting in St. Moritz, Switzerland from 9 – 12 June 2011. URL: http://www.bilderbergmeetings.org/meeting_2011.

⁴⁵² См. Steering Committee // Bilderberg Meetings. URL: <http://www.bilderbergmeetings.org/governance.html>.

⁴⁵³ С 16 ноября 2011 г. назначен новым премьер-министром Италии, сменив на этом посту С. Берлускони. Будучи известным экономистом и государственным деятелем, М. Монти также занимал должность международного советника таких компаний, как Goldman Sachs и The Coca-Cola Company.

На встрече присутствовали генеральный секретарь НАТО А. Расмуссен (постоянный участник встреч), премьер-министр Испании Х. Сапатеро; канцлер ФРГ А. Меркель, сопредседатель фонда Билла и Мелинды Гейтс и бывший глава «Майкрософт» Б. Гейтс, бывший министр обороны США Р. Гейтс, Дж. Папаконстантину, министр финансов Греции, а также несколько греческих банкиров и бизнесменов. Члены клуба обсуждали необходимость для ЕС «сосредоточить власть» перед лицом серьезного экономического кризиса, угрожающего Европе и всему миру, демонстрируя нацеленность на сохранение европейской финансовой архитектуры и посылая сигнал о том, что члены клуба сделают всё возможное для того, чтобы предотвратить коллапс евро и конец Евросоюза.

Незадолго до совещания президент европейского Центрального банка Ж.К. Трише заявил: «Правительства нуждаются в учреждении министерства финансов для валютного региона в составе 17 стран с целью борьбы с обширным кризисом суверенного долга». Согласно Трише, подобное министерство финансов могло бы обладать полномочиями как минимум в трех областях: «надзор за фискальной политикой и политикой в сфере конкурентоспособности» и «прямыми полномочиями» над странами с налоговыми неурядицами. Они также будут осуществлять «все типичные полномочия исполнительной власти, касательно интегрированного финансового сектора Евросоюза, так чтобы сопровождать полную интеграцию финансовых служб; представлять европейскую конфедерацию в международных финансовых институтах»⁴⁵⁴. Кризис в Греции сделал громче призывы о необходимости формирования Европейского экономического правления (идея появилась гораздо раньше греческого кризиса). В этом контексте глобальный экономический кризис – предлог для более активного продвижения идеи глобального экономического правления.

Впервые за всю историю клуба на встречу были приглашены два участника из Китая: Хуан Йипин, профессор эконо-

⁴⁵⁴ World's Powerful Bilderberg Group Meets In St Moritz // EurasiaReview, 9 June 2011. URL: <http://www.eurasiareview.com/worlds-powerful-bilderberg-group-meets-in-st-moritz-09062011/>.

мики из Пекинского университета, и Фу Ёинг, замминистра иностранных дел КНР. Обусловлено это объективно возросшим вниманием клуба к роли Китая в мировой политике и отношениях с США.

Китай появился в дискуссиях на тему Пакистана (КНР все больше превращается в ближайшего экономического и политического союзника этой страны, в то время как Америка продолжает распространять войну в Афганистане на регионы, соседствующие с Пакистаном). КНР также развила активную инвестиционно-экономическую деятельность в Африке, угрожая западным игрокам (сетям), в частности Всемирному банку и МВФ. Самое важное (безотносительно его роли в Пакистане и Африке) – Китай превратился в крупнейшего торгово-экономического партнера и одновременно конкурента для США в мире. Учитывая это обстоятельство, члены клуба стремятся не отчуждать Китай из существующих институтов мировой власти, но более полно интегрировать Поднебесную в свою систему.

Стремительное усиление Китая в Юго-Восточной Азии вызывает у них беспокойство: Пекин «активно инвестирует миллиарды долларов в развитие инфраструктуры, связывающей южные провинции Китая и такие страны региона, как Камбоджа, Лаос, Мьянма, Таиланд и Вьетнам, что в целом может угрожать интересам США в регионе». Однако «серьезных разногласий с Китаем, по мнению членов клуба, в ближайшее время не будет – сегодня Китай полностью интегрирован в мировую финансовую систему, он принял правила игры и вынужден их придерживаться». Кроме того, сегодня «более 30% импорта нефти в Китай осуществляется через Малаккский пролив, который может быть легко заблокирован, что вынудит Поднебесную быть стоворчивее»⁴⁵⁵.

Наряду с Китаем ещё в 2009 г. «Большая двадцатка» привлекла к управлению экономическими процессами и Индию; аналогичное предложение прозвучало и со стороны Трехсторонней комиссии, что свидетельствует о растущей значимости Дели и, в особенности, Пекина в глобальных делах.

⁴⁵⁵ Гриняев С. Планы Бильдербергского клуба. URL: http://www.csef.ru/studies/politics/projects/russia_future/articles/1147/.

Что касается участия в работе клуба граждан России, то известно, что после распада СССР на заседания клуба приглашались А. Коржаков и А. Чубайс. Первый выступал перед клубом сразу после своей отставки, а второй участвовал в заседании в 1998 г. в качестве вице-премьера России. Вернувшись в Москву, он заявил о своём членстве в клубе в ходе прямого эфира программы «Итоги»⁴⁵⁶. На заседаниях клуба также присутствовали: Л. Шевцова⁴⁵⁷, директор программы «Российская внутренняя политика и политические институты» московского Центра Карнеги, ведущий сотрудник Фонда Карнеги (Вашингтон); Д. Тренин⁴⁵⁸, директор московского Центра Карнеги, руководитель программы «Внешняя политика и безопасность»; М. Маргелов, председатель комитета Совета Федерации по международным делам (2003); Г. Явлинский, основатель партии «Яблоко» (2004); Е. Немировская, основатель и директор Московской школы политических исследований (2005); С. Караганов, председатель Совета по внешней и оборонной политике; А. Мордашов, владелец крупной российской корпорации «Северсталь» (2011)⁴⁵⁹.

Отдельный вопрос – участие М. Горбачева и Б. Ельцина в деятельности закрытых объединений западной элиты. Исходя из многочисленных косвенных признаков есть основания предполагать, что именно из этих структур М. Горбачев получал инструкции, которыми руководствовался в работе по искусственному коллапсу сверхдержавы. Что касается Б. Ельцина, то за неимением подтвержденных (хотя и косвенных) данных целесообразно временно воздержаться от однозначных суждений по этому поводу.

Наиболее значимая иллюстрация влияния Бильдербергского клуба на мировую политику – военная операция НАТО

⁴⁵⁶ В Бильдербергском закулисье олигарх Мордашов представлял Швецию. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/41770/13/>.

⁴⁵⁷ Участвовала в заседаниях 1999, 2001, 2002, 2003 и 2004 гг.

⁴⁵⁸ Присутствовал на встречах клуба в 1999, 2008 и 2009 гг.

⁴⁵⁹ В Бильдербергском закулисье олигарх Мордашов представлял Швецию. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/41770/13/>.

против Югославии, на территории которой правящая элита Европы и США преследовала собственные экономические цели. Так, ещё в мае 1996 г. на заседании Бильдербергского клуба, прошедшего в Турции, был поднят вопрос о ситуации в сербском крае Косово (по материалам канадской газеты *Toronto Star*, июнь 1999 г.). Обсуждение вопроса о судьбе Косово возникло по чисто экономической причине: Запад получал стратегически важный металл хром в основном из Заира, однако в мае 1997 г. после свержения режима Ж.Д. Мабуту хромовые поставки оказались под угрозой. На территории Косово (вместе с Албанией) находится до 90% разведанных европейских запасов этого сырья, стоимость доставки которого к европейским потребителям в 10 раз ниже, чем из Заира⁴⁶⁰. Провозглашение независимости Косова 17 февраля 2008 г. поставило финальную точку в борьбе членов клуба за ресурсы мятежного края, а правительство Сербии, выведенное из игры, ограничилось показным негодованием, пытаясь сохранить лицо перед собственным населением.

События, произошедшие в 2011 г.: массовые уличные беспорядки в Лондоне, ненасильственные протесты в Израиле, перевороты в Тунисе и Египте, дело бывшего директора – распорядителя МВФ Д. Стросс-Кана, очередное нагнетание напряженности в Косово – проявления нарастающей борьбы упомянутых групп влияния за власть. В этом контексте силовая акция НАТО в Ливии – ключевое событие 2011 г. с позиции западной внутриэлитной «распасовки». Всесторонний анализ причин, целей и итогов этой военной операции, представляющих обширное поле для изложения материала, целесообразен в рамках отдельной тематической работы. Вкратце можно лишь отметить возрастающую заинтересованность международных структур в управляемой хаотизации (в русле Большого и нестабильного Ближнего Востока), заменяющей необходимость присутствия военного контингента в регионе. Помимо очевидных задач доступа и контроля над ливийскими месторождениями углеводородов на повестке дня также стоит зада-

⁴⁶⁰ *Гриняев С.Н.* Поле битвы – киберпространство: теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. – Мн.: Харвест, 2004. С. 319.

ча «перераспределения мировых финансовых потоков (за счёт контроля над новыми активами) между основными мировыми группами влияния и в нужном для этих глобальных игроков направлении»⁴⁶¹.

Аспекты политики «мягкой силы» проявляются в контексте американского моделирования системы глобального управления в такой же мере, как они свойственны внешней политике США. В процессе взаимодействия наднациональных элит для реализации текущих задач глобальной повестки дня используется весь арсенал инструментов: военно-политических, финансово-экономических, дипломатических. Однако, как показывает история формирования могущественного транснационального капитала с центром в США, определяющего тональность международной повестки дня, перечисленные факторы во многом основываются на культурном, информационном и научно-образовательном лидерстве США в международных отношениях.

Как уже отмечалось, экспорт американской культуры неразрывно связан с интересами большого бизнеса в лице владельцев крупнейших медиахолдингов, вещательных корпораций и финансово-промышленных конгломератов. Для американского сегмента транснациональной элиты, о природе которой говорится в этом параграфе, «мягкая сила» США предстаёт действенным орудием трансляции своего влияния на внешний мир, что помимо властных дивидендов приносит и колоссальную прибыль, поскольку культура, в особенности масскульт – один из самых дорогостоящих товаров.

Зб. Бжезинский, говоря о четырех компонентах американского господства в мире, наряду с военной, экономической, научно-технической составляющими выделяет культуру. Бжезинский констатирует: «В области культуры, несмотря на её некоторую примитивность, Америка пользуется не имеющей себе равных притягательностью, особенно среди молодежи всего мира... Культурное превосходство – недооцененный аспект американской глобальной мощи. Что бы ни думали некоторые о своих эстетических ценностях, американская массовая куль-

⁴⁶¹ *Делягин М.* Мировой кризис и Россия в нём. URL: <http://forum-msk.org/material/video/6061576.html?pf=2>.

тура излучает магнитное притяжение, особенно для молодежи во всем мире. Ее привлекательность, вероятно, берёт своё начало в жизнелюбивом качестве жизни, которое она проповедует, но её притягательность во всем мире неоспорима»⁴⁶².

Что касается финансово-экономических факторов глобального управления, используемых транснациональными банками и монетарными властями США (ФРС), то все они также основываются на культурно-коммуникационном лидерстве Америки. При этом вопреки классификации Дж. Ная представляется целесообразным отнести финансово-экономические инструменты управления глобальными процессами к атрибутам «мягкой силы» (в этом плане позиция профессора Санкт-Петербургского университета Б.А. Ширяева видится более правомерной).

3.2. Финансово-экономические факторы «мягкой силы» внешней политики США и глобального управления

Парадоксально, но симпатии иностранной аудитории к США далеко не ограничиваются культурной сферой. Ежедневно миллионы людей инвестируют свои средства в американскую валюту, государственные облигации, акции частных корпораций, открывают счета в банках, поддерживая в конечном итоге курс доллара и планомерное развитие экономики США. С использованием рекламы и различных PR-технологий создаются благоприятные условия для поддержания устойчивого спроса на американский доллар, поскольку уже в самом факте его рассмотрения в качестве товара заложена та самая «программируемость». ореол благополучия, культивируемый через «всесильную Уолл-Стрит», побуждает бизнес-элиту стран третьего мира и их политических руководителей также вкладываться в инновационные проекты Силиконовой долины, в чём, например, особенно преуспевают саудовская монар-

⁴⁶² *Бжезинский Зб.* Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения, 2000. С. 36, 38.

хия и лидеры других стран – экспортёров нефти. В результате мы наблюдаем симбиотичную связь между администрацией США и крупным бизнесом: их интересы зачастую совпадают и взаимодополняют друг друга.

Многочисленные исторические события подтверждают, что манипуляция с помощью финансовых и экономических инструментов невозможна без информационного, в более широком смысле – культурного сопровождения. Так, к примеру, растущие «мыльные пузыри» на рынках недвижимости или в других сегментах экономики, используемые (после их коллапса) транснациональными банками для кризисного управления американской и, как следствие, мировой экономики, образуются с помощью массированного воздействия СМИ как внутри Америки, так и за рубежом. Будучи всепроникающим явлением, информация мобилизует общественный сегмент человеческого сознания, именуемый в работах К.Г. Юнга⁴⁶³ «коллективным бессознательным», вынуждая индивидуума руководствоваться не разумом, а инстинктами, нервными импульсами: повинуюсь воле социума, он перенимает его поведение.

Вдобавок ко всему «мягкие» инструменты оказывают внешнее коммуникационное влияние для амортизации негативного международного резонанса, вызванного чередой экономических кризисов, проектируемых администрацией Соединённых Штатов и их монетарными регуляторами. Именно здесь термин «неофициальная культурная политика» приобретает новое звучание и актуальность как один из наиболее эффективных ресурсов американской «мягкой силы».

Возможно, многие не согласятся с тем, что рассмотренные явления, формирующие американское культурное влияние, можно назвать политикой, пусть даже с определением «неофициальная». Но, как было упомянуто ранее, исследуемый процесс представляется, с одной стороны, спонтанным, сознательно и добровольно воспринимаемым реципиентами,

⁴⁶³ Швейцарский психиатр, основоположник одного из направлений глубинной психологии – аналитической психологии. Юнг развил учение о коллективном бессознательном, в образах (архетипах) которого видел источник общечеловеческой символики, в том числе мифов и сновидений.

а с другой – вполне контролируемым, несущим в себе заведомо определенный заряд навязываемых культурных ценностей, категорий, стереотипов и т.д., и уже поэтому его можно именовать политикой. К тому же процесс культурного влияния на неофициальном уровне в огромной степени соответствует целям и задачам официальной культурной политики США и основной стратегической линии внешней политики американского правительства в целом.

В настоящем параграфе внимание читателя акцентируется на истории создания институтов американского капитализма, сконцентрировавших в своих руках финансово-экономические и информационные инструменты управления планетарными процессами. Детально рассматривается механизм кризисного управления и коммуникационная манипуляция современной рыночной экономикой; прогнозируется появление новой парадигмы взаимоотношений между различными международными игроками. Представляется очевидным, что комплексное понимание американской «мягкой силы» невозможно без фундаментальной оценки её экономического базиса, движущих сил заокеанской экспансии США – транснациональных банков и промышленных конгломератов.

На рубеже XX – XXI вв. глобальный управляющий класс сконцентрировал в своих руках беспрецедентные финансово-экономические ресурсы, позволяющие определять мировое развитие. Об этом свидетельствует вывод специалистов из Федерального технологического университета в Цюрихе, основанный на математическом анализе связей 43 тыс. транснациональных корпораций: миром правит одна гигантская суперкорпорация, состоящая из 1318 компаний, у каждой из которых обнаружили теснейшие взаимосвязи с двумя или более другими компаниями (среднее количество аффилированных партнеров оказалось равно 20)⁴⁶⁴.

Моделируя образ глобальной корпоративной системы, эксперты обработали гигантский массив данных, отражающих

⁴⁶⁴ *Coghlan A., MacKenzie D. Revealed – The Capitalist Network That Runs The World.* URL: <http://www.newscientist.com/article/mg21228354.500-revealed--the-capitalist-network-that-runs-the-world.html>.

отношения собственности между крупнейшими финансово-промышленными группами. Реальность, по мнению теоретика комплексных систем Дж. Глаттфельдера, оказалась «настолько сложна», что эксперты «посчитали должным отойти от догм, будь то теории заговора, или теории свободного рынка». Несмотря на то что официальные доходы этих корпораций едва превышают 20% от общемировой операционной выручки, через свои фирмы-сателлиты они фактически владеют большинством мировых компаний, работающих в секторе реальной экономики, получая порядка 60% мировых доходов⁴⁶⁵.

В число влиятельных бенефициариев входят такие финансовые институты, как Citigroup, Bank of America, Chase Manhattan Bank, Rothschild Group, Barclays plc, Merrill Lynch & Co Inc, JP Morgan Chase, AXA, Wells Fargo, UBS AG и Capital Group Companies Inc. По подсчётам американской Комиссии по ценным бумагам и биржам, только Bank of America, JP Morgan Chase, Citigroup и Wells Fargo находятся в первой десятке владельцев почти всех корпораций списка Fortune 500⁴⁶⁶.

Путь к политическому могуществу этой системы прокладывался сквозь череду управляемых экономических кризисов и валютно-кредитных манипуляций (с помощью инфляции), способствующих монополизации мирового хозяйства и постепенному демонтажу регулирующей роли национальных государств в экономике и других сферах общественных отношений. В этой связи символично значение термина «кризис», означающее с древнегреческого «решение, поворотный пункт», состояние, при котором «существующие средства достижения целей становятся неадекватными, в результате чего возникают непредсказуемые ситуации и проблемы»; своего рода инструмент «массовой селекции эффективных собственников»⁴⁶⁷.

⁴⁶⁵ *Coghlan A., MacKenzie D.* Revealed – The Capitalist Network That Runs The World. URL: <http://www.newscientist.com/article/mg21228354.500-revealed--the-capitalist-network-that-runs-the-world.html>.

⁴⁶⁶ *Henderson D.* The Federal Reserve Cartel: The Eight Families. URL: <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=25080>.

⁴⁶⁷ *Глушченко В.В.* Введение в кризисологию. Финансовая кризисология. Антикризисное управление. – М.: ИП Глушченко В.В., 2008. С. 88.

С исторической точки зрения экономические кризисы всегда провоцировали значительные изменения в политической системе, создавая новые центры силы на обломках империй прошлого. Так, к примеру, в событиях периода Долгой депрессии 1873 – 1896 гг., когда бум в сфере строительства железных дорог обвалил рынок после краха банка «Джей Кук энд компани» (Jay Cooke and Company), «Объединенной тихоокеанской железной дороги» и «Северотихоокеанской железной дороги», метастазы кризиса, исходящие из Америки, вынудили британскую экономику отдать США пальму первенства. Превратив западный берег Атлантики в цитадель мирового развития, кризис подточил могущество Англии: «выпуская в 1870 г. треть мировых товаров», «менее чем через 10 лет этот показатель упал до четверти», а «к 1913 г. доля Туманного Альбиона в международной экономике составляла всего 14%»⁴⁶⁸.

Отечественная наука объясняет экономические кризисы периодически «повторяющимся резким сокращением производства, который сопровождается ростом безработицы, массовым банкротством, разрушением производительных сил», порождаемым «огромным ростом производственных возможностей капитализма и относительным сокращением платёжеспособного спроса»⁴⁶⁹. То есть «узкие рамки потребления основных масс населения» стимулируют «кризис перепроизводства», обостряющий все проблемы в обществе, а в условиях возрастающей взаимозависимости – планетарные противоречия.

Главным образом эти формулировки основывались на научных изысканиях К. Маркса и Ф. Энгельса, где обозначалось: «расширение рынка не может идти в ногу с расширением производства»⁴⁷⁰. С одной стороны, именитые авторы превозносили колоссальные способности капитализма развивать производственные возможности общества, а с другой – без

⁴⁶⁸ Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи 1781–1997 / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2010. С. 225.

⁴⁶⁹ Политический словарь / Под. ред. проф. Б.Н. Пономарёва. – М.: Госполитиздат, 1956. С. 282.

⁴⁷⁰ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / Пер. с англ. – М.: Экономика, 1995. С. 77.

конца обращали внимание на растущую нищету трудящихся масс. Следует ли сделать отсюда естественный вывод, что кризисы или депрессии вызваны тем фактом, что эксплуатируемые массы не в состоянии купить то, что выдаёт или готов выдать непрерывно развивающийся производственный аппарат, и что по этой, а также прочим причинам норма прибыли падает, порождая банкротства⁴⁷¹?

По К. Марксу, кризисы, будучи продуктом капиталистического производства, не просто сотрясают существующий порядок вещей, а конструируют новую реальность: «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней»; «централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой» и «она взрывается»⁴⁷². Причём «проповедуя» в «Коммунистическом манифесте» обречённость капитализма, Маркс резюмирует его роль в универсализации мира: «Буржуазия вовлекает в цивилизацию все нации... Она создала огромные города... и вырвала, таким образом, значительную часть населения из отсталой деревенской жизни... Менее чем за сто лет своего классового господства буржуазия создала более многочисленные и грандиозные производительные силы, чем все предшествующие поколения вместе взятые»⁴⁷³.

Вслед за лидером Интернационала именитый американский экономист Й. Шумпетер считает «формы и условия производства – базисными детерминантами социальных структур, которые в свою очередь определяют оценки людей, их поведение, типы цивилизаций»⁴⁷⁴, подтверждая тем самым знаменитые тезисы Маркса: «ручная мельница» создаёт феодальное, а «паровая мельница» – капиталистическое общество⁴⁷⁵.

⁴⁷¹ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / Пер. с англ. – М.: Экономика, 1995. С. 77.

⁴⁷² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. С. 772, 773.

⁴⁷³ Там же. Т. 4. С. 427, 428.

⁴⁷⁴ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / Пер. с англ. – М.: Экономика, 1995. С. 43.

⁴⁷⁵ Там же.

Развивая мысль, мы вправе отметить, что «глобальный печатный станок», созданный финансовой и политической элитой Америки в лице Федеральной резервной системы в 1913 г., придаёт капитализму, основанному на массовом производстве, планетарный охват. Конвейер, запущенный на заводах Г. Форда и подпитываемый долларовой эмиссией, превращается в могущественный двигатель, прокладывающий дорогу Соединённых Штатов (и Запада в целом) в эпоху безраздельного господства рынка. Под этим углом рассматривает кризисы теоретик «нового мирового порядка» Ж. Аттали, заявляющий, в частности, что мировой финансовый кризис 2008 г. – «первый настоящий кризис глобализации», который, «возможно, позволит когда-нибудь установить единое правовое пространство, обеспечить стабильный спрос в мировой экономике и единый минимальный уровень заработной платы, а также регулировать важнейшие валютные функции, инструменты суверенитета и в перспективе – создать общемировое правительство», от которого «нас отделяет, самое большее, столетие»⁴⁷⁶.

На первый взгляд изящно нарисованная картина Ж. Аттали может показаться утопичной. Однако, концепция «созидательного разрушения», созданная Й. Шумпетером под влиянием идей К. Маркса, объясняет природу кризисов мобильностью форм капиталистического производства и допускает масштабные изменения социальной реальности вплоть до наднациональной системы управления, поскольку «любые существующие структуры, как и все условия функционирования бизнеса, находятся в непрерывном процессе изменения». По Шумпетеру, «экономика революционизируется изнутри благодаря новому предпринимательству, т.е. благодаря внедрению в существующую на каждый момент времени промышленную структуру новых товаров, методов производства или коммерческих возможностей». Из этого следует, что «любая сложившаяся ситуация подрывается, прежде чем приходит время, достаточное, чтобы она исчерпала себя»⁴⁷⁷.

⁴⁷⁶ *Аттали Ж.* Мировой экономический кризис. А что дальше? – СПб.: Питер, 2009. С. 17.

⁴⁷⁷ *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия / Пер. с англ. – М.: Экономика, 1995. С. 68.

Становление американского капитализма и расширение его влияния на мировую политику было стремительным. К 1890 г. банковский дом Морганов, поддерживаемый английской и французской ветвями Ротшильдов, уже кредитовал Центральный банк Египта, финансировал железные дороги в России, способствовал обороту бразильских государственных облигаций и стимулировал проекты общественных работ в Аргентине. Дж. П. Морган (глава семейства) – движущая сила экспансии США на Запад, контролирующая западное направление железных дорог путем создания трестов. Так, финансируемая Морганом New York Central Railroad К. Вандербильта предоставила в 1879 г. льготные тарифы на транспортировку начинающей нефтяной монополии Дж.Д. Рокфеллера – Standard Oil⁴⁷⁸, укрепив, таким образом, отношения между двумя кланами. По результатам слушаний в Конгрессе США, было выявлено, что финансирование нефтяной империи Рокфеллера осуществлялось также через банки Kuhn Loeb и National City Bank, представляющие интересы Ротшильдов в Северной Америке. С годами отношения власти и бизнеса приобретали симбиотичный характер. Рецессия 1893 г. лишь подтвердила растущую взаимозависимость Уолл-Стрит и Белого дома: Дж. П. Морган помог правительству США избежать банковской паники, подкрепив казначейские резервы за счёт золотых запасов Ротшильдов на сумму более чем 62 млн долларов⁴⁷⁹.

Заполучив к началу XX столетия торговое лидерство в мире, Соединённые Штаты всё ещё не имели центрального банка, который обладал бы монопольным правом на эмиссию американской валюты и проведение гибкой валютно-кредитной политики, способной экспортировать доллар за пределы национальных границ. С 1862 до 1913 г. в США действовала система национальных банков. Этот недостаток смущал финансовую и политическую элиту Америки ввиду того, что в Британской им-

⁴⁷⁸ К 1904 г. корпорация перерабатывала 84% нефти-сырца в США, производила более 86% керосина и контролировала такую же долю экспорта.

⁴⁷⁹ *Henderson D.* The Federal Reserve Cartel: The Eight Families. URL: <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=25080>.

перии, удерживающей к тому времени позиции «владычицы морей», финансовая политика определялась Банком Англии, центробанком, созданным в 1694 г. Капитаны американского бизнеса, такие как Джон Рокфеллер, Джон Морган, Корнелиус и Уильям Вандербильты, Эдвард Гарриман и Эндрю Карнеги, стремились преодолеть этот анахронизм, привлекая на свою сторону влиятельных сенаторов и европейских банкиров, одним из которых стал Пол Варбург.

Понимая функционирование европейских финансовых центров изнутри, П. Варбург поучительно отмечал, что «в области финансового регулирования Америка находится на том же уровне развития, что и Европа в эпоху Медичи»⁴⁸⁰. Благодаря работе в Kuhn, Loeb and Co Варбург приобретает обширные связи на Уолл-Стрит, которые впоследствии позволяют наладить сотрудничество с главой Национальной комиссии по денежному обращению, сенатором Нельсоном Олдричем. Оказавшись востребованным, европейский финансист принимает участие в двух рабочих группах Олдрича, исследующих как «американскую денежную систему», так и «опыт Старого Света в области банковского дела»⁴⁸¹.

В 1910 г. ведущие финансисты США: сам Н. Олдрич, банкиры П. Варбург, Ф. Вандерлип, Г. Дэвидсон, Б. Стронг, помощник секретаря Казначейства США П. Эндрю в течение 10 дней проводят мозговой штурм на острове Джекил для выработки компромисса относительно структуры и функций будущего центрального банка. Результатом становится схема, представленная Н. Олдричем американскому парламенту, в которой государство получает представительство в совете директоров⁴⁸².

Продвижение этого проекта, несмотря на кризисы и предшествующие им банковские паники 1873, 1893 и 1907 гг., подчеркнувшие необходимость создания надзорного и регулирующего финансового учреждения, вызвало длительные

⁴⁸⁰ *Whitehouse M.* Paul Warburg's Crusade to Establish a Central Bank in the United States / The Federal Reserve Bank of Minneapolis. URL: http://www.minneapolisfed.org/publications_papers/pub_display.cfm?id=3815.

⁴⁸¹ Ibid.

⁴⁸² Ibid.

дискуссии, затянувшиеся до декабря 1913 г., когда президент В. Вильсон подписал прошедший через обе палаты Конгресса закон о создании Федеральной резервной системы (ФРС).

С этого периода мировой финансовый рынок изменяет свою природу. С приближением Первой мировой войны банки – J. P. Morgan, Rockefeller, Chase, City, Lehman Brothers, Morgan Stanley, большей частью основанные в XIX в., приобретают огромное количество сбережений в валюте и ценных бумагах. В первую очередь это были военные векселя и, кроме того, акции и облигации⁴⁸³. Беспрецедентная концентрация капиталов на западном берегу Атлантики постепенно перемещает центр мировой политической активности из лондонского Сити на Уолл-Стрит, которому европейские державы задолжали более 10 млрд долларов. Отныне европоцентризм – достояние истории. Именно это подразумевал основатель советского государства В.И. Ленин, заявляя: «Америка не может помириться с Европой, потому что между ними глубочайшая экономическая рознь, потому что американцы богаче других»⁴⁸⁴. Однако Старый Свет, обескровленный после Первой мировой войны, не намеревался отступить без боя: «борьба между европейским и американским финансовым капиталом в 1919 – 1922 гг. проходит с переменным успехом». К примеру, «после ухода в ноябре-декабре 1918 г. германо-турецких войск из Закавказья США начали готовить к отправке в этот регион 70-тысячную армию для овладения его нефтяными богатствами, но англичанам удалось сорвать американские планы»⁴⁸⁵.

Некоторые аспекты этого противостояния нашли отражение и в самих Соединённых Штатах. Так, под лозунгами изоляционизма «роль Варбургов, Я. Шиффа, Моргана и Вандерлипа в подготовке послевоенного устройства стала предметом скандального разбирательства в Конгрессе, возмущенном

⁴⁸³ *Аттали Ж.* Мировой экономический кризис. А что дальше? – СПб.: Питер, 2009. С. 23.

⁴⁸⁴ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 42. - М.: Издательство политической литературы, 1967. С. 67–68.

⁴⁸⁵ *Кукина А.Е.* Провал американских планов мирового господства в 1917–1920 гг. - М.: Госполитиздат, 1954. С. 90.

открывшимся обстоятельством, что текст документов Парижской конференции и, особенно, текст Пакта о Лиге Наций был известен банкирам ранее уполномоченных дипломатических представителей в Париже». Комитет по иностранным делам обнаружил: «американские банкиры вплоть до 1917 г. не только препятствовали вступлению в войну и отказывали России в кредитах на закупку вооружений, но сделали ставку на победу Германии, что перестало удивлять, когда выяснилось, что германская ветвь Варбургов владела контрольным пакетом акций «Hamburg-American and German Lloyd Steamship Lines» и банками, финансировавшими германское судостроение и военный флот». В ходе слушаний «выяснилось, что те же люди первыми начали пропаганду новых идей с обвинения "европейской реакции" в развязывании мировой войны»⁴⁸⁶.

Главным образом, геэкономическое могущество Вашингтона измерялось соотношением доллара к немецкой марке: «к 1923 г. за 1 доллар платили 4,2 трлн марок»⁴⁸⁷. Победа оказалась тотальной, «германская валюта была уничтожена исключительно благодаря центральному банку (ФРС), который поддерживал американское правительство, финансируя его военные расходы»⁴⁸⁸. Европейские интеллектуалы забились тревогой. Так, немецкий философ О. Шпенглер назвал события 1914 – 1918 гг. «новой экономической войной», которая представляет собой «значительную часть мирового экономического кризиса», «усилившего Соединённые Штаты и их денежные тузов», а также сформировавшего «новый облик Российской империи»⁴⁸⁹.

⁴⁸⁶ Нарочницкая Н.А. Американские «аналитические институты». Глаза, уши и совесть Америки // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека / Отв. ред. Н.А. Нарочницкая. – СПб.: Алетейя, 2008. С. 13.

⁴⁸⁷ *Rockwell Jr.L.* War and Inflation / Ludwig von Mises Institute. URL: <http://mises.org/daily/3010>.

⁴⁸⁸ Ibid.

⁴⁸⁹ Шпенглер О. Годы решений. Германия и всемирно-историческое развитие / Пер. с нем. С.Е. Вершинина. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 62.

По Шпенглеру, кризисное управление мировым порядком сопровождается «атаками доллара на фунт стерлингов, которые проводятся через иностранные биржи путём управляемой инфляции как разрушения целого национального достояния и автаркии национальных хозяйств, возможно, вплоть до уничтожения экспорта противника, т.е. хозяйства и условий существования больших народов»⁴⁹⁰. В рамках этой логики «планы Дауэса и Юнга – попытка финансовых групп свести целые государства к принудительной работе на банки»; речь идёт о том, чтобы «спасти жизнеспособность своей нации путём жизнеспособности чужих»⁴⁹¹. Инструмент политики – «печатание бумажных денег во всё более возрастающих количествах, которые постепенно обесцениваются, лишая граждан собственности путём уменьшения ценности их сбережений»⁴⁹².

Классик австрийской экономической школы Людвиг фон Мизес также не остался в стороне, отметив ещё в 1919 г., что «инфляция – основной инструмент милитаризма», «без которого последствия войны преодолевались бы гораздо быстрее»⁴⁹³. Схожую точку зрения, объясняющую финансовые мотивы внешней политики США, выражает директор Фонда по продвижению валютно-кредитного образования (FAME), американский экономист Лоуренс Паркс: «Создание ФРС сделало возможным участие Америки в войне», поскольку «без возможности создания новых денег федеральное правительство, ранее финансировавшее войны за счёт налогов и займов (оба из которых имеют пределы) никогда не смогло бы мобилизовать огромное количество людей и

⁴⁹⁰ Шпенглер О. Годы решений. Германия и всемирно-историческое развитие / Пер. с нем. С.Е. Вершинина. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 62.

⁴⁹¹ Там же.

⁴⁹² Терк Д., Рубино Д. Крах доллара и как извлечь из него выгоду/ Пер. с англ. И. Соколова. – М.: АСТ, 2006. С. 95.

⁴⁹³ Rockwell Jr.L. War and Inflation / Ludwig von Mises Institute. URL: <http://mises.org/daily/3010>.

ресурсов»⁴⁹⁴. Подкрепляя позицию своего соотечественника, видный экономист Дж. Стиглиц считает кризис рукотворным феноменом, появившимся в результате деятельности людей, многие из которых усердно работали и затратили внушительные деньги на то, чтобы система приобрела именно такую форму; это было то, что Уолл-Стрит сделала для себя и для остального общества⁴⁹⁵.

Бумажные деньги, распространившиеся повсеместно с созданием ФРС, превращают инфляцию, вызванную «увеличением денежной массы, находящейся в обращении»⁴⁹⁶, в действенное орудие международной политики. Подобно законам физическим, финансовые законы работают слаженно: «рост ликвидности неизменно повышает цены»⁴⁹⁷.

Причиной же кризисов могут стать разные явления: к примеру, маховик *Великой депрессии 1929 – 1933 гг.* во многом был запущен «картелем крупных нефтяных компаний "Семь сестёр"⁴⁹⁸, резко поднявшим цены на горючее и

⁴⁹⁴ Paul R. Inflation and War Finance. URL: <http://www.safehaven.com/article/6801/inflation-and-war-finance>.

⁴⁹⁵ *Стиглиц Дж.* Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса / Пер. с англ. В. Лопатка. – М.: Эксмо, 2011. С. 23, 24, 17.

⁴⁹⁶ *Терк А., Рубино А.* Крах доллара и как извлечь из него выгоду/ Пер. с англ. И. Соколова. – М.: АСТ, 2006. С. 89.

⁴⁹⁷ *Epperson R.* The Unseen Hand. An Introduction into the Conspiratorial View of History. – Т.: Publius Press, 1985. P. 58.

⁴⁹⁸ Нефтяной картель создан в 1928 г. Он состоит из семи крупнейших нефтяных компаний мира: Exxon, Royal Dutch Shell, Texaco, Chevron, Mobil, Gulf Oil и British Petroleum. Грандиозные доходы от нефти позволили «семи сестрам» проникнуть в различные сферы экономики, связаться с банками. Они стали сердцевиной финансовых империй, которые охватывают страховые компании, крупнейшие фирмы в химической, электротехнической, электронной, авиационной, ракетно-космической и атомной промышленности, занимают сильные позиции в металлургии, бумажной, лесной и сахарной промышленности, владеют железными дорогами, угольными месторождениями, авиакомпаниями и дру. См.: *Васильев А.М.* Персидский залив в эпицентре бури. – М., 1983.

разорившим автомобильную промышленность»⁴⁹⁹. Всё происходило по нарастающей: целенаправленный поток информации провоцирует панику, которая в свою очередь обваливает рынок, разоряя тех, кто брал ссуды под залог своих ценных бумаг; а чтобы рассчитаться в срок по платежам, им приходится продавать всё, ускоряя тем самым «кончину» биржевого курса⁵⁰⁰. Сокращение денежной массы с 26,6 млрд до 19,9 млрд долларов останавливает поезд под названием «американская экономика», который тянет за собой всё мировое хозяйство. Волны банкротств подрывают доверие людей к финансовым институтам, сбережения стремительно изымаются с депозитов и обналичиваются; выжившие банки, в свою очередь, избегают выдачи новых кредитов, предпочитая хранить деньги в максимально ликвидной форме⁵⁰¹. Финальный аккорд всего действия – принятие в июне 1930 г. Конгрессом тарифа Смута–Хоули, вводящего 40% пошлину на импорт якобы для защиты внутреннего рынка: затруднившийся сбыт европейской продукции распространяет кризис на Старый Свет⁵⁰².

В том же году создаётся Банк международных расчётов (БМР), закрепивший доминирующее положение крупного англо-американского капитала. Первым президентом этого института становится бывший банкир Рокфеллеров Гейтс Мак-Гаррах, оставивший для этого назначения пост председателя ФРС. Всё это происходит на фоне того, что официально США не участвовали в создании БМР, так как по «мораторию Гувера» не могли получать репарационные платежи с Германии. Поэтому на акции Банка международных расчётов подписались частные американские банки во главе с J.P. Morgan. БМР получил право контролировать деятельность ФРС, Банка Англии, Банка Италии, Банка Канады, Национального банка Швей-

⁴⁹⁹ *Аттали Ж.* Мировой экономический кризис. А что дальше? – СПб.: Питер, 2009. С. 25.

⁵⁰⁰ Там же. С. 26.

⁵⁰¹ Великая депрессия. URL: http://usa-info.com.ua/history/great_deprecion.html.

⁵⁰² Там же.

царии, Банка Нидерландов, Банка Германии и Банка Франции⁵⁰³. Владея не менее 10% валютных резервов, по крайней мере 80 центральных банков мира, БМР выступает в качестве финансового агента по международным соглашениям, будучи кредитором последней инстанции»⁵⁰⁴.

С этого периода экономическая империя Британии интегрируется в наднациональную регулирующую структуру, где роль первой скрипки отводилась американцам. Геоэкономические и политические изменения в мировом порядке не заставили себя ждать: «в 1931 г. Великобритания, желая сохранить «имперское превосходство», приостанавливает конвертируемость фунта на золото и создаёт стерлинговую зону»; «Веймарская Германия, раздавленная военными долгами, устанавливает полный **контроль за валютным обменом**»⁵⁰⁵; для выплаты ежегодных репараций в размере миллиарда долларов золотом Германия включает печатный станок, вызвавший высокую инфляцию и массовое обнищание населения, на волне которого нацисты в 1933 г. приходят к власти (отказ от репараций был основным пунктом экономической программы Гитлера); в свою очередь в 1936 г. «Франция прекращает конвертировать франк на золото»⁵⁰⁶; её примеру следует и Япония.

В итоге Вторая мировая война и конференция в Бреттон-Вудсе свергают «фунт стерлингов с трона в пользу доллара»: обменные валютные курсы было предложено выражать «в золоте или в валюте, конвертируемой с 1 июля 1944 г. в золото»⁵⁰⁷, а таковой оставался только доллар. 12 июля по просьбе британского делегата, но вопреки инструкциям Дж.М. Кейнса, формулировку «валюта, конвертируемая в золото» заменили

⁵⁰³ На сегодняшний день МВФ постепенно замещает регулирующую функцию БМР.

⁵⁰⁴ *Henderson D.* The Federal Reserve Cartel: The Eight Families. <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=25080>.

⁵⁰⁵ *Аттали Ж.* Мировой экономический кризис. А что дальше? – СПб.: Питер, 2009. С. 27.

⁵⁰⁶ Там же. С. 28.

⁵⁰⁷ Там же. С. 34.

на «валюта, конвертируемая в золото или доллары США», что явилось окончательным признанием долларového эталона⁵⁰⁸. Американский доллар становится главной резервной валютой мира при курсе 35 долларов за унцию золота⁵⁰⁹.

До 1958 г. доллары за пределами Америки были редкостью. Однако войны в Корее и Вьетнаме, а также гонка вооружений в космосе привели к их быстрому распространению во всем мире, поскольку США импортировали технику и природные ресурсы⁵¹⁰. Более того, «внутри страны крепнувшее убеждение, что бедность можно победить волонтаристскими действиями правительства, вылилось в создание специальных программ, подобных "Медикэр" и имевших своей целью построение "Великого общества"», что также «финансировалось свеженапечатанными долларами»⁵¹¹.

Начиная с Бреттон-Вудса, где доллар США был признан основной резервной валютой мира, Америка оказалась вынужденной нести большие торговые дефициты, чтобы насыщать остальной мир ликвидностью, необходимой для функционирования глобальной экономики⁵¹². Этот феномен был охарактеризован экономистом из Йельского университета Р. Трифффином в работе «Золото и долларový кризис: будущее конвертируемости» (1960 г.). Трифффин предостерег: «если США откажутся от дефицитного платёжного баланса, то международное сообщество утратит крупнейший источник прироста своих запасов; в результате нехватка ликвидности вызовет до-

⁵⁰⁸ *Аммали Ж.* Мировой экономический кризис. А что дальше? – СПб.: Питер, 2009. С. 34.

⁵⁰⁹ *Терк Д., Рубино Д.* Крах доллара и как извлечь из него выгоду/ Пер. с англ. И. Соколова. – М.: АСТ, 2006. С. 85.

⁵¹⁰ *Аммали Ж.* Мировой экономический кризис. А что дальше? – СПб.: Питер, 2009. С. 37.

⁵¹¹ *Терк Д., Рубино Д.* Крах доллара и как извлечь из него выгоду/ Пер. с англ. И. Соколова. – М.: АСТ, 2006. С. 86.

⁵¹² *Todd W. Triffin's Dilemma, Reserve Currencies, and Gold // American Institute for Economic Research.* URL: <http://www.aier.org/research/briefs/975-triffins-dilemma-reserve-currencies-and-gold>.

селе невиданную нестабильность». Уолл-Стрит получил предупреждение, звучащее в 2011 г. особенно сурово: «Чрезмерный дефицит платежного баланса, вызванный долларовым перенасыщением, в долгосрочной перспективе подорвет доверие к американской валюте, что (значительно уменьшив стоимость доллара) лишит её глобального статуса»⁵¹³. Этот «парадокс, называемый "дилеммой Триффина", ныне приобрёл жгучую актуальность», хотя и «не достиг кульминации»⁵¹⁴.

Прилив долларов в 1950 – 1960-е гг. «повысил спрос на золото, и в 1968 г. центральные банки мира признали провал своих попыток управлять национальными валютами»⁵¹⁵. Экономическая система Запада оказалась парализована: инфляционное давление стимулировало «бегство от доллара», вынудив президента США Р. Никсона подписать Смитсоновское соглашение, отменяющее в августе 1971 г. прямую конвертацию доллара в золото⁵¹⁶.

По мнению американского экономиста Ф. Энгдаля, «настоящие архитекторы стратегии Никсона находились во влиятельных коммерческих банках лондонского Сити. Сэр Зигмунд Варбург, Эдмон де Ротшильд, Джоселин Хамбро и другие увидели небывалые возможности в никсоновском отказе летом 1971 г. от Бреттон-Вудского золотого стандарта». Лондон вновь становился главным центром мировых финансов и вновь на «заемных деньгах», в этот раз на американских евродолларах. После августа 1971 г., продолжает Энгдаль, «при советнике Белого дома по вопросам национальной безопасности Генри Киссинджере доминирующей политикой США стал контроль, а не развитие

⁵¹³ The Dollar Glut. System in Crisis (1959-1971) / Money Matters: An IMF Exhibit – The Importance of Global Cooperation. URL: http://www.imf.org/external/np/exr/center/mm/eng/mm_sc_03.htm.

⁵¹⁴ *Аттали Ж.* Мировой экономический кризис. А что дальше? – СПб.: Питер, 2009. С. 35.

⁵¹⁵ *Терк Д., Рубино Д.* Крах доллара и как извлечь из него выгоду/ Пер. с англ. И. Соколова. – М.: АСТ. 2006. С. 86.

⁵¹⁶ Примечательно, что эти действия были спровоцированы ФРГ, запросившей 15 августа 1971 г. золото за свои доллары.

экономик по всему миру». Официальные политики США стали гордо именовать себя «неомальтузианцами». По Энгдалю, «первоочередной задачей в течение 1970-х гг. стало снижение населения в развивающихся странах, а вовсе не передача технологий и стратегий промышленного роста — еще один рецидив британского колониального мышления образца XIX в.»⁵¹⁷.

Принимая во внимание происходящие в тот период события, сложно не согласиться с позицией Ф. Энгдаля относительно того, что «демонетизация доллара в августе 1971 г. была использована лондонскими и нью-йоркскими финансовыми кругами для того, чтобы выиграть драгоценное время, в то время как политики готовили смелый новый монетаристский замысел, "смену парадигмы", по выражению некоторых». Энгдаль считает, что «влиятельные голоса в англо-американском истеблишменте придумали стратегию, возрождающую сильный доллар, для того чтобы вновь усилить свою политическую власть в мире в тот момент, когда их поражение казалось неизбежным»⁵¹⁸.

Живой стиль изложения у Ф. Энгдаля вкупе с убедительными фактами только усиливает стремление дойти до истинной причины: «В мае 1973 г., когда драматическое падение доллара ещё было свежим воспоминанием, группа из 84 человек, входящих в мировую финансовую и политическую элиту, собралась в Швеции на уединенном островном курорте Сальтшёбаден, принадлежащем шведской семье банкиров Валленбергов. Это собрание Бильдербергской группы князя Бернарда цу Липпе заслушало выступление американского участника, в котором тот изложил "сценарий" неизбежного пятикратного увеличения нефтяных доходов ОПЕК. Целью секретной встречи в Сальтшёбадене было не предотвращение ожидаемого шокового повышения цен на нефть, а, наоборот, планирование управления ожидаемым притоком нефтяных долларов — процесса "вторичной переработки нефтедолларов", как впоследствии выразился госсекретарь Киссинджер»⁵¹⁹.

⁵¹⁷ *Engdahl F. A Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order.* — London: Pluto, 2004. P. 137.

⁵¹⁸ *Ibid.* P. 141.

⁵¹⁹ *Ibid.* P. 143–145.

Американец, выступивший на Бильдербергской встрече, посвященной «атлантическо-японской энергетической политике», высказался вполне определенно. После утверждения о том, что в будущем мировые потребности в нефти будут обеспечиваться небольшим количеством стран – экспортеров Ближнего Востока, докладчик пророчески заявил: «Цена этого импорта нефти многократно возрастет со сложными последствиями для баланса платежей стран-потребителей. Серьезные проблемы возникнут в связи с беспрецедентным количеством иностранной валюты, накопленной такими странами, как Саудовская Аравия и Абу Даби». Докладчик добавил: «Происходит полная перемена в политических, стратегических и силовых отношениях между транснациональными нефтяными компаниями нефтедобывающих и импортирующих стран и национальными нефтяными компаниями добывающих и импортирующих стран». Затем он привел оценки для роста нефтяных доходов ближневосточных стран – членов ОПЕК, которые означали рост более чем на 400%⁵²⁰.

По данным Эндгаля, на встрече в Сальтшёбадене присутствовали Роберт Андерсон из «Атлантик Ричфилд Ойл»; лорд Гринхилл из «Бритиш Петролеум»; сэр Эрик Ролл из «Эс. Джи. Варбург», создатель еврооблигаций; Джордж Болл из инвестиционного банка «Леман Бразерс», человек который лет за десять до того в качестве помощника госсекретаря посоветовал своему другу-банкиру Зигмунду Варбургу создать рынок еврооблигаций в Лондоне; Дэвид Рокфеллер из банка «Чейз Манхэттен»; Збигнев Бжезинский, вскоре ставший советником по национальной безопасности при президенте Картере; среди прочих присутствовали глава автомобильного концерна «Фиат» Джанни Аньелли и глава концерна «Отто-Вольф», первый немец, вошедший в совет директоров «Эссо», возможно, самый влиятельный финансист в послевоенной Германии Отто Вольф фон Амеронген. Генри Киссинджер являлся регулярным участником на Бильдербергских собраниях⁵²¹.

⁵²⁰ *Engdahl F. A Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order.* – London: Pluto, 2004. P. 143–145.

⁵²¹ «Конференция в Сальтшёбадене», Бильдербергская встреча, 11 – 13 мая 1973 г. Ф. Эндгаль получил оригинальную копию официального

Подводя итог вышеизложенному, Ф. Эндгаль приходит к заключению, что «влиятельные люди из Бильдербергского клуба, очевидно, решили начать грандиозное наступление против мирового индустриального роста, для того чтобы склонить чашу весов в пользу доллара и англо-американских финансовых кругов». Чтобы этого достичь, «они выбрали свое самое знаменитое оружие – контроль над мировыми потоками нефти». Политика Бильдербергского клуба «закключалась в создании условий для глобального нефтяного эмбарго, что привело бы к драматическому взлету мировых цен на нефть». Обращаясь к истории, Эндгаль объясняет сложную для непрофессионала логику мышления финансистов: «Начиная с 1945 г. мировая торговля нефтью обычно велась в долларах, поскольку на послевоенном рынке доминировали американские нефтяные компании. Резкое повышение мировой цены на нефть, таким образом, означало в той же степени стреми-

обсуждения с этой встречи. Обычно этот документ является конфиденциальным, но в этом случае он был куплен в букинистическом парижском магазине, видимо, попав туда из библиотеки одного из участников встречи. В сентябре 2000 г. во время частной беседы его превосходительство шейх Яки Ямани рассказал Ф. Эндгалью о своем разговоре с шахом Ирана в начале 1974 г. Когда Ямани, следуя инструкциям короля Саудовской Аравии, спросил шаха, почему Иран потребовал такого повышения цены ОПЕК, шах сказал: «Для ответа на Ваш вопрос я предлагаю Вам поехать в Вашингтон и спросить у Генри Киссинджера». Программу Бильдербергской встречи 1973 г. составлял Роберт Мэрфи, который в 1922 г., будучи консулом США в Мюнхене, первым познакомился с Адольфом Гитлером и послал благоприятные отзывы своему вашингтонскому начальству. Позднее Мэрфи формировал политику США в послевоенной Германии в качестве политического советника. Уолтер Леви, который выступил в Сальтшпёбадене с энергетическим докладом, был тесно связан с деньгами Большой нефти. В 1948 г. (будучи нефтяным экономистом в администрации экономического сотрудничества по плану Маршалла) Леви пытался заблокировать правительственное расследование по поводу обвинений нефтяных компаний в неоправданном завышении цен.

тельное увеличение спроса на доллары США, необходимые для оплаты этой нефти»⁵²².

С этого момента ФРС начинает печатать доллары в возрастающих количествах, подгоняя его обесценивание: достигнув к 1973 г. отметки 42,22 доллара за унцию золота, США *наносят мощный удар по ближневосточным странам*, обесценив их доходы от продажи нефти, что **вызывает в октябре первый нефтяной шок и арабо-израильскую войну** (*перекинув негодование мирового сообщества по поводу повышения нефтяных цен на арабские страны*). К 1980 г. в Америке наступает глубокий экономический кризис: доллар обвалился, страна перестала быть ведущим экспортером автомобилей; доля США в мировом рынке тяжелого машиностроения упала с 25 до 5% по сравнению с 1950 г., в то время как доля Японии – новой мировой державы – в этой области возросла с 0 до 22%⁵²³.

Как это ни парадоксально, программа «Звездных войн», выдвинутая президентом США Р. Рейганом, сохранила первенство Америки в мировой экономике, которое уже было готово переместиться из Нью-Йорка в Токио, а в итоге оказалось сосредоточено вокруг Калифорнии, в Силиконовой долине. Уолл-Стрит также сохранил свою финансовую власть, а курс доллара по отношению к золоту вырос в три раза⁵²⁴. Биполярное противостояние позволило Америке продлить своё лидерство в международных отношениях и мировой экономике. В этой связи распад Советского Союза, спроектированный извне, только усложнил поиск внешних врагов, под предлогом которых американская финансовая аристократия вливала деньги в военную промышленность, поддерживая хрупкий баланс между реальным производством и, так называемой, «новой экономикой»⁵²⁵.

⁵²² *Engdahl F. A Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order.* – London: Pluto, 2004. P. 151–156.

⁵²³ *Аттали Ж. Мировой экономический кризис. А что дальше?* – СПб.: Питер, 2009. С. 38.

⁵²⁴ Там же. С. 40.

⁵²⁵ Экономическая инфраструктура, характеризующаяся главным образом преобладанием неосязаемых активов (услуг и технологий) и снижением роли осязаемых активов.

После того как весной 2000 г. лопнул пузырь (*равновесие в экономике оказалось иллюзорным*) на рынке высокотехнологичных компаний, обязанный, по мнению Дж. Стиглица и П. Кругмана, своему появлению главе ФРС Алану Гринспену, в период с марта 2000 по октябрь 2002 г. акции американских корпораций упали на 78%⁵²⁶. Март 2001 г. становится датой отсчёта рецессии, вызванной тем, что в сектор высоких технологий были инвестированы огромные средства. В одночасье всем показалось, что *Pax Americana* становится достоянием истории. Однако теракты 11 сентября кардинальным образом меняют ситуацию. Войны США в Афганистане и Ираке, стоившие Вашингтону 1,15 трл долларов затмевают былые расходы Пентагона в ходе войны в Корее и Вьетнаме (662 млрд). Экономика Америки, получившая внушительные оборонные заказы, возвращает доверие инвесторов к доллару, который «с 1971 г. уже потерял 90% своей стоимости относительно золота и 70% своей покупательной способности»⁵²⁷.

Используя рецессию для продвижения программы по снижению налоговой нагрузки для богатых⁵²⁸, правительство США совместно с ФРС снижает процентные ставки, приведшие к избытку ликвидности на рынке. С учетом переизбытка производственных мощностей, неудивительно, что низкие процентные ставки не привели к росту инвестиций в основной капитал: на месте одного лопнувшего пузыря стал надуваться другой – на рынке недвижимости, что вызвало рост потребления и строительный бум⁵²⁹.

Так была заложена основа для глобального финансового кризиса 2008 г. Уже в середине 2000-х гг. было очевидно,

⁵²⁶ *Стиглиц Дж.* Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса / Пер. с англ. В. Лопатка. – М.: Эксмо, 2011. С. 32.

⁵²⁷ *Терк Д., Рубино Д.* Крах доллара и как извлечь из него выгоду/ Пер. с англ. И. Соколова. – М.: АСТ, 2006. С. 88.

⁵²⁸ *Стиглиц Дж.* Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса / Пер. с англ. В. Лопатка. – М.: Эксмо, 2011. С. 32.

⁵²⁹ Там же.

что определять мировой экономический рост будет *глобальный* спрос, и поэтому, пока мировая экономика не станет сильной, Соединённым Штатам будет трудно добиться устойчивого восстановления и недопущения болезненного состояния в японском стиле⁵³⁰. В этом контексте показательно заявление экономиста П. Кругмана: «Военные кампании в Ираке и Афганистане – малые войны, недостаточные для поднятия экономики США, которой необходимо **что-то покрупнее и посolidнее**»⁵³¹. Несмотря на то что гипотеза Кругмана изложена в шуточной форме, она не утрачивает своего смысла: «Если убедить политиков в том, что нам угрожают пришельцы из космоса и вынудить их потратиться на создание необходимой для обороны от чужаков инфраструктуры и оружия, то это придаст огромный импульс экономике. А если потом нам скажут, что никаких пришельцев и не было, то всё будет в порядке – экономика-то восстановится»⁵³².

Ни для кого не секрет, что устойчивость доллароцентричного мира основывается на политике бреттон-вудских институтов – МВФ и Всемирного банка (далее – МБРР), направляющих масштабные валютные потоки в тот или иной регион, провоцируя рост внешней задолженности государств, что в конечном счёте вынуждает их проводить проамериканскую внешнюю политику в ущерб собственным национальным интересам. К примеру, под влиянием МВФ и МБРР страны Латинской Америки увеличили внешние заимствования в четыре раза – с 75 до 315 млрд долларов за период с 1975 по 1982 г. Ситуация достигла своей кульминации после того, как Мексика в августе 1982 г. объявила, что более не в силах обслуживать свой долг.

⁵³⁰ *Стиглиц Дж.* Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса / Пер. с англ. В. Лопатка. – М.: Эксмо, 2011. С. 22.

⁵³¹ *Кругман П.* Для подъема экономики нужно что-то покрупнее, чем война с терроризмом. URL: <http://www.terra-america.ru/dlya-podemaeconomiki-nujno-chto-to-pokrupnee-chem-voina-s-terrorizmom.aspx>.

⁵³² Там же.

Поставив «весь континент на грань банкротства», финансовые полицейские (МВФ и МБРР) предложили для должников программу, впоследствии названную «Вашингтонским консенсусом»⁵³³. Первым в списке стояло требование соблюдения бюджетной дисциплины (для снижения дефицита). Налоговая база должна была быть расширена, а налоги снижены. Обменный курс и процентные ставки отдавались на откуп рынку. Границы открывались, и что особенно важно, для иностранного капитала. «Горячие деньги», бывшие почти под запретом при бреттон-вудской системе, вернулись к жизни⁵³⁴. Таким образом, американские корпорации укрепляли положение ФРС США и получали широкий доступ к ресурсам латиноамериканских государств, навязывая им неолиберальные правила игры.

Один из известных участников этих манипуляций – главный экономист консалтинговой компании «Чарльз Т. Мейн» Дж. Перкинс пишет, что его задача заключалась в том, чтобы деньги МВФ и МБРР, ссужаемые Панаме и Эквадору, тратились на закупку товаров, поставляемых американскими корпорациями. По словам Перкинса, он и подобные ему «экономические убийцы» были обучены для строительства Американской империи, создания условий, при которых всё доставалось Америке, её компаниям и правительству: «Моя истинная цель заключалась в выдаче кредитов, гораздо больших, чем страны могли оплатить. Мы предоставляем заём, львиная доля которого потом оказывалась в США. Долг и про-

⁵³³ В 1989 г. его основные положения – 10 пунктов, выработал американский экономист (автор термина «вашингтонский консенсус») Дж. Уильямсон: 1) соблюдение бюджетной дисциплины; 2) налоговая реформа; 3) либерализация процентных ставок; 4) увеличение расходов на образование и медицину; 5) защита прав собственности; 6) приватизация госсобственности; 7) дерегулирование рынков; 8) установление конкурентоспособного обменного курса; 9) снятие торговых барьеров; 10. снятие барьеров для прямых иностранных инвестиций.

⁵³⁴ *Фергюсон Н.* Восхождение денег / Пер. с англ. – М.: Астрель, 2010. С. 329.

центры по нему превращали другую страну в нашу прислужницу. Двух мнений быть не может, это – империя»⁵³⁵.

К обвинениям в адрес международных финансовых организаций также присоединяется американский экономист Дж. Стиглиц, заявляя, что МВФ «насаждает идею превосходства рынка», придавая своей роли «явные признаки империализма». По Стиглицу, многие предложения, на которых настаивал МВФ, например преждевременная либерализация рынка капитала, приводили к нестабильности в мире. Рабочие места постоянно сокращались, потому что приток и отток спекулятивных денег, частых спутников либерализации рынка, не оставляли камня на камне от экономики; даже в тех странах, где был отмечен рост, он принёс плоды богатым и, особенно, очень богатым⁵³⁶. Примером этих разрушительных действий нобелевский лауреат считает кризис 1997 г., охвативший азиатские страны.

В глобальном плане речь идёт о кризисном управлении современными государствами, которое по своим масштабам не имеет прецедентов в истории. Помимо вышеперечисленных институтов, значительные успехи в этом направлении демонстрирует Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), разрабатывающая с 1995 г. Многостороннее соглашение по инвестициям (МСИ), до сих пор не подписанное. Целью договора провозглашалось «достижение новых стандартов либерализации, которые бы сумели охватить все стадии инвестиционного процесса» и «ликвидировать имеющиеся ограничения, накладываемые национальными правительствами». Первоначальный план был рассчитан на «изготовление» договора об МСИ в рамках ВТО. Однако эти усилия были заблокированы странами третьего мира, в особенности Индией и Малайзией, которые признали, что предложенные меры не позволят им применять ухищрения, используемые богатыми ради завоевания собственного места под солнцем. Затем переговоры были перенесены в более безопасные подразделения ОЭСР, где,

⁵³⁵ Perkins J. Confessions of an Economic Hit Man. – N.Y., 2004. Цит. по: Фергюсон Н. Восхождение денег / Пер. с англ. – М.: Астрель, 2010. С. 330.

⁵³⁶ Stiglitz J. Globalization and Its Discontents. – N.Y., 2002. P. 12, 14, 15.

как деликатно писал лондонский журнал «Экономист», можно было бы надеяться достичь соглашения, «к которому захотят присоединиться развивающиеся страны», опасаящиеся того, что их не допустят к рынкам и ресурсам богатых⁵³⁷.

К началу 2008 г. американская экономика представляла собой «рынок, наводнённый ликвидностью», функционирующий под аккомпанемент низких процентных ставок и пузыря на рынке недвижимости, раздувшегося в глобальном масштабе⁵³⁸. Эти тренды набирали обороты на фоне того, что *доходы большинства американцев в течение долгого времени не росли, а корпораций – многократно приумножались, подвергая эрозии покупательную способность населения.*

Взмывающие вверх цены на недвижимость позволяли владельцам домов получать деньги под залог своих активов. Эти кредиты, выдаваемые под залог переоцениваемой недвижимости, объём которых за год достиг 975 млрд долларов или более 7% ВВП, позволяли заёмщикам не только делать первоначальные взносы на покупку новых автомобилей, но и со временем рассчитывать на получение средств для пенсионного обеспечения. Однако все эти заимствования делались на основе одного рискованного предположения о том, что цены на жильё продолжают расти или по крайней мере не будут падать⁵³⁹.

В итоге пузырь лопнул «благодаря его величеству случаю»: «население вдруг начало осознавать невыносимость имеющейся задолженности», а «финансовая элита попыталась выйти из невыгодной системы, вызвав панику»⁵⁴⁰. Учитывая тот факт, что «каждый бежит от долгов и ищет наличность», банкиры «заблокировали финансовую систему»,

⁵³⁷ Холмский Н. Прибыль на людях / Пер. с англ. – М.: Праксис, 2002. С. 33.

⁵³⁸ Стиглиц Дж. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса / Пер. с англ. В. Лопатка. – М.: Эксмо, 2011. С. 29.

⁵³⁹ Там же. С. 30.

⁵⁴⁰ Аттали Ж. Мировой экономический кризис. А что дальше? – СПб.: Питер, 2009. С. 146.

целенаправленно «храня деньги и создавая безденежье», подобно тому, «как в советское время "складирование" продуктов потребления провоцировало дефицит». Это «задушило экономику, которая скатилась к рецессии», а позже – «к депрессии»⁵⁴¹.

Первопричина этих процессов – монетарная политика Федеральной резервной системы США, постоянно увеличивающей денежную массу в экономике, что позволяет обслуживать колоссальный государственный долг Америки, достигший по состоянию на 17 марта 2012 г. 15,471 трлн долларов. Инфляция в данном случае – единственный инструмент, позволяющий «избавиться от чрезмерных долгов, накопленных семьями и странами, уплатить которые иным способом не представляется возможным»⁵⁴². Её результат – рост цен на энергоносители и продовольствие, провоцирующий, по мнению Зб. Бжезинского, «растущий конфликт между классами, подогреваемый также массовой безработицей, приводящей к бунтам»⁵⁴³. Примечательно, что этот сценарий был предсказан ещё в 2009 г. известным экономистом и теоретиком «нового мирового порядка» Ж. Аттали: «Огромные финансовые средства, влитые в мировую экономику после кризиса, приведут к резкому повышению цен на нефть, увлекая за собой деньги по спирали вниз», что в свою очередь «спровоцирует беспрецедентные политические бунты и насилие, приправленное возвратом к классовой ненависти»⁵⁴⁴. Журнал «Форин афферс», отражающий мнение американской политической элиты, был также солидарен с вышеназванными причинами, под-

⁵⁴¹ *Аттали Ж.* Мировой экономический кризис. А что дальше? – СПб.: Питер, 2009. С. 146.

⁵⁴² Там же. С. 123.

⁵⁴³ Brzezinski's Fear: Class Warfare and Destruction of the New World Order. URL: <http://www.prisonplanet.com/brzezinski%E2%80%99s-fear-class-warfare-and-destruction-of-the-new-world-order.html>.

⁵⁴⁴ *Аттали Ж.* Мировой экономический кризис. А что дальше? – СПб.: Питер, 2009. С. 123–130.

стегнувшими «народные протесты от Марокко до Омана»⁵⁴⁵. Глава Объединённого комитета начальников штабов, адмирал М. Маллен заявил, что «финансовый кризис – важнейшая угроза национальной безопасности США, затмевающая вызовы, исходящие из Ирака и Афганистана», и его последствия могут привести к еще «большей нестабильности»⁵⁴⁶.

Мирополитическая система продемонстрировала свою неустойчивость: волнения прокатились по всему мусульманскому миру, Израилю, странам Евросоюза (переживающим долговой кризис), перекинувшись затем на США, где география протестов охватила Нью-Йорк, Вашингтон, Бостон, Чикаго, Лос-Анджелес и Сент-Луис. Впервые с 1930-х гг. цитадель глобального капитализма штурмуют манифестанты, потерявшие во время кризиса большинство своих сбережений и дома, о которых они мечтали. Рост мировой инфляции, раздувающий цены на продовольствие, рискует изменить мир до неузнаваемости, вызвав всплеск этнического и религиозного самосознания даже в самых отдалённых уголках планеты.

Эти события в очередной раз доказывают разнонаправленность интересов элит (глобальных управленцев) и граждан западных государств. Участников акции «Захвати Уолл-Стрит!» объединяет общее чувство несправедливости, звучат как экономические (против деятельности финансовой элиты, безработицы и т.д.), так и политические лозунги. В этом же контексте дополнительным примером могут служить массовые беспорядки в Греции, вызванные недовольством со стороны граждан по поводу урезания социальных госрасходов ввиду жесткой бюджетной экономии в кризисный период. Что это – очередной спланированный ход глобальных политтехнологов или объективная, выходящая за рамки их контроля, стихийно-революционная тенденция к активному противодействию существующей системе глобального управления, в которой бо-

⁵⁴⁵ Goldstone J. Understanding the Revolutions of 2011 / Weakness and Resilience in Middle Eastern Autocracies. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/67694/jack-a-goldstone/understanding-the-revolutions-of-2011>. На рост продовольственных цен также оказало влияние наводнение в Австралии и летняя температурная аномалия в России.

⁵⁴⁶ Military Update: Official: Financial Crisis a Bigger Security Risk Than Wars. URL: <http://www.gazette.com/articles/mullen-47273-military-time.html>.

гатые процветают, а бедные теряют остатки своих надежд на будущее? Глобальное пробуждение охватывает богатые и бедные страны, представляя собой первую адекватную реакцию мировой общественности на сформированную систему наднациональных механизмов управления мировыми, внутриполитическими и экономическими процессами.

Ко всему прочему, инфляционная политика Америки, снижающая стоимость доллара, провоцирует аналогичные действия со стороны Банка Англии, Европейского центрального банка, Банка Японии и Народного банка Китая, направленные на стимулирование темпов экономического роста и борьбу с усиливающейся дефляцией.

Ввиду того что дешевый доллар становится тяжким бременем для развивающихся стран, государственные перевороты в Тунисе, Египте, Йемене и Ливии не что иное, как упреждающий удар США по элитам Ближнего Востока и Северной Африки, направленный на продление гегемонии американской валюты. Выбор же этих регионов в качестве цели неслучаен: мусульманские страны, экспортирующие энергоресурсы, концентрируют у себя преобладающее количество долларов.

Наполняя ими арабские государства, Америка усиливает тем самым инфляционную нагрузку на эти экономики, провоцируя значительные политические трудности. Учитывая тот факт, что низкая стоимость энергии «играет ключевую роль в обеспечении легитимности этих режимов», правительства прибегают к «субсидированию цен на бензин, дизельное топливо и электроэнергию с целью поддержания материального благосостояния своих граждан», «увеличивая тем самым уровень внутреннего потребления нефти» (с 4,8 млн баррелей в 2000 г. до 7,8 млн. в 2010 г. в странах Персидского залива). В итоге снижающиеся объемы экспорта повышают минимальную цену нефти, позволяющую нефтедобывающим странам окупить издержки на добычу и производство⁵⁴⁷. Из этого следует, что гражданская война в Ливии, сократившая предложение нефти на мировом рынке в краткосрочной и долгосрочной перспективах, – могущественный фактор, ускоряющий политические изменения в арабо-мусульманских странах.

⁵⁴⁷ *Morse E.* Oil and Unrest. What Uprising in the Arab World Means for Energy Supplies. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/67563/edward-l-morse/oil-and-unrest?page=show>.

С исторической точки зрения мировой экономической кризис 2008 г., провоцирующий нынешние беспорядки в Западной Европе, Америке, на Ближнем Востоке и в Северной Африке, предстаёт глобализированным аналогом кризиса 1847 г. в Европе, вызвавшего тогда «волну беспорядков по всему континенту: во Франции – нападения на перевозчиков зерна, в Вюртемберге – голодные бунты, в Генуе – восстания с требованием хлеба, в Вене – разграбления булочных»⁵⁴⁸. Причём уже в тот период рост цен на сельхозпродукцию (голод унёс жизни более полумиллиона человек) сопровождался «перепроизводством промышленных товаров, банкротством фабрик и масштабной безработицей»⁵⁴⁹. Разница лишь в том, что в 1848 г. тридцатилетний философ К. Маркс написал «Манифест Коммунистической партии», заложив тем самым основу научному коммунизму, а нынешние теоретики глобализации всё ещё не предложили универсальную концепцию, способную увлечь за собой как бедных, так и богатых.

До революционных событий 2011 г. правящие круги Америки и Европы, занятые реанимацией экономики Запада от кризиса, стояли перед выбором: «вернуться к национальным рынкам, т.е. к протекционизму и конкурентоспособной девальвации, либо создать правовое поле общемирового масштаба – глобальную систему управления»⁵⁵⁰. Тезис лидера финансовой аристократии Америки Д. Рокфеллера о том, что «рациональные люди отдают своё предпочтение интернационализму, а иррациональные – национализму»⁵⁵¹, возымел должное идейное воздействие на элиты США и Евросоюза.

⁵⁴⁸ *Аттали Ж.* Карл Маркс: Мировой дух / Пер. с фр. – М.: Молодая гвардия, 2008. С. 110.

⁵⁴⁹ Там же.

⁵⁵⁰ *Аттали Ж.* Мировой экономической кризис. А что дальше? – СПб.: Питер, 2009. С. 147.

⁵⁵¹ *Ronson J.* Who pulls the strings? URL: <http://www.guardian.co.uk/books/2001/mar/10/extract>. Цит. по: *Marshall A.* Bilderberg 2011: The Rockefeller World Order and the High Priests of Globalization // Global Research, June 16, 2011. URL: <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=25302>.

Ставка была сделана на модель, предполагающую «наличие полицейских сил и по-настоящему планетарной юстиции, способных контролировать и наказывать любое отклонение от правил»⁵⁵². Так, Ж. Аттали выступает за «расширение G-8 («Большой восьмёрки») до G-24 и создание уже на базе G-24 и Совета Безопасности ООН одного Совета управления, обладающего экономическими полномочиями и осуществляющего законное политическое регулирование». По Аттали, новый орган должен взять «полноценный контроль над МВФ, Всемирным банком и другими международными финансовыми учреждениями»⁵⁵³, а также реформировать состав и порядок голосования в них. Причём дееспособный глобальный суверенитет, способный уравновесить рынок и демократию, неразрывно связывается с наличием «парламента, правительства, приложения ко Всемирной декларации прав человека, воплощения в жизнь решений МОТ в области трудового права, центрального банка, общей валюты; планетарной системы налогообложения, полиции и юстиции»⁵⁵⁴.

Под влиянием падения покупательной способности доллара всё громче раздаются призывы к созданию «новой мировой валюты, выпущенной глобальным Центробанком, с твердым правлением и институциональными чертами», который «должен служить в качестве кредитора, действующего в качестве последнего финансового убежища»⁵⁵⁵; в то же время подчёркивается, что «мир ещё слишком далёк от подобного уровня

⁵⁵² *Аттали Ж.* Мировой экономический кризис. А что дальше? – СПб.: Питер, 2009. С. 148.

⁵⁵³ Там же. С. 165.

⁵⁵⁴ Там же. С. 162.

⁵⁵⁵ Concluding Remarks by Dominique Strauss-Kahn, Managing Director of the International Monetary Fund, at the High-Level Conference on the International Monetary System, Zurich, 11 May 2010. URL: <http://www.imf.org/external/np/speeches/2010/051110.htm>. Цит. по: *Marshall A.* Crisis is an Opportunity: Engineering a Global Depression to Create a Global Government // Global Research, October 26, 2010. URL: <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=21632>.

глобальной кооперации»⁵⁵⁶ и, наверное, «придётся подождать ещё более страшной войны» (чем Вторая мировая), «чтобы перспектива таких реформ воспринималась всерьёз»⁵⁵⁷.

В этой связи многозначна позиция бывшего премьер-министра Великобритании Г. Брауна – синтез англо-американских представлений о контурах будущей системы: «Новый Бреттон-Вудс должен выстраиваться для глобального управления, определяющего на годы вперёд финансовую архитектуру мира», в которой «реформированный МВФ превратится в планетарный центробанк, внимательно следящий за развитием международной экономики и финансовой системы»⁵⁵⁸. Смелые шаги в этом направлении сделал Китай, предложивший создать новую мировую валюту на базе SDR⁵⁵⁹, (специальных прав заимствования), валюты, выпускаемой МВФ. В конце марта 2009 г. группа экономических экспертов ООН поддерживает проект, рекомендовав создать новую гло-

⁵⁵⁶ Concluding Remarks by Dominique Strauss-Kahn, Managing Director of the International Monetary Fund, at the High-Level Conference on the International Monetary System, Zurich, 11 May 2010. URL: <http://www.imf.org/external/np/speeches/2010/051110.htm>. Цит. по: *Marshall A.* Crisis is an Opportunity: Engineering a Global Depression to Create a Global Government // Global Research, October 26, 2010. URL: <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=21632>.

⁵⁵⁷ *Аммали Ж.* Мировой экономический кризис. А что дальше? – СПб.: Питер, 2009. С. 163.

⁵⁵⁸ *Winnett R.* Financial Crisis: Gordon Brown calls for «new Bretton Woods». The Telegraph, 13 October. Цит. по: *Marshall A.* Crisis is an Opportunity: Engineering a Global Depression to Create a Global Government // Global Research, October 26, 2010. URL: <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=21632>.

⁵⁵⁹ Special Drawing Rights, SDR — искусственное резервное и платёжное средство, эмитируемое Международным валютным фондом (МВФ). Имеет только безналичную форму в виде записей на банковских счетах, банкноты не выпускаются. Используется для регулирования сальдо платёжных балансов, покрытия дефицита платёжного баланса, пополнения резервов, расчётов по кредитам МВФ.

бальную резервную валюту, которая "заменит доллар" и будет «освобождена от национального контроля»⁵⁶⁰.

То есть предлагается сделать количественное смягчение *транснациональным*, выводя его за рамки монетарной политики ФРС, ЕЦБ, Банка Англии и других регуляторов. По ироничной оценке «Вашингтон пост», МВФ превращается в своего рода «ООН для мировой экономики»: «Будут значительно расширены полномочия для осуществления глобального банкинга в отношении бедных и богатых правительств. Гибкость системы позволит эффективнее печатать собственную валюту, насыщая мировые рынки ликвидностью, что ныне является прерогативой ФРС. В результате МВФ начнёт играть центральную роль в мировой экономике, а у Вашингтона появится очередной шанс стать центром силы, регулирующим глобальную финансовую систему»⁵⁶¹.

Считается, что именно универсальные механизмы контроля над мировым развитием позволят преодолеть «дилемму Триффина» и придадут миру устойчивость. Тезис Й. Шумпетера о том, что экономическое развитие – результат беспорядка, приобретает новое звучание. Признавая наличие хаоса, мы также вынуждены рассматривать финансово-экономическое управление мировыми процессами как борьбу за порядок, новый мировой порядок, во главе которого, по их мнению, будет безраздельно господствовать глобальный управляющий класс.

⁵⁶⁰ UN Backs New Global Currency Reserve // The Sunday Telegraph, March 29, 2009. URL: <http://www.news.com.au/business/story/0,27753,25255091-462,00.html>.

⁵⁶¹ *Faiola A.* A Bigger, Bolder Role Is Imagined For the IMF // The Washington Post, 20 April 2009. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/04/19/AR2009041902242.html>.

3.3. СМИ: инновационные механизмы «мягкого» воздействия и управления массовым сознанием

К наиболее эффективным инструментам реализации американской политики «мягкой силы» относится американское телевидение, продающее свои программы, фильмы и сериалы телеканалам в самых разных странах посредством спутникового вещания. Телевидение, как и вся информационно-развлекательная индустрия США, – неотъемлемая черта современных США и американской культуры. Рейтинги в этой сфере бизнеса служат определяющим фактором, за них разворачивается серьёзная борьба в конкурентном противостоянии телеканалов друг с другом.

Телевидение для американцев представляет собой своеобразный идол, которому поклоняется страна. Через его каналы во многом формируется общественное мнение, представление американцев об окружающем мире, происходящих событиях, как правило, под соответствующим правильным углом, в нужном идеологическом ракурсе.

Помимо внушительной государственной поддержки, ведущий транслятор американской «мягкой силы» – частный сектор, создавший ряд влиятельных медиаимперий. Так, в 1979 г. Р. Мердок создаёт News Corporation, крупнейший американский медиаконгломерат, в который со временем входят телекомпания 20th Century Fox, телеканал Fox News, спутниковые DTH операторы BskyB, Sky Deutschland, Sky Italia, Foxtel, социальная сеть MySpace, информационное агентство Dow Jones (включая службу Factiva), рекламное агентство News Outdoor, а также газеты The Wall Street Journal, The Times, The Sun и New York Post.

1 июня 1980 г. американский бизнесмен и член Бильдербергского клуба Т. Тёрнер запускает первый в мире круглосуточный телевизионный проект – CNN (The Cable News Network). Новости CNN передаются с помощью сигналов 38 космических спутников и тогда уже были доступны к просмотру более 200 млн домохозяйств в 212 странах мира. Одним из ключевых моментов в истории «CNN» стало организованное в январе 1991 г.

освещение войны в Персидском заливе — впервые военные действия подобного масштаба демонстрировались в прямом телеэфире. Телерепортажи с места событий в Персидском заливе заметно укрепили престиж CNN⁵⁶² как круглосуточного источника международных новостей. Проект Т. Тёрнера явился своего рода американским ответом на господствующее положение британской ВВС (основанной в 1922 г.), аудитория которой составляет порядка 277,6 млн зрителей.

Заметным влиянием в мире также пользуется телекомпания CBS, клиентура которой насчитывается в 100 странах; через 72 зарубежных филиала она продаёт программы в 94 страны; ей полностью принадлежат несколько радиостанций в Центральной и Южной Америке. Следующая по своему охвату организация — «NBC», принадлежащая крупному электронному конгломерату «RCA» (Radio Corporation of America), сообщает, что её продукция и услуги распространяются в 83 странах для 300 телестанций. «ABC» также не отстает от своих конкурентов: её программы покупают 86 стран, она имеет финансовый интерес в компаниях в Германии, Мексике и Англии; она создала специальную международную ТВ-сеть — World Vision, которая действует в 26 странах и способна вещать на 60% населения мира, не считая США. За год американские телевизионные компании поставляют в 115 стран мира до 200 тыс. часов материалов самого разного характера — от новостей до развлекательных многосерийных фильмов⁵⁶³.

Важными каналами частной пропаганды служат главные информационные агентства Associated Press (AP) и United Press International (UPI), среди клиентов которых от трети до поло-

⁵⁶² Согласно рейтингу Нильсена, CNN занимает первое место среди новостных сетей. Однако она уступает новостной сети Fox News по количеству долгосрочных зрителей (точечные рейтинги Нильсена). В основном CNN ведёт вещание из своей штаб-квартиры в центре города Атланта и из студий в Нью-Йорке и Вашингтоне. В США, по состоянию на декабрь 2004 г., новостной канал был доступен в 88,2 млн квартир и домов и в более чем 890 тыс. гостиничных номеров в США.

⁵⁶³ Шейдина И.А. Невоенные факторы силы во внешней политике США. — М.: Наука, 1984. С. 268.

вины составляют зарубежные органы печати, радио и телевидения. Четыре крупнейших информационных агентства Америки и Европы – UPI, AP, Reuters и Agence France-Presse – ежедневно передают более 45 млн слов в 110 стран мира. Иностранные издания имеют более 100 американских журналов. Издатели журнала Time считают, например, что их еженедельник читают 20 млн американцев и 5 млн читателей в зарубежных странах. Корпорация Time занимается не только изданием журналов (их она выпускает пять), но и экспортом телепрограмм, наиболее популярные из которых покупаются в 47 странах, а также книгоиздательской деятельностью на 26 языках⁵⁶⁴.

Вышеперечисленные СМИ помогают государству во всех внешнеполитических начинаниях. К примеру, военные операции Пентагона преподносятся телеканалами как особое шоу, для чего отводится много эфирного времени, в том числе в прайм-тайм, когда у экранов собирается наибольшее количество телезрителей. К тому же именно репортажи из зон боевых действий таких каналов, как CNN, видят зрители новостных программ в разных странах в первую очередь.

По распространенной информации, начало американских бомбардировок Афганистана и Ирака «подгонялось» под время выхода в эфир выпусков новостей. Более того, имеются данные о том, что «бомбардировка американской авиацией Ливии в 1986 г. была приурочена точно к началу вечерних информационных выпусков в США. Миротворческие операции последних лет изначально ставятся как телевизионные проекты. Они оказались бы бесполезными, если бы они не были показаны по телевидению»⁵⁶⁵. Генерал вооруженных сил США Джон М. Шаликашвили в контексте разговора об американской информационно-пропагандистской политике заявил: «Мы не побеждаем до тех пор, пока CNN не сообщит, что мы побеждаем»⁵⁶⁶.

⁵⁶⁴ Шейдина И.А. Невоенные факторы силы во внешней политике США. – М.: Наука, 1984. С. 268

⁵⁶⁵ Что такое психологическая война: теоретические основы. URL: <http://iraq.newsru.ru/article/27.html>.

⁵⁶⁶ Карасев В., Бедрик Р. Четвертая боевая среда // Архив Центра экстремальной журналистики, 25.07.2003. URL: http://www.cjes.ru/lenta/view_news.php?id=12758&year=2003.

Что касается **радиовещания**, то в наши дни оно играет заметную роль, но менее значимую, нежели телевидение. Особая значимость здесь всегда отводилась радиослужбе «Голос Америки», а также «Радио Марти» в период расцвета деятельности Информационного агентства США (ЮСИА). Более скромная роль отводилась радиостанциям «Свобода», «Свободная Европа» и «Радио Свободная Азия».

Имеет смысл добавить, что интересы медиамагнатов и других представителей крупного бизнеса часто являются определяющими в процессе осуществления как официальной, так и неофициальной внешней культурной стратегии США. Именно СМИ зачастую обеспечивают эффективное функционирование внешней культурной политики государства.

СМИ, как пишет М. Паренти, по воле заказчика создают спрос и ажиотаж вокруг тех или иных политических мероприятий или событий в мире кино и шоу-бизнеса. Соответственно финансовые патроны в лице, как правило, владельцев каналов, изданий и т.д., действующих в своих интересах, которые зачастую соответствуют интересам власти, а также редакторы и прочие лица влияют на творчество и культуру в США, устанавливая определенные идеологические рамки и стандарты. В этом случае «искусство, содержащее радикальный политический контекст, сразу именуется пропагандой теми, кто контролирует рынок»⁵⁶⁷.

В XXI в. современный человек наряду с существующей реальностью погрузился в новое пространство – информационную среду, названную западными исследователями «киберпространством»⁵⁶⁸. Интернету посвящено немало интересных исследований (в частности, заслуживает внимания

⁵⁶⁷ Parenti M. Reflections On The Politics of Culture. Monthly Review: An Independent Social Magazine. – N.Y., 1999. Vol. 50, № 9. P. 11–18. URL: <http://www.monthlyreview.org/299pare.htm>.

⁵⁶⁸ Киберпространство (англ. cyberspace, кибернетика и пространство) – метафорическая абстракция, используемая в философии и компьютерах; является виртуальной реальностью; представляет ноосферу, второй мир как внутри компьютеров, так и внутри сетей. Термин был впервые употреблён У. Гибсоном, канадским писателем-фантастом, в 1982 г. в новелле «Сожжение Хром» в журнале «Омни».

статья В.В. Лукова⁵⁶⁹, выполненная в Институте США и Канады РАН, диссертация К.В. Юрина «Интернет и избирательные кампании в США» и др.). Интернет – сложный феномен, особенно если касаться его роли как средства массовой информации в формировании арсенала американской «мягкой силы» как на уровне быта индивидов, так и на уровне глобальных социальных процессов. Это явление сочетает в себе как безусловно полезное содержание, так и формирующее и распространяющее крайне деструктивное информационное поле. Актуальной и социально острой становится проблема обеспечения безопасности содержания виртуального пространства, прежде всего в отношении детей. Глобальная паутина – один из передовых двигателей американской поп-культуры как части «мягкой силы», в том числе в ее разрушительных компонентах.

Политическая активность общественных групп постепенно перемещается в социальные сети, интерактивные многопользовательские веб-сайты, содержание которых наполняется самими участниками. Представляя собой автоматизированную социальную среду, сети позволяют общаться группе пользователей, объединенных общими интересами.

Запуск первой в истории социальной сети состоялся в 1995 г. в Соединённых Штатах. Название ресурса предопределило его популярность – *Classmates* («Одноклассники» – российский аналог). Проект оказался настолько успешным, что за последующие несколько лет появился ряд аналогичных сервисов. Началом бума социальных сетей официально считают 2003 – 2004 гг., связанные с созданием *LinkedIn*, *MySpace* и *Facebook*. Для сравнения: если *LinkedIn* создавалась с целью установления и поддержания деловых контактов, то владельцы *MySpace* и *Facebook* сделали ставку на удовлетворение человеческой потребности в самовыражении. Ведь в соответствии с пирамидой Маслоу⁵⁷⁰, именно самовыражение –

⁵⁶⁹ Луков В.В. Интернет как инструмент политических технологий в США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2005. № 5. С. 91–107.

⁵⁷⁰ Общеупотребительное название иерархической модели потребностей человека, представляющей собой упрощенное изложение идей американского психолога А. Маслоу.

высшая потребность человека, опережающая даже признание и общение. С этого периода социальные сети становятся своего рода интернет-пристанищем, где каждый может найти техническую и социальную базу для собственного виртуального «я».

Как всякое новшество, социальные сети имеют положительные и отрицательные проявления: с одной стороны, каждый пользователь получает возможность общаться и делиться плодами своей деятельности с многомиллионной аудиторией той или иной социальной сети; а с другой – он оказывается заложником принципиально иных форм стереотипного мышления, в рамках которых нонконформизм и проявление инакомыслия у отдельно взятого человека поддаётся массивному воздействию со стороны электронных СМИ.

В наступившем столетии «мягкая сила», подкреплённая технологической поддержкой США, приобретает динамизм и мобильность: развитие средств массовых коммуникаций, сокращающих некогда непреодолимые расстояния между материками, приводит к тому, что организация и проведение государственного переворота в какой-либо стране осуществляется дистанционно, посредством передачи информации через различные сети. Мир, соединённый интернетом, телевидением, радио и газетами, все более напоминает паутину, объединяющую человечество в единое информационное пространство, предоставляя тем самым любому государству статус стороннего наблюдателя, способного восстановить статус-кво только путём насилия. Формируя посредством этих каналов либерально-демократическую культурную среду, американские социальные сети и СМИ открывают путь к смене неудобных режимов в невиданных ранее масштабах.

По сути, изменяется не только методика государственного переворота, но и модель глобального управления, приобретающая косвенный, более гибкий и согласованный с другими участниками международного общения характер. Возросшая роль информации в жизни современного человека, разгоняющей маховик исторического процесса, форсирует создание глобального сетевого общества, оторванного от традиций и национальных культур; непрерывные потоки экономической, научно-технической, политической и культурной информа-

ции, усиливающиеся с каждым столетием, *сокращают также продолжительность самого мирового порядка*. Так, к примеру, американский дипломат Генри Киссинджер подчёркивает, что политическая архитектура, «выросшая из Вестфальского мира 1648 г., продержалась полтора столетия; международная система, созданная Венским конгрессом 1815 г., прожила 100 лет, международный порядок, характерный для «холодной войны», нашел свой конец через четыре десятилетия»⁵⁷¹. Это обстоятельство говорит о том, что американскому государству, в отличие, к примеру, от британской империи в XIX в., предстоит решать геостратегические задачи в более сжатый период времени, поскольку «компоненты мирового порядка, их взаимодействие друг с другом, задачи, которые надо решить, не менялись ранее столь быстро, не были столь глубоки или глобальны»⁵⁷².

Каждый пользователь сети становится объектом кибервойны, состоящей, по мнению военного эксперта из администрации США Р. Кларка, «из действий одного национального государства по проникновению в компьютеры или сети другого национального государства с целью нанесения ущерба или разрушения»⁵⁷³. После официального признания президентом Б. Обамой «*цифровой инфраструктуры в качестве стратегического достояния Америки*» (2009) высшие чины Пентагона в лице заместителя министра обороны У. Линна «обозначили на доктринальном уровне, что киберпространство – новая сфера для проведения военных операций, наряду с сушей, морем и воздухом»⁵⁷⁴. Для защиты американских сетей и организации атак на коммуникационную инфраструктуру соперничающих с США государств в 2010 г. в структуре министерства обороны создаётся киберкомандование (USCYBERCOM)

⁵⁷¹ Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. с англ. – М.: Ладомир, 1997. С. 734.

⁵⁷² Там же.

⁵⁷³ Clarke R., Knake R. Cyber War. The Next Threat to National Security and What to Do About It. – N.Y.: HarperCollins, 2010. P. 33.

⁵⁷⁴ Lynn W. Defending a New Domain: The Pentagon's Cyberstrategy // Foreign Affairs, Sept/Oct. 2010. P. 97–108.

во главе которого становится генерал К. Александр, директор Агентства национальной безопасности.

В глобальном плане речь идёт о новом инструменте социальной инженерии, создающем неведомые ранее модели принятия решений, изменяя когнитивный (познавательный) базис современного человека. Интернет, будучи планетарной информационной магистралью, представляет собой уже не только канал для торговли и развлечений: «он оказывает решающее влияние на современные конфликты, не только в области шпионажа и военных действий, но и в определении того, какая информация доходит до людей по всему миру»⁵⁷⁵. Острые этого информационного натиска – социальные сети WikiLeaks, Facebook и Twitter, транслирующие американскую «мягкую силу», становящиеся инструментом революционной борьбы и государственных переворотов в интересующих США странах.

Учитывая, что политическая система каждого государства основывается на определённой идеологии, публикация компроматов на влиятельных участников этой системы подрывает их и без того эфемерную легитимность. Происходит, выражаясь языком неомарксиста А. Грамши, «молекулярная агрессия в культурное ядро» режима, ломающая всякую видимость национального согласия.

Могущество сетевых ресурсов подкрепляется их союзами с крупнейшими СМИ Европы и США, тиражирующими антиправительственные материалы. К примеру, международный сетевой проект WikiLeaks (от англ. wiki и leak — утечка), цель которого состоит в «неотслеживаемой публикации и анализе документов, ставших доступными вследствие утечки информации», обязан своей популярности влиятельной New York Times, принадлежащей Артуру Сульцбергеру-мл.⁵⁷⁶, члену Совета по международным отношениям.

⁵⁷⁵ Markoff J. Cyberwar. With New Software, Iranians And Others Outwit Net Censors // The New York Times. URL: <http://query.nytimes.com/gst/fullpage.html?res=9C00EFDC1338F932A35756C0A96F9C8B63&ref=cyberwar>.

⁵⁷⁶ Внук Артура Хейса Сульцбергера, попечителя Фонда Рокфеллера.

Продвижением этого проекта занимался также и другой член СМО, журналист Дэвид Сангер. Вот как характеризует его положение американский экономист и геополитик Ф. Эндгаль: «Дж. Ассанж (основатель сети – Г.Ф.) утверждает, что у него не было времени, чтобы просмотреть так много страниц, поэтому он передал их доверенным редакторам уважаемых медиа, чтобы те уже решили, что должно быть опубликовано. Очень «оппозиционно». *New York Times* даже назначил одного из своих высокопоставленных сотрудников Д. Сангера контролировать выпуск материалов «Wikileaks». Сангер отнюдь не аутсайдер истеблишмента. Он заседает в качестве члена элитного Совета по международным отношениям, а также члена Стратегической группы Института Аспена вместе с К. Райс, бывшим министром обороны У. Перри, бывшим главой ЦРУ Дж. Дойчем, бывшим заместителем госсекретаря и в настоящее время главой Всемирного банка Р. Зелликом»⁵⁷⁷. Наличие этих фамилий и их непрямая связь с проектом Дж. Ассанжа вызывает скепсис относительно его оппозиционности и непримиримости к американским правящим кругам, как это преподносилось мировыми СМИ. В этой связи также показательным является заявление Ассанжа, в котором заседания Бильдербергского клуба называются «обычными встречами»⁵⁷⁸.

По резонной оценке Ф. Эндгаля, серия внутривластных скандалов в США, вызванных публикациями на сайте Wikileaks, была использована администрацией Обамы для усиления полномочий президента над мировой паутиной. С этой целью ещё в 2009 г. сенатор Джей Рокфеллер внёс законопроект о кибербезопасности (S.773), который давал президенту право отключить компьютеры частного сектора от сети Интернет в случае «объявления чрезвычайной ситуации, вызванной угрозами кибербезопасности, исходящими от неправительственных компьютерных сетей»⁵⁷⁹. Информационное

⁵⁷⁷ Engdahl F. Wikileaks: a Big Dangerous US Government Con Job. URL: <http://www.voltairenet.org/Wikileaks-a-Big-Dangerous-US>.

⁵⁷⁸ Ibid.

⁵⁷⁹ Ibid.

давление на Конгресс, организованное с помощью Wikileaks, вынудило парламентариев принять закон 24 марта 2010 г.

Применительно к внешнеполитическим информационным операциям социальные сети синхронизируют массовые антиправительственные выступления, основанные на принципах ненасильственного сопротивления. Рассмотрим этот феномен подробнее.

3.3.1. Ненасильственное сопротивление и социальные сети

С современной теорией и практикой ненасилия можно познакомиться в трудах профессора Гарвардского университета Джина Шарпа – «архитектора» теории и практики реализации «бархатных революций»⁵⁸⁰ как компонента внешнеполитической технологии «мягкой силы». Превратившись, по мнению большинства специалистов, в «Клаузевица ненасилия», он, в отличие от М. Ганди и М. Лютера Кинга, предлагает людям использовать его методы, не превращая ненасилие в образ жизни, так как оно «не имеет ничего общего с религией, моралью и социальной справедливостью»⁵⁸¹. Разница состоит в том, что его предшественники видели в ненасильственном сопротивлении «программу изменения отношений, заканчивающуюся мирной передачей власти»⁵⁸², а Шарп – методику захвата власти.

Интерес американских военных и политиков к его исследованиям берёт свое начало с ввода советских войск в Чехословакию в 1968 г. С 1970-х гг. Белый дом, стремившийся заблокировать военный потенциал Кремля, начинает разработ-

⁵⁸⁰ Однако впервые американцы использовали тактику «бархатной революции» во время парламентских выборов в Италии в 1947 г. для нейтрализации потенциального успеха имевшей все шансы на победу Компартии Италии.

⁵⁸¹ Larmer B. Machiavelli of Nonviolence. URL: <http://www.csmonitor.com/1986/0616/asharp3.html>.

⁵⁸² Ганди М.К. Моя жизнь. – М.: Наука, 1969. С. 559.

ку методов ненасильственного сопротивления. В 1983 г. по инициативе Дж. Шарпа в Бостоне создаётся международный центр исследований ненасильственного сопротивления – Институт Альберта Эйнштейна⁵⁸³, впервые применивший свои разработки во время демонтажа советского влияния в Центральной и Восточной Европе⁵⁸⁴. Претворяя в жизнь концепцию нового мирового порядка, выдвинутую президентом Бушем-ст. (1989–1993), стратегическое ненасильственное действие (*strategic nonviolent action*) нашло своё применение в важнейших с точки зрения геополитики Вашингтона регионах мира: Восточная Европа, Ближний Восток, Азиатско-тихоокеанский регион, Африка и Латинская Америка.

В последующие годы преимущества этого действия успешно использовались администрацией Клинтона для смены власти в Сербии в 2000 г. («бульдозерная революция»). С приходом же в январе 2001 г. неоконсерваторов в Белый дом ненасильственное сопротивление выдвигается в авангард внешнеполитической борьбы. Так, например, эта методика позволила сменить власть в Грузии («революция роз» 2003 г.), на Украине («оранжевая революция» 2004 г.), в Ливане («кедровая революция» 2005 г., приведшая к выводу сирийских войск из страны) и Киргизии в 2005 г. («тюльпановая революция», повторно проведенная в 2010 г. для смещения К. Бакиева).

В 2009 г. Дж. Шарп (наряду с Дж. Маккейном и Дж. Соросом) был обвинён иранскими руководителями в причастности к попытке государственного переворота. Причём негодование Тегерана подкреплялось появлением (накануне волнений) в интернете знаменитого пособия профессора Шарпа «От диктатуры к демократии» в переводе на фар-

⁵⁸³ Название объясняется взглядами именитого физика А. Эйнштейна, который, будучи противником насилия во всех его формах, ратовал за ненасильственные методы в политической борьбе.

⁵⁸⁴ Организация семинаров по ненасильственному сопротивлению в странах ОВД стала возможной благодаря субсидиям Американского института мира (U.S. Institute for Peace).

си⁵⁸⁵. Спустя два года администрация Б. Обамы, отягощенная участием одновременно в двух военных кампаниях, сделала ставку на не прямое участие в смене режимов в Тунисе (январь 2011 г.) и Египте (февраль 2011 г.)⁵⁸⁶. Ненасильственным сопротивлением также охвачены Алжир (2010-2011), Йемен (2011), Сирия, Бахрейн, Иордания и Ливия. В меньшей степени протестный потенциал проявился в Марокко, Саудовской Аравии, Ливане, Ираке, Омане, Кувейте, Мавритании, Судане, Сомали, Западной Сахаре и Джибути. Этот широкий список стран приближает долгожданную задачу Соединённых Штатов: перестроить Большой Ближний Восток на свой лад, предоставив проамериканским элитам новую легитимность, необходимую в условиях ослабления глобальных позиций доллара.

В теории каждая операция вне зависимости от страны и ситуативных характеристик прорабатывается в несколько этапов: 1) оценка и анализ; 2) разработка стратегии; 3) выстраивание возможностей; 4) борьба; 5) завершение конфликта. Анализируются возможности и ресурсы той или иной страны, могущество режима и потенциальных третьих сил, которые могут быть задействованы или вовлечены в конфликт. США выстраивают стратегию по принципам военного планирования, избирая концепцию наилучшего достижения своих целей в конфликте – каким образом и когда бороться, как достичь максимальной эффективности своих целей. Это своего рода план распределения, адаптации и применения имеющихся средств⁵⁸⁷.

⁵⁸⁵ *Jacobs S.* Gene Sharp, The 83 Year Old Who Toppled Egypt. URL: <http://www.thedailybeast.com/blogs-and-stories/2011-02-14/gene-sharp-the-egyptian-revolts-prophet-of-nonviolence/#>.

⁵⁸⁶ По аналогии с серией «цветных революций» в Восточной Европе и на постсоветском пространстве тунисские события были названы экспертами «жасминовой революцией» (жасмин – символ Туниса), а египетские – «второй жасминовой революцией», что подчеркивало преемственность использованных технологий.

⁵⁸⁷ *Sharp G.* There Are Realistic Alternatives. URL: <http://www.aeinstein.org/organizations/org/TARA.pdf>.

Планировщики ждут ответов на следующие вопросы: каковы основные препятствия для ненасильственных действий? какие факторы будут способствовать достижению победы? на какие основные силы опирается действующий режим? какие слабости он имеет? насколько уязвимы его источники силы? какие силы на стороне революции? каковы её слабые стороны и как от них избавиться? каков статус сторон, непосредственно не вовлеченных в конфликт? кто оказывает помощь или может ее оказать как режиму, так и революционерам, а также какими способами⁵⁸⁸?

Основные усилия стратегов направлены на блокирование таких сторон политической власти, как её авторитет (уверенность народа в том, что власть легитимна и его моральный долг подчиняться ей); человеческие ресурсы – число и значение лиц и групп, которые выполняют указания, сотрудничают или предоставляют помощь своему правительству; умение и знания, необходимые режиму для выполнения конкретных действий; нематериальные факторы – психологические и идеологические стереотипы, делающие население лояльным; материальные ресурсы – степень контроля или доступа правительства к имуществу, природным и финансовым ресурсам, экономической системе, а также к средствам связи и транспорта; санкции – необходимые для существования режима и проведения его политики наказания, грозящие или применяемые против непослушных или отказывающихся сотрудничать⁵⁸⁹.

Для претворения теории в практику ещё в 1973 г. Дж. Шарп написал книгу под названием «198 методов ненасильственных действий», содержащую в себе весь перечень протестов и забастовок, начиная от бойкота выборов и заканчивая отказом от уплаты налогов или всеобщей забастовкой. Их актуальность объясняется двумя постулатами: 1) сила государства основывается на сотрудничестве с населением и его послушании; 2) если люди прекращают взаимодействие

⁵⁸⁸ Sharp G. There Are Realistic Alternatives. URL: <http://www.aeinstein.org/organizations/org/TARA.pdf>.

⁵⁸⁹ Sharp G. From Dictatorship to Democracy. URL: <http://www.aeinstein.org/organizations98cc.html>.

с режимом, то последний теряет столпы, на которых держится⁵⁹⁰. То есть власть – своего рода психологический феномен, авторитет которого определяет степень порядка; иллюзия, связанная обществу посредством различных догм, в том числе и религиозного характера. Из этого следует ключевой закон: правительство дееспособно до тех пор, пока сохраняется вера в его превосходство.

Наряду с обозначенными факторами успех ненасильственной борьбы во многом зависит от культурно-коммуникационной войны, нацеленной на психологическое подавление противника. Обобщённо её ведение предполагает следующий порядок действий:

1) созданная оппозиция под аккомпанемент американских СМИ и НПО, начинает постоянное информационное воздействие на население страны для подрыва существующего режима;

2) решающая фаза операции зачастую приходится на начало электорального цикла, когда политическая система находится в уязвимом положении (президентские либо парламентские выборы); весь механизм приводится в действие после оглашения итогов выборов, которые, как правило, не отвечают запросам оппозиционного лидера;

3) толпа (в среднем – от 50 до 100 тыс. человек), называемая в западных СМИ «народом», выходит на улицы и начинает бессрочный митинг, требуя отставки «узурпатора»; организованные массы блокируют основные транспортные и коммуникационные артерии; главное условие – не вступать в вооруженную борьбу с органами правопорядка, поскольку силовой конфликт (в котором преимущество за правящим режимом) может привести к насильственному подавлению восстания; постепенно парализуется весь город, приостанавливаются поставки топлива и назревает продовольственный кризис;

4) администрация США (через Госдепартамент и другие ведомства) объявляет о преднамеренной фальсификации выборов, выступает в поддержку «борцов за демократию» и призывает руководителя государства уйти в отставку;

⁵⁹⁰ *True M.* Gene Sharp: Scholar of Strategic Nonviolence. URL: <http://www.peaceworkmagazine.org/pwork/0505/050510.htm>.

5) англо-американские телеканалы, информационные агентства, интернет-ресурсы, радио и газеты продолжают давление на власть, которая в большинстве случаев решает пойти в отставку, а парламент в свою очередь назначает дату выборов, либо ограничивается пересчётом голосов;

6) США объявляют о «победе демократии» и обеспечивают информационную поддержку нового режима, превращая собственную «мягкую силу» в источник его легитимности.

Политические процессы в Северной Африке и на Ближнем Востоке, запущенные в конце 2010 г., продемонстрировали значимость американских социальных сетей в синхронизации массовых выступлений, сместивших президентов Туниса и Египта. Поражающий эффект этих интернет-ресурсов, дестабилизирующих весь арабо-мусульманский мир, обуславливается численностью их активных пользователей: «Фейсбук» по состоянию на июль 2011 г. объединил порядка 750 млн человек, а аудитория «Твиттера» к аналогичному периоду увеличилась до 200 млн. Вместе с этим важно учитывать, что «они не провоцируют революцию, а служат лишь инструментами, позволяющими революционным группам снизить расходы на участие, организацию, набор и обучение». Однако «как любой инструмент, социальные сети имеют присущие им слабые и сильные стороны, и эффективность зависит от того, насколько удачно лидеры используют их и являются ли они доступными для людей, которые знают, как их использовать»⁵⁹¹.

Социальные сети, превратившиеся, по сути, в информационные агентства, способны распространять данные по всему миру за считанные секунды, ускоряя тем самым ход всей операции. Это вовсе не обозначает, что телевидение и радио теряют популярность: происходит своего рода симбиоз крупнейших телевизионных гигантов с такими сетями, как WikiLeaks, Facebook, Twitter, YouTube, что в конечном итоге усиливает эффект информационных операций, выводя на улицы сотни ты-

⁵⁹¹ *Ивановский А.* Время «сетевых революций». В США разрабатывается информационное оружие нового поколения // Столетие. 16.03.2011. Цит. по: Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке / Под ред. С. Кургияна. – М.: МОФ ЭТЦ, 2011. С. 65.

сяч манифестантов. Примером такого взаимодействия служит деятельность международной телекомпании «Аль-Джазира», размещающей видеоматериалы на собственном портале в YouTube. Подобная практика наблюдается также среди российских вещательных организаций.

Переворот в Тунисе, организованный через мировую паутину, – результат длительной подготовительной работы Центра прикладных ненасильственных акций и стратегий «Канвас» (CANVAS – the Center for Applied Non-Violent Action and Strategies). Основанный в 2003 г. в Белграде на базе «Отпора» (НПО, организовавшее революцию в 2000 г. в Сербии, в 2003 г. – Грузии и в 2004 г. – на Украине). «Канвас» во главе с С. Поповичем реализует на практике наработки Института Альберта Эйнштейна. Члены организации также участвуют в семинарах, финансируемых ОБСЕ и ООН. Сотрудничая с американской компанией «Фридом Хаус» (которую, в свою очередь, поддерживает республиканский Национальный фонд за демократию)⁵⁹², «Канвас» подготовил к 2011 г. активистов из более чем 50 стран мира, в том числе из Зимбабве, Туниса, Ливана, Египта, Ирана, Грузии, Украины, Белоруссии, Киргизии и Северной Кореи.

В ходе обучения центр исходил, главным образом, из того, что широкий доступ к транснациональной информации, предоставляемый народам во многом через интернет, вытесняет национальные правительства из процесса формирования общественного мнения. Примечательно, что Тунис, запустивший революционную волну, перекинувшуюся затем на Египет, ещё в 1991 г. стал первой арабской и африканской страной, подключившейся к сети. Несмотря на последующие меры руководства страны по контролю над мировой паутиной количество её пользователей среди тунисцев (по состоянию на 2005 г.), в сравнении с Египтом (6,8 %), составило 9,5%. По уровню же развития мобильной телефонии Тунис занял 2-е место (56,3%) в мусульманском мире, уступая лишь Турции с 59,6%⁵⁹³.

⁵⁹² Rosenberg T. Revolution. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/02/16/revolution_u?page=0,0.

⁵⁹³ Развитие IT-технологий в Тунисе. URL: http://revolution.allbest.ru/radio/00348902_0.html.

С учётом этих данных убедительна позиция американского издания «Бизнес инсайдер», отметившего, что именно публикация на сайте WikiLeaks компрометирующих материалов, затрагивающих семью тунисского президента З. Бен Али (обвинения в коррупции и излишней расточительности), послужила пусковым механизмом народного недовольства, позволившего вывести на улицы сотни тысяч людей, озабоченных ростом цен на продовольствие⁵⁹⁴ и всеохватывающей безработицей⁵⁹⁵. Массовая истерия была также усилена актом самосожжения (совершённого рядовым тунисцем 4 января 2011 г.), который включил в революционный процесс даже лояльную правительству часть населения.

События развивались стремительно: организовав антиправительственную пропаганду и координируя революционные выступления через популярные среди арабской молодежи сети Facebook и Twitter, оппозиция захватила основные коммуникационные артерии государства. Дефицит продовольствия, усиливающийся с каждым днём, подтачивал ресурсы и волю правительства, что неизбежно отразилось на армии, отказавшейся подавить восстание силой. Выступления официальных лиц Евросоюза и США лишь ускорили падение режима, убедив протестующих в необходимости бессрочного неповиновения властям, что в конечном итоге вынудило президента З. Бен Али покинуть страну 14 января 2011 г.

Тунисский сценарий вселил уверенность в региональные оппозиционные движения, позволив египетскому активисту В. Рашиду заявить: «События в Тунисе привели в движение Египет, который в свою очередь будет усиливать аналогичные процессы во всем регионе»⁵⁹⁶. Первая реакция не заставила

⁵⁹⁴ Накануне революции цены на муку, оливковое масло и сахар поднялись на 40 – 50%.

⁵⁹⁵ *White G.* This Is The Wikileaks That Sparked The Tunisian Crisis. URL: <http://www.businessinsider.com/tunisia-wikileaks-2011-1>.

⁵⁹⁶ *Kirkpatrick D., Sanger D.A.* Tunisian-Egyptian Link That Shook Arab History. URL: http://www.nytimes.com/2011/02/14/world/middleeast/14egypt-tunisia-protests.html?pagewanted=1&_r=1&ref=genessharp.

себя ждать: 22 января начинаются демонстрации в Йемене требованием отставки президента А.А. Салеха, правившего страной с 1978 г. Располагая самым низким индексом развития человеческого потенциала в арабском мире - более половины йеменцев живет на 2 доллара в день или меньше, а треть населения страдает от постоянного голода – правительство Йемена с каждым днём протеста теряло общественную поддержку⁵⁹⁷. В итоге после многочисленных вооружённых столкновений правительственных сил и протестующих 3 июня президент А. Салех, будучи раненым, после обстрела своей резиденции покинул страну. Изменения затронули даже дружественную американцам Иорданию, где инфляция и безработица, усилившиеся при правительстве С. аль-Рифаи, вынудили короля Абдаллу II сформировать новый кабинет министров и пообещать социально-экономические преобразования.

Следующей ареной применения социальных сетей стал Египет. Расширение контактов «Канваса» с египетской оппозицией пришлось на серию забастовок 2008 г. в знак протеста против роста цен на продовольствие и низкой заработной платы (разогнанных полицией). С этого периода объединение сведущих в информационных технологиях египтян, назвавшее себя «Движением 6 апреля» (в знак солидарности с участниками подавленной правительством забастовки ткачей в городе Махалла 6 апреля 2008 г.), создаёт в Facebook группу для проведения ненасильственных акций по всей стране. Набрал уже на первых порах 70 тыс. сторонников, они решили развить успех сетевых акций, отправив для подготовки в Белград своих активистов. Так, одним из первых обучение прошел М. Адель, прослушавший в 2009 г. недельный курс по стратегии ненасильственных действий: акцент делался на методах трансформации виртуальной пропаганды в уличные протесты.

Вскоре полученные знания были использованы египетским движением за перемены «Кифайя» (в пер. с араб. Kifaya – достаточно, хватит). Созданная в июле 2004 г. по аналогу «Отпора» (включая одинаковую эмблему – кулак), организация

⁵⁹⁷ *Finn T.* Yemenis Take to the Streets Calling for President Saleh to Step Down. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2011/jan/27/yemen-protests-president-saleh>.

черпает силы из идейного протеста египетской молодежи, берущего начало со второй интифады (народного восстания) в Палестине в октябре 2000 г. Набрал популярность, она вступила в альянс с Объединённым национальным фронтом за перемены (октябрь 2005 г.). Влияние «Кифайи» и её сотрудничество с «Братьями-мусульманами» росло в стране и за её пределами неуклонно, хотя последние, опасаясь репрессий со стороны властей, не приняли прямого участия в восстании. Исламисты предпочли действовать в кибернетическом пространстве, выложив для этого на своём сайте пособие Дж. Шарпа «От диктатуры к демократии»⁵⁹⁸.

По мнению экспертов из Фонда Карнеги, «Кифайя» – первая политическая сила в Египте, сумевшая извлечь максимальную выгоду из социальных сетей и цифровых технологий в качестве основного средства связи и мобилизации протестных выступлений. Будучи «независимой» политической трибуной, блогосфера не только формирует необходимую контекстуальную среду, но собирает информацию о настроениях в обществе, позволяющую выстраивать необходимую тональность антиправительственной пропаганде. Само возникновение политических блогов в Египте связано преимущественно с её деятельностью. Блогеры, размещая в сети аудиовизуальные файлы и фотографии антиправительственного характера, стали основными популяризаторами революционных идей. Активно задействовалась также электронная почта, текстовые сообщения, онлайн-реклама и официальный сайт движения⁵⁹⁹. В конечном счёте бессрочный протест, подогреваемый их действиями, привел к тому, что власть, пребывающая в нерешительности от массивного информационного воздействия, не сумела привлечь армию для подавления протеста, капитулировав 11 февраля 2011 г. (за 18 дней).

Спустя несколько дней, 15 февраля, после воззвания 213 представителей интеллигенции с требованиями ухода от

⁵⁹⁸ *Stolberg S. Shy U.S. Intellectual Created Playbook Used in a Revolution.* URL: http://www.nytimes.com/2011/02/17/world/middleeast/17sharp.html?_r=1&ref=genessharp.

⁵⁹⁹ *The Egyptian Movement for Change (Kifaya).* URL: <http://egyptelections.carnegieendowment.org/2010/09/22/the-egyptian-movement-for-change-kifaya>.

власти М. Каддафи, поддержанного зарубежными оппозиционными фракциями⁶⁰⁰, начались волнения в самой материально обеспеченной стране Северной Африки – Ливии. Однако ненасильственное сопротивление было вскоре подавлено правительством (предвидя подобный вариант развития событий, Дж. Шарп призывает в работах соблюдать строжайшую дисциплину и не поддаваться на провокации спецслужб и полиции). Безоружная толпа, преимущество которой в ненасилии, оказалась беспомощной перед армией, навязавшей противнику бой на том поле, где она имеет превосходство.

Схожие действия были предприняты руководством КНР в июне 1989 г. на площади Тяньаньмынь, где статус-кво был восстановлен только благодаря сторонникам силовой линии, объявившим чрезвычайное положение⁶⁰¹. Разница лишь в том, что тогда Америка ограничилась показным негодованием, а авторитетный Г. Киссинджер заявлял, что «если М. Каддафи останется у власти, то влияние звездно-полосатого флага в мусульманском мире будет поставлено под сомнение»⁶⁰². Основываясь на резолюции СБ ООН 1973 от 17 марта 2011 г., созданная Вашингтоном коалиция начала гуманитарную интервенцию, которая, несмотря на преобладающее участие Англии и Франции, стала очередным американским испытанием. Причём даже после занятия союзниками Триполи и признания переходного ливийского правительства угроза крупномасштабной гражданской войны между племенными группировками, ранее сдерживаемыми усилиями Каддафи, до сих пор существует.

Примерно за месяц до начала ненасильственной борьбы, запущенной в феврале 2011 г., в Facebook появилась новая

⁶⁰⁰ Национальный фронт спасения, Ливийское исламское объединение, движение «Хулас» («Избавление»), Союз республиканцев за демократию и социальную справедливость, группа правозащитников, а также Лига деятелей культуры и писателей.

⁶⁰¹ *Почепцов Г.* Гражданское самбо: как противостоять «цветным» революциям. – М., 2005. С. 50.

⁶⁰² Kissinger: U.S. Will Appear Weak if Gadhafi Remains. URL: <http://www.newsmax.com/InsideCover/HenryKissinger-Libya-BarackObama-MoammarGadhafi/2011/03/21/id/390253>.

группа «Сирийская революция–2011» (набравшая на первых порах более 15 тыс. сторонников), призывающая президента Сирии Б. аль- Асада уйти в отставку. К 15 марта 2011 г. протесты охватывают Дамаск и Дараа (суннитский юго-запад страны, враждебный алавитам⁶⁰³). Далее они затрагивают Латакию, Алеппо и пригороды сирийской столицы, рассыпаясь после многочисленных силовых акций правительства, приведших к жертвам. В итоге именно принцип силы, задействованный сирийскими властями, спасает их от падения. Рассматривая эти события в динамике, американское разведывательное агентство «Стратфор» (Stratfor) объясняет стратегические преимущества сирийского руководства четырьмя факторами: 1) вся политическая власть в стране сконцентрирована в руках клана Асадов; 2) алавиты, из которых формируется сирийская элита, демонстрируют единство; 3) они контролируют военную разведку; 4) партия «Баас» удерживает монополию на власть⁶⁰⁴.

Тем временем Вашингтон, форсируя события, продолжает натиск на Дамаск, вводя международные санкции (один из 198 методов ненасильственных акций) против представителей спецслужб и родственников президента. Заморожены торговые отношения между двумя странами. Совет ООН по правам человека также не остался в стороне, приняв резолюцию, осуждающую применение силы против манифестантов. Глава отдела политического планирования в Госдепартаменте Дж. Салливан пошел ещё дальше, пригрозив, что если президент Сирии не откажется от насилия, то он также будет включён в список лиц, на которых распространяются санк-

⁶⁰³ Алавиты – последователи средневекового исламского религиозного течения, близкого к шиизму. Большинство алавитов проживают в Сирии – 11% населения (около 3 млн). В 1971 г. алавит Х. аль-Асад стал президентом Сирии. После его смерти в 2000 г. власть переходит в руки сыну Б. аль-Асаду.

⁶⁰⁴ *Bballa R.* Making Sense of the Syrian Crisis. URL: http://www.stratfor.com/weekly/20110504-making-sense-syrian-crisis?utm_source=GWeekly&utm_medium=email&utm_campaign=110505&utm_content=readmore&elq=021cfbcfb82641cc9e2ae7fd07d0ab32.

ции⁶⁰⁵. В свою очередь, Евросоюз после согласования со своими 27 членами уверенно последовал примеру могущественного союзника.

Информационное давление на сирийское руководство растёт постоянно. Под влиянием напряжённой ситуации в регионе Государственный департамент всё более критично оценивает и внутривосточную ситуацию в Иране, обвиняя правящие круги страны в попытках «подорвать арабскую весну» в сопредельных государствах. Х. Клинтон выражает надежду на то, что «в Иране создалась ситуация, в результате которой простые люди могут повлиять на развитие событий», призвав оппозицию искать международной поддержки, как это имело место в Ливии. Впервые с 1980 г. (дата разрыва дипломатических отношений с ИРИ) администрация США делает ставку на полноценное использование мировой паутины для трансляции «мягкой силы» среди молодых иранцев, планируя запустить к концу 2011 г. виртуальное посольство, информирующее о визах и программах студенческого обмена⁶⁰⁶.

Более того, в феврале 2012 г. на конференции в Гамбурге по социальному измерению интернета советник госсекретаря США Бен Скотт официально признал ставку Вашингтона на социальные сети, заявив, что «американская дипломатия рассматривает социальные сети как одни из основных инструментов внешней политики США»⁶⁰⁷. По его мнению, в эпоху виртуальных технологий традиционная дипломатия должна принципиально измениться, потому что Facebook или Twitter предлагают правительствам мощный инструмент прямого общения с огромным числом граждан, позволяют легко выяснить их настроения.

⁶⁰⁵ *Gollust D.* US Imposes New Sanctions Against Syria Over Crackdown. URL: <http://www.voanews.com/english/news/middle-east/US-to-Freeze-Syrian-Officials-Assets-120976399.html>.

⁶⁰⁶ Х. Клинтон: в руководстве Ирана идёт борьба за власть. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/10/111027_clinton_iran_power_struggle.shtml.

⁶⁰⁷ Госдеп назвал соцсети одним из основных инструментов внешней политики США. URL: <http://vz.ru/news/2012/2/15/561728.html>

3.4. Голливудский кинематограф

Между федеральными властями США и голливудскими кинорежиссерами и продюсерами всегда существовали противоречия, поводом для которых очень часто служили постоянные нападки на Голливуд со стороны политиков за демонстрацию насилия, чересчур откровенные сцены и вульгарность. Подобное состояние отношений между Голливудом и Вашингтоном не редко трактовалось как проявление «культурных войн».

Вместе с тем весьма широко известна эффективная работа американской цензуры, очень актуальная ныне и демонстрируемая всему миру «политкорректность», идеологизированность, в первую очередь, американского кинематографа, который в большой степени следует в русле официальной политической линии администрации США и государственной идеологии. Это одна из причин, по которой термин «неофициальная» целесообразно взять в кавычки.

Голливудский кинематограф – один из основных инструментов неофициальной внешней культурной политики США, главный культурный продукт и идеологическое орудие современной Америки, средство формирования её имиджа на мировой арене.

Несмотря на то что Голливуд как в России, так и во многих других странах зачастую подвергается критике за свою бездуховность, коммерциализированность, опору на массовый спрос, именно продукция «фабрики грёз», несущая в себе заряд американских ценностей, видения тех или иных явлений и аспектов жизни, пользуется большим спросом на подавляющей части планеты. Кассовое кино смотрит огромное количество зрителей по всему миру, волей-неволей формирующих свое представление об Америке по этим фильмам и воспринимающих их как неотъемлемую часть американской культуры, усиленно экспортируемой и транслируемой вовне.

Посредством кинематографа американцы сумели невероятно опозитизировать свою страну, создать привлекательный имидж и постарались влюбить в эту картинку население планеты. В качестве примера можно привести визитные карточ-

ки американской телевизионной и кинопродукции: пейзажи пустыни штата Невада, холмы Калифорнии, калифорнийские пляжи и виды Майами, урбанистическую романтику с беспрепятственным изображением в разных ракурсах острова Манхэттэн в Нью-Йорке и делового центра Лос-Анджелеса – двух крупнейших мегаполисов, символов Америки и олицетворения традиционной конкуренции на различных уровнях между восточным и западным побережьями Соединённых Штатов.

Неотъемлемая и характерная черта голливудского кино – создание фильмов на злободневную и социально острую тематику, изображение внутренних американских реалий. Все эти особенности американского кинематографа как части американской, и в более широком смысле глобальной, культуры стали отличительными чертами современной цивилизации. Жители разных стран и континентов в большой степени формируют представление о современной Америке благодаря ее кинематографии.

Порой возникают самые неожиданные подтверждения планетарного охвата и значимости голливудского кинематографа как одного из средств обеспечения американского культурного присутствия в различных регионах мира. К примеру, в авторитетных зарубежных и отечественных СМИ появлялась информация, подтвержденная представителями военной разведки США, согласно которой американские фильмы на военную тематику использовались иракскими солдатами в качестве учебных пособий в период американского вторжения в Ирак в 2003 г., так как С. Хусейн, якобы, учил своих солдат тактике войны с войсками США по таким фильмам, как «Чёрный ястреб» (*Black hawk down*). Об этом со ссылкой на неназванных «официальных представителей военной разведки США» сообщил журнал «Тайм»⁶⁰⁸, а также издание «Ньюсуик»⁶⁰⁹, в интервью которому своими мыслями об этом поделился извест-

⁶⁰⁸ *Ratnesar R.* Sticking to His Guns // *The Time Magazine* 07.04.2003 Vol. 161 No. 14. URL: <http://www.time.com/time/magazine/0,9263,7601030407,00.html>

⁶⁰⁹ *Thomas E., Barry J.* A Plan Under Attack // *Newsweek* 07.04.2003. URL: <http://www.msnbc.msn.com/id/3068601>.

ный специалист по Ираку, бывший аналитик ЦРУ и политолог из Института Брукингса К. Поллак.

Будучи одним из основных инструментов внешней культурной экспансии США и, соответственно, их неофициальной внешней культурной политики, Голливуд играет важную роль в жизни самого американского общества и оказывает определенное влияние на формирование внутривнутриполитической ситуации и всей системы внутрисоциальных отношений.

Государственная идеология США представляет собой определяющий вектор развития творческой мысли голливудских режиссеров и сценаристов, что, естественно, отражается на трансляции американских культурных ценностей. Таким образом, заидеологизированность внутри страны переносится вовне, оказывая прямое воздействие на содержание внешней политики в сфере культуры, что соответствует тезису о характере детерминизма в соотношении внутренней и внешней политики (внутренняя политика определяет внешнюю).

Американская кинематографическая академия чрезвычайно подвержена влиянию со стороны государства, и порой кажется, что «Оскар» вручают не за красоту творческой мысли и художественный замысел, а за социальную остроту сюжета и его соответствие официальной идеологии.

Вспомним церемонию вручения премии «Оскар» 2003 г., проходившую в период ведения боевых действий США против Ирака. Тогда многие известные актеры, в том числе такие как Дж. Клуни, который отказался участвовать в церемонии, и М. Шин выступили против войны в Ираке и автоматически были зачислены в «черные списки пацифистов Голливуда», оказавшись под прицелом критиков. Вручение золотых статуэток в марте 2010 г. в очередной раз подтвердило неизменную и устойчивую политическую ангажированность киноакадемии – победителем по шести номинациям стал фильм режиссёра К. Бигэлоу, в российском прокате получивший название «Повелитель бури» (в оригинале *The Hurt locker*). Эта картина, повествующая о работе элитного спецотряда американских саперов в зоне военных действий в Ираке, обошла по количеству наиболее престижных номинаций (включая премию за лучший фильм года) самый кассовый в истории фильм «Аватар» Дж. Кэ-

мерона – кинематографический шедевр как в технологическом, так и в содержательном плане.

Для иллюстрации воздействия голливудской кинематографии на формирование и реализацию внутренней и внешней культурной политики и на жизнь американского общества в целом приведем еще один пример.

После событий 11 сентября 2001 г. состоялось две наиболее заметных встречи представителей власти с голливудскими кинематографистами. Одна из них прошла 11 ноября 2001 г. в Беверли-Хиллз, на которой в ту пору старший советник Президента Буша Карл Роув встретился с представителями всех крупнейших голливудских киностудий и американских телекомпаний с целью обсуждения совместных действий в направлении борьбы с терроризмом и поддержки военных действий в Афганистане. В частности, Белым домом был поставлен вопрос о том, какой конкретный вклад может внести индустрия развлечений в дело борьбы с терроризмом⁶¹⁰. Следствием событий 11 сентября и, вероятно, подобных встреч стало создание американскими кинопроизводителями большого количества картин на военно-патриотическую тематику.

Это был своеобразный ответ Голливуда международному терроризму и его вклад в дело борьбы с этой угрозой, хотя председатель Кинематографической ассоциации Америки (МРАА) Джэк Валенти, принявший участие в указанной встрече, всячески отрицал какие-либо попытки со стороны Белого дома склонить Голливуд к массовой идеологической атаке совместным фронтом.

В то же время после террористических атак 11 сентября 2001 г. голливудский кинематограф неоднократно обвинялся в провоцировании подобных событий своими фильмами жанра action и разнообразными футуристическими кинолентами. В ответ на это многие режиссеры заявили, что не видят смысла прекращать создание высокобюджетных боевиков и фильмов-катастроф, так как, по их мнению, подобные фильмы всегда будут востребованы как в США, так и в других странах в качестве продукта массово-развлекательного характера.

⁶¹⁰ Sanchez R. Hollywood's White House War Council // The Washington Post. November 12, 2001.

К слову о роли идеологии в американском кинопроизводстве, американской культурной политике и культуре в целом показателен следующий случай: в одном из интервью известный российский кинорежиссер Н. Михалков поведал, что он обратился к известному голливудскому актеру К. Костнеру с просьбой прочитать сценарий фильма «Сибирский цирюльник» и высказать мнение о возможности его проката в США. Ознакомившись со сценарием, Костнер прокомментировал, что стоит удалить целый ряд сцен, где американцы показаны не в самом лучшем свете, а что-то частично видеоизменить, и только тогда фильм может получить шанс для демонстрации в США⁶¹¹.

Здесь уместно вспомнить, как американские режиссеры и сценаристы часто пренебрежительно изображают в своих творениях представителей других народов, не придавая значения деталям, особенностям национального характера, предметам обихода и т.д., а чаще всего сознательно и тенденциозно искажая их. Как мы все хорошо знаем, это далеко не в последнюю очередь относится к России и странам Восточной Европы. Видимо, настолько сильно укоренился в сознании американцев стереотип бывшего врага номер один, развившийся в устойчивую русофобию, подверженную, как дуновению ветра, изменениям политической конъюнктуры, прежде всего в двусторонних российско-американских отношениях. Впрочем, нелегко однозначно классифицировать их подходы и мотивации негативного изображения России и русских (по сути, всех русскоговорящих) в медийных продуктах, тем более в привязке к повестке дня двустороннего диалога в конкретный период. Это гораздо больше напоминает устойчивую тенденцию, в меньшей степени зависящую от сиюминутной конфигурации межгосударственных отношений, а скорее, являющуюся долгосрочной, весьма удобной, выгодной и услужливой политическим заказам стратегией использования этого «мягкого» инструмента формирования мирового общественного мнения. Достаточно напомнить, какое возмущение на грани с изумлением в российском обществе вызвало, к примеру, изображение нашего соотечественника-космонавта в фильме «Армагед-

⁶¹¹ Стенограмма интервью Н. Михалкова телеканалу «Россия». 2000 г. URL: <http://mikhalkovinfo.narod.ru/inttext/12p.html>.

дон». И, как всем прекрасно известно, это один случай из множества, напоминающего нескончаемый поток черного пиара.

На этом фоне напрашивается актуальный ныне пример исторических фальсификаций американских кинопроизводителей на тему Второй мировой войны. Наряду с постоянными голливудскими киноманifestами о решающей (зачастую единичной) роли США в победе во Второй мировой войне, на «Оскар» в 2010 г. номинировалась и получила награду за лучшую мужскую роль второго плана картина К. Тарантино «Бесславные ублюдки», которая по идее и содержанию, к сожалению, далека от трагичных исторических реалий того времени.

Таким образом, наряду с демократическими ценностями и идеалами, которые так страстно, а часто и агрессивно, защищают США во всем мире, наряду со свободой слова и мысли и заявлениями о приверженности культурной демократии и демократической культурной политике очевиден факт наличия в США достаточно жесткой цензуры и идеологического контроля, по ряду параметров не уступающих тому, что было в свое время в Советском Союзе.

Вместе с тем помимо высококачественных голливудских фильмов так называемой категории «А» в процессе внешней культурной экспансии на рынок проникает огромное количество низкопробной продукции, которая в самих Штатах практически не востребована. Ситуация вполне объективна – продукты массовой коммерческой культуры и ее ценности являются предметом купли-продажи, как во всех других сферах бизнеса. Поэтому интересы бизнеса играют определяющую роль, устанавливая определенные правила игры в сфере, где конечная и главная цель – получение прибыли.

На регулирование ситуации в этой области призвана повлиять скоординированная и взвешенная политика государства по формированию внешней и внутренней культурной стратегии, а также политика здорового культурного протекционизма, где очень важно, противодействуя неконтролируемому импорту второсортных продуктов, соблюсти грань и не допустить перегибов и трансформации в жесткую цензуру.

3.5. Музыкальная индустрия и молодежные субкультуры

Ещё одна важная составляющая американского культурного экспорта и самой американской культуры, в значительной степени определяющая содержание современной массовой культуры США, и вообще интерес к ним, в особенности в молодежной среде по всему миру, – это музыка и музыкальный шоу-бизнес, продукция которого распространяется также посредством СМИ, в особенности телевизионными каналами формата MTV, интернетом и FM-радиостанциями.

Современная музыкальная индустрия Америки, включающая в себя огромное количество различных тенденций, стилей и направлений, тесно связанная с разнообразными субкультурами и молодежными течениями, по праву представляет собой неотъемлемую часть американской культуры и является одним из основных культурных продуктов США.

Напомним, что на протяжении практически всего XX в. музыка являлась одним из главных компонентов общемирового культурного влияния США. Достаточно упомянуть джаз, рок-н-ролл, рок во всех его проявлениях, диско, наконец, стремительный взлет популярности в конце XX в. как в самих Штатах, так и далеко за их пределами афроамериканской хип-хоп культуры и т.д. Это далеко не полный перечень американских музыкальных стилей и направлений, ставших общемировыми. И если отдельные течения и тенденции в мире музыкальной культуры возникали не в Америке, а, например, в Великобритании, то их преломление и развитие именно на американской почве приобретало необычайные масштабы и впоследствии транслировалось на всю планету.

В контексте разговора о современной американской музыкальной культуре как о канале распространения культурного влияния Америки поверхностно коснемся тенденций в современной музыкальной культуре США.

Как упоминалось, в США существует постоянное гласное и негласное соперничество Восточного и Западного побережья на различных уровнях, что прежде всего ощущается в плоскости культурных явлений. Два символа Соединенных Шта-

тов – города Лос-Анджелес и Нью-Йорк представляют собой разные климатические пояса, расположенные на побережьях разных океанов, отличающиеся в ментальности, укладе жизни, привычках и т.д., что накладывает отпечаток не только на музыкальную сферу, но и на особенности всей американской культуры.

В последнее десятилетие наблюдается всё большее смещение акцентов в пользу культурного доминирования западного побережья США, центр которого – штат Калифорния, где, при том что это крупнейший в США центр военного производства, оказывающий доминирующее влияние на экономику страны, равно как и на ее культуру, расположены важные научно-исследовательские центры и институты, занимающиеся разработкой информационных технологий, а также центр американской индустрии развлечений – Голливуд и крупнейшие телевизионные студии. Интересно, что участник одной из всемирно известных американских рок-групп «Рэд хот чили пепперс» (Red Hot Chili Peppers) Ч. Смит и лидер этого коллектива Э. Кидис на вопрос о том, почему они назвали одну из своих самых популярных песен и одноименный альбом 1999 г. «Калифорнизация» (Californication), ответили, что, путешествуя по всему миру с гастрольями, они то и дело встречались с атрибутикой американской, и особенно калифорнийской, культуры в очень далеких от США странах, будь то в Азии, Европе или Латинской Америке. Это привело их к мысли не столько о тотальной американизации, сколько о «калифорнизации» мира. «То, что мы сами из Голливуда, выражается в словах Энтони (вокалиста), в его стихах. Заглавная песня «Californication» о том, как он путешествует и видит, насколько Голливуд и Калифорния затронули остальной мир своей музыкой, своими одеждами и многими другими вещами. И в этом влиянии плохого столько же, сколько и хорошего. В этой песне все честно»⁶¹², – делились мнением музыканты в одном из интервью.

Вместе с тем серьезное воздействие на содержание американской культуры и культурных ценностей оказывает расово-этнический компонент. В мультикультурном обществе

⁶¹² Интервью с Чедом Смитом для Wall of Sound. URL: <http://californication.narod.ru/press/chad/01.html>.

Соединенных Штатов все более интенсивно и пассионарно-проявляется африканский и латиноамериканский этнокультурные факторы. К слову, за последние 10 – 15 лет рожденная в афроамериканской среде рэп-музыка и вся хип-хоп культура не только в большой степени вышла за расовые рамки и перестала быть увлечением лишь афроамериканской молодежи, но и охватила всю Америку, превратившись к тому же в одну из самых заметных статей культурного экспорта США, став модной и популярной на большей части планеты.

Такое явление современной американской поп-культуры, как хип-хоп, не ограничивается только музыкальным стилем и является типичным примером молодежной субкультуры, через которую также осуществляется интенсивное культурное влияние, формирующее притягательный образ США в молодежной среде различных стран мира и вместе с тем прямо и косвенно обеспечивающее их национальные интересы путем культурного присутствия в регионах мира.

Определяя понятие «субкультура», стоит отметить, что перед нами очень емкий и многоаспектный термин, предельно обобщая все грани которого можно сказать, что субкультура – это «культура групп, объединений в пределах более крупного культурного образования; трансформированная профессиональным мышлением система ценностей традиционной культуры, получившая своеобразную мировоззренческую окраску. Субкультура возникает как позитивная или негативная реакция на господствующую в обществе культуру и социальную структуру среди различных социальных слоев и возрастных групп, является мировоззренческой дифференциацией внутри молодежного движения»⁶¹³.

Понятие «субкультура» сформировалось в результате осознания неоднородности культурного пространства, ставшей особенно очевидной в урбанизированном обществе. Эстетика, этика, идеология молодежных сообществ получила признание как особая молодежная культура. В настоящее время рассматриваемое понятие часто прочитывается как обозначение под-

⁶¹³ *Хоруженко К. М.* Культурология: Энциклопедический словарь. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 466.

системы культуры с указанием на мультикультурный характер современного общества.

Как правило, субкультура возникает как контркультура, культура протеста, представляющая собой особый мир со своими символами престижа и внешними отличительными признаками – стилем музыки и танца, языком, манерой поведения, организацией или отсутствием таковой и со своим внутренним содержанием. Не стоит забывать и то, что практически любая молодежная субкультура позиционирует себя как «уличную культуру», так как в этом в большой степени заключается основа ее существования, фундамент ее девиантности, её протестности.

Одним из основных отличительных признаков той или иной субкультуры является принадлежность к соответствующему музыкальному течению. Музыкальный стиль – некая «визитная карточка», своеобразный символ, во многом определяющий внутреннее содержание субкультуры.

Но здесь есть довольно интересная особенность. Субкультура, появившаяся изначально как контркультура и охватывавшая лишь определенные социальные (и этнические) группы, со временем под влиянием различных факторов (транслирования и популяризации посредством СМИ, конъюнктуры, спроса, удачного продюсирования и т.д.), где в конечном счете определяющими становятся интересы бизнеса, на которых зиждется массовая коммерческая культура, выходит за рамки собственно субкультуры и превращается в составляющую культуры мейнстрима (main stream – основное течение).

Однако это относится не ко всем субкультурам, а лишь к наиболее укоренившимся и знаковым из них, т.е. к тем, которые в наибольшей степени определили культурное своеобразие, разнообразие, ценностные категории и ориентации молодежной среды изначально преимущественно в странах Запада.

Среди всего разнообразия субкультур, возникавших во второй половине XX столетия в США и Великобритании, можно отметить субкультуры битников, байкеров, рокабилли, рокеров, хиппи, металлистов, панков, хип-хоп культуру и т.д. Каждая из них внесла в той или иной мере существенный вклад в мировую историю музыки, моды, танцевального ис-

кусства, нашла немало почитателей в разных странах, а также оказала как прямое, так и опосредованное влияние на формирование притягательного для разных молодежных групп в мире образа США.

С точки зрения автора, для иллюстрации американского влияния на субкультурном уровне невозможно найти более современного, актуального и популярного на сегодняшний день у молодежи многих стран мира примера, чем феномен хип-хоп культуры, бывшей изначально культурой протеста, достоинством неблагополучных слоев афроамериканского населения США, но превратившейся в итоге в полноценную составляющую современной американской культуры, один из основных культурных продуктов США и неотъемлемое достояние мировой музыкальной и массовой культуры в целом.

Если более пристально взглянуть на историю развития музыки во второй половине XX в., то становится вполне очевидным, что в прошедшем веке одним из основных источников обновления музыки были афроамериканские музыкальные субкультуры США и стран Карибского бассейна. Блюз и джаз, рок и регги во многом определили музыкальное лицо XX столетия, в чем прослеживается обширное внешнекультурное влияние Соединенных Штатов.

Ныне мировая индустрия развлечений стала распространителем сравнительно новой и приобретшей мировую известность и популярность субкультуры хип-хопа во многом посредством популяризации ее музыкального компонента в виде рэп-музыки и танцевального искусства, выраженного брэйк-дансом.

Принято считать, что хип-хоп возник в 1975 г., когда из Ямайки в Нью-Йорк приехал ди-джей Кул Херк (DJ Cool Herc), который первым начал говорить в микрофон с танцующими чернокожими посетителями дискотек. Родившаяся из скрещения разнообразных культурных влияний, главным образом с доминирующим африканским расово-этническим компонентом, и состоящая из нескольких основных направлений, эта субкультура определенное время оставалась вотчиной чернокожих представителей (за редким исключением). И в силу этнонациональной замкнутости, несмотря на великую армию

подражателей по всей планете, хип-хоп был отделен от общемирового культурного процесса.

Теоретически этот пласт мог остаться в истории примером изолированного, самодостаточного артефакта, имеющего исключительно музейно-этнографическую ценность. Но на практике в столь мультикультурном обществе взаимовлияние и взаимопроникновение разных культурных традиций и явлений, их синтез, адаптация и ассимиляция достигли небывалых масштабов. Невероятным представляется такой сценарий в эпоху необычайного развития высоких технологий, СМИ, музыкальной индустрии, шоу-бизнеса и масскультуры в целом. К тому же негритянская музыка оказалась слишком пассионарна для такой участи. Как и в случае с рок-музыкой, белый музыкант с белым менталитетом и белым культурным бэкграундом начал играть музыку изначально афроамериканского происхождения.

Результатом подобного кросскультурного взаимопроникновения и взаимодействия стало постепенно возрастающее появление белых представителей хип-хоп культуры, причем в некоторых ее компонентах, например в брэйк-дансе, количество неафроамериканцев со временем стало едва ли не подавляющим, особенно если учесть огромное число приверженцев этого танцевального стиля во всем мире.

Характерно этот факт отмечен в работе 1992 г. Д. Нэсбитта и П. Эбурдин «Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000», где в контексте анализа глобального культурного влияния США (в данном случае на примере Китая) говорится следующее: «По средам и субботам Дворец культуры Чонгвенмен проводил вечера брейкданса... В мае 1988 г. около 300 молодых людей приняли участие в первом пекинском соревновании по брейк-дансу, спонсором которого было правительство»⁶¹⁴. Это очередной раз свидетельствует в пользу утверждения о масштабном влиянии Америки на уровне субкультур, в ряде примеров ставших неотъемлемым проявлением массовой культуры, чем в данном случае пользовалось дальновидное руководство КНР.

⁶¹⁴ *Нэсбитт Д., Эбурдин П.* Что нас ждёт в 90-е годы. Мегатенденции: Год 2000. – М.: Республика, 1992. С. 153.

Возникновение все большего числа белых исполнителей затронуло и саму рэп-музыку. Наверное, апогеем этого процесса стало появление и феноменальный успех молодого белого артиста по имени Маршалл Брюс Мэтерс, больше известного под псевдонимом Эминэм (Eminem), по числу различных музыкальных премий и наград, а также по популярности превзошедшего самых маститых чернокожих представителей этого жанра.

Таким образом, субкультура, зародившаяся в строго определенной замкнутой среде, принципиально важными условиями вхождения в которую было социальное происхождение, положение и расово-этническая принадлежность, постепенно вышла за свои этно- и социокультурные рамки, найдя своих поклонников среди представителей разных этносов, рас, культур.

То же самое можно сказать в отношении атрибутики и моды на одежду отдельных субкультур, так как, например, определенные течения в моде, ранее присущие исключительно субкультурам, довольно быстро выходили за их рамки, приобретали международное признание вследствие популяризации как атрибута масскультуры и становились устойчивой тенденцией в мире моды.

Как ни парадоксально, именно благодаря трансформации в составляющую массовой культуры субкультуры приобретают большую популярность и становятся одним из инструментов американской культурной экспансии, что является вспомогательным средством осуществления общей внешнеполитической стратегии США на неофициальном уровне.

Хотелось бы отметить еще один интересный, но парадоксальный момент. Дело в том, что тексты песен исполнителей (в данном случае пример хип-хопа более чем очевиден) зачастую имеют откровенно антигосударственную, антисоциальную, антигуманную, аморальную с точки зрения как закона, так и нравственных норм направленность. Тем не менее эти произведения находят своих слушателей и рынок сбыта, который в настоящее время вырос до гигантских размеров. Очень часто молодые люди в разных странах мира, не зная языка, не разбираясь в тонкостях сленга, соответственно, особо не задумыва-

ясь над содержанием текстов, воспринимают в основном ритмическую музыкальную составляющую и экспрессию, заявляя о своей приверженности этому движению в целом.

С ещё большим парадоксом мы сталкиваемся, обращаясь к ситуации внутри США. Несмотря на то что упомянутый выше Эминэм в своих произведениях поднимает острую социальную проблематику, критикует правительство, высмеивает многих известных лиц, в том числе представителей американской политической элиты, демонстрирует свою озлобленность на жизнь, окружающее общество, государство, обильно приправляя это ненормативной лексикой, в то же время, как это ни парадоксально звучит, предстает рьяным патриотом, в какой-то мере символом современной Америки в глазах многих молодых людей по всему миру, «гордо несет национальный флаг Соединенных Штатов» как знамя глобального культурного доминирования.

Представляется важным указать на особое место элемента моды и подражания, столь характерного для молодежной среды. В связи с этим уместно обратиться к вопросу о каналах распространения американского влияния на уровне субкультур в контексте осуществления их неофициальной внешней культурной политики. Почему та или иная субкультура вдруг становится невероятно популярной во всем мире, превращаясь в массовую мейнстримовую коммерческую культуру, почему среди молодежи становится модным идентифицировать себя с тем или иным течением, использовать соответствующую атрибутику? Каковы в принципе механизмы превращения субкультуры и ее атрибуты, включая главным образом музыку, в «модное»?

Безусловно, наиболее известными, эффективными и крупномасштабными по своему охвату инструментами являются рассмотренные средства массовой информации и кинематограф. Локомотив американского культурного влияния на массовом уровне – музыкальные телеканалы формата MTV, демонстрирующие музыкальные видеоклипы, представляющие собой визуализированное отображение песни или какого-либо музыкального произведения.

Не секрет, что, как правило, современный исполнитель не может рассчитывать на успех у слушателей, высокий уровень продаж своего альбома, да и популярность вообще, не снимая видео на свои произведения, которые затем попадают в ротацию музыкальных телеканалов и регулярно демонстрируются. Естественно, определяющую роль здесь играют интересы и законы шоу-бизнеса, который имеет лидирующую позицию в процессе распространения американского культурного влияния.

К слову отметим, что формат видеоклипов на сегодняшний день становится повсеместным и практически стандартным принципом преподнесения информации как новостной, рекламной, так и иной направленности. Клиповый тип мышления, передачи и восприятия информации, ныне свойственный не только для представителей медийного пространства и молодежи, стал одним из символов рождения новых форм межличностной коммуникации.

Исходя из вышеизложенного, музыкальные телевизионные каналы и программы можно отнести к наиболее эффективным средствам популяризации субкультур уже как составной части массовой культуры и, соответственно, к наиболее действенным инструментам неофициальной внешней культурной политики США.

В музыкальных видеоклипах, впрочем, как и в кинематографической продукции Голливуда, осуществляется поэтизация урбанистических пейзажей американских городов (в подавляющем большинстве Нью-Йорка и Лос-Анджелеса), в том числе через призму существования на их улицах разнообразных уличных молодежных субкультур, хотя нередко ярко выраженного криминального характера. Зачастую американская урбанистическая тематика в продукции поп-культуры овеяна привлекательным романтическим ореолом, создавая, таким образом, хоть и неоднозначный, но в целом вполне притягательный образ Америки в глазах многих молодых людей на планете.

Телевизионная картинка в клиповом варианте и кинематограф, демонстрирующие эпизоды будничной жизни американских каменных джунглей, где неотъемлемым, довольно зрелищным и ярким компонентом стала жизнь субкультур, необходимым атрибутом и символом которых является при-

надлежность к определенному музыкальному стилю, формируют в восприятии миллионов зрителей в разных странах, особенно у подростков, увлекающихся каким-либо музыкальным направлением и связанной с ним субкультурой, некий образ страны-мечты, страны – истока того или иного направления, страны, где это наиболее развито, массово, открыто, популярно, разнообразно.

Если возвращаться к примеру хип-хоп культуры, то здесь можно отметить более чем часто встречающееся как в музыкальных клипах, так и в американских фильмах изображение жизни афроамериканских кварталов (в основном Гарлема, Бронкса, Бруклина в Нью-Йорке, а также Лос-Анджелеса, Лонг Бич, Инглвуда и т.д. в Калифорнии) с соответствующим музыкальным сопровождением.

Говоря о молодежных американских субкультурах в контексте их трансформации в явления массовой культуры как об инструменте культурного влияния Соединенных Штатов, хотелось бы отметить еще один немаловажный момент. Для современной массовой культуры характерны такие понятия, как адаптация, ассимиляция, синтез и т.д., суть которых также проявляется в самых различных сферах жизни, но, наверное, все-таки в первую очередь в современном искусстве и культуре в целом. Так, при синтезе различных музыкальных направлений, музыкальных субкультур и спорта, взаимовлиянии субкультур и боевых искусств, возникают новые субкультуры, новые формы искусства. В результате формируются новые молодежные культуры, формы самовыражения, проявляющиеся в новых музыкальных, танцевальных стилях, соответственно, в моде на одежду, в новых экстремальных видах спорта, становящихся, с одной стороны, полноценными соревновательными дисциплинами, а с другой – остающихся субкультурами. Все это довольно быстрыми темпами распространяется и, как правило, воспринимается на большей части мира. Но, безусловно, указанные явления и процессы относятся главным образом к США, становясь как новым элементом социокультурного порядка, так и новым опосредованным инструментом американской силы.

На протяжении всей второй половины XX в. молодежные субкультуры оказывали довольно существенное влияние

на культурное разнообразие американского общества, а также на общества многих государств, преимущественно западного полушария, явившись вместе с тем одним из наиболее эффективных инструментов распространения общемирового американского культурного влияния.

Более того, если концентрировать внимание на слове «молодежные», то нельзя не отметить, что молодежная среда всегда являлась наиболее социально активной, мобильной, пассионарной в своих проявлениях. Молодежь – основной двигатель истории, т.е. социальных, политических, экономических, культурных, идеологических изменений в жизни государства и общества. Соответственно, в определенной степени приобретали значимость как внутреннее содержание, так и внешняя атрибутика молодежных групп, движений, объединений, трансформировавшихся в отдельные подкультуры, что в случае с США приобрело, по известным причинам, широкие масштабы и стало вполне эффективным инструментом внешнекультурного воздействия.

Американские субкультуры являют собой актуальную и интересную тему для исследования, тем более в контексте их использования как опосредованного инструмента «неофициальной» внешней культурной политики США, так как подобные явления других стран объективно обладают несоизмеримо меньшим весом или не обладают таковым вообще. Даже если та или иная субкультура первоначально зародилась и развивалась, например, в Великобритании, ставшей родиной многих субкультур, её непосредственное преломление на американской почве, как правило, способствовало обретению ею общемировой популярности. Будучи культурным продуктом США и одновременно средством распространения американской культуры, эти ценностные парадигмы проецировали влияние и силу Соединённых Штатов.

Альтернативный взгляд, подтверждающий правило, – исследования не только Г. Шиллера, П.Дж. Бьюкенена, но и других, в том числе современных, критиков масскульта.

В этом контексте нельзя обойти вниманием исследование Д. Эстулина, который доказательно увязывает появление рок-н-ролла, затем рок-музыки, а также других музыкальных направлений и субкультур с деятельностью так называемого

мирового правительства в лице, как он считает, Бильдербергского клуба – одного из самых влиятельных в мире тайных обществ. В частности, Д. Эстулин называет создание студии звукозаписи ЕМІ, появление ставших сегодня мировой классикой коллективов The Beatles, The Doors, The Rolling Stones, других музыкальных групп, а также телеканала MTV и формирование стратегий современных информационных войн целенаправленными, заведомо запрограммированными и управляемыми проектами Бильдербергского клуба (точнее, со слов автора, его филиала по промыванию мозгов – Тавистокского института человеческих отношений)⁶¹⁵. Кроме того, автор активно обосновывает прямую зависимость между внедрением в массовое молодежное сознание новой музыкальной (субкультурной) моды и искусственной, управляемой, параллельно идущей наркотизации молодежной среды.

Во всяком случае приведенные в качестве примера точки зрения на историю вопроса имеют сугубо авторский, субъективный подтекст, но тем не менее формируют более масштабную платформу для исследования и понимания темы, в очередной раз сигнализируя о возможных последствиях недооценки степени влияния и значимости этого не вполне осязаемого компонента внешней политики США.

3.6. Политика мультикультурализма как ресурс «мягкой силы»

Межэтнические противоречия сопровождают международные отношения с глубокой древности. Эти проблемы вынуждали правителей, увлечённых завоеваниями отдалённых территорий, преодолевать деления на «своих» и «чужих» для большей устойчивости имперских владений. Так, Александр Македонский, помимо введения единой валюты и объединения рынков Европы, Азии и Африки, поощрял межнациональные браки между греками и персами, которые и по сей день кажутся исключениями из правил. Должно было пройти два

⁶¹⁵ Эстулин Д. Секреты Бильдербергского клуба. – Минск: Попурри, 2009.

тысячелетия, чтобы на базе Британской империи, создавшей переселенческие колонии в Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии, идея слияния народов в постэтническую общность нашла своё практическое применение.

Соединённые Штаты, спроектированные отцами-основателями на универсальный манер, предложили миру новую модель человеческого сосуществования, которая в век национализма (XIX в.) казалась утопией. Американцы испытали то, что английский историк А. Тойнби назвал «миражом бессмертия», убеждение, согласно которому «их государство есть последняя форма человеческого общества». Так было с Римской империей, с халифатом Аббасидов, с империей Великих Моголов, Оттоманской и Британской империями. Граждане подобных универсальных государств «совершенно пренебрегая очевидными фактами... склонны считать его не пристанищем на ночь в пустыне, а землей обетованной, целью человеческих стремлений»⁶¹⁶.

На первых порах молодое американское государство, состоящее из иммигрантов, сделало ставку на систему образования, целью которой стало воспитание американцев; школы специально покупали флаг США, на котором ученики давали клятву верности государству. (Неслучайно в середине XX в. неомарксисты начнут «тихую революцию» именно с системы образования.) По поводу европейских волн иммиграции президент США (1825 – 1829) Дж.К. Адамс поучительно отмечал, что приезжие должны сбросить европейские одежды и «никогда больше к ним не притрагиваться»⁶¹⁷.

Как отмечалось, с развитием капитализма строительным материалом, объединяющим мигрантов Соёдинённых Штатов (равно как и Канады), становится городская культура развлечений, названная «массовой культурой». Однако вопрос этнической принадлежности по-прежнему оставался краеугольным

⁶¹⁶ *Toynbee A. A Study of History.* – N. Y.: Oxford University Press, 1948. P. 17–18. Цит. по: *Хантингтон С. Столкновение цивилизаций.* – М.: АСТ, 2003. С. 576.

⁶¹⁷ *Taylor S. The Challenge of Multiculturalism In How Americans View the Past and the Future.* URL: http://www.ihr.org/jhr/v12/v12p159_Taylor.html.

камнем в построении общественных отношений и формировании американской культурной идентичности. С годами он становился всё более острым и противоречивым: политическая нестабильность Старого Света, вызвавшая массовую иммиграцию из стран Южной и Восточной Европы в 1880-х гг., захлестнувшая Америку, достигла своего пика в 1914 г., вынудив Конгресс установить (в 1921 г.) «потолок» в 150 тыс. иммигрантов ежегодно.

На рубеже XIX – XX вв. волна расового и антииммигрантского насилия стимулирует возникновение концепции плавильного котла (плавильного тигля), превратившейся позже в стержень культурной политики США⁶¹⁸. Несмотря на то что впервые идея была выдвинута ещё в 1780-х гг. Эктором Сент-Джоном де Кревекером, констатирующим, что «представители всех народов словно сплавляются в новую расу», на современные очертания теории повлиял показ в 1908 г. пьесы «Плавильный котел» (The melting pot), написанной британским евреем Израелем Зангвилем⁶¹⁹.

Плавильный котел явился наиболее неоднозначным символом американского общества из всех, которые когда-либо существовали. С одной стороны, он указывает на основную особенность современной американской культуры – её внутреннее разнообразие и многоликость, что можно сказать и об американском обществе в целом. А с другой – этот термин воплощает в себе направляющее течение в истории формирования мультикультурного социума США, отрыв от этнических корней и погружение в огромный унифицирующий мультинациональный плавильный котел.

В 1915 г. Х. Коллэн разрабатывает концепцию сала-та, которую впоследствии именуется теорией «культурного плюрализма»⁶²⁰. Согласно теории общественные группы объединяются происхождением, а не культурой. В настоящее время среди ученых всё больше распространяется мнение, со-

⁶¹⁸ Разумеется, всё происходило не так быстро, и, как известно, свои полноценные плоды эта политика начала приносить лишь в последней четверти XX в.

⁶¹⁹ Хантингтон С. Кто мы? – М.: АСТ, 2004. С. 204–205.

⁶²⁰ Там же.

гласно которому современное американское общество и, соответственно, его культура представляют собой скорее салат, нежели плавильный котел. Это иллюстрация того, что различные культуры Америки не плавятся, превращаясь в единую унифицированную гомогенную культуру, а вступают в кросс-культурный диалог, сохраняют свои историко-культурные особенности, не синтезируясь друг с другом.

Существует и другая модель американской идентичности – «томатный суп», фокусирующаяся на культурной ассимиляции и «основанная на допущении, что иммигранты и их потомки адекватно адаптируются к англо-саксонским культурным паттернам»⁶²¹. Более точная, нежели остальные модели, она прекрасно работала с волнами иммиграции до 1960-х гг.

Эти концепции, как и многие другие, стали порождением своего времени и были призваны обслужить определенную политическую доктрину, после чего спрос на них снижался. Несмотря на адаптацию и ассимиляцию с доминирующей ценностной парадигмой, историко-культурные традиции внутри этнических сообществ сохранялись настолько тщательно, что «пришлые» культуры не могли раствориться до конца, становясь своеобразными очагами культурного наследия народов.

На протяжении XIX – XX вв. национальные государства были вынуждены отвечать на серьезные социально-экономические и политические вызовы, масштаб которых возрастал благодаря всеобъемлющей взаимозависимости. Для сравнения: если «рост индустриализации XIX в. поставил вопрос об интеграции городского рабочего класса в институциональные рамки западного общества»⁶²², подложив под национальное государство «бомбу замедленного действия», то распад мировой колониальной системы в середине XX в., усиливший миграционные потоки по системе «центр-периферия», привёл весь «взрывной механизм» в действие. Угроза публичной

⁶²¹ Хантингтон С. Кто мы? – М.: АСТ, 2004. С. 206

⁶²² Tiryakian E. Assessing Multiculturalism Theoretically: E Pluribus Unum, Sic et Non // Multiculturalism and Political Integration in Modern Nation-States // International Journal on Multicultural Societies (IJMS) Vol. 5, No. 1, 2003. P. 21.

сфере США и Западной Европы последовала на этот раз «не из внутреннего промышленного сектора, а из периферийной культурной среды», ставшей в своем роде «подарком колониальной эпохи»⁶²³. Происходило масштабное наступление на национальные культуры государств, которые, к примеру в СССР (после смерти И. Сталина), оставались неизменными только в деревнях⁶²⁴.

В этой связи мультикультурализм, будучи системой представлений, ориентированной на развитие и сохранение в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных различий и признающей права за коллективными субъектами – этническими и культурными группами – явился «важнейшим вызовом для культурной гегемонии национального государства»⁶²⁵, выводящим из игры буржуазные принципы политического либерализма.

Мультикультурализм можно считать социокультурной парадигмой глобализации, идеологией, сформированной после Второй мировой войны «новыми левыми» как реакция на европейский нацизм и фашизм. Будучи продуктом теоретиков неомарксизма из Франкфуртской школы⁶²⁶, произведенным

⁶²³ *Tiryakian E.* Assessing Multiculturalism Theoretically: E Pluribus Unum, Sic et Non // Multiculturalism and Political Integration in Modern Nation-States // International Journal on Multicultural Societies (IJMS) Vol. 5, No. 1, 2003. P. 22.

⁶²⁴ *Ibid.* P. 23.

⁶²⁵ *Ibid.* P. 21.

⁶²⁶ Школа в немецкой философии и социологии. Возникла в начале 30-х гг. XX в. В философско-социологической «критической теории общества» почерпнутый у К. Маркса критический подход к буржуазной культуре сочетается с идеями гегелевской диалектики и психоанализа Фрейда. Франкфуртская школа оказала значительное влияние на развитие социально-философской мысли в США и Германии. В начале 1970-х гг. она прекратила свое существование. Основные представители: Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм, М. Хоркхаймер. (*Хоруженко К.М.* Культурология: Энциклопедический словарь. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 519.)

«под заказ» атлантических элит и спущенным к массам решением сверху, мультикультурализм стал «другой крайностью фашизма». Схожую точку зрения разделяют американские исследователи из Института им. Айн Ренд М. Берлинер и Г. Халл, утверждающие, что «сторонники "разнообразия" и "мультикультурализма" видят мир через цветные линзы и разделяют людей по признаку расы и пола, претворяя в жизнь принципы подлинного расизма»⁶²⁷. Учёные констатируют: «раса для мультикультурализма – детерминанта мышления и человеческой идентичности в целом», «возводящая непреодолимую пропасть между людьми, якобы не имеющими ничего общего, кроме кровных уз»⁶²⁸. В этой связи опыт Канады, официально взявшей с октября 1971 г. мультикультурализм на вооружение для преодоления противоречий англо-французского бикультурализма, явный тому пример.

Несмотря на то что «идеология мультикультурализма не нашла себе общепризнанного выражения в форме, скажем, манифеста или программы, тем не менее она объективно существует – как своего рода цепочка сигнальных огней или опознавательных знаков, выход за пределы которых строго воспрещен». Понятие «мультикультурализм» вводит в заблуждение: «можно подумать, что дело касается какого-то направления в научных исследованиях (так, кстати, и трактуют его некоторые наши ученые комментаторы)». В действительности же «мультикультурализм — это именно идеология, "слив" из сообщающихся сосудов современного неомарксизма»⁶²⁹. Терминами «мультикультурализм» и «мультикультурный» иногда обозначают культурную, языковую и конфессиональную мозаичность населения страны или региона, иными словами, культурное многообразие населения. Однако более удобным представляется термин «культурное многообразие» или «куль-

⁶²⁷ *Berliner M., Hull G. Diversity and Multiculturalism: The New Racism // Ayn Rand Institute. URL: http://www.aynrand.org/site/PageServer?pagename=objectivism_diversity.*

⁶²⁸ Ibid.

⁶²⁹ *Каграманов Ю. Куда ведёт Америку «тихая революция». URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2009/6/ka11.html.*

турная мозаичность», в то время как понятие «мультикультурализм» обозначает политику государства, направленную на поддержку и правовое обеспечение такого многообразия, а также философско-идеологическое и теоретическое обоснование такой политики⁶³⁰. Некоторые исследователи используют мультикультурализм в качестве «общего термина, характеризующего морально-политические требования и особенности уязвимых групп населения, в том числе афроамериканцев, феминисток, сексуальных меньшинств и инвалидов», большинство теоретиков резонно «связывают понятие с волнами иммиграции различных этнических и религиозных групп»⁶³¹.

Фактором, стимулирующим современную миграцию и, как следствие, реализацию политики мультикультурализма, становится усиливающаяся социально-экономическое неравенство между Севером и Югом, что сопровождается «повышением прозрачности государственных границ и глобальной демократизацией». По мнению неомарксистов, это обстоятельство усиливает «требование всех эксплуатируемых "золотым миллиардом" народов радикально изменить систему общемирового распределения», превращаясь в «важнейший источник мировых потрясений»⁶³². Принимая во внимание, что «международные миграции рабочей силы были характерной чертой капиталистической мирэкономике на протяжении всех 500 лет её существования», неомарксисты констатируют: «условия существования капитализма серьезно изменились, и вместе с ними изменились параметры и особенности миграционных процессов». Во-первых, «новые средства коммуника-

⁶³⁰ *Соколовский С.В.* К критике политики мультикультурализма. URL: http://heritage-institute.ru/images/6/6d/EM14_p47-60.pdf.

⁶³¹ Multiculturalism // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/multiculturalism/>.

⁶³² *Валлерстайн И.* Социальная наука и коммунистическая интерлюдия, или К объяснению истории современности // Полис. 1997. № 2. С. 12. Цит. по: *Чесноков А.С.* Миграционная проблематика в современных парадигмах международных отношений: неореализм, неолиберализм и неомарксизм. URL: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0061\(04_06-2008\)&xsln=showArticle.xslt&id=a15&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0061(04_06-2008)&xsln=showArticle.xslt&id=a15&doc=../content.jsp).

ций, в том числе информационных и транспортных, серьезным образом упростили процесс миграции». Во-вторых, «глобальная экономическая и демографическая поляризация создает ранее невиданное давление, выталкивающее массы людей с Юга в миграционные потоки, движущиеся в разные регионы Севера»⁶³³.

Указывая на односторонность учения К. Маркса, неомарксисты заявляли, что нельзя рассматривать экономические отношения в отрыве от существующих в обществе отношений и связей, объединяемых термином «культура». Отсюда проистекал вывод: освобождение пролетариата немислимо без разрушения культуры, квалифицированной ими как «буржуазная», необходимо «разрушить господство человека над самим собой»⁶³⁴.

Эта проблематика нашла довольно органичное и целостное выражение в понятии мультикультурализма или мультикультурного проекта, затронувшего самые различные сферы общественной жизни и ее осмысления – от политики и социологии до литературы и искусства. Мультикультурализм явился одним из всеобъемлющих факторов или атрибутов современной культуры США, определить который однозначно, как, впрочем, и понятие мультикультуры — его предмет и, в определенной мере, идеал, достаточно сложно. Это и социокультурная утопия, и академическая мода, и художественная практика, и отражение новой формирующейся (пост)национальной идеологии. В сферу интересов мультикультурализма в самых различных его проявлениях попадает прежде всего проблема единства и разнообразия, взаимоотношения «я» и «другого» или «других», как и шире — субъектно-объектная проблематика, вопросы релевантности познания, истины, полемика по по-

⁶³³ Валлерстайн П. Социальная наука и коммунистическая интерлюдия, или К объяснению истории современности // Полис. 1997. № 2. С. 12. Цит. по: Чесноков А.С. Миграционная проблематика в современных парадигмах международных отношений: неореализм, неолиберализм и неомарксизм. URL: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0061\(04_06-2008\)&xsln=showArticle.xslt&id=a15&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0061(04_06-2008)&xsln=showArticle.xslt&id=a15&doc=../content.jsp).

⁶³⁴ Там же.

воду релятивизма и универсализма, политика и структура власти, наконец, проблемы репрезентации и идентификации⁶³⁵.

Для того чтобы четко представлять аргументы сторонников искусственного конструирования мультикультурного социума как продукта политических решений, проводимых в том числе по каналам Франкфуртской школы, целесообразно обратиться к феномену культурных войн между консерваторами-традиционалистами и неомарксистами. Так, П.Дж. Бьюкенен⁶³⁶ в книге «Смерть Запада» обрушивается на «новых левых» всей мощью своей критики, основанной как на объективных научных оценках духовно-нравственных, социально-политических, этноконфессиональных аспектов жизни современного американского общества, так и на производных отсюда субъективных выводах. Бьюкенен, в частности, пишет: «Новые марксисты рассчитывали добиться своего не прибегая к насилию, через десятилетия кропотливого труда. Победа станет возможной, лишь когда в душе западного человека не останется и малой толики христианства. А это произойдет, лишь когда новый марксизм завладеет всеми средствами массовой информации и общественными институтами. При содействии Колумбийского университета беглецы (Т. Адорно, Э. Фромм, В. Райх, Г. Маркузе, бежавшие из Европы с приходом к власти в Германии Гитлера – прим. авт.) обосновались в Нью-Йорке и стали прилагать свои таланты и силы к подрыву культуры страны, которая дала им приют»⁶³⁷.

Американский политик подвергает «обструкции» теорию франкфуртцев, критиковавшую все без исключения элементы

⁶³⁵ Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. URL: <http://www.dissercat.com/content/problema-multikulturalizma-i-literatura-ssha-kontsa-xx-veka>.

⁶³⁶ В 1974 г. — советник президента Дж. Форда. В 1985 – 1987 гг. – руководитель отдела по связям с общественностью в администрации президента Р. Рейгана. Теле- и радиоведущий, журналист, писатель. С 1983 г. является президентом фонда «Американское дело». Баллотировался в кандидаты в президенты США в 1992 и 1996 гг. от Республиканской партии и в президенты в 2000 г. от Реформистской партии.

⁶³⁷ Бьюкенен П. Смерть Запада. – М.: АСТ, 2004. С. 115–116.

западной культуры, породившую, на его взгляд, «культурный пессимизм», безнадежность и отчаяние по отношению к собственной стране. Кроме того, подчеркивается искусственная «криминализация» среднего класса, а также института семьи и других традиционных ценностей: «Обнаружив зародыш фашизма в патриархальной семье, Адорно отыскал и место обитания этого зародыша – традиционную культуру»; «ещё одним достижением Хоркхаймера и Адорно – поясняет Бьюкенен – был тезис о том, что дорога к культурной гегемонии лежит через психологическую обработку, а не через философский диспут. Американских детей следует приучать в школе к мысли, что их родители – расисты, шовинисты и гомофобы и что им необходима новая мораль. Сама Франкфуртская школа остается почти неизвестной большинству американцев, однако ее идеи широко распространялись по педагогическим колледжам в 1940-х и 1950-х гг.»⁶³⁸. Один из основных постулатов школы заключается, по информации П. Бьюкенена, в важности того, усвоят ли дети «правильное» отношение к жизни, а не того, какими знаниями они овладеют.

Цитируя У. Линда – директора Центра культурного консерватизма при фонде «Свободный конгресс» – в контексте влияния массовой культуры и СМИ как инструмента культурно-информационной политики и «мягкой силы» на молодое поколение американцев, Бьюкенен пишет: «Индустрия развлечений полностью поглотила идеологию марксистской культуры и проповедует ее не только впрямую, но и иносказаниями: сильные женщины побеждают слабых мужчин, дети оказываются мудрее родителей, честные прихожане разоблачают вороватых священников, черные аристократы справляются с насилием в районах белой бедноты, гомосексуалистов принимают в лучших домах... Это все сказки, извращения реальности, однако масс-медиа делают из сказок быль, превращают их в реальность более явную, нежели мир за окном»⁶³⁹.

Мысли П. Бьюкенена и других американских консерваторов, похожие скорее на крик души отчаявшегося человека,

⁶³⁸ Бьюкенен П. Смерть Запада. – М.: АСТ, 2004. С. 120.

⁶³⁹ Там же. С. 122.

или война, стоящего посреди поля брани в стане, значительно уступающем по численности и вооружению войску противника, представляют особую ценность и интерес в контексте рассмотрения американской поп-культуры как действенного инструмента «мягкой силы» внутри и вовне государства, а также при анализе СМИ в качестве инструмента управления массовым сознанием.

На этот счёт, развивая критику Франкфуртской школы, Бьюкенен отмечает: «СМИ Америки превратились в осадные орудия в войне культур и в самое надежное средство оболванивания молодых... В прошлом общественные устои подрывались словами и книгами, но Маркузе был уверен, что секс и наркотики – оружие куда более действенное. В книге "Эрос и цивилизация" он выдвинул знаменитый принцип удовольствия: "Занимайся любовью, а не войной"... Для новых марксистов не было цели важнее, чем уничтожение института семьи, которую они рассматривали как типичный пример диктатуры и как инкубатор шовинизма и социальной несправедливости»⁶⁴⁰. В результате, по информации Бьюкенена, в современных США традиционные семьи составляют не более четверти от общего числа проживающих вместе людей.

Изложенное становится ещё более понятным с учетом общедоступной информации о специфике работы существовавшего механизма реализации решений клубных объединений мировой элиты (например, Бильдербергского клуб) через «подведомственные» исследовательские учреждения – Тавистокский институт, Стэнфордский исследовательский институт и широкий спектр прочих исследовательских организаций в сфере социальной инженерии и прикладной социальной психиатрии. Многие из таких «фабрик мысли» были академическими оплотами неомарксистов, результатом деятельности которых (в том числе по Бьюкенену) является социокультурная картина сегодняшней Америки (итоги сексуальной революции, изобретения и стремительного роста использования средств контрацепции с середины 1960-х гг., деградации морали отношений между полами, разрешения и стремительного роста числа аборт, культивации феминизма и политкорректности, возведенной в ипостась неприкосновенной ценности и т.д.).

⁶⁴⁰ Бьюкенен П. Смерть Запада. – М.: АСТ, 2004. С. 123.

При этом в современных США наряду с неизменным официальным идеологическим вектором универсализации своей культурной идентичности и отождествления с «американской нацией» – надэтнической гражданской категорией – все более проявляется тенденция к консервации, самоизоляции и замыканию внутри этнических сообществ. Приоритетом становится диаспоральность и этничность, нежели наднациональные мировоззренческие категории и политические установки. Стремление к сохранению уникальных традиций, социокультурных и этноконфессиональных особенностей народов, а также государственного суверенитета рождается как естественная реакция общества на многоуровневую унификацию, искусственное размывание границ и замену государственно (национально) ориентированной модели социально-экономического развития на суррогатную идеологию универсализма.

Наряду с неомарксистами большое влияние на современную теорию мультикультурализма оказала либеральная концепция Чарльза Тейлора. В известном эссе «Политика признания» канадский политический философ делает попытку реконструкции европейской субъектности, предлагая новую философскую трактовку субъекта и межсубъектных отношений. При этом «он исходит из представлений об основах справедливого устройства современного общества, разделяемых многими другими современными авторами», которое должно «обеспечивать нормальное развертывание тех моральных и психологических процессов, посредством которых человек обретает уверенность в своих силах, самоуважение и ощущение собственной ценности и социальной необходимости»⁶⁴¹.

Тейлор первым заговорил о политике признания, понимая под этим не только «официальное признание существования того или иного меньшинства в рамках государства, но и признание прав этого меньшинства, влекущее справедливое и равноправное его включение в социальную, культурную и политическую жизнь страны, т.е. полноценное гражданство». С его точки зрения, «потребность в признании жизненно

⁶⁴¹ Taylor C. The Politics of Recognition // Amy Gutmann (ed.) Multiculturalism and «The Politics of Recognition». – N.J.: Princeton University Press, 1992. P. 75–106.

необходима, поскольку представляет собой один из аспектов развития современного субъекта, включающий не только требования равенства, но и гарантии самовыражения». Лишь «взаимное уважение групп субъектов дает основу их моральным требованиям взаимного признания прав друг друга на культурную самобытность». Иными словами, «требования равенства предшествуют и являются основой обеспечения права на свободу культурного самовыражения»⁶⁴².

Применительно к европейскому мультикультурализму Тейлор считает, что «интегрировать вновь прибывших и бороться с дискриминацией можно только в том случае, если общество принимающей страны убеждено, что приток иммигрантов - это благо, если население приветствует большее культурное разнообразие, поскольку считает, что оно способствует более динамичному развитию и раскрытию творческого потенциала». Таким образом, по Тейлору, возникает то, что может быть названо «идеологией мультикультурализма», «представление о том, что наше общество способно приветствовать и интегрировать различия». В качестве примера именитый автор приводит Канаду, где такого рода идеология очень сильна⁶⁴³.

Известный американский социолог и филантроп Стивен Рокфеллер⁶⁴⁴, специализирующийся на проблемах образования и планирования семьи, восхваляет идеи Тейлора, подчёркивая, что мультикультурализм и «политика признания» могут привести человечество к свободе, равенству и демократии⁶⁴⁵. Научные изыскания канадского философа позволили

⁶⁴² *Taylor C.* The Politics of Recognition // Amy Gutmann (ed.) Multiculturalism and «The Politics of Recognition». – N.J.: Princeton University Press, 1992. P. 75–106.

⁶⁴³ Выступление канадского философа Ч. Тейлора на Мировом политическом форуме в Ярославле (10 сентября 2010 г.). URL: <http://2010.gpf-yaroslavl.ru/viewpoint/CHarl-z-Tejlor-Zaschischaya-mul-tikul-turalizm>.

⁶⁴⁴ Представитель четвёртого поколения семьи Рокфеллеров. Сын бывшего вице-президента США Нельсона Рокфеллера. Попечитель Азиатского культурного совета и Фонда братьев Рокфеллеров.

⁶⁴⁵ *Gutmann A.* Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition. – N.J.: Princeton University Press, 1994. P. 87.

потомку влиятельной фамилии глобализировать постулаты культурного многообразия, придав им форму закона. Создав совместно с бывшим главой СССР М. Горбачёвым и М. Стронгом (председатель и основатель Совета Земли) Хартию Земли – *международную декларацию основополагающих принципов и ценностей для создания устойчивого и мирного глобального общества в XXI в.* – С. Рокфеллер провозглашает мультикультурализм основной моделью существования будущих поколений.

Хартия Земли была преподнесена как результат длительного (десятилетнего) всемирного диалога между представителями разнообразных культур, вероисповеданий и идеологий по поводу объединяющих все человечество общих целей и моральных ценностей. Возникшая изначально как проект ООН, хартия продвигалась под эгидой глобальной гражданской инициативы, что позволило ей получить официальное признание и поддержку более 4800 организаций во всем мире, в том числе национальных правительств и таких солидных международных организаций, как ЮНЕСКО и Всемирный союз охраны природы (IUCN). Правоведы признают, что Хартия Земли – международный «мягкий закон», который, как это имело место со Всеобщей декларацией прав человека, сначала приобретает морально-нравственный статус, юридически не обязывая страны ООН им подчиняться, а затем, получая все большую политическую поддержку, признаётся в качестве «жесткого» международного закона, соблюдаемого всеми.

В преамбуле документа, принятого в марте 2000 г.⁶⁴⁶ на собрании Комиссии Хартии Земли в штабе ЮНЕСКО в Париже, было зафиксировано, что «при огромном разнообразии культур и форм жизни мы являемся одной семьёй и единым мировым сообществом с общей судьбой» и «должны объединиться и создать устойчивое глобальное общество, основанное на уважении к природе, правам человека, экономической справедливости и культуре мира». Для поддержки мультикультурализма в глобальных масштабах в 16 принципов Хартии Земли

⁶⁴⁶ Провозглашение хартии произошло 29 июня 2000 г. во Дворце мира в Гааге, где присутствовала Королева Беатрикс.

вошли «культура толерантности» и «особое внимание к правам коренных народов и различных меньшинств»⁶⁴⁷.

Руководящий орган – Совет Земли (функционирует на базе ООН с 1992 г.), претворяющий в жизнь управленческие решения через Международную комиссию Хартии Земли, созданную в 1997 г. при поддержке Международного Зелёного Креста (экологической организации, обязанной своему появлению в 1993 г. М. Горбачёву). Среди известных имён, участвующих в работе Совета Земли, значатся: Дж. Картер, бывший президент США; Р. Макнамара, бывший министр обороны США; К. Шваб, президент Всемирного экономического форума в Давосе; Р. Любберс, бывший премьер-министр Нидерландов; С. Ганди, лидер Индийского национального конгресса; С. Эрнандес, бывший председатель Межпарламентского форума обеих Америк; а также В. Котляков, директор Института географии РАН⁶⁴⁸.

Пропаганда идеологии мультикультурализма осуществляется Советом Земли через многообразную глобальную сеть, названную «Инициативой Хартии Земли». Инициатива – массовое движение глобального гражданского общества. Среди его участников – ведущие международные учреждения и организации, национальные правительства и их учреждения, университетские ассоциации, неправительственные организации (международные и национальные) и местные общины, муниципалитеты, разнообразные конфессиональные группы, школы, культурные организации, представители частного бизнеса, ученые, равно как и тысячи частных лиц⁶⁴⁹.

Последние десятилетия XX в. в США были отмечены очередным всплеском «культурных войн», в центре которых стояли такие понятия, как национальный канон и традиция, проблема соотношения единства/разнообразия/различия в американской культуре, «революция идентичностей», нако-

⁶⁴⁷ Международная Хартия Земли // Международный совет инициативы Хартии Земли: Пособие, 2008. С. 5.

⁶⁴⁸ Earth Council. URL: <http://www.earthcouncilalliance.org/history.html>.

⁶⁴⁹ Международная Хартия Земли // Международный совет инициативы Хартии Земли. Пособие, 2008. С. 6.

нец, мультикультура, или культурная многосоставность, что легли в основу понятия «общества и культуры разнообразия» – социокультурного комплекса, посредством которого Америка представляет себя в последние десятилетия, т.е. модели, в очередной раз выводящей на первый план центробежные и гетерогенные тенденции в развитии национальной культуры⁶⁵⁰.

Причём подобная ситуация складывается не только в Новом Свете: для большинства государств культурное многообразие становится нормой. Феномен заключается в повсеместном росте торговли, туризма, международного диалога ученых и деятелей искусств, мобильности квалифицированных специалистов и миграции, приводящей к тому, что в большинстве стран проживает значительное число людей, принадлежащих к другим культурам⁶⁵¹. Практически «везде можно встретить представителей хотя бы одного культурного меньшинства – иностранных туристов и бизнесменов». Многие «страны можно назвать многообразными в культурном плане уже потому, что они открыты внешнему миру – представители любых народов могут туда свободно приезжать, уезжать, а иногда и оставаться»⁶⁵².

В этой связи мультикультурализм явился своего рода данью, которую богатые страны выплачивают бедным. Однако если для Соединённых Штатов и Канады высокие иммигрантские потоки – историческая форма существования, то для европейских стран – неминуемый крах национального государства, вызванный тем, что численность государствообразующих народов постепенно размывается. Так, английский политолог и член элитарного Королевского института международных дел Дж. Линдли-Френч с сожалением пишет о «великой иммиграционной катастрофе» в Британии, где гипериммиграция, приближающая население страны к 70-миллионному рубежу,

⁶⁵⁰ Глостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. URL: <http://www.dissercat.com/content/problema-multikulturalizma-i-literatura-ssha-kontsa-xx-veka>.

⁶⁵¹ Кукутас Ч. Теоретические основы мультикультурализма. URL: <http://inliberty.ru/library/study/327/>.

⁶⁵² Там же.

«представляет реальную угрозу для английского общества, культуры и социальной инфраструктуры»⁶⁵³. Причём проблема анализируется с точки зрения суверенитета Туманного Альбиона: «Приверженность британского истеблишмента идее культурного многообразия приводит к умножению числа граждан Великобритании, преданных интересам других стран»⁶⁵⁴.

Вызовы, связанные с иммиграцией, не новая тема и для Германии. Десятилетиями немцы – и родившиеся в Германии, и вернувшиеся на свою исконную родину из-за рубежа – придерживаются мифа, что гастарбайтеры – рабочие-иммигранты, приехавшие в страну в 1960-е и 1970-е гг. и помогавшие сотворить «экономическое чудо», не собираются оставаться здесь навсегда. Не удивительно, что многие из тех, кто остался, не смогли успешно интегрироваться в немецкое общество. В течение нескольких десятилетий немцы испытывали нарастающую озабоченность из-за проблем с иммиграцией. Вместе с тем они редко высказывали вслух свои тревоги⁶⁵⁵.

Современный протест немецкого истеблишмента выражен в книге Тило Сарацина⁶⁵⁶ «Германия – самоликвидация», ставшей в ФРГ бестселлером. Автор утверждает, что «иммигранты уничтожают Германию». С точки зрения Сарацина, «большая часть арабских и турецких мигрантов не только не желают, но и не могут интегрироваться в немецкую культуру, и, чтобы избежать ускоренной гибели нации, государству необходимо принять срочные меры, начав с радикальной перестройки системы соцобеспечения»⁶⁵⁷.

2011 г. красноречиво ознаменовал новый этап в подходах европейских стран к построению мультикультурной соци-

⁶⁵³ *Линдли-Френч Дж.* Великая иммиграционная катастрофа. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Velikaya-immigracjonnaya-katastrofa-15368>.

⁶⁵⁴ Там же.

⁶⁵⁵ *Якоби Т.* Иммиграционная дилемма Германии. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Immigracjonnaya-dilemma-Germanii-15356>.

⁶⁵⁶ Бывший член совета директоров Немецких железных дорог, министр финансов Берлина и член совета директоров Бундесбанка.

⁶⁵⁷ Там же.

альной среды. Канцлер ФРГ А. Меркель, президент Франции Н. Саркози, бывший премьер-министр Испании Х.М. Аснар, премьер-министр Великобритании Д. Камерон и вице-премьер Нидерландов М. Верхаген в унисон признали крах политики мультикультурализма в своих странах. Озабоченные «пассивной толерантностью», руководители ЕС призывают воскресить «мускулы либерализма»⁶⁵⁸. Складывается впечатление, будто мультикультурализм терпит поражение на всём европейском континенте, охватывая даже бывшее владение Британской империи – Австралию, где аналогичные заявления превратились в норму.

По мнению бывшего постоянного представителя России при НАТО, ныне заместителя председателя Правительства России Д.О. Рогозина, «крах европейского мультикультурализма был предсказан ещё десятилетие назад», «причем не только критиками справа – консерваторами и националистами, но и такими рафинированными либералами, как Сейла Бенхабиб»⁶⁵⁹. В работах «она настойчиво и убедительно доказывала, что предоставление привилегий этническим и расовым группам противоречит либеральным основам западной демократии и несовместимо с фундаментальными представлениями о свободе и равенстве». Таким образом, «опасность повторения "римского сценария" – падения античного Рима под натиском варварских орд – выглядит уже не интеллектуальной провокацией, а реалистичной оценкой ситуации, складывающейся в Западной Европе»⁶⁶⁰.

⁶⁵⁸ *Neuding P.* The Cultural Contradictions of Multiculturalism. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/neuding1/English>.

⁶⁵⁹ Профессор политологии и философии в Йельском университете и директор программы по этике, политике и экономике. Известный современный философ. Ранее преподавала на кафедрах философии в Бостонском университете, университете штата Нью-Йорк в Стоуни-Брук, Новой школе социологических исследований и на кафедре управления в Гарвардском университете.

⁶⁶⁰ Выступление постпреда России при НАТО Д.О. Рогозина на Ярославском политическом форуме – 2011. URL: <http://www.kro.su/kronews.php?id=91>.

Предполагалось, что новая европейская культура полностью отрешится от консерватизма, национализма и христианской религиозности – и станет удобной «толерантной» средой для снятия старых конфликтов и адаптации вновь прибывающих иммигрантов из стран Юга к «свободному миру». Произошло обратное: радикально ослабленная автохтонная культура Европы ничем не привлекала иммигрантов. Массово переезжая в Старый Свет, они сохраняли свою самобытность и обособлялись от «безликих европейцев»⁶⁶¹.

Нынешние противоречия в Европе связаны с чрезмерной ослабленностью Старого Света, утратившего потенциал социокультурной сопротивляемости собственноручно взрожденной проблеме – поощрения иммиграционных потоков пассионарных представителей культуры Юга. Следствием умалчивания проблемы и отсутствия конкретных шагов по решению задачи стало стремительное политическое «правение» Европы. Основной мотив этого процесса связан с тем, что «толерантность и мультикультурализм в европейском исполнении работают не на интеграцию иностранцев или, тем более, их ассимиляцию (как в прошлые века), а на сегрегацию и создание "пятой колонны" Юга»⁶⁶². Подобная политическая линия необратимо изменяет демографическую и этноконфессиональную картину большей части стран региона.

Вместе с тем нельзя игнорировать культивируемые в среде иммигрантов контркультурные протестные настроения, высокую криминогенность и социальную опасность для коренного населения, исходящую от этнических анклавов внутри европейских городов. Отдельный блок вопросов, порождающий противоречия, – динамичное возведение мечетей в традиционно христианских странах Европы вплоть до выкупа объектов недвижимости и оснащения их под нужды прихожан исламского вероисповедания, полемика вокруг законов о запрете ношения паранджи и т.д.

⁶⁶¹ Выступление постпреда России при НАТО Д.О. Рогозина на Ярославском политическом форуме – 2011. URL: <http://www.kro.su/kronews.php?id=91>.

⁶⁶² Там же.

В результате возникает беспрецедентный доселе феномен – «националистический Интернационал», объединённый общим противостоянием глобальному управляющему классу и стремлением к сохранению естественного образа жизни, благосостояния и культурного потенциала своих народов⁶⁶³. Об этом свидетельствует возрастание поддержки гражданами европейских государств правых патриотических партий, в программах которых содержится антииммигрантская риторика и стратегия действий в поддержку аутентичных европейских культур, а также защита прав и безопасности европейцев.

Таким образом, есть основания рассматривать динамику происходящих в Европе и Северной Америке социокультурных процессов не в последнюю очередь как результат официальных политических решений по привлечению дешёвой рабочей силы и «освежения крови» экономического организма государств за счет миграционных потоков, с одной стороны, а с другой – как продукт политических проектов – социальных экспериментов по искусственному формированию мультикультурной общности народов с идеологической наднациональной доминантой.

Одна из основных причин краха политики мультикультурализма в Европе и неизбежно нарастающего кризиса в США (согласно реальной картине межэтнические противоречия в Америке не исчезали, а сегодня только нарастают) – противоречивость попыток искусственного смешения культур там, где отравные исторические, социокультурные, хозяйственно-экономические, ментальные и прочие различия делают перспективу реализации таких проектов нереалистичной. Особенно в том случае, когда основная нагрузка по содержанию вновь прибывающих пополнений в семьи мигрантов (живущих на социальные пособия) ложится на плечи налогоплательщиков из числа коренного населения. Это приводит к постепенному ослаблению прав национального большинства по отношению к меньшинству и фактическому лишению правовых и политических инструментов противодействия экспансии.

⁶⁶³ *Делягин М.* Мировой кризис и Россия в нём. URL: <http://forum-msk.org/material/video/6061576.html?pf=2>.

Со временем упадок государствообразующих народов, ставший возможным благодаря аппликации идеологии мультикультурализма, будет форсировать «децентрализацию государств». В Евросоюзе «эта тенденция явно прослеживается на территории Бельгии (Фландрия и Валлония), Франции (Корсика), Испании (Каталония и Баскония) и Британии (Шотландия и Северная Ирландия)»⁶⁶⁴.

Применительно к России правомерно отметить, что мы обладаем уникальным и эффективным многовековым опытом построения мультикультурной общности народов, превосходящим американскую и европейскую модели. Наша история может служить наглядным примером для формирования многонациональных социумов будущего. Вместе с тем необходимо признать наличие других специфических внутренних сложностей и крупных проблем, связанных с выстраиванием национальной политики в России на современном этапе.

⁶⁶⁴ *Rex J., Singh G. Multiculturalism and Political Integration in Modern Nation-States: Thematic Introduction // International Journal on Multicultural Societies (IJMS), Vol. 5, No. 1, 2003: P. 11 – 13.*

ГЛАВА IV

ФАКТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СССР/РОССИИ И ЕГО РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

4.1. «Мягкая сила» как инструмент реализации внешнеполитических интересов СССР

В заключительной главе монографии представляется целесообразным обратить внимание на практическую значимость изучаемого американского феномена с точки зрения его перспективного применения для обеспечения национальной безопасности и реализации внешней политики России. При этом важно отметить, что корни существующей системы координат в плане культивации невоенных форм воздействия кроются в истории российско(советско)-американских отношений.

На этом фоне вновь нельзя обойти стороной исторический факт длительного доминирования СССР в сфере «мягкой силы» во времена «холодной войны» (до конца 1970-х – начала 1980-х гг.), особенно в части идеологической пропаганды, а также формирования дружественных политических элит зарубежных государств путем предоставления иностранным гражданам высшего образования в Советском Союзе. Как полагают американские исследователи, анализ культурного экспорта США в конце 1950–1960-х гг. подтверждает мнение, согласно которому пропагандистские шаги правительства Соединённых Штатов на информационном фронте и программы культурных обменов представляли собой робкую реакцию на советскую идеологическую атаку.

По этому поводу в 1958 г. журналист Питер Грот писал: «Америка является страной с наиболее развитой индустрией рекламы, но когда дело касается наиважнейшей рекламной кампании – рекламы самих себя и демократического образа

жизни, мы заметно отстаем от коммунистов»⁶⁶⁵. П. Грот обвинял американских политиков в том, что после завершения Второй мировой войны с их стороны не было предпринято каких-либо заметных шагов в сторону учреждения программ по культурным контактам с другими государствами. Причиной тому, считал журналист, было невежество президента, Конгресса и американского общества в целом.

Для комплексного понимания текущей ситуации, путей формирования системы методов и средств комплектования отечественных арсеналов «мягкой силы» необходимо провести исторический анализ причин, предпосылок и контекста наращивания потенциалов культурно-коммуникационного воздействия СССР на внешний мир.

В XX столетии борьба великих держав за лидерство в мировой политике приобрела многоплановый характер. К политической и экономической сферам отношений прибавилась культура, распространяемая через каналы массовых коммуникаций. Советский Союз и Соединённые Штаты, сконцентрировав в своих руках планетарную власть, выстраивали с помощью «мягкой силы» собственную реальность. Движущей силой экспансии двух сверхдержав, по мнению политолога из Оксфордского университета Н. Гоулд-Дэвиса, становятся «частные акторы» (поддерживаемые государством), которые руководствуются «логикой экономической экспансии»⁶⁶⁶; информатизация и интернационализация международных отношений предоставила им неведомые ранее возможности для самовыражения.

Разница в подходах состояла в том, что после падения самодержавия в нашей стране большевистское правительство, в отличие от своих коллег из США собирало из царских идейно-политических обломков новую пропагандистскую машину,

⁶⁶⁵ *Gienow-Hecht J.* Shame on US? Academics, Cultural Transfer, and the Cold War // *A Critical Review, Diplomatic History.* P. 468.

⁶⁶⁶ *Gould-Davies N.* The Logic of Soviet Cultural Diplomacy / *Diplomatic History.* Vol. 27, Issue 2, 2003. P. 193.

выстраивая политические приоритеты государства сквозь призму классовых интересов. Заветы панславизма, призывающие Россию освободить братские народы Балканского полуострова от чужеземного владычества, трансформировались в коммунистические формулы, в рамках которых СССР поддерживал международное рабочее движение во всём мире, не налагая никаких этнических и конфессиональных ограничений. Реальная политика окрасилась в социалистические тона.

Учитывая, что крах европоцентризма после Первой мировой войны переместил мировую власть в Азиатско-Тихоокеанский регион, большевики поддерживают идею «освобождения народов Востока от колониализма и европейского пролетариата от капиталистической эксплуатации», вступая, согласно американскому политологу Ф. Бангхорну, в перманентный «конфликт с американской массовой культурой, господствующей к тому времени в Старом Свете»⁶⁶⁷; СССР предлагает миру «социалистическую массовую культуру, бросая вызов как Востоку, так и Западу»⁶⁶⁸. В свою очередь, вашингтонские стратеги, умудрённые провалом глобалистских инициатив В. Вильсона, провозглашают свободу и демократию универсальными ценностями, призвав остальные народы следовать американской экономической модели. Урбанизированная Европа, для которой космополитизм стал нормой, приняла американские доллары и потребительскую культуру с воодушевлением. Изоляционизм отцов-основателей, будучи основным внутриполитическим препятствием для осуществления заокеанской экспансии, подвергается эрозии и множественным нападениям, уступив только под натиском японского нападения на Пёрл-Харбор в декабре 1941 г.

В 1920-е гг. Советский Союз создаёт инструменты культурно-коммуникационной политики, основывая наряду с консульскими и посольскими представительствами сеть крупных культурных организаций, для того чтобы привлечь «про-

⁶⁶⁷ *Barghoorn F.* The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. – N. J.: Princeton University Press, 1960. P. 28.

⁶⁶⁸ *Ibid.*

грессивную интеллигенцию» стран Запада на свою сторону. Самое влиятельное среди них – *Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС)*, образованное в 1925 г. с целью ознакомить общественность СССР с достижениями культуры зарубежных стран и популяризировать культуры народов Советского Союза за границей, развивая и укрепляя дружбу и взаимопонимание между народами СССР и других стран.

ВОКС «устраивал международные выставки (в том числе и зарубежных книг), продвигал советское искусство на зарубежных фестивалях и конкурсах, организовывал поездки в СССР делегаций зарубежных обществ дружбы, а также отдельных видных деятелей науки и культуры»⁶⁶⁹. Общество издавало журнал «Бюллетень ВОКС», выходивший на английском, французском и немецком языках. Задачи по информированию международной общественности о жизни советского народа и внешней политике СССР также ставились перед газетами *Moscow News* (с октября 1930 г.) и *Nouvelle de Moscou* (с 1934 г.).

У истоков ВОКС стояли известные деятели образования и искусства – нарком просвещения А. Луначарский, первый председатель ВОКС О. Каменева, деятели литературы и искусства В. Маяковский, С. Прокофьев, Д. Шостакович, С. Эйзенштейн, И. Эренбург. Сподвижники и партнеры ВОКС – всемирно известные ученые и писатели, такие как А. Эйнштейн, Р. Роллан, М. Кюри, А. Барбюс, Р. Тагор, Т. Драйзер, Б. Шоу и Г. Уэллс.

В знак солидарности с советским народом в его борьбе против нацизма возникают новые общества друзей СССР. В 1941 г. они появляются в Ливане, Сирии, Новой Зеландии, Австралии, Чили и Индии, в 1942 г. в Мексике создаётся общество «Друзья сражающегося Советского Союза». К 1945 г. появляются общества «Швейцария – СССР», «Мадагаскар – Советский Союз» и многие другие. Спустя 12 лет национальные общества дружбы с СССР действуют уже в 47 странах мира. По инициативе ВОКС и ряда других общественных организаций встречный процесс шел и в Советском Союзе. К концу 1950-х гг. соз-

⁶⁶⁹ Le centre de Russie pour la science et la culture. URL: <http://www.russiefrance.org/ru/nous/historique.html>.

даются общества советско-китайской, советско-чехословацкой, советско-германской, советско-польской дружбы, общество советско-индийских культурных связей, «СССР — Финляндия» и «СССР — Италия»⁶⁷⁰.

Через ВОКС в СССР поступали медикаменты, оборудование для госпиталей, другая помощь, приобретенная на средства сочувствующей зарубежной общественности. В годы Великой Отечественной войны именно ресурсы ВОКС позволяют доставить в Великобританию партитуру знаменитой Ленинградской симфонии Д. Шостаковича, зазвучавшую затем по всему миру.

В 1958 г. ВОКС преобразовывается в Союз советских обществ дружбы (ССОД)⁶⁷¹ – массовое добровольное объединение общественных организаций, ставящих своей целью развитие и укрепление дружбы и культурного сотрудничества народов Советского Союза и зарубежных государств. Своими достижениями в области «народной дипломатии» организация обязана всемирно известным отечественным и иностранным ученым, писателям, художникам, композиторам и артистам. В течение долгих лет ССОД возглавляла первая женщина-космонавт В. Терешкова⁶⁷².

Советский Союз делает ставку на ту сферу, где он имеет подавляющее превосходство, – элитарную культуру, приносящую, несмотря на узкую аудиторию почитателей, максимально

⁶⁷⁰ Le centre de Russie pour la science et la culture. URL: <http://www.russiefrance.org/ru/nous/historique.html>.

⁶⁷¹ В 1994 г. Союз советских обществ дружбы был преобразован в Российский центр международного научного и культурного сотрудничества. Возглавлявшую в течение многих лет ССОД и Росзарубежцентр первую женщину-космонавта В. Терешкову сменила Э. Митрофанова, пришедшая в Росзарубежцентр с поста первого заместителя министра иностранных дел России. С сентября 2008 г. преемником Росзарубежцентра становится Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (РОССОТРУДНИЧЕСТВО).

⁶⁷² Le centre de Russie pour la science et la culture. URL: <http://www.russiefrance.org/ru/nous/historique.html>.

возможные политические дивиденды за непродолжительный период времени.

Отечественный американист Э.А. Иванян связывает успех советской культурной дипломатии уже с первыми послевоенными гастролями в Америку выдающихся советских исполнителей – пианиста Э. Гилельса и скрипача Д. Ойстраха, что само по себе стало свидетельством меняющегося отношения к СССР. Выступления советских музыкантов прошли с оглушительным успехом. Гилельс оказался первым за несколько предшествующих десятилетий советским исполнителем, выступившим в Соединённых Штатах. Гилельс также дал специальный концерт в здании ООН в сопровождении оркестра под управлением именитого американского дирижера и композитора Леонарда Бернстайна⁶⁷³.

Что касается международной образовательной политики СССР, то в сравнении с Соединёнными Штатами, где частный сектор содействовал реализации программ международного образования, Советский Союз (в силу планового экономического уклада) выстраивал регулирующие структуры в области образования только решениями сверху. Ведущее звено формирования данной политики – Отдел науки и высшей школы ЦК КПСС, Министерство высшего и среднего специального образования, претерпевшее многочисленные реорганизации и изменения в названиях, Министерство иностранных дел (МИД), посольства СССР в зарубежных государствах и частично Комитет государственной безопасности СССР. В Отдел науки и высшей школы ЦК КПСС стекалась вся информация о состоянии программ обучения, предложения по изменению образовательной политики, поступающие от МИД и Министерства образования. Отдел принимал все ключевые решения и согласовывал их либо с ЦК, либо с Советом Министров, и после устного согласия или официального постановления решения направлялись в Министерство образования и МИД. Последние отвечали за успешную реализацию программ в интересах внешней политики государства. Как правило, посольства и региональные отделы МИД отвечали за отбор участников про-

⁶⁷³ Иванян Э.А. Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей. – М.: Международные отношения, 2007. С. 304.

грамм обучения, налаживание образовательных связей в тех странах, где еще не были распространены советские программы обучения, и за сбор сведений о деятельности капиталистических стран в данной сфере. Министерство образования, отвечавшее за обучение иностранных студентов и специалистов в СССР, не подчинялось МИД, но имело советников в посольствах, тем самым направляя деятельность дипломатических служб в области международного образования⁶⁷⁴. Кроме того, Министерство образования отвечало перед ЦК КПСС за сбор секретных данных относительно действий правительства США в области международного образования и за представление контрпредложений для нейтрализации действий конкурента в этой области⁶⁷⁵.

По мнению Н.А. Цветковой, различие между образовательными мерами Советского Союза и Соединённых Штатов заключалось в том, что в СССР не существовало систематической ежегодной подготовки планов по модификации программ обучения для каждой отдельно взятой страны. Принятая однажды установка по рекрутированию в программы определенной целевой аудитории не менялась. Если США отслеживали каждый шаг в образовательной политике своего оппонента, то в СССР такой анализ осуществлялся крайне редко. Нам удалось найти только один подобный анализ, датированный 1962 г.⁶⁷⁶. Более того, оценка эффективности также велась советскими ведомствами несистематично. Имелись, несомненно, отделы в Министерстве образования, которые занимались поддержанием связей с выпускниками; но постоянного контроля за деятельностью выпускников программ, как это делали американские дипломаты, не проводилось.

⁶⁷⁴ РГАНИ, ф. 5, о. 35, д. 42. Л. н/у.

⁶⁷⁵ РГАНИ, ф. 5, о. 35, д. 228. Л. н/у. Цит. по: *Цветкова Н.А.* Оценка эффективности международной образовательной политики СССР и США в годы «холодной войны» // 200 лет российско-американских отношений: наука и образование: Сборник статей / Под ред. А.О. Чубарьяна и Б.А. Рубла. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 378-393.

⁶⁷⁶ РГАНИ, ф. 5, о. 35, д. 228. Л. н/у.

На протяжении всего периода «холодной войны» СССР отбирал граждан для обучения из 141 государства, при этом граждане 101 страны активно участвовали в программах. Из этого количества стран около 60% всех студентов относились к низшим слоям населения, 30% – средним слоям населения и только 10% происходили из семей высших государственных чиновников, собственников и духовенства⁶⁷⁷.

Самый живой, яркий и в своём роде уникальный инструмент образовательной политики СССР – Российский университет дружбы народов (в ту пору – УДН им П. Лумумба), учреждённый 5 февраля 1960 г. решением советского правительства. Решение учредить в Советском Союзе Университет дружбы народов было принято советским руководством в ответ на пожелания правительств и общественности стран, освободившихся от колониальной зависимости. Основной целью Университета было оказание помощи в подготовке высококвалифицированных и воспитанных в духе дружбы между народами национальных кадров для стран Азии, Африки и Латинской Америки, предоставление молодёжи этих стран, прежде всего из малообеспеченных семей, возможности получить образование. Приём студентов осуществлялся через общественные организации и правительственные учреждения, а затем посольства и консульства СССР. Учредителями УДН стали Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС), Советский комитет солидарности стран Азии и Африки, Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД)⁶⁷⁸.

Будучи одним из приоритетных государственных проектов с целью образования «подконтрольных» политических элит в зонах влияния СССР на планете, университет явил со-

⁶⁷⁷ Цветкова Н.А. Оценка эффективности международной образовательной политики СССР и США в годы «холодной войны» // 200 лет российско-американских отношений: наука и образование: сборник статей / Под ред. А.О. Чубарьяна и Б.А. Рубла. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 378–393.

⁶⁷⁸ Филимонов Г. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. – М.: РУДН, 2010. С. 183.

бой первый и, к сожалению, единственный пример широко-масштабной государственной поддержки такого источника формирования «мягкой силы» страны. И хотя вуз создавался как политический проект в известной международной обстановке и соответствующей идеологической атмосфере, вряд ли найдутся несогласные с эффективностью этого инструмента, не раз подтвердившего свою состоятельность, активно участвуя в фактическом конструировании истеблишментов стран Азии, Африки и Латинской Америки и снискав международную репутацию советского оплота той самой soft power. Кроме того, по своей мультикультурной специфике, не имеющей мировых аналогов, Университет служит действенным средством формирования благоприятного климата межнационального общения народов России, а при соответствующем внимании со стороны государства мог бы в разы повысить свою эффективность в этом плане, принося заметную пользу государственной национальной политике ⁶⁷⁹.

Таким образом, экстраполируя вышесказанное на систему глобального управления, Советский Союз формировал через международную образовательную политику сеть, которая связывает каждого участника общими целями и задачами. Распространяя знания и навыки, университеты и различные образовательные учреждения определяют законы функционирования сети, коммунистическую картину мира у субъекта воздействия, состоящую из стереотипов и установок, личностных характеристик, конфигурации его деловых и личных интересов, предпочтений, ожиданий, целей, опасений и соблазнов. В свою очередь, заняв определённую должность, участник сети реализует стратегию, преобладающую в его сознании. Вспомогательную роль в этой системе играли советники высокого ранга и ближайшее окружение, которые представляли надёжную опору для объекта воздействия. Что же касается деятелей науки и искусства, получивших образование или стажировку в СССР, то их влияние на общественное сознание страны-реципиента было хотя и опосредованное, но не менее значительное.

⁶⁷⁹ Филимонов Г. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. – М.: РУДН, 2010. С. 183 – 184.

Возвращаясь от образовательной политики к информационной, мы также обнаруживаем, что в Советском Союзе централизованный орган внешнеполитической пропаганды – Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС) – был создан ещё в 1925 г., когда страна только оправлялась от разрушений Первой мировой войны и внутренней смуты. Спустя два десятилетия ТАСС ежедневно готовил и передавал 300 – 320 внутрисоюзных и международных сообщений, а его Главная редакция информации для заграницы (ГРИДЗ) готовила специальные материалы для 115 стран мира (для 73% стран) на шести языках (русском, английском, французском, немецком, португальском и арабском).

Ключевой инструмент информационной политики СССР – Советское информационное бюро (Совинформбюро), созданное 24 июня 1941 г. при СНК СССР и ЦК ВКП(б) согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О создании и задачах Советского информационного бюро». Оно руководило работой по освещению в периодической печати и по радио международных, военных событий и событий внутренней жизни страны. Бюро составляло сводки для радио, газет и журналов о положении на фронтах, работе тыла и партизанском движении. В 1944 г. в составе Совинформбюро было организовано специальное бюро, занимавшееся пропагандой на зарубежные страны. После войны информация бюро распространялась через 1171 газету, 523 журнала и 18 радиостанций в 23 странах мира, советские посольства за рубежом, общества дружбы, профсоюзные, женские, молодежные и научные организации. Через Совинформбюро читатели и слушатели узнавали о борьбе советского народа против нацизма, а также об основных направлениях внутренней и внешней политики Советского Союза. В 1961 г. Совинформбюро переименовалось в Агентство печати «Новости» (АПН).

Девиз АПН – «Информация на благо мира, на благо дружбы между народами» – как нельзя лучше отражал внешнюю направленность информационного потока, создававшего из СССР витрину пострасового развития человечества, притягательную для миллионов людей по всему миру. Функциони-

руя под вывеской общественной организации, АПН⁶⁸⁰ удачно использовало ореол независимости от государства, установив с зарубежными СМИ разные формы распространения и обмена информации на коммерческой основе. Агентство сотрудничало с телеграфными агентствами, газетами и журналами, телерадиокомпаниями, издательскими домами почти 120 государств, предоставляло свои материалы в 110 стран мира, выпускало для зарубежных читателей журналы и газеты на 45 языках и распространяло их в 130 странах (83% стран мира на тот момент), причем общий годовой тираж таких изданий доходил до 2,2 млн экземпляров.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что «мягкая сила» СССР успешно защищала страну на протяжении многих лет благодаря своей инструментальной и идейно-политической базе. Парадоксально, но первый удар по советской системе был нанесен не кем-нибудь из-за границы, а самим Н. Хрущёвым на XX съезде КПСС 1956 г. Культ личности И. Сталина, подвергнутый деструкции, оказался не только обвинением против отдельно взятой личности, но против системы как таковой. Авторитет большевизма оказался сломлен. Второй и заключительный удар – санкционированная с середины 1980-х гг. М. Горбачёвым и его окружением антисоветская пропаганда внутри страны, усилившая деструктивные тенденции в Стране Советов; былая монолитность политической системы подверглась всевозможным нападкам с помощью диссидентской и иностранной литературы, газет, радио и телевидения, рухнув в итоге под тяжестью возрождающегося национализма и туманных формулировок перестройки. Свёртывание советского военно-политического и идеологического присутствия в Восточной Европе, Азии, Африке и Латинской Америке нанес-

⁶⁸⁰ Структура АПН выстраивалась по принципу центрального аппарата и зарубежных учреждений МИД СССР. После преобразований, последовавших в результате развала СССР, АПН стало называться Российским информационным агентством «Новости». С 1993 г. РИА «Новости» получило статус государственного информационно-аналитического агентства. С апреля 2004 г. официальное название – Федеральное государственное унитарное предприятие «Российское агентство международной информации "РИА Новости"».

ло колоссальный ущерб «мягкому» влиянию нового государственного объединения – Российской Федерации, демонстративно отказавшейся от бывшего имперского наследия.

4.2. Стратегия формирования российского потенциала «мягкой силы»

Представляется очевидным, что каждое исследование в сфере истории международных отношений и внешней политики должно в конечном счёте основываться на извлечении ценных уроков и, следовательно, формировании стратегии практического использования результатов работы для принятия оперативных, эффективных, но вместе с тем сбалансированных решений в современной внешней политике России.

Одним из ключевых факторов обеспечения национальной безопасности России, сохранения её государственного суверенитета, территориальной целостности, консолидации общества, создания условий для успешного решения внутренних проблем и, соответственно, возникновения возможности для ведения государством активной внешней политики предстает необходимость формирования собственного потенциала «мягкой силы».

Безусловно, приоритетным для Российской Федерации направлением развития этого сегмента международного влияния и внешнеполитической стратегии государства в целом остается «игра» на территории постсоветского пространства.

Непреложное условие эффективности работы на этом «треке» – формирование ресурсов российской «мягкой силы» внутри зарубежных государств в виде консолидации и организационного оформления деятельности русской (русскоязычной) диаспоры. Здесь нельзя не отметить конструктивные практические шаги в администрировании и организационном оформлении этой сферы общественной деятельности со стороны МИДа России, исправно выполняющего возложенную на него миссию по улучшению взаимодействия с соотечественниками за рубежом. Российские диппредставительства помогают консолидации диаспоры и ее организаций, что привело к созданию глобального Координационного совета и координа-

ционных советов в большинстве российских общин в различных странах. Проводятся ежегодные всемирные конференции соотечественников, работают госпрограмма по оказанию содействия добровольному переселению в Россию, правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом, Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). В 2007 г. Указом Президента России В.В. Путина учрежден фонд «Русский мир», который эффективно развивает свою полезную работу. 24 июля 2010 г. Президент России Д.А. Медведев подписал новый закон о соотечественниках.

Но при всём понимании значимости таких шагов российской дипломатии и общественности, реализованных на этом поле за последнее десятилетие, стоит отметить, что они едва ли покрывают и треть от потребности России в дальнейшем укреплении и расширении возможностей «мягкого» воздействия по периметру границ.

В этой связи одним из ключевых условий поступательного укрепления авторитета России на постсоветском пространстве является обеспечение и углубление российского культурного присутствия за рубежом. Безусловным приоритетом здесь остается сохранение и укрепление русскоязычного пространства вдоль границ Российской Федерации на основе добровольного притяжения народами дружественных и братских республик факта общности многовековой истории, общего настоящего и будущего, основанного на экономической, политической и культурной взаимозависимости соседствующих государств.

Речь идет о планомерной и трудной работе по сохранению роли русского языка как средства межнационального общения мультикультурной общности народов постсоветского пространства и дальнейших шагах по популяризации и расширению изучения русского языка в зонах стратегических интересов России.

К сожалению, нынешнее состояние дел в этой сфере пока не внушает оптимизма. Продолжающееся с 1990-х гг. сокращение русских школ обостряет ситуацию с продвижением российского образования на русском языке. Число владеющих русским языком в ближнем зарубежье, включая страны

Балтии, сократилось с 1990-х гг. вдвое. Не владеют русским языком 8 млн человек на Украине и 1 млн в Грузии. Вместо 20 тыс. русскоязычных школ на постсоветском пространстве действует около 7 тыс., число детей, обучающихся на русском языке, сократилось более чем на 2 млн человек – до 3,1 млн⁶⁸¹.

В Таджикистане с 1991 по 2001 г. число школ с русским языком обучения сократилось втрое – с 90 до 29, а смешанных – на одну треть. Количество часов преподавания русского языка и литературы стремительно уменьшается в Казахстане⁶⁸². В Узбекистане количество часов, отведенное на преподавание русского языка, сократилось до 170 часов в 7 – 11 классах. Сокращаются часы преподавания в Кыргызстане.

Необходимость открытия новых русских школ остается неудовлетворенной. За исключением единичных случаев открытия русских школ в местах прохождения службы российскими военными постоянного механизма открытия школ до сих пор не выработано.

Известно, что для поддержки образования на русском языке в рамках СНГ нескольким вузам России придан статус базовой организации по образованию. В некоторых государствах Содружества открывались совместные российско-национальные вузы. В 2008 г. по инициативе РУДН при содействии Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ был создан Сетевой университет СНГ.

Несмотря на предпринимаемые шаги, в том числе по развитию дистанционных обучающих программ на базе филиалов российских вузов в СНГ, большинство из этих российских учебных заведений, особенно в центральноазиатских республиках, по-прежнему страдают от недостатка финансовых вложений в материально-техническую часть учебного процес-

⁶⁸¹ Русский мир сужается. URL: <http://www.apn.ru/news/article18785.htm>.

⁶⁸² *Старчак М.А.* Российское образование на русском языке как фактор влияния России в Центральной Азии: что происходит и что делать. URL: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/analytics/article/news0003.html>

са – снабжение учебно-методической литературой на русском языке, мультимедийными средствами обучения и т.д. В них практически отсутствуют приглашенные из России лекторы, в то время как американцы, например, действуя в духе своих традиций, успешно создают систему работы через вузы в СНГ, активно привлекая преподавателей из США. При этом имеющие финансовые (грантовые) возможности местные студенты предпочитают уехать на учебу в США и европейские страны⁶⁸³.

Камнем преткновения становятся подходы некоторых государств, демонстрирующих избирательность, соглашаясь на одни проекты и отказываясь от участия в других. Часто это связано с готовностью развивать двусторонние связи, но при этом воздерживаться от участия в гуманитарных проектах всего Содружества.

Безусловно, существенным препятствием для развития русского языка на постсоветском пространстве является политизация этого вопроса элитами государств региона, влияние уровня и характера двусторонних отношений с Россией на эффективность продвижения этой тематики, использование данного вопроса для торга по другим пунктам двусторонней повестки дня. Но всё это должно служить хорошим стимулом для более активной и качественной работы.

Отмечая несомненно позитивный, но не столь масштабный просветительский эффект от работы российских культурных центров, действий Минобрнауки России и Россотрудничества по реализации международной части федеральной целевой программы «Русский язык на 2006 – 2010 гг., а также на 2011 – 2015 гг.», приходится констатировать, что практическая польза этих шагов для населения пока не вполне очевидна. По-прежнему нет системности преподавания русского языка (постоянно действующих курсов). Курсы единичны, и не все могут себе позволить их оплачивать, а региональные элиты зачастую далеки от желания обеспечить соответствующую господдержку. Хотя стремление изучать русский язык в

⁶⁸³ *Старчак М.А.* Российское образование на русском языке как фактор влияния России в Центральной Азии: что происходит и что делать. URL: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/analytics/article/news0003.html>

странах СНГ есть. Особенно тянутся к его изучению граждане Таджикистана, Армении, Молдавии и Киргизии, что в первую очередь обусловлено экономической ориентацией этих государств на Россию. В этой связи нельзя не усиливать меры по активизации работы существующих и учреждению новых русских культурных центров за рубежом.

Что касается популяризации русского языка в дальнем зарубежье, то в этом плане показательным стало выступление Президента России Д.А. Медведева на встрече с выпускниками советских и российских вузов 31 октября 2010 г. в ходе официального визита во Вьетнам, в котором он акцентировал внимание на необходимости создания новых информационных возможностей и технологий для изучения русского языка. При этом глава государства подчеркнул, что не нужно бояться на это тратить деньги, так как «в конечном счете эффект от работы с представителями иностранных государств, которые владеют русским языком, гораздо выше... и это должен быть один из приоритетов работы... Нужно стараться распространять современный опыт, продвигать современные методики преподавания русского языка во всем мире»⁶⁸⁴. Если это – иллюстрация тенденции к сознательному и активному возвращению таких инструментов в арсенал внешней политики России, то такие подвижки внушают осторожный оптимизм.

В плане развития культурно-гуманитарного сотрудничества как одного из приоритетных направлений аккумуляции «мягкой силы» России на постсоветском пространстве наряду с уже действующими по линии Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества СНГ проектами стоит усилить акцент на увеличении численности экспозиций из лучших музеев России за рубежом, организацию гастролей российских театральных коллективов, представителей оперной сцены, балета, классической музыки, вокала и т.д. – всё то, что традиционно формирует всемирно известный образ русской культуры, включая историко-культурные традиции народов Российской Федерации.

⁶⁸⁴ Встреча Д.А. Медведева с выпускниками советских и российских вузов. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/9386>.

В этом аспекте отдельный и крайне значимый сегмент российской публичной дипломатии и «мягкой силы» в целом – формирование внешней культурной стратегии России, развитие внешней культурной политики и культурной дипломатии.

Почти 10 лет назад в российском внешнеполитическом ведомстве разработан концептуальный документ под названием «Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей с зарубежными странами», так называемая концепция внешней культурной политики – инструмент достижения внешнеполитических целей государства посредством развития международного культурного сотрудничества⁶⁸⁵. Сейчас нужно обратить внимание на необходимость актуализации этого документа, дополнить и развить эти программные установки, приведя в соответствие с вызовами времени.

Имеет смысл развивать подкрепленные как государственным финансированием, так и внебюджетными источниками усилия в двух основных плоскостях:

- высокая культура и высокое искусство как визитная карточка России в мире и основная статья её культурного экспорта (масштабная активизация экспонирования за рубежом произведений российских мастеров классического искусства и его современных форм, содействие увеличению числа гастролей российских коллективов, ускорению динамики культурных обменов и т.д.);

- развитие производства и экспорта отечественных продуктов массовой культуры, но не в шаблонном варианте воспроизведения и копирования западных аналогов различных направлений современной музыки, танцевального искусства и т.д., а путем культивации собственного эксклюзивного стиля на основе всех имеющихся форматов и высокопрофессионального исполнения своих наработок в каждой из ниш поп-культуры и субкультурных движений, а также тех исконно отечественных музыкальных направлений, которые никак нельзя отнести к универсальной массовой культуре (народная

⁶⁸⁵ Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей с зарубежными странами: приказ МИД России от 23 февраля 2001 г. URL: www.mid.ru.

песня, романс, различные течения в современной российской фолк-музыке и т.д.).

В этом контексте детального анализа в рамках отдельной работы требует тема современного отечественного кинематографа, повышения его доли в прокате на российском рынке и наращивания экспортного потенциала, прежде всего на постсоветском пространстве, особенно в сегменте «умного» концептуального кино и высокобюджетных «блокбастеров» на военно-историческую тематику. Кстати, с точки зрения подачи материала – освещения исторических событий в выигрышном для себя ракурсе, идеологической заправки и подхода к кино как политическому инструменту – опыт голливудских кинематографистов вполне мог бы служить хорошим примером и для наших кинопроизводителей.

Следующим в перечне основных факторов, обуславливающих успех «мягких» инструментов внешнего воздействия государства и его умения расположить к себе международное сообщество, является упоминавшаяся возможность дать высшее образование иностранным студентам в своих вузах. Выпускники вузов возвращаются к себе на родину, где часть из них со временем занимает руководящие посты. Рассматривая в качестве модели опыт США, стоит напомнить о десятилетиями отработанной, крайне результативной системе формирования лояльно или дружественно настроенных по отношению к Соединенным Штатам политических и бизнес-элит в странах, студенты из которых в свое время получили образование в американских вузах в рамках международных образовательных программ. Как упоминалось ранее, выпускниками таких программ являются более 200 настоящих и бывших премьер-министров и президентов. Среди них Т. Блэйр, М. Тэтчер, Г. Шрёдер, М. Саакашвили, В. Ющенко, 80 членов правительства Саудовской Аравии получили образование в США, 75 членов парламента Кении обучались в американских университетах и т.д.⁶⁸⁶

В этом контексте не стоило бы игнорировать систему успешно выполнявших свои задачи упомянутых институтов – советских обществ дружбы и культурных связей с зарубеж-

⁶⁸⁶ *Шуфьев Б.А.* Внешняя политика США. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. С. 260–261

ными странами во главе с центральной организацией – СОД. Нечто подобное в измененной форме могло бы очень пригодиться сейчас.

Исходя из изложенного, возникает резонный вопрос – не пришло ли время нашему государству, наряду с восстановлением внутренней силы, преодолев тяжелый период политико-экономической и социальной ломки, обратить внимание на имеющийся под рукой колоссальный по своим возможностям инструмент формирования платформы для реализации долгосрочных политических и экономических интересов России, особенно в Азии, Африке и Латинской Америке? Не стоит ли с этой целью вернуться к комплексной государственной поддержке вузов России, ведущих активное обучение иностранцев, предполагающей хотя бы частичное финансирование из госбюджета (по примеру субсидирования подобных программ в США и других странах), а также предусмотрев возможные альтернативные источники финансирования?

Образовательные программы представляются эффективным механизмом долгосрочного действия. Между тем в российской публичной дипломатии подобные механизмы практически отсутствуют. В Россию приезжают гораздо меньше студентов и преподавателей университетов, а представителей США и Западной Европы среди них еще меньше. У нас образование на английском языке практически не ведется, а русский язык несмотря на все усилия распространен только в среде русских эмигрантов и в республиках бывшего СССР.

У студентов должна быть возможность получать российские гранты, приезжать учиться в Россию, а у исследователей России должна быть возможность посещать страну и принимать участие в конференциях. Нужно активизировать межгосударственные культурно-образовательные программы по обмену в отношении, прежде всего, республик СНГ, особенно в части стажировок по обучению русскому языку и открытия новых учреждений и курсов русского языка в ближнем и дальнем зарубежье.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о развитии публичной дипломатии как самостоятельного и действенного сегмента государственной политики и разработки долгосрочной информационно-пропагандистской стратегии по формирова-

нию позитивного облика России в мире. Для усиления «мягкой силы» России необходимо создание системы публичной дипломатии, которая сочетала бы традиционные взгляды и новые маркетинговые подходы в целях достижения как краткосрочного, так и долгосрочного эффекта воздействия на зарубежную аудиторию⁶⁸⁷. Россия должна научиться продуцировать образы.

Конечно, очевиден технологический диспаритет медиаресурсов не в нашу пользу. Это красноречиво продемонстрировал пример информационной войны вокруг событий в Южной Осетии в августе 2008 г. Кроме того, небольшую эффективность показали и привлекавшиеся по госзаказу иностранные пиар-агентства, в частности, компания «Кетчум», с которой Администрация Президента России в 2006 г. подписала контракт с целью обеспечения положительного информационного фона в период российского председательства в «Группе восьми» в 2006 г.

Вместе с тем, используя имеющиеся наработки и международные контакты в сфере глобального пиара, имеет смысл прибегнуть к финансовым возможностям российского крупного бизнеса не столько для того, чтобы «залить» конкурентов деньгами, проложив «зеленый коридор» отдельным российским СМИ (тем более, это вряд ли будет продуктивно и жизнеспособно, особенно в долгосрочной перспективе, если иметь в виду финансово-политическую мощь таких «великанов», как CNN), сколько для более агрессивной «игры» в сфере информационной и развлекательной телевизионной индустрии на поле «команды соперника». Результатом таких шагов могло бы стать появление новых информационно-новостных (наряду с «Russia Today»), а также научно-популярных, спортивных и развлекательных телеканалов и радиостанций, вещающих на иностранных языках на зарубежную аудиторию. Существующих информационных ресурсов крайне недостаточно.

Не менее пристального внимания заслуживает и развитие кириллического сегмента в интернете, а также распространение и популяризация англоязычного контента отече-

⁶⁸⁷ *Долгинский А.В.* Практические вопросы оптимизации российской публичной дипломатии. URL: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/analytics/article/news0004.html>.

ственных сетевых ресурсов. Нельзя пренебрегать и полезностью популярного ныне феномена блогосферы как эффективной дискуссионной площадки, а также тренажера для «обкатки» шагов в сфере публичной дипломатии на неправительственном уровне.

Создание системы собственных международных СМИ – это важный, но всего лишь первый этап. Чтобы создавать привлекательную для мировой общественности «картинку», государству нужна структура, которая бы координировала все направления публичной дипломатии, культурной дипломатии, внешней культурной политики, пропаганды, а также отвечала за подготовку кадров и участвовала в формировании внешней политики.

В современной России такого государственного органа не существует, соответственно, нет механизма межведомственной (межкорпоративной) координации усилий на этом направлении. Управление российской публичной дипломатией происходит на уровне высшего руководства страны через пресс-службу и внешнеполитическое структурное подразделение в Администрации Президента и Аппарате Правительства России. «Несмотря на некоторые достоинства, у подобной структуры есть и очевидные недостатки: во-первых, в силу количества обязанностей занимающим эти должности сложно руководить публичной дипломатией систематически, на повседневной основе. Во-вторых, вся организация носит строго вертикальный характер, что затрудняет проявление инициативы снизу и усложняет горизонтальную кооперацию»⁶⁸⁸.

Образование в России структуры наподобие яркого примера из истории США – ЮСИА – могло бы сохранить нынешнюю вовлеченность высшего руководства в публичную дипломатию, а также обеспечило бы более эффективную обратную связь при поступлении большего объема информации снизу из негосударственных сфер. Помимо прочих задач такое ведомство могло бы участвовать в подготовке кадров для российской публичной дипломатии, так как в стране сегодня нет про-

⁶⁸⁸ *Долгинский А.В.* Практические вопросы оптимизации российской публичной дипломатии. URL: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/analytics/article/news0004.html>

фессиональных специалистов в данной области, и это один из существенных пробелов в системе формирования отечественного потенциала «мягкой силы».

Отдельного внимания, несомненно, заслуживает конфессиональный аспект как мощный созидательный фронт работы религиозных учреждений, представляющих основные исповедуемые населением России конфессии. В этом плане обоснованно привлекает внимание активная деятельность Русской православной церкви как ныне мощного государственного пропагандистского ресурса, который при поддержке сверху становится всё более влиятельным политическим институтом. В этой связи важно отметить эффективность работы РПЦ на внешнеполитическом направлении, её содействие реализации государственных задач в разных сферах международной деятельности и укреплению потенциала российской «мягкой силы» в мире.

Ещё одним действенным путём борьбы с чёрным пиаром, часто политизированным и искусственным формированием негативного имиджа России за рубежом, должно служить развитие сферы туристических услуг как за счет государственных вложений и создания комфортных условий для работы туристического бизнеса, так и на средства частных инвесторов, расширяющих спектр программ по привлечению иностранных туристов в Россию. При этом понятную заинтересованность должны проявлять администрации регионов, на территории которых находятся места, пригодные для развития международного туризма.

Нельзя не затронуть ещё один жизненно важный для государства аспект: «мягкая сила» – это привлекательная сила, а привлекательный образ страны автоматически содействует формированию комфортного инвестиционного климата и очевидно способствует развитию национальной экономики. В этом контексте любопытной видится идея «клонирования» курса России на модернизацию и инновационное развитие экономики применительно к развитию взаимодействия в этих сферах с государствами – участниками СНГ.

Россотрудничество подготовило межгосударственную целевую программу инновационного сотрудничества для стран

СНГ до 2020 г.⁶⁸⁹, принятую главами правительств СНГ в октябре 2011 г. Хотя инициатива пока вызывает немало обоснованных вопросов и может остаться протокольно-декларативным документом, сам факт движения в этом направлении представляется попыткой завладения идеей, умами и формирования имиджа России как инновационного передовика-лидера в СНГ. Поддержка и развитие подобных инновационных наукоёмких проектов – неоспоримый вклад в укрепление компонентов «мягкой», даже, скорее, «умной» силы России.

Особо важное и чувствительное направление работы России, прежде всего на пространстве СНГ, – противодействие активной деятельности США (в их стремлении к реализации проектов на территории государств СНГ в стиле «арабской весны»). Прежде всего это касается многоуровневого блокирования возможности для реализации проектов политтехнологического конструирования враждебных к России режимов по периметру её границ, организации «бархатных» революций, финансирования антироссийских акций со стороны государств постсоветского пространства и т.д.

Безусловно, основой, создающей возможность системного и организованного использования Россией «мягких» инструментов для реализации внешнеполитических задач, служит финансово-экономический потенциал страны. Успех стратегического развития данного сегмента внешней политики зависит от возможностей как федерального бюджета, так и государственной политики по привлечению крупного бизнеса к финансированию долгосрочных проектов, имеющих эффект отложенного политического действия. При этом экономическая целесообразность таких начинаний сперва может казаться крайне сомнительной. Тогда нужно выбирать: руководствоваться прагматичными соображениями экономической конъюнктуры и законами рынка или допустить возможность некупаемых вложений на начальных этапах, создающих платформу для политического и экономического влияния в перспективе.

Несомненно, такие инициативы вызывают вопросы. В свое время упомянутый подход активно практиковал и

⁶⁸⁹ Соловьев В. Содружество независимых инноваций // Коммерсант, 16 ноября 2010. № 211. URL: <http://rs.gov.ru/taxonomy/term/185>.

СССР. Однако важно отметить, что здесь не имеется в виду бесконечное «кормление» дружественных государств, братских республик и их коррумпированных элит, списание гигантских долгов и т.д. Рассчитав в долгосрочной перспективе политический и экономический эффект таких шагов, стоит задуматься над целесообразностью практической реализации подобных мер. И важно помнить, что, с одной стороны, продолжение политики использования энергетического оружия как одного из наиболее убедительных и действенных внешнеполитических инструментов подтверждает свою неизменную эффективность и остаётся крайне актуальным. С другой стороны, негибкая тарифная политика в отношении ближайших братских государств по вопросам поставок российских углеводородов и другим сюжетам наносит ущерб восприятию России не столько элитами, сколько, к сожалению, народами этих государств (вследствие ответных пропагандистских кампаний). Результат – потеря едва формирующейся возможности восстановления потенциала «мягкой силы» прежде всего там, где общие исторические, этнические и социокультурные корни, казалось бы, предполагают гораздо более благоприятные условия для добрососедства и всестороннего взаимодействия.

В данном случае нельзя не упомянуть о принципиально значимой теме, без которой формирование и реализация «дорожной карты» по комплектованию национальных arsenалов «мягкой силы» и обеспечению культурной безопасности России немислима. Это проблема преодоления спроектированной и управляемой извне многоуровневой разобщенности русского, белорусского и украинского народов как представителей единого этноса. Полагаю, что исторические, этнографические, лингвистические и иные доводы в подтверждение тезиса об этническом родстве и единстве излишни. Остаётся напомнить, что поддержание политической, экономической и даже культурной междуусобицы трёх составляющих единого народа – основной козырь и стратегическая задача групп влияния на Западе, оказывающих воздействие на процесс принятия и содержание внешнеполитических решений во многих государствах постсоветского пространства, содействующих

финансированию «цветных революций», определяющих политическую риторику руководства этих стран.

Однако не только объемы финансового могущества государства определяют возможность обеспечения и постоянного обновления и пополнения арсеналов «мягкой силы», хотя наличие денег, конечно, имеет принципиальное значение. Здесь важен факт осознания элитой существования проблемы, необходимости демонстрации политической воли и реализации конкретных шагов по ее воплощению, так как эта сфера напрямую влияет на международный имидж государства, состояние национальной безопасности и обороноспособности России. Наряду с движением сверху и сильным административным воздействием особую актуальность и значимость для решения поставленной задачи приобретает опора на формирующиеся институты гражданского общества. Основным мерилom социального развития страны и ориентиром для власти должна служить правовая защищенность граждан, дающая встречный импульс снизу как сигнал готовности общества по итогам конкретных действий истеблишмента поверить в возможность построения социального государства, а вместе с тем и в наличие условий для дальнейшего формирования отечественного потенциала «мягкой силы».

На этом фоне обнажается отсутствие механизма координации публичной дипломатии государства с неправительственными организациями и деловыми кругами. Совместные программы российских и западных НПО, а также НПО и бизнеса могут стать самостоятельным и действенным направлением публичной дипломатии России.

Грамотную внешнюю культурную политику и собственную стратегию национальной культурной безопасности способно создать только сильное государство, умеющее эффективно решать внутренние проблемы, параллельно воспроизводя привлекательные образы. Эффективная политика в области «мягкой силы» – дорогой продукт, требующий помимо финансирования продуманного использования совокупного потенциала российской нации, ответов на фундаментальные внутренние вопросы политической, социально-экономической и культурной действительности нашей страны.

Предложения по концепции национальной культурной безопасности Российской Федерации

Одним из ключевых факторов, необходимых для сохранения государственного суверенитета, территориальной целостности страны, консолидации общества, создания условий для успешного решения внутренних проблем и соответственно возникновения возможности для ведения государством активной внешней политики, предстает важность формирования собственной стратегии обеспечения национальной культурной безопасности как условия для эффективного наращивания потенциалов «мягкой силы».

Для аргументации этого тезиса представляется целесообразным изложить концептуальную основу – своего рода опорные точки такой стратегии.

1. Окончательное оформление государственной идеологии на основе осознания незыблемого единства многовековой мультикультурной общности народов, населяющих Россию. Это краеугольный камень поступательного движения российской политической элиты по пути формирования новой государственной идеологии, которая до сих пор находится в процессе кристаллизации. Отсутствие документально оформленной официальной государственной идеологической платформы обусловлено рядом сложностей, не в последнюю очередь заключающихся в проблемах выстраивания государственной национальной политики. Прежде всего эти трудности связаны со сложной структурой межэтнического, межконфессионального и межкультурного общения на территории современной России, а также наличием субъектов Федерации, потенциально нестабильных по целому ряду параметров (военная, политическая, социальная, экономическая, духовно-культурная безопасность) и способных дестабилизировать обстановку в отдельном регионе и стране в целом.

На этом фоне явно просматривается усиливающееся политическое влияние Русской православной церкви как идеологического инструмента, призванного сыграть роль объединяющего и умиротворяющего социальные резонансы начала.

2. Требуется сделать акцент в государственной политике на нравственное оздоровление населения России, уделяя пристальное внимание этнокультурной специфике отдельных народов, населяющих страну, но при этом по меньшей мере не обходя вниманием психологические, политические, экономические, культурные, морально-нравственные, религиозные и прочие особенности, потребности и устои титульной нации – русского народа, составляющего более 80% населения страны, с пониманием относясь к его заботам о сохранении своей культурной идентичности.

Двигаясь от частного к общему, приходим к следующему базовому тезису – политическое, социально-экономическое укрепление государственности может быть достигнуто только путем особого внимания государства к этнокультурному компоненту своей внутренней политики, а это означает естественную, добровольную и «мягкую» консолидацию многочисленных братских народов вокруг стержневой русской культуры как системообразующего компонента этнокультурной карты современной России и ключевого элемента российской культурной идентичности.

3. Наладить государственную национальную политику. Сформировать реально работающий специализированный федеральный орган исполнительной власти по делам национальностей, принять соответствующую конкретную госпрограмму.

4. Требуется взвешенно урегулировать государственную миграционную политику в сторону планомерного разумного сокращения квот на ввоз иностранной низкоквалифицированной рабочей силы.

5. Духовное оздоровление народа, пробуждение его исторической памяти, акцентированное внимание, в том числе на государственном уровне, к правдивой истории нашей страны. Это, естественно, касается предотвращения попыток искажения истории, субъективных и политически ангажированных ее трактовок, ревизии исторических фактов, включая отрицание роли Советского Союза и его великого народа как победителя во Второй мировой войне, героизацию нацизма и т.д.

Во многом реанимация исторической памяти связана с возрождением общественного интереса к исконным началам,

истокам цивилизации – евразийской, индоевропейской (индоарийской) общности народов, многотысячелетней истории нашей земли, истории пранарода, праязыка и верованиям далеких предков.

Весь предшествующий исторический контекст существования славяно-русской цивилизации, Российской империи, а затем и СССР поэтапно способствовал зарождению и развитию критических подходов в том числе в массовом народном сознании к «духовно-политическому» диктату как в науке, так и в идеологии, очевидно призванному ограничить представления народа о своей силе – истинной многотысячелетней истории, отнюдь не ограниченной хронологическими рамками, в соответствии с которыми точкой отсчета отечественной цивилизованности стало принятие христианства на Руси. А как же не одна тысяча лет развития и процветания славянской цивилизации, т.е. хозяйственно-экономического уклада, системы социальных отношений, духовной культуры, письменности (как известно, славянская письменность возникла задолго до Кирилла и Мефодия) и т.д.?

Неслучайно в настоящее время наблюдается массовый интерес, а с ним и всплеск научно-публицистической мысли к истокам формирования древнеславянского, древнерусского мировоззрения – ведической культуре. Как в советское время, так и сейчас тем более публиковалось и продолжает появляться немало академических научно аргументированных трудов по этой теме.

Знание величия и древности своей истории, осознание глубинной взаимосвязи между поколениями являет собой источник колоссальной силы, коллективной энергии, чего так опасаются потенциальные и реальные противники развития государства российского и что могло бы стать неотъемлемым компонентом не только «мягкой мощи» России и арсенала её внешнеполитических инструментов, но и консолидации общества и укрепления государственности в целом.

В этой связи целесообразно разработать и утвердить Министерством образования и науки России новые обязательные учебные пособия по отечественной истории для средней и высшей школы, комплексно, компетентно и объективно осве-

щающие историю России с древнейших времен до наших дней. При этом необходимо утвердить перечень обязательных для обучения пособий в школах и вузах по каждой дисциплине, дабы преодолеть хаос на «рынке» учебных пособий зачастую сомнительного научно-фактологического содержания.

Используя имеющиеся государственные медийные ресурсы, требуется доносить (особенно до молодого поколения россиян) информацию о древней истории земель, на которых расположена современная Российская Федерация.

6. Поддерживая укрепление и развитие упомянутых тенденций, необходимо последовательно препятствовать зачастую сознательному, заказному, целенаправленному осквернению добрых идей изучения родной традиции на уровне культурно-исторических клубов, этнографических кружков, фольклорных коллективов и научных исследований, искусственному облачению их в радикальные формы и неза заслуженному смешиванию с экстремистскими течениями ультраправого толка.

7. Что касается радикальных движений, то необходимо всемерно и последовательно бороться с ними, искореняя экстремистскую идеологию в любой ее форме, какой бы стороной она не порождалась: будь то радикальные ответвления в исламе, христианстве, иудаизме или проявления в виде разного рода псевдорелигиозных учений и тоталитарных сект. Последние вообще предмет отдельного изучения, особенно в контексте новейшей истории России, когда после развала СССР и до возрождения политического могущества РПЦ всяческие, в том числе западные, секты и течения в христианском вероучении стали пытаться заполнять образовавшийся на постсоветском пространстве духовный вакуум.

8. Действуя в русле одного из основных приоритетов внешней политики России, стоит еще больше акцентировать усилия российской дипломатии на укреплении роли русского языка как средства межнационального общения мультикультурной общности народов не только российского и постсоветского пространств, но и принимать меры по популяризации и расширению изучения русского языка в зонах стратегических интересов России. Безусловным приоритетом остается сохранение и укрепление русскоязычного пространства по периме-

тру границ Российской Федерации на основе добровольного приятия народами дружественных и братских республик факта общности многовековой истории, общего настоящего и будущего, основанного на экономической, политической и культурной взаимозависимости соседствующих государств.

9. Полномасштабное государственное финансирование и реализация программ по массовому привлечению граждан к занятиям физкультурой и спортом, здоровому образу жизни, обеспечение постоянного информационно-пропагандистского сопровождения государственной политики в этой сфере, включающей антиалкогольную, антитабачную, антинаркотическую пропаганду, несмотря на ожидаемое противодействие влиятельных лоббистских группировок.

Информация, передаваемая через СМИ, должна отражать реальную клиническую картину процессов, происходящих в организме человека под воздействием вышеупомянутых веществ и последствий их употребления. Кроме того, необходимо всемерно содействовать увеличению доли наружной и телевизионной социальной рекламы и телепрограмм на отечественных телеканалах, а также других средств информационно-пропагандистского сопровождения государственной кампании по борьбе с алкоголизацией, наркотизацией нации и курением.

Для успешного осуществления таких программ требуется активное государственное участие, выраженное в том числе в принятии законодательной базы и утверждении механизма контроля за ее применением в отношении возрастного ценза для продажи спиртосодержащей продукции (запрет на продажу алкоголя лицам младше 21 года), сокращении рынка так называемой дешевой алкогольной продукции и популярных в некоторых молодежных кругах суррогатных алкогольных коктейлей, ощутимом повышении цен на любой вид алкогольной продукции, разработке комплекса решительных мер по ликвидации неизбежно возникающего в этих условиях рынка контрафактного алкоголя, отраслевой переориентации части в избытке находящихся на территории России спиртзаводов и т.д. При этом все перечисленные, а также любые другие не упомянутые здесь меры неизбежно соприкасаются с проблемой

занятости населения, особенно на селе – отдельное направление деятельности государственной социальной, аграрной, хозяйственно-экономической политики, отраслевых национальных проектов и иных госпрограмм.

10. Имея в виду подходы США к развитию спорта высших достижений как к колоссальному ресурсу американской «мягкой силы», России необходимо выстраивать на новом уровне систему подготовки атлетов для спорта высших достижений. За шесть в общей сложности зимних и летних олимпиад с 2000 по 2010 г. показатели России постепенно снижались и ощутимых провалов изначально не чувствовалось благодаря движению по инерции на советском «топливе» в основном за счет поколения спортсменов, родившихся в конце 1970-х – начале-середине 1980-х гг. Однако своего апогея процесс уничтожения легендарного спортивного прошлого достиг на зимних Олимпийских играх в Ванкувере в 2010 г., где сборная России показала худший результат за всю историю своего участия в зимних Олимпийских играх. Причиной тому стали объективные факторы, связанные с системным кризисом в отечественной спортивной сфере, а также технико-методологическая отсталость и функциональная неготовность отечественных тренеров и спортсменов.

Произошедшее на Олимпиаде в Ванкувере не сбой в системе, а проявление системного кризиса, причем совершенно предсказуемого при такой складывавшейся годами и до сих пор непреодолеваемой диспозиции. А это и есть громкий звонок, предупреждающий не только о невиданном доселе спортивно-политическом поражении на международной арене, но, что более важно, о реально существующей угрозе национальной безопасности страны, и в более глобальном масштабе – существованию суверенного государства как такового, воспроизводству здоровой нации и формированию новых потенциалов «мягкой» и «жесткой» силы вместе взятых.

11. Активизация всесторонней работы государства и общественных организаций по целенаправленному поступательному выправлению кризисной демографической ситуации в стране и связанное с этим восстановление стержневых нравственных социальных ориентиров.

П.Дж. Бьюкенен пишет о нас: «С уровнем рождаемости 1,35 Россия к 2015 г. потеряет 33 миллиона человек из своих 147 миллионов... Число детей младше 15 лет сократится к тому же сроку с 26 до 16 миллионов, а количество пожилых людей возрастет с нынешних 18 до 28 миллионов человек»⁶⁹⁰. По данным статистики на 2000 г., «население России сократилось до 145 миллионов человек, прогноз на 2016 г. дает цифру в 123 миллиона человек»⁶⁹¹. В этом контексте напрашивается параллель с пресловутой доктриной (или планом) Даллеса, существование которой так и не доказано, но в которой, согласно имеющемуся тексту, излагается четкая программа в том числе по управляемому демографическому коллапсу СССР⁶⁹².

Выступая со своим первым посланием Федеральному Собранию 8 июля 2000 г., Президент России В.В. Путин заявил: «Нас, граждан России, из года в год становится все меньше и меньше. Уже несколько лет численность населения страны в среднем ежегодно уменьшается на 750 ты. человек. И если верить прогнозам, а прогнозы основаны на реальной работе, реальной работе людей, которые в этом разбираются, этому посвятили всю свою жизнь, уже через 15 лет россиян может стать меньше на 22 миллиона человек. Я прошу вдуматься в эту цифру – седьмая часть населения страны. Если нынешняя тенденция сохранится, выживаемость нации окажется под угрозой. Нам реально грозит стать дряхлеющей нацией. Сегодня демографическая ситуация - одна из тревожных»⁶⁹³.

Конечно, за прошедшие 10 лет были сделаны конкретные действенные шаги по борьбе с демографическим кризисом. Однако наряду с постепенно выстраивающимся и «до-

⁶⁹⁰ Бьюкенен П. Смерть Запада. – М.: АСТ, 2004. С. 33–34.

⁶⁹¹ Там же.

⁶⁹² Что такое «план Даллеса»? URL: http://www.sakva.ru/Nick/NSC_20_1R.html.

⁶⁹³ Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию: 2000 г. URL: http://www.intelros.ru/2007/01/17/poslanie_prezidenta_rossii_vladimira_putina_federalnomu_sobraniju_rf_2000_god.html

водящимся до ума» механизмом господдержки рождаемости с помощью так называемого материнского капитала (за рождение второго ребенка) принципиально важно реализовать комплекс мер, включающий культурно-просветительскую работу в средних и высших образовательных учреждениях, активную пропаганду через СМИ, программную миссионерскую деятельность духовенства РПЦ и других конфессий, направленных на регенерацию нравственной опоры общества и его стретжня – традиционной культуры, подчеркивающих психологическую, социальную, физиологическую естественность и привлекательность традиционного семейного уклада (вопреки укоренившимся в сознании современной молодежи стандартам индивидуализма, карьеризма, культа развлечений, стремления жить для себя, феминизма, полигамии в межполовых отношениях, сексуальной распущенности и т.д.). Особенно важным представляется направить законодательные усилия государства в отношении законности аборт на фоне того, что «две из каждых трех беременностей (в России) завершаются абортами». По словам Бьюкенена, «русская женщина в среднем делает от 2,5 до 4 аборт, а уровень смертности в России сегодня на 70% превышает уровень рождаемости»⁶⁹⁴.

Несмотря на отдельные подвижки в решении этой проблемы, озвучиваемые на официальном уровне⁶⁹⁵, решить ее

⁶⁹⁴ Бьюкенен П. Смерть Запада.– М.: АСТ, 2004. С. 34.

⁶⁹⁵ Выступая на конференции министров социального блока стран Совета Европы по социальному сплочению в феврале 2009 г., Председатель Правительства России В.В. Путин отметил, что «пока складывающаяся тенденция (в сфере демографии) обнадеживает». Он напомнил, что в 2008 г. в России родились 1,7 млн детей, что на 7% больше, чем в 2007 г., сказав, что «это, в том числе, и результат мер по стимулированию рождаемости, которые были предприняты в последние годы, таких как существенное повышение семейных пособий, введение специальной выплаты – «материнского капитала» – для женщин, родивших двух и более детей, а также ускоренное решение жилищных проблем молодых семей ... Во многом изменилась и сама общественная атмосфера, возросли престиж и популярность семейных ценностей и материнства». URL: <http://www.novopol.ru/text62611.html>.

возможно лишь комплексными целенаправленными усилиями одновременно в различных сферах государственной политики: от совершенствования миграционного регулирования до активного содействия созданию рабочих мест (особенно в деревне и малых городах) как при помощи стимулирования частных инвестиций в создание и развитие производства, так и бюджетного финансирования, конечной целью чего является преодоление депрессии в регионах и ее социальных последствий.

12. Как подробно излагалось в предыдущем параграфе, отдельный важный блок вопросов представляет разработка долгосрочной информационно-пропагандистской стратегии по формированию позитивного облика России в мире. Пристального внимания заслуживает и развитие кириллического сегмента в интернете, а также распространение и популяризация англоязычного контента отечественных сетевых ресурсов.

На этом фоне не только не теряется, но постоянно возрастает актуальность проблемы обеспечения информационной безопасности граждан, прежде всего детей, как в киберпространстве, так и на теле- и видеоэкране, что предполагает ужесточение мер по фильтрации, блокировке, борьбе с распространением деструктивных материалов, наносящих ущерб человеческой психике.

13. Что касается формирования внешней культурной политики России и развития культурной дипломатии нашей страны на современном этапе, то здесь, как уже упоминалось, имеет смысл развивать усилия в двух основных плоскостях:

- высокая культура и высокое искусство – визитная карточка России и основная статья культурного экспорта;
- развитие производства и экспорта отечественных продуктов массовой культуры.

14. Одним из ключевых факторов, обуславливающих успех «мягких» инструментов внешнего воздействия государства и его умения расположить к себе международное сообщество, является вышеупомянутая возможность дать качественное высшее образование иностранным студентам.

Подводя краткий итог главы и принимая во внимание богатую историю соприкосновений СССР/России и США на исследуемом поле, необходимо обратить внимание на прак-

тическую значимость изучаемой проблемы с точки зрения перспективного применения для обеспечения национальной безопасности и реализации внешней политики России. Содержание заключительной главы во многом обусловлено целесообразностью учета американского опыта для формирования российского оборонно-наступательного потенциала через аппликацию «мягкой силы», а также культивацию невоенных форм воздействия.

Заключение

История внешней политики США второй половины XX в. –первого десятилетия XXI столетия иллюстрирует эволюцию подходов американского руководства в сторону заметного возрастания роли невоенных факторов силы в арсенале внешнеполитических инструментов. Несмотря на приоритет военной силы в качестве основного аргумента США в решении вопросов глобальной повестки дня, к середине XX в. для американских стратегов стала очевидной невозможность эффективного воздействия на систему международных отношений и достижения долгосрочных политических и экономических результатов без формирования благоприятного культурно-информационного пространства.

Решение поставленных перед исследователем задач выражается в результатах анализа истории внешней культурной политики США, которые убедительно подтверждают, что **культурный фактор – ключевой аспект** содержательной категории «**мягкая сила**», включающей систему компонентов, главные из которых были изучены в ходе проведенной работы. При этом целесообразно именовать упомянутый аспект внешнеполитического влияния США культурно-информационным направлением внешней политики, имея в виду комплексное сочетание культурных инструментов с информационно-пропагандистскими, образовательными, политехнологическими и другими опциями в арсенале средств непрямого управления глобальными процессами из Вашингтона и обеспечения Соединенными Штатами своих национальных интересов в их специфическом доктринальном понимании. Причем во второй половине XX столетия реализация национального интереса США (смысловое содержание данного термина претерпело кардинальные изменения за период, прошедший после Тридцатилетней войны (1618 – 1648)) стала обеспечиваться при помощи принципов непрямого управления и влияния посредством культуры и информации, т.е. «мягкой силы». Более того, на рубеже XX – XXI вв. эта методика стала крайне востребована американским истеблишментом.

Таким образом, «мягкая сила» США – это комплексное символическое наименование системы методов и средств, базирующейся на эффективной имиджевой стратегии производства привлекательных образов через реализацию государством публичной и культурной дипломатии, внешней культурной, образовательной, информационной политики, пропаганды, политических технологий во всемирном масштабе посредством СМИ (прежде всего их инновационных компонентов). Этот механизм реализуется через официальные и неофициальные каналы, формируя позитивный имидж страны, а также выверенный в нужном истеблишменту ключе алгоритм восприятия информации как гражданами США, так иностранной аудиторией путем согласованных действий госаппарата и корпоратократии, конструирующих «матричное» информационное пространство.

История формирования потенциалов «мягкой силы» США в 1945 – 2012 гг. показывает, что отношение американского политического истеблишмента к культуре как инструменту внешнеполитического влияния и компонента «мягкой силы» не было однозначным и зависело от внешних факторов, исторических обстоятельств, ценностно-политических установок властвующих элит. За рассмотренный период нередко значимость этого фактора игнорировалась американским руководством, что приводило к существенному урезанию финансирования культурных и образовательных программ (наиболее современный пример – политика администрации Дж. Буша-мл.).

Вместе с тем «мягкая сила», применяемая и в качестве тактического оружия, также использует привлекательность не только культуры, но и демократии, свободного рынка, прав человека, индивидуальных возможностей с целью укрепления лидерства Вашингтона в культурно-коммуникационной сфере. Совокупность же всех информационных возможностей, подкрепляющих геостратегическое преимущество Соединенных Штатов, создаёт информационный зонтик, с помощью которого американцы в одностороннем порядке определяют позицию союзников по ключевым вопросам международной повестки дня. То есть «мягкая сила» представляет собой информационный инструментарий, призывающий к политиче-

скому действию государства, входящие в зону национальных интересов США. Смысл силы как таковой («жесткой» или «мягкой») определяется возможностью добиться от других поставленной цели. Сама же эта возможность всецело зависит от наличия у конкретного режима ресурсов для осуществления власти, умения их применять и условий для их эффективной реализации.

При этом ресурсы «мягкой силы» США отделены от государственных инструментов и могут оказывать противоположное воздействие по отношению к целям американского правительства. Например, поп-культура часто преследовала цели, не соответствующие официальной политической линии Вашингтона. Одна из наиболее ярких иллюстраций в истории – период войны во Вьетнаме (1965-1975). Иракская война (2003-2011) привела к резкому ухудшению отношения к США в глазах мировой общественности, и особенно в исламском мире. Однако такая реакция была направлена преимущественно на истеблишмент, так как общественность в большинстве стран продолжала потреблять продукцию американской массовой культуры.

Начало активного вовлечения государства в реализацию и финансирование внешней культурной политики США диктовалось необходимостью противостояния внешним угрозам – пропагандистской деятельности нацистской Германии в Латинской Америке (в 1938 г. был создан Отдел культурных связей в структуре Госдепартамента США). Однако только после завершения Второй мировой войны в американских политических кругах созрело решение о целенаправленном использовании фактора культуры в качестве действенного орудия контрпропаганды. Обусловлено это было главным внешним фактором: долгое время – вплоть до эры Горбачева – Советский Союз фактически повсеместно лидировал в информационно-пропагандистском обеспечении своей внешней политики, ведя активную работу в странах социалистического лагеря.

Необходимо констатировать, что **идеологический аспект** был и остается неотъемлемой составляющей внешней политики США. Потребность Белого дома в арсенале для ведения идеологических баталий во времена «холодной войны» дала мощный импульс развитию и укреплению

информационно-пропагандистского и культурного фактора во внешней политике. Правительство США сделало культурно-идеологическую пропаганду за рубежом эффективным направлением государственной политики. Весь комплекс регулярно обновлявшихся политических и информационных установок и концепций приходивших к власти группировок активно внедрялся в практику внешнеполитической деятельности. Регулярно происходили пересмотр и корректировка задач и целей внешней политики, давалась обновленная трактовка альтернатив внешнеполитического курса.

В соответствии с данными американских историков процесс формирования публичной дипломатии США как особой формы внешнеполитической деятельности завершился в 1980-е гг.

Механизм реализации политики «мягкой силы» целесообразно классифицировать, выделяя официальный и неофициальный уровни. Институционально официальное направление на протяжении второй половины XX в. претерпевало существенные метаморфозы вследствие реформирования системы госуправления пропагандой и внешней культурной политикой. Сегодня основным правительственным институтом, уполномоченным проводить внешнюю культурную и образовательную политику США, остается Бюро по делам образования и культуры Госдепартамента. Однако это не монополярная компетенция Госдепартамента, так как Агентство США по международному развитию принимает участие в администрировании программ для представителей развивающихся стран. При этом важно иметь в виду, что часть программ как в период «холодной войны», так и в настоящее время находится в ведении ЦРУ.

Вместе с тем официальные каналы реализации публичной дипломатии на современном этапе гораздо менее сильные и эффективные, чем во времена «холодной войны». Упразднение ЮСИА в 1999 г. и передача его функций Государственному департаменту обозначила, по мнению американских экспертов, фактический конец «золотой эры» американской пропаганды, публичной дипломатии и ее составляющей – культурной дипломатии. Однако несмотря на многочисленные

реорганизацию институты управления внешнеполитической пропагандой США и культурной дипломатией продолжают функционировать, являясь действенным средством обеспечения национальных интересов и формирования мирового общественного мнения.

Наиболее значимые средства реализации неофициального аспекта внешней культурно-информационной политики США – голливудский кинематограф, СМИ, прежде всего телевидение, музыкальная индустрия, молодежные субкультуры, питающие массовую культуру. Это один из наиболее эффективных инструментов внешней культурной политики США в ее неофициальном проявлении. Зачастую незаслуженно игнорируемое воздействие на уровне массовой культуры гораздо более эффективно, нежели рычаги официального политического или экономического влияния. Именно поп-культура создала привлекательный образ Америки в мире, обеспечив дополнительные возможности реализации как политико-экономических интересов государства, так и интересов американского бизнеса.

Голливуд – один из наиболее важных и эффективно действующих инструментов неофициальной внешней культурной политики США. Это главный культурный продукт, идеологическое орудие, один из символов современной Америки, средство формирования имиджа этого государства на мировой арене и основной элемент в системе обеспечения глобального культурного присутствия США. Как «самый могущественный промоутер и экспортер визуальных символов»⁶⁹⁶ США, голливудский кинематограф оказывает серьезное влияние на формирование и реализацию внутренней и внешней культурной политики и жизнь американского общества в целом. Голливудские фильмы занимают до 50% демонстрационного времени в странах мира⁶⁹⁷. Американское кино оказалось одним из наиболее эф-

⁶⁹⁶ *Най Дж.С.* Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. – Новосибирск –М.: Фонд социопрогностических исследований «Тренды», 2006. С. 81.

⁶⁹⁷ *Шурыев Б.А.* Внешняя политика США. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. С. 253.

фактивных орудий в арсенале Америки, при помощи которого в существенной степени американцы сумели одержать верх в «холодной войне».

Крах СССР наглядно продемонстрировал значение «мягкой силы», которая за сравнительно короткий промежуток времени внесла смятение в социалистический лагерь. Руководство СССР оставило без внимания антисоветскую пропаганду в странах Варшавского договора. Крушение берлинской стены, успех польской «Солидарности», падение режима Н. Чаушеку, победа В. Гавела, распад Югославии – все эти события происходили под аккомпанемент «культурного оркестра» из Вашингтона. С приходом к власти в СССР М. Горбачёва руководство ЦК КПСС предаёт забвению культурную и информационную безопасность народов Советского Союза, разрывая идейно-политические связи между союзными республиками.

Демонтаж системы социализма позволил Белому дому активизировать свою деятельность по разрушению «русского мира» в странах СНГ, выраженную во многом в упрочении позиций английского языка и усилении антисоветской пропаганды. Массовая культура преимущественно заокеанского происхождения заполнила культурное поле России.

Наряду с культурными аспектами вторым ключевым сегментом «мягкой силы» является **информационная политика**. Со второй половины XX в. базовой теорией, связывающей национальные интересы США с не существовавшей тогда в политическом лексиконе категорией «мягкая сила», становится доктрина свободной информации, открывавшая официальный коридор для ведения информационных войн с целью доступа в интересующие регионы мира.

На сегодняшний день информационная политика стран Запада в целом строится на методологии неомарксиста А. Грамши. Его теоретические наработки (наряду с методиками Дж. Шарпа) используются для проведения глобальных пропагандистских кампаний, государственных переворотов, именуемых «цветными», или «бархатными» революциями, стимулирования межнациональных столкновений, продви-

жения ценностей и принципов глобализации, выверенных в общечеловеческом фокусе.

СМИ – основной инструмент трансляции «молекулярной агрессии» (выражаясь терминологией Грамши) культурной и информационной продукции США в культурные ядра суверенных государств, осуществления внешней культурной политики на официальном и неофициальном уровнях и, соответственно, обеспечения глобального культурного доминирования США. СМИ, как четвертая власть, манипулируют общественным сознанием, программируют модели поведения масс, о чем в свое время подробно писал Г. Шиллер⁶⁹⁸.

В образовательной сфере международная деятельность США получила масштабное развитие ещё перед началом Второй мировой войны, а с 1960-х гг. американские программы взаимного образовательного и культурного обмена превращаются в институционализированные, проводимые на регулярной основе цикличные мероприятия с возобновляемым бюджетом, регламентированным содержанием и строго очерченной целевой аудиторией.

Со вступления в силу в 1961 г. закона Фулбрайта–Хэйса программы обучения иностранных студентов в университетах США становятся самостоятельным официальным направлением внешней политики США. Рассматривая культурную дипломатию как «область дипломатии, связанную с созданием, развитием и поддержанием отношений с иностранными государствами посредством культуры, искусства и образования», международные образовательные обмены предстают ключевым фактором «внешней проекции системы ценностей на двустороннем и многостороннем уровнях»⁶⁹⁹.

Американские образовательные учреждения и образовательные обмены, в частности, превратились, выражаясь терминологией Зб. Бжезинского, в «социальную лабораторию мира»⁷⁰⁰. Благодаря своему планетарному охвату, образова-

⁶⁹⁸ Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. – М.: Мысль, 1980.

⁶⁹⁹ Concise Review of the Basics of Cultural Diplomacy. URL: <http://textus.diplomacy.edu/textusBin/BViewers/oview/culturaldiplomacy/oview.asp>.

⁷⁰⁰ Brzezinski Z. America in a Hostile World. Foreign Policy, 1976. №. 23. P. 92.

тельная политика Соединённых Штатов стала действенным компонентом «мягкой силы», позволяющим формировать мировую политическую, экономическую, интеллектуальную и военную элиту, верную догмам либеральной демократии и рыночной экономики по-американски. Примерами служат получившие в разное время образование в США президент Египта А. Садат, премьер-министры Великобритании М. Тетчер и Э. Блэр, канцлеры ФРГ Г. Шмидт и Г. Шрёдер, президент Афганистана Х. Карзай⁷⁰¹. «Эта деятельность преследовала долгосрочные стратегические цели – повлиять на процессы создания интеллигенции в молодых государствах». При этом «особое внимание США привлекают те, кто может войти в состав национальных бюрократических и технократических групп»⁷⁰².

Что касается СССР, то на протяжении почти всего периода «холодной войны» Советский Союз лидировал в информационно-пропагандистском обеспечении своей внешней политики, опережая США по производству продуктов «мягкой силы». СССР отбирал граждан для обучения из 141 государства, а представители 101 страны активно участвовали в его образовательных программах.

Самый яркий и в своём роде уникальный инструмент образовательной политики СССР – Российский университет дружбы народов (в ту пору – УДН им П. Лумумба), учреждённый 5 февраля 1960 г. решением советского правительства. Будучи одним из приоритетных государственных проектов с целью образования «подконтрольных» политических элит в зонах влияния СССР на планете, университет явил собой первый и, к сожалению, единственный пример широкомасштабной государственной поддержки такого источника формирования «мягкой силы» страны. И хотя вуз создавался как политический проект в известной международной обстановке и соответствующей идеологической атмосфере, нет оснований отрицать эффективность этого инструмента, не раз подтвер-

⁷⁰¹ Report of the Advisory Committee on Cultural Diplomacy / The Linchpin of Public Diplomacy. U.S. Department of State, 2005. P. 10.

⁷⁰² Шейдина И.А. Невоенные факторы силы во внешней политике США. – М.: Наука, 1984. С. 284.

дившего свою состоятельность, активно участвуя в фактическом конструировании истеблишментов стран Азии, Африки и Латинской Америки, снискав международную репутацию советского оплота *soft power*.

Однако одним из главных различий между образовательными мерами Советского Союза и Соединённых Штатов являлось то, что в СССР не существовало систематической ежегодной подготовки планов по модификации программ обучения для каждой отдельно взятой страны. Принятая однажды установка по рекрутированию в программы определенной целевой аудитории не менялась. Если США отслеживали каждый шаг СССР в образовательной политике своего оппонента, то в СССР такой анализ осуществлялся крайне редко. Удалось найти только один подобный анализ, датированный 1962 г.⁷⁰³. Более того, оценка эффективности также велась советскими ведомствами несистематично. Имелись отделы в Министерстве образования, которые занимались поддержанием связей с выпускниками, но постоянного контроля за деятельностью выпускников программ, как это делали американцы, не проводилось.

В отличие от своих советских оппонентов, администрация США сделала ставку на масштабное финансирование и техническое оснащение, приведшее к тому, что США и сегодня лидируют по количеству привлечённых иностранных студентов, «обучая ежегодно порядка 450 тыс. человек»⁷⁰⁴. По данным Национального совета по науке, в середине 2000-х гг. на долю иностранных студентов приходилось 38% опубликованных докторских диссертаций⁷⁰⁵.

С конца 1980-х гг. внимание внешнеполитических стратегов США сфокусировалось на странах Ближнего Востока и Восточной Европы, что объясняется геополитической и геоэкономической логикой американского доминирования в Евразии. Посредством образовательных программ ставка дела-

⁷⁰³ РГАНИ, ф. 5, о. 35, л. 228. Л. н/у.

⁷⁰⁴ Ширяев Б.А. Внешняя политика США. Принципы, механизмы, методы. – СПб., 2007. С. 254.

⁷⁰⁵ *Zakaria F.* Rejecting the Next Bill Gates // *The Washington Post*, November 23, 2004. P. 29.

лась на создании и усилении оппозиционных движений. Судя «по количеству обученных студентов в период правления администрации Р. Рейгана и Дж. Буша, которое в 1985 г. было утроено, а в 1989 г. умножилось в четыре раза по сравнению с количеством студентов в США из Восточной Европы в 1975 – 1976 гг., задача Америки по усилению своего влияния в регионе была достигнута»⁷⁰⁶. В октябре 1992 г. появился «Акт в поддержку свободы», создавший масштабные программы обучения для российских граждан. Это событие можно считать логическим завершением американской международной образовательной политики периода «холодной войны».

Институт филантропических фондов – финансовый фундамент «мягкой силы» США, обеспечивающий основные материальные ресурсы для проведения внешней культурно-информационной политики. Кроме того, фонды стали одним из важнейших политико-экономических рычагов работы глобальной элиты на территории США. Это «возникшая в начале XX в. сеть специально созданных учреждений, в которой сконцентрированы миллиардные средства, до определенной степени освобожденные от выполнения чисто экономических функций и основное направление деятельности которой нацелено на оказание как политического, так и экономического воздействия»⁷⁰⁷.

Выделяются три главных направления, по которым действуют основные американские филантропические фонды: разработка целей и направлений внешнеполитического курса США на современном историческом этапе, а также стратегии и тактики для их достижения в будущем; идеологическое обоснование и социально-экономическое оправдание поставленных задач, их пропаганда в качестве целей, отвечающих интересам американского народа; подготовка, отбор и расста-

⁷⁰⁶ Digest of Educational Statistics 1977 // National Council of Educational Statistics. URL: <http://nces.ed.gov/pubs/digest97/d97t410.html>. Цит. по: Цветкова Н.А. Cultural imperialism: международная образовательная политика США в годы «холодной войны». – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. С. 162.

⁷⁰⁷ Шолудько А.Н., Архангельский А.В. США: экономика, наука и культура во внешней политике. – М.: Уникум-Центр, 2000. С. 38.

новка собственных и зарубежных кадров для практического осуществления глобальной политики США. Фонды стали базой разветвленной сети научно-образовательных учреждений и исследовательских центров (особенно в сфере изучения международных отношений), совместно финансируемых, управляемых и определяющих условия и соответствующие рамки для определения долгосрочного внешнеполитического курса США на мировой арене⁷⁰⁸. Через эти организации элиты получили возможность формировать идеи и обеспечивать свою социальную гегемонию посредством производства и контроля над знаниями. Но главное – фонды явились локомотивами продвижения идеологии глобализма.

Анализируя истоки формирования арсенала невоенных методов и средств управления, применяемых во внешнеполитической деятельности США, неизбежно приходим к выводу о том, что ключевым элементом истории оформления американской государственности и стержнем политической системы США является феномен масонства и управления клубного характера – неотъемлемый политический атрибут истории Соединённых Штатов. Отмечая этот базовый элемент американской политической действительности, целесообразно рассматривать его в привязке к процессу разработки, принятия и реализации внешнеполитических решений, в том числе касающихся прямого или косвенного использования инструментов «мягкой силы». Более того, упомянутый феномен является стержнем формировавшегося всю вторую половину XX в. западного механизма глобального управления со штаб-квартирой в США, неформальные структуры которого, как показала история, проявляли наибольший интерес к разработке технологий непрямого управления.

В конце XX – начале XXI в. на арену истории вышел новый субъект – так называемый **глобальный управляющий класс**, представленный группами влияния в составе руководителей крупных транснациональных корпораций, бывших и нынешних глав государств и членов правительств, руководства силовых структур, авторитетных представителей экспертного сообщества, а также

⁷⁰⁸ Филлимонов Г.Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. – М.: РУДН, 2010, С. 125.

сферы культуры – продуцирующих образы, которые формируют благоприятный масскультурный климат – площадку для эффективной реализации мировой элитой глобальных политических, финансово-экономических и военных задач.

По результатам исследования внешней политики США (1945 – 2012) целесообразно констатировать, что основные современные **глобальные акторы** – не государства, а **устойчивые сетевые структуры** (одно из главных исключений – КНР). С точки зрения анализа ключевых решений, принимавшихся Соединенными Штатами во второй половине XX в., продиктованных прежде всего финансовыми и экономическими (сырьевыми) устремлениями англо-американского капитала, имеются основания рассматривать США не как государство, а в качестве кластера – зоны деятельности ТНК и финансово-информационных структур.

Мы становимся свидетелями перехода от управления в интересах государств-наций к управлению в интересах глобальных сетевых структур. В современных международных отношениях «мягкая сила» представляет собой не только пропаганду, она, скорее, уникальный исторический феномен, подчеркивающий: государствоцентричная вертикальная модель управления мировым порядком постепенно отходит на второй план, передавая пальму первенства различным сетям, обладающим средствами убеждения планетарного масштаба. Очевидно, что эта модель сковывает и ограничивает национальные государства во всех вопросах, касающихся их безопасности и целостности, что, к примеру, во времена кардинала Ришелье или императора Петра I казалось немыслимым.

Причём изменения затрагивают все сферы государственной жизни, вызывая тем самым «революцию в дипломатии»⁷⁰⁹. Трансформировалось само понимание мира, в котором уже не только материальная база является предметом соперничества. Ключ к успеху также лежит в умелом управлении информационными возможностями и ресурсами. В частности Х. Клинтон полагает, что именно «умная сила», основанная на союзе «твердой дипломатии и развитии партнерских отношений с другими правительствами», может создать «совместные ин-

⁷⁰⁹ *Arquilla J., Ronfeldt D. The Emergence of Noopolitik: Toward an American Information Strategy. RAND/MR-1033-OSD. 1999. P. 102.*

дивидуальные сети (сетевые организации) индивидов и НПО», способные «находить инновационные решения глобальных проблем»⁷¹⁰.

Идеологическую базу для этого политического поведения составил неолиберализм, проповедующий принцип свободной торговли, открывающий национальные границы для сбыта товаров и услуг современных корпораций. Это обстоятельство стимулирует развитие принципиально новых форм тайной внешней политики, существенно отличающихся от тайной политики прошлого. Корпоратократия в отличие от государственно-монополитической буржуазии одновременно приобретает наднациональное и инфранациональное измерение, что неизбежно порождает антагонизм и противоборство между национальной бюрократией государств и глобальным управляющим классом.

Финансовые и политические элиты государств, имеющих планетарные притязания на лидерство, всегда стремились создать универсальную модель управления. Причём, какие бы формы модель ни принимала, она всегда носила толпоэлитарный характер. Так, американско-европейский капитал, представленный семьями Ротшильдов, Морганов, Рокфеллеров, Варбургов и др., поставил своей целью «создать мировую систему финансового контроля, сосредоточенную в частных руках и способную влиять на политическую систему каждой страны и экономику мира в целом». Предполагалось, что эта система «будет совершенно феодально управляться центральными банками мира, действующими в соответствии с тайными соглашениями, заключёнными на часто проводимых личных встречах и совещаниях»⁷¹¹.

Основные институты и «опорные пункты» западного механизма **глобального управления** – Совет по международным отношениям (США) и Королевский институт международных дел (Великобритания), сыгравшие значительную роль в осмыслении и развитии трансатлантических связей.

⁷¹⁰ Smartpoweroula «nouvelle» diplomatie américaine. <http://pourconvaincre.blogspot.com/2009/02/smart-power-ou-la-nouvelle-diplomatie.html>.

⁷¹¹ *Quigley C.* Tragedy and Hope: A History of the World in Our Time. – N.Y.: Macmillan, 1966. P. 324.

Члены СМО взяли на себя полноценное руководство внешней политикой США (в администрации Г. Трумэна сотрудники Совета заняли 42% руководящих постов в Госдепартаменте; при Д. Эйзенхауэре – 40%; в администрациях Дж. Кеннеди и Л. Джонсона – 51% и 57%⁷¹²).

В деятельности СМО можно проследить ступени развития доктрины глобализма. Уже в 1960 – 1970-е гг. пробиваются на поверхность всходы целенаправленной работы всего XX в. по консолидации и созданию наднациональных механизмов контроля над общемировым развитием, в которых стратегия отдельных стран была бы незаметно подчинена поставленным целям. Задача эта связана с панорамными расчётами ведущих сил Запада, которые они вели с начала века в отношении своего политического и экономического будущего. Первыми продуктами «конструкторской» работы стали международные политические и финансовые учреждения – Лига Наций (1919 – 1920) и Банк международных расчётов (1930).

Поддержка в реализации инициатив глобального строительства осуществлялась Тавистокским институтом человеческих отношений, Стэнфордским исследовательским институтом (в частности, Стэнфордским центром передовых исследований в области бихевиоральных наук), Институтом социальных отношений, а также самым широким спектром исследовательских организаций, «фабрик мысли», фондов и НПО, специализирующихся на социальной инженерии и прикладной социальной психиатрии.

Помимо создания ООН, призванной после Второй мировой войны осуществлять политическое и экономическое регулирование планетарными процессами, в августе 1948 г. был создан Всемирный совет церквей – результат длительной работы по консолидации международного экуменического движения, во главе которого стояли Рокфеллеры.

Бильдербергский клуб – один из наиболее известных закрытых форматов предметного общения мировой элиты. В ряду самых известных политико-экономических проектов

⁷¹² *Shoup L., Minter W. Imperial Brain Trust: The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy.* – N.Y.: Authors Choice Press, 2004. P. 62–64.

этой группы – объединение Европы и реанимация её роли в международных делах и последовавшее поэтапное формирование Евросоюза. Еще одна иллюстрация влияния Бильдербергского клуба на мировую политику – военная операция НАТО против Югославии, на территории которой правящая элита Европы и США преследовала собственные экономические цели⁷¹³. Среди наиболее значимых проектов «Бильдерберга» в сфере производства продуктов «мягкой силы» – вышеупомянутый Тавистокский институт и его детища.

Созданный в 1946 г. при финансовой поддержке Фонда Рокфеллера и превратившийся в крупнейшего производителя технологий в области социальной инженерии, группового и организационного поведения, институт получил всеобщее признание благодаря проектам культурно-информационного моделирования и формирования общества, прежде всего посредством воздействия на молодежную среду (через использование СМИ, преимущественно телевидения, как информационного оружия). По распространенной версии⁷¹⁴, такими методами создавались маскультурные идолы (самый известный проект – «Битлз», в создании которого принял участие неомарксист из Франкфуртской школы Т. Адорно), искусственно рождались новые субкультуры, фабриковалась ментальная среда новых поколений. Таким образом, социальная инженерия – одно из наиболее успешных направлений аппликации американской «мягкой силы»⁷¹⁵.

⁷¹³ Запад получал стратегически важный металл хром в основном из Заира, однако в мае 1997 г. после свержения режима Ж.Д. Мабуту хромовые поставки оказались под угрозой. На территории же Косово (вместе с Албанией) находится до 90% разведанных европейских запасов этого сырья, стоимость доставки которого к европейским потребителям в 10 раз ниже, чем из Заира. Провозглашение независимости Косова 17 февраля 2008 г. поставило финальную точку в борьбе членов клуба за ресурсы края.

⁷¹⁴ *Эстулин Д.* Секреты Бильдербергского клуба. – М.: Попурри, 2009. С. 19; *Коулман Дж.* Комитет трэксот. – М.: Витязь, 2011. С. 66.

⁷¹⁵ У.Ф. Энгдаль выделяет заслуги сотрудника тавистокской «фабрики мысли» доктора психологии Ф. Эмери, предложившего использовать

Основав в 1968 г. на базе СМО еще один неформальный институт глобального управления – Римский клуб, Д. Рокфеллер на заседании Бильдербергского клуба в 1972 г. предлагает интегрировать Японию в существующую систему международных отношений путём создания Трёхсторонней комиссии (образована в 1973 г.). Будучи частной организацией, комиссия заложила основы новой глобальной стратегии – паутины взаимных связей представителей международных элит (многие из которых являлись деловыми партнерами Рокфеллеров), чей объединенный финансовый, экономический и политический вес был беспрецедентным. Трёхсторонняя группа создала фундамент того, что к 1990-м гг. получило название «глобализация»⁷¹⁶. В 2011 г. комиссия отдельно обсудила проблемы адаптации трёх макрорегионов к глобальным изменениям в области «мягкой силы»⁷¹⁷.

Аспекты политики «мягкой силы» проявляются в контексте американского моделирования системы глобального управления в такой же мере, в какой они свойственны внешней политике США. В процессе взаимодействия наднациональных элит для реализации текущих задач глобальной повестки дня используется весь арсенал инструментов: военно-политических, финансово-экономических, дипломатических. Однако, как показывает история формирования могущественного транснационального капитала с центром в США, определяющего тональность международной повестки дня, пере-

СМИ в качестве инструмента для дестабилизации национальных государств. Ф. Эмери обратил внимание на удивительное поведение толпы во время рок-концертов. Эмери был убежден, что таким поведением можно манипулировать в целях национальной обороны, и написал об этом работу под названием «Следующие 30 лет: принципы, методы, ожидания».

⁷¹⁶ *Engdahl W.F. Seeds of Destruction. The Hidden Agenda of GMO. Centre for Research on Globalization Publishing, 2007. P. 36.*

⁷¹⁷ Основные докладчики: Дж. Най, профессор Гарвардского университета, председатель группы Северной Америки; Д. Рубинштейн, председатель Carlyle Group; Х. Солана, бывший Верховный представитель ЕС по общей внешней политике и политике безопасности; Ян Жиминан, президент Шанхайского института международных исследований.

численные факторы во многом основываются на культурном, информационном и научно-образовательном лидерстве США в международных отношениях. Для американского сегмента транснациональной элиты «мягкая сила» США предстаёт действенным орудием трансляции своего влияния на внешний мир, что помимо властных дивидендов приносит и значительную прибыль, поскольку культура (особенно масскульт) в XX в. стала дорогостоящим товаром.

Экспорт американской массовой культуры, превратившейся за вторую половину XX в. в широко потребляемую в мире продукцию, неразрывно связан с интересами информационной корпоратократии (владельцев медиахолдингов, вещательных корпораций и финансово-промышленных конгломератов). Бизнес, заинтересованный в росте объемов продаж товара, стараясь, чтобы он в полной мере соответствовал рыночной конъюнктуре и спросу, стремясь в конечном счете к получению прибыли, не просто принимает участие, но играет ключевую роль в распространении американских культурных ценностей, контролируя процесс и степень их восприятия в мире. Это, в свою очередь, вполне отвечает целям и задачам внешней политики США. Спрос на американскую культурную продукцию – результат внешней культурной экспансии США, изначально формируемый и программируемый, так как бизнес создает стабильный, успешно развивающийся рынок сбыта этого товара, обеспечивая тем самым устойчивость спроса, создавая комфортный климат для политико-экономического влияния.

Что касается **финансово-экономических факторов** глобального управления, используемых транснациональными банками и монетарными властями США (ФРС), то все они также основываются на культурно-коммуникационном лидерстве Америки. При этом, вопреки классификации Дж. Найя, представляется целесообразным отнести финансово-экономические инструменты управления глобальными процессами к атрибутам «мягкой силы» (в этом плане позиция профессора Санкт-Петербургского университета Б.А. Ширяева видится более правомерной).

Комплексное понимание американской «мягкой силы» невозможно без фундаментальной оценки её экономического

базиса, движущих сил заокеанской экспансии США – транснациональных банков и промышленных конгломератов. Многочисленные исторические события подтверждают, что манипуляция с помощью финансовых и экономических инструментов невозможна без информационного, в более широком смысле – культурного сопровождения. Так, к примеру, растущие «мыльные пузыри» на рынках недвижимости или в других сегментах экономики, используемые (после их коллапса) транснациональными банками для кризисного управления американской и, как следствие, мировой экономикой, образуются с помощью массированного воздействия СМИ как внутри Америки, так и за её рубежами.

Кроме того, «мягкие» инструменты оказывают внешнее коммуникационное влияние для амортизации негативного международного резонанса, вызванного чередой экономических кризисов, сгенерированных на территории США. Именно здесь термин «неофициальная культурная политика» приобретает новое звучание и актуальность как один из наиболее эффективных ресурсов американской «мягкой силы».

Путь к политическому могуществу глобальной корпоратократии на протяжении второй половины XIX – XX вв. с «портом прописки» в США прокладывался сквозь череду управляемых экономических кризисов и валютно-кредитных манипуляций (с помощью инфляции), способствующих монополизации мирового хозяйства и постепенному демонтажу регулирующей роли национальных государств в экономике и других сферах общественных отношений. Инструмент – печатание бумажных денег во всё более возрастающих количествах. Бумажные деньги, распространившиеся повсеместно с созданием ФРС США (уникальной фактически частной организацией, управляющей национальной и мировой экономикой), превращают инфляцию, вызванную «увеличением денежной массы, находящейся в обращении»⁷¹⁸, в действенное орудие международной политики.

Устойчивость доллароцентричного мира основывается на политике бреттон-вудских институтов глобального управления – МВФ и Всемирного банка, направляющих масштаб-

⁷¹⁸ Терк Д., Рубино Д. Крах доллара и как извлечь из него выгоду/ Пер. с англ. И. Соколова. – М.: АСТ, 2006. С. 89.

ные валютные потоки в тот или иной регион, провоцируя рост внешней задолженности государств, что, в конечном счёте, вынуждает их проводить проамериканскую внешнюю политику в ущерб собственным национальным интересам (под влиянием МВФ и МБРР страны Латинской Америки увеличили внешние заимствования в четыре раза – с 75 до 315 млрд долларов за период с 1975 по 1982 г.).

Ввиду того что дешёвый доллар становится тяжким бременем для развивающихся стран, государственные перевороты в Тунисе, Египте, Йемене и Ливии – упреждающий удар Соединённых Штатов по элитам Ближнего Востока и Северной Африки, направленный на продление гегемонии американской валюты (именно мусульманские страны, экспортирующие энергоресурсы, концентрируют у себя преобладающее количество долларов). Наполняя долларами арабские государства, Америка усиливает тем самым инфляционную нагрузку на эти экономики, провоцируя значительные политические трудности. Война в Ливии, сократившая предложение нефти на мировом рынке в краткосрочной и долгосрочной перспективах, – могущественный фактор, ускоряющий политические изменения в арабских странах.

По итогам осуществленной работы правомерно констатировать эволюцию методов и средств в американском арсенале «мягкой силы» в ногу с развитием научно-технического прогресса. В этой связи атрибуты новой технологической эры – **инновационные механизмы** непрямого политтехнологического управления как компонента «мягкой силы» США дают возможность организовать и провести государственный переворот в какой-либо стране дистанционно, посредством передачи информации, например, через социальные сети и интернет-блоги. Формируя посредством этих каналов либерально-демократическую культурную среду, американские социальные сети и СМИ открывают путь к смене неудобных режимов в невиданных ранее масштабах.

По сути изменяется не только методика государственно-го переворота, но и модель глобального управления, приобретающая косвенный, более гибкий и согласованный с другими участниками международного общения характер. Возросшая

роль информации в жизни современного человека, разгоняющей маховик исторического процесса, форсирует создание глобального сетевого общества, оторванного от традиций и национальных культур. Речь идёт о новом инструменте социальной инженерии, создающем неведомые ранее модели принятия решений, изменяя когнитивный базис современного человека.

Интернет, будучи планетарной информационной магистралью, представляет собой уже не только канал для торговли и развлечений: «он оказывает решающее влияние на современные конфликты не только в области шпионажа и военных действий, но и в определении того, какая информация доходит до людей по всему миру»⁷¹⁹. Острые этой информационной политики – социальные сети Facebook и Twitter, а также ресурсы типа WikiLeaks, транслирующие американскую «мягкую силу», становятся инструментами революционной борьбы и государственных переворотов в интересующих США странах⁷²⁰. Могущество сетевых ресурсов подкрепляется их союзами с крупнейшими СМИ Европы и США, тиражирующими антиправительственные материалы.

Применительно к внешнеполитическим информационным операциям социальные сети синхронизируют массовые антиправительственные выступления, основанные на принципах **ненасильственного сопротивления** – еще одном методе «мягкой силы» США, который успешно использовался для смены власти в Сербии в 2000 г. («бульдозерная револю-

⁷¹⁹ Markoff J. Cyberwar. With New Software, Iranians And Others Outwit Net Censors // The New York Times. URL:<http://query.nytimes.com/gst/fullpage.html?res=9C00EFDC1338F932A35756C0A96F9C8B63&ref=cyberwar>.

⁷²⁰ Ещё в середине XX в. Ф. Эмери разработал концепцию, в рамках которой социальные сети (хотя тогда они существовали только в умах теоретиков) могут эффективно участвовать в смене политических режимов. Впервые идеи Эмери были «опробованы оперативниками разведки США и НАТО при успешной дестабилизации Франции Ш. де Голля во время студенческих протестов в мае 1968 г.». Engdahl F. A Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order. – London: Pluto, 2004. P. 274.

ция»), в Грузии («революция роз» 2003 г.), на Украине («оранжевая революция» 2004 г.) в Ливане («кедровая революция» 2005 г., приведшая к выводу сирийских войск из страны) и в Киргизии в 2005 г. («тюльпановая революция», повторно проведенная в 2010 г. для смещения К. Бакиева), Тунисе (январь 2011 г.) и Египте (февраль 2011). Ненасильственным сопротивлением также были охвачены Алжир (2010 – 2011), Йемен (2011), Сирия, Бахрейн, Иордания и Ливия. Это иллюстрирует поэтапное решение задачи Соединённых Штатов: перестроить Большой Ближний Восток, предоставив проамериканским элитам новую легитимность, необходимую в условиях ослабления глобальных позиций доллара.

Освещая решение следующей поставленной в работе задачи, необходимо отметить, что, согласно выводам автора, существовавшие в истории концепции формирования **мультикультульного общества** и американской идентичности правомерно именовать предтечами политтехнологий непрямого управления региональными и глобальными процессами с использованием методики «мягкой силы». Это важно понимать, так как внутренние социокультурные реалии Соединенных Штатов во многом определяли и продолжают влиять на содержание культурных ценностей и культурной продукции США, а соответственно и «начинку» экспорта американской массовой культуры.

Для понимания аргументов сторонников искусственного конструирования мультикультурного социума как продукта политических решений полезным для результатов исследования явилась апелляция к феномену «культурных войн». Последние десятилетия XX в. в США были отмечены очередным всплеском «культурных войн», в центре которых стояли такие понятия, как национальный канон и традиция, проблема соотношения единства/разнообразия/различия в американской культуре, «революция идентичностей», наконец, мультикультура, или культурная многосоставность, которые легли в основу понятия «общества и культуры разнообразия» — социокультурного комплекса, посредством которого Америка представляет себя в последние десятилетия, т.е. модели, в оче-

редной раз выводящей на первый план центробежные и гетерогенные тенденции в развитии национальной культуры⁷²¹.

Существовавшие в США (так называемый плавильный котел, томатный суп, салат) и Европе (мультикультурализм) концепции построения мультикультурного социума можно считать моделями социокультурной парадигмы глобализации. Будучи продуктом теоретиков неомарксизма из Франкфуртской школы, произведенным под заказ атлантических элит и спущенным к массам решением сверху, мультикультурализм стал «другой крайностью фашизма». Однако если для США и Канады высокие иммигрантские потоки – историческая форма существования, то для европейских стран – неминуемый крах национального государства, вызванный постепенным размыванием численности государствообразующих народов. 2011 г. красноречиво ознаменовал крах политики мультикультурализма в Европе, признанный на официальном уровне, что связано с чрезмерной ослабленностью Старого Света, утратившего потенциал экономической и социокультурной сопротивляемости собственноручно взрощенной проблеме – результату целенаправленного поощрения иммиграционных потоков.

Как для европейского, так и для американского общества приоритетом становится диаспоральность и этничность, нежели наднациональные мировоззренческие категории и политические установки. Стремление к сохранению уникальных традиций, социокультурных и этноконфессиональных особенностей народов, а также государственного суверенитета рождается как естественная реакция социума на многоуровневую унификацию, искусственное размывание границ и замену государственно (национально) ориентированной модели социально-экономического развития на суррогатную идеологию универсализма.

Таким образом, на основании информации, изложенной в монографии, есть причина рассматривать динамику происходящих в Европе и Северной Америке социокультурных процессов не в последнюю очередь как результат политических ре-

⁷²¹ *Глостанова М.В.* Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. URL: <http://www.dissercat.com/content/problema-multikulturalizma-i-literatura-ssha-kontsa-xx-veka>.

шений по привлечению дешёвой рабочей силы и «освеживанию крови» экономического организма государств за счет миграционных потоков, с одной стороны, а с другой – как продукт политических проектов – социальных экспериментов по искусственному формированию мультикультурной общности народов с идеологической наднациональной доминантой. Со временем упадок государствообразующих народов, ставший возможным благодаря аппликации идеологии мультикультурализма, будет форсировать децентрализацию государств.

Исторический процесс развития культурной дипломатии США с 1945 по 2012 г., цель которой – завоевание стратегических культурно-информационных пространств, позволяет сделать вывод о том, что для полноценного лидерства в современном мире необходима монополия на средства убеждения, с её помощью можно получить широкий доступ в сырьевую кладовую планеты и захватить новые рынки сбыта. Администрация США, взявшая на себя задачу глобального лидерства, прекрасно осознаёт, что невозможно контролировать мировые процессы исключительно путём военной силы.

В XXI столетии «мягкая сила» Вашингтона будет испытывать сопротивление со стороны Китая, который как никогда озабочен проблемой своего имиджа, препятствующего реализации собственных товаров и услуг. Основываясь на высокоинтеллектуальной методике манипуляции сознанием, США продолжают борьбу за стратегические коммуникационные пространства. Однако в силу дальнейшего формирования многополярного мира, вызванного торгово-промышленным и политическим усилением Евросоюза и Китая, США будут вынуждены форсировать создание системы информационного сдерживания этих центров силы. Исходя из этого прогноза в обозримом будущем военная и финансово-экономическая мощь (главным образом – доллар) Вашингтона ещё больше станет зависеть от культурно-информационных факторов.

Согласно упомянутому в работе мнению Дж. Ная, «тенденции в развитии международных отношений будут усиливать значение "мягкой силы" в общем властном балансе государств благодаря тому, что даже самые крупные и развитые государства больше не в состоянии решать собственные и международные проблемы исключительно военными средствами. Во-

первых, это объясняется взаимным переплетением экономик (главным побудительным мотивом приложения американских усилий в этой сфере становится управление взаимозависимостью). Во-вторых, резким «снижением роли военной доблести и славы в шкале ценностей современных постиндустриальных обществ», придающим «фактору привлекательности той или иной страны гораздо большее значение, чем даже сокрушительное военное превосходство»⁷²². Поэтому реализация одной из ключевых задач США – предотвращение доминирования на территории Евразии любой враждебной державы или группы держав – неизбежно предполагает задействование «мягкой силы», способной оказывать не прямое влияние на потенциальных союзников и конкурентов Вашингтона.

Из этого следует, что национальные интересы России, дважды за минувший век пережившей кардинальную трансформацию (1917 и 1991 гг.) своей политической системы, вновь потребуют эффективных усилий в сфере формирования оборонно-наступательных потенциалов «мягкой силы». Речь идёт не о тактических мерах, а о стратегии сохранения и укрепления государственного суверенитета, территориальной целостности России, консолидации общества, создании условий для успешного решения внутренних проблем и возможности для ведения государством активной внешней политики.

Успешная политика в области контроля за производством и распространением идей – дорогой продукт, требующий, помимо финансирования, ответов на фундаментальные внутренние вопросы политической, социально-экономической и культурной действительности нашей страны. В этой связи представляется необходимым подготовить и принять в качестве официального документа концепцию национальной культурной безопасности России, которая бы эффективно содействовала наращиванию потенциалов «мягкой силы» и восстановлению комплексного культурно-информационного преобладания Российской Федерации на постсоветском пространстве.

⁷²² Най Дж.С., Оуэнс У.А. Главная сила Америки – её информационные возможности. URL: <http://www.infousa.ru/information/gjcom6.htm>.

Библиография

1. Источники

Отечественные документы

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации Российской Федерации // Российская газета. 2000. 187. С. 5.

Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств на период до 2020 г. URL: <http://rs.gov.ru/taxonomy/term/185>.

О федеральной целевой программе «Русский язык» на 2011 – 2015 гг.: Постановление Правительства Российской Федерации от 20 июня 2011 г. № 492. URL: <http://rs.gov.ru/taxonomy/term/184>.

О концепции федеральной целевой программы «Русский язык» на 2011 – 2015 гг.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 07 февраля 2011 г. № 164-р. URL: <http://rs.gov.ru/taxonomy/term/184>.

О Российском центре международного научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2002 г. № 146 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 6. 265 с.

Об основных направлениях культурного сотрудничества Российской Федерации с зарубежными странами: Постановление Правительства Российской Федерации от 12 января 1995 г. № 22 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 4. 293 с.

Об участии в международном информационном обмене: Федеральный закон Российской Федерации от 5 июня 1996 г. № 85-ФЗ (с изменениями от 29 июня 2004 г. № 58-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 28. 3347 с.

О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 23 июня 1999 г. № 115-ФЗ (ред.

от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. 3172 с.

О Министерстве культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 17 июня 2004 г. № 289 (с изменениями от 26 января 2005 г. № 40) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 25. 2571 с.

О реорганизации центрального аппарата Министерства культуры Российской Федерации: Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 2 апреля 2003 г. URL: [//www.mkmk.ru/info/bazovdocs/](http://www.mkmk.ru/info/bazovdocs/)

О Российском центре международного научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2002 г. № 146 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 6. 565 с.

Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами: Приказ МИД России от 23 февраля 2001 г. URL: <http://www.mid.ru/>

О Совете при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству: Указ Президента Российской Федерации от 30 августа 2004 г. № 1132 (ред. от 29 ноября 2004 г. № 1479) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 36. 3656 с.

Об участии в международном информационном обмене: Федеральный закон Российской Федерации от 5 июня 1996 г. № 85-ФЗ (с изменениями от 29 июня 2004 г. № 58-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 28. 3347 с.

Архивные документы

РГАНИ, ф. 5, о. 35, д. 42. Л. н/у.

РГАНИ, ф. 5, о. 35, д. 228. Л. н/у.

Зарубежные документы

50th Anniversary of the American Exhibits to the USSR / U.S. Department of State. <http://www.state.gov/p/eur/ci/rs/c26472.htm>.

The 59th Bilderberg Meeting in St. Moritz, Switzerland from 9–12 June 2011. http://www.bilderbergmeetings.org/meeting_2011.

Civil war battlefields; Wheeling national heritage area; And miscellaneous park measures: Hearing before the Subcommittee on

public lands, national parks and forests of the Committee on energy and natural resources, US Senate, 103d Congress, 1st session, III – Washington, Gov. print. off. 1994. 105 p.

Concluding Remarks by Dominique Strauss-Kahn, Managing Director of the International Monetary Fund, at the High-Level Conference on the International Monetary System, Zurich, 11 May 2010. <http://www.imf.org/external/np/speeches/2010/051110.htm>.

Cultural Diplomacy. The Linchpin of Public Diplomacy, Report of Advisory Committee on Cultural Diplomacy. – U.S. Department of State. September 2005. 28 p. (www.culturalpolicy.org)

Department of the Interior and related agencies appropriations for 2002: Hearings before a subcommittee of the Committee on appropriations, House of representatives, 107th Congress, 1 sess. – Washington: Gov. print. Off., 2001. Part 4: Justifications of the budget estimates. II, 1256 p.

Digest of Educational Statistics 1977 // National Council of Educational Statistics <http://nces.ed.gov/pubs/digest97/d97t410.html>.

Effigy mounds national monument; and Great Sand Dunes national park: Hearing before the Subcommittee on national parks, historical preservation and recreation of the Committee on energy and natural resources, US Senate, 106th Congress, 2nd session on S. Washington. Gov. print. off. 2000. 61 p.

National Security Strategy of Engage and Enlargement. Government Printing Office, Washington, Feb. 1996.

National Security Strategy of the United States. May 2010. Washington, DC, 2010.

National Security Directive 23. US Relations with Soviet Union. September 22, 1989 // Federations of American Scientists www.fas.org.

Peace Corps Authorization. Hearings before the Committee on Foreign Relations. US Senate, 95th Congress, 1st Session, May 6, 1977. W, 1977.

Trilateral Commission / Program of the 2011 Annual Meeting. Washington, DC; United States, April 8-10 <http://www.trilateral.org/go.cfm?do=File.View&fid=166>.

United States Code // Mutual and Cultural Exchange Program <http://www2.ed.gov/about/offices/list/ope/iegps/fulbrighthaysact.pdf>.

Whitehouse M. Paul Warburg's Crusade to Establish a Central Bank in the United States / The Federal Reserve Bank of Minneapolis.

http://www.minneapolisfed.org/publications_papers/pub_display.cfm?id=3815

Выступления официальных лиц

Тейлор Ч. Выступление на Мировом политическом форуме в Ярославле (10 сентября 2010 г.). URL: <http://2010.gpf-yaroslavl.ru/viewpoint/CHarl-z-Tejlor-Zaschischaya-mul-tikul-turalizm>.

Рогозин Д.О. Выступление на Ярославском политическом форуме – 2011. URL: <http://www.kro.su/kronews.php?id=91>.

Встреча Д.А. Медведева с выпускниками советских и российских вузов во Вьетнаме. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/9386>.

Стенограмма начала встречи президента РФ Д.А. Медведева с руководством партии «Единая Россия». URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/7004>.

Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию (2000 г.). URL: http://www.intelros.ru/2007/01/17/poslanie_prezidenta_rossii_vladimira_putina_federalnomu_sobraniju_rf_2000_god.html.

Справочно-статистическая литература

Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура: Словарь-справочник / Автор-сост. проф. В.Ф. Пилипенко. 2-е изд., доп. и перераб. — М.: ПЕР СЭ-Пресс, 2005.

Зарубежная политология: Словарь-справочник/ Под ред. А.В. Миронова, П.А. Цыганкова. — М.: Соц.-пол. журнал, Независимый открытый университет, 1998. 360 с.

Культурология.: Энциклопедический словарь / Под ред. К.М. Хоруженко. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 640 с.

Опыт словаря нового мышления / Под. ред. Ю. Афанасьева, М. Ферро. — М.: Прогресс, 1989. 352 с.

Политический словарь / Под. ред. проф. Б.Н. Пономарёва. — М.: Госполитиздат, 1956.

Политическая энциклопедия: В 2-х т./ Пред. науч.-ред. совета Г.Ю. Семьгин. — М.: Мысль, 1999; т.1. — 751 с.; т.2 — 702 с.

Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. – М.: Изд-во Московского коммерческого университета, 1993. 431 с.

Словарь-справочник по социальной психологии / Сост. В. Крысько. – СПб.: Питер, 2003.

Americana: Англо-русский лингвострановедческий словарь / Под ред. и общ. рук. Г.В. Чернова. – М.: Полиграмма, 2000. 1185 с.

Britannica. URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/478875/propaganda>.

Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/multiculturalism/>.

II. Литература

Отечественная литература

Монографии

Американская цивилизация как исторический феномен: Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. – М.: Наука, 2001. 495 с.

Баталов Э.Я. Русская идея и Американская мечта. – М.: Институт США и Канады РАН, 2001. 68 с.

Бегун В. Вторжение без оружия. – М.: Молодая гвардия, 1977.

Берзин Л.Б. Филантропические фонды и спонсорские организации США. – М.: ИСК РАН, 1997. 53 с.

Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. – М.: АСТ, 2004. 444 с.

Васильев А.М. Персидский залив в эпицентре бури. – М., 1983.

Взаимодействие культур СССР и США XVIII – XX вв. / Под ред. О.Э. Тугановой. – М.: Наука, 1987. 349 с.

Воронин С. В. «Благотворительные» фонды США. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973.

Глущенко В.В. Введение в кризисологию. Финансовая кризисология. Антикризисное управление. – М.: ИП Глущенко В.В., 2008.

Грехова Т.В. США в региональной внешней культурной политике России (1991 – 2005 гг.): Дис. из архивов Российской государственной библиотеки. 229 с.

Гриняев С.Н. Поле битвы – киберпространство: теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. – Мн.: Харвест, 2004.

Дугин А.Г. Основы геополитики. – М.: Арктогея-центр, 1999. 925 с.

Журихин Э. А. «Филантропические» фонды США в системе власти монополий. – М., 1978.

Иванян Э.А. Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей. – М.: Международные отношения, 2007.

Информационно-психологическая и психотронная война: Хрестоматия / Под ред. А.Е. Тараса. – Мн.: Харвест, 2003.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2007. URL: <http://kara-murza.ru/books/manipul/manipul12.htm>

Костина А.В. Популярная культура: Энциклопедия гуманитарных наук. 2005. № 3.

Кукина А.Е. Провал американских планов мирового господства в 1917 – 1920 гг. – М.: Госполитиздат, 1954.

Культура и власть: Сборник научных статей / Отв. ред. Б. Губман. – Тверь, 1999. 135 с.

Левикова С.И. Молодежная субкультура. – М.: Гранд-Фаир, 2004. 608 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 42. - М.: Издательство политической литературы, 1967.

Мамонтов С.П. Основы культурологии. – М.: Изд. Российского открытого университета, 1994.

Матвеев В.М. Дипломатическая служба США. – М.: Международные отношения, 1987.

Мединский В.Р. О русском рабстве, грязи и «тюрьме народов». 2-е изд. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 544 с.

Нарочницкая Н.А. Американские «аналитические институты». Глаза, уши и совесть Америки // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека / Отв. ред. Н.А. Нарочницкая. – СПб.: Алетей, 2008.

Овинников Р.С. Уолл-Стрит и внешняя политика. – М.: Международные отношения, 1980.

Очков М.С., Журихин Э.А., Муромцев В.М. «Филантропические» фонды – важное идеологическое оружие империализма. – М.: Наука, 1976.

Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке / Под ред. С. Кургиняна. – М.: МОФ ЭТЦ, 2011.

Пономарева И.Б., Смирнова Н.А. Геополитика империализма США: Атлантическое направление. – М.: Мысль, 1986.

Почепцов Г. Гражданское самбо: как противостоять «цветным» революциям. – М., 2005.

Рогов С.М. Советский Союз и США: поиск баланса интересов. – М.: Международные отношения, 1989. 343 с.

Рогов С.М. Три года проб и ошибок российской дипломатии. – М.: Институт США и Канады РАН, 1996. 30 с.

Рогов С.М. Евразийская стратегия для России. – М.: Институт США и Канады РАН, 1998. 60 с.

Рогов С.М. 11 сентября 2001 г.: реакция США и последствия для российско-американских отношений. – М.: Институт США и Канады РАН, 2001. 89 с.

Семигин Г.Ю. Идеология // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2000. Т. 2. URL: <http://iph.ras.ru/elib/1185.html>.

Смольская Е.П. «Массовая культура»: Развлечение или политика? – М.: Мысль, 1986. 144 с.

Согрин В.В. Политическая история США XVII – XX вв. – М.: Весь мир, 2001. 375 с.

Соловьёв Е. Ротшильды. Их жизнь и капиталистическая деятельность. – СПб., 1894.

Теория международных отношений: Хрестоматия / Под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. 400 с.

Тихонравов Ю.В. Геополитика: Учебное пособие. – М.: ИНФА-М, 2000.

Уткин А.И. Американская стратегия для XXI века. – М.: Логос, 2000. 271 с.

Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. – М.: Алгоритм, 2001. 477 с.

Уткин А.И. Американская империя. – М.: Эксмо, 2003. 736 с.

Филимонов Г.Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США». – М.: РУДН, 2010. 212 с.

Цветкова Н.А. Cultural imperialism: международная образовательная политика США в годы «холодной войны». – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007.

Цыганков П.А. Международные отношения. – М.: Новая школа, 1996. 320 с.

Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. – М.: Институт США и Канады РАН, 2002. 445 с.

Шахназаров Г.Х. Фиаско футурологии (Критический очерк немарксистской теории общественного сознания). – М., 1979.

Шейдина И.Л. Невоенные факторы силы во внешней политике США. – М.: Наука, 1984.

Ширяев Б.А. Дипломатия США. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. 442 с.

Шолудько А.Н., Архангельский А.В. США: экономика, наука и культура во внешней политике. – М.: Уникум-Центр, 2000. 56 с.

Статьи

Алякринский О.А. Американская мечта в российском массовом сознании // США – экономика, политика, идеология. 1996. №4. С. 105–114.

Атаманенко И. Тайны Бильдербергского клуба – большая политика и коровы // Независимая газета. 17.06.2011.

Баталов Э.Я. Новая эпоха – новый мир // Свободная мысль. 2001. № 1. С. 4–13.

Баталов Э.Я. Любим ли мы Америку? // США*Канада: экономика, политика, культура. 2002. № 2. С. 18–33.

Баталов Э.Я. Страсти по империи // Свободная мысль. 2004. № 1. С. 3–15.

Борисов А.А. Американский мультикультурализм: опыт определения // Актуальные проблемы философии, социологии и политологии, экономики и психологии. Вып. 3. – Пермь, 2000. С. 18–20.

Борисов А.А. Идеология американского мультикультурализма: столкновение этносоциальных теорий // *Americana*. Вып. 4. С. 154–169.

Ванчугов В.В. Зарубежный школяр как «агент влияния». Какую выгоду извлекают США в большом количестве студентов из других стран? URL: <http://www.terra-america.ru/zarubejniy-shkolyar-kak-agent-vliyaniya.aspx>.

Гладских Е. Филантропы США сели на мель. URL: <http://delo.ua/biznes/kompanii/filantropy-ssha-seli-na-mel-134827/>.

Горшков А.Ф. Современные информационные технологии диктуют новый облик будущих войн. В вооруженных силах США происходит не просто реформа, а революция // *Независимое военное обозрение*. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2005-04-01/4_usa.html.

Гриняев С.Н. Ноополитика – шаг на пути к созданию американской информационной стратегии. URL: <http://www.agentura.ru/equipment/psih/info/noo/>

Гриняев С.Н. Планы Бильдербергского клуба. URL: http://www.csef.ru/studies/politics/projects/russia_future/articles/1147/.

Давыдов Ю.П. «Жесткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // *США*Канада: экономика, политика, культура*. 2007. № 1. С. 3–25.

Делягин М. Мировой кризис и Россия в нём. URL: <http://forum-msk.org/material/video/6061576.html?pf=2>.

Долинский А.В. Практические вопросы оптимизации российской публичной дипломатии. URL: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/analytics/article/news0004.html>.

Зеркалов Д.В. Общественная и культурная безопасность. URL: <http://www.zerkalov.org/node/148>.

Ивановский А. Время «сетевых революций». В США разрабатывается информационное оружие нового поколения // *Столетие*. 16.03.2011.

Иванян Э.А. У истоков российско-американских культурных связей // *США*Канада: экономика, политика, культура*. 2007. № 2. С. 57–75.

Каграманов Ю. Куда ведёт Америку «тихая революция». URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2009/6/ka11.html.

Карасев В., Бедрик Р. Четвертая боевая среда // Архив Центра экстремальной журналистики. 25.07.2003. URL: http://www.cjes.ru/lenta/view_news.php?id=12758&year=2003.

Коленко В.А. От Шатобриана до Маритена: традиции и инновации восприятия Америки во Франции // Американская цивилизация как исторический феномен. – М., 2001. С. 376–429.

Кременюк В.А. Америка – европейская держава. А Россия? // США – экономика, политика, идеология. 1995. № 8. С. 55–58.

Кременюк В.А. США и окружающий мир: уравнение со многими неизвестными // США*Канада: экономика, политика, культура. 1999. № 1. С. 5–19.

Кукутас Ч. Теоретические основы мультикультурализма. URL: <http://inliberty.ru/library/study/327/>.

Луков В.В. Интернет как инструмент политических технологий в США // США*Канада: экономика, политика, культура. 2005. № 5. С. 91–108.

Манжулина О.А. Развитие современной публичной дипломатии США // Современные США: тенденции внутренней и внешней политики. 2004. Вып. 6. С. 26–34.

Манжулина О.А. Публичная дипломатия США. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/126454.html>.

Манойло А.В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar35.htm>.

Михайлова Л.Г. «Век Америки» на конференции российских американистов // США*Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 6. С. 108–111.

Мулярчик А.Л. О культурно-идеологических аспектах российско-американских отношений // США – экономика, политика, идеология. 1995. № 9. С. 90–95.

Осипенко О.В. Массовая культура США и ее влияние на страны Западной Европы в последней трети XX столетия // Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознание и методология изучения. 2001. С. 15–24.

Рахимова М.В. О популярной культуре США // Знание. Понимание. Умение. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Rakhimova/#_edn5.

Свидерский Д. «Мягкая сила» – новая угроза безопасности России // Наука. Политика. Предпринимательство. 1999. № 1–2. С. 113–119.

Сеидов В.Г. Публичная дипломатия. URL: www.polpred.ru.

Соколовский С.В. К критике политики мультикультурализма. URL: http://heritage-institute.ru/images/6/6d/EM14_p47-60.pdf.

Соловьев В. Содружество независимых инноваций // Коммерсант. 2010. № 211.

Старчак М.А. Российское образование на русском языке как фактор влияния России в Центральной Азии: что происходит и что делать. URL: <http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/analytics/article/news0003.html>.

Стереотипизация как метод пропаганды // Техника дезинформации и обмана / Под ред. Я.Н. Засурского. – М.: Мысль, 1978. URL: <http://psyfactor.org/lib/stereotype10.htm>.

Тлостанова М.В. Движение идей мультикультурализма в США конца XX века // США*Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 10. С. 98–107.

Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. URL: <http://www.dissercat.com/content/problema-multikulturalizma-i-literatura-ssha-kontsa-xx-veka>.

Филимонов Г.Ю. Адаптация различных боевых искусств планеты в США как форма межцивилизационного диалога. Взаимодействие мировых цивилизаций: история и современность: Материалы конференции аспирантов кафедры всеобщей истории РУДН. – М., 2001. С. 145–161.

Филимонов Г.Ю. Молодежные субкультуры как инструмент «неофициальной» внешней культурной политики США // Федерация. 2006. № 17. С. 50–58.

Филимонов Г.Ю. Неофициальная внешняя культурная политика как компонент «мягкой силы» США // США*Канада: экономика, политика, культура. 2007. № 4. С. 69–82.

Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования российского потенциала «мягкой силы» // Вестник РУДН. Политология. 2012. № 1. С. 67–82.

Филимонов Г.Ю. Когда спящие проснутся. Сбой в системе глобального управления. URL: <http://www.terra-america.ru/kogda-spyaschie-prosnutsya.aspx>.

Флюк В. Американизация современной культуры. URL: http://www.prof.msu.ru/publ/book5/c5_2_4.htm.

Фоминых А. «Мягкая мощь» обменных программ. URL: <http://www.intertrends.ru/sixteenth/008.htm#note6>.

Фурман Ф. Филантропия. Американский вариант // Русский базар. 2002. № 36 (332), 29 августа – 4 сентября. URL: <http://www.russian-bazaar.com>.

Фурсов А. Глобальные игроки нового хаосопорядка. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/545/>.

Халилов В.М. Кино и современное общество США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2001. № 4. С. 102–112.

Халилов В.М. Голливуд и проблема насилия // США и Канада: экономика, политика, культура. 2002. № 8. С. 103–111.

Цатурян С. А. Общественная дипломатия США в новом информационном столетии // США * Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 8. С. 105–116.

Цатурян С.А. Новый информационный миропорядок как продукт культурной глобализации США // Современные проблемы международных отношений и мировой политики: Материалы шестой межвузовской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – М.: РУДН, 2010.

Цатурян С.А., Филимонов Г.Ю. США на страже безопасности ЕС: глобальное соуправление как необходимость // Образование. Наука. Научные кадры. 2012. № 2. С. 200–207.

Цветкова Н.А. Оценка эффективности международной образовательной политики СССР и США в годы «холодной войны» // 200 лет российско-американских отношений: наука и образование: Сборник статей / Под ред. А.О. Чубарьяна и Б.А. Рубла. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.

Чельцов Б., Волков С. Сетевые войны XXI века // Воздушно-космическая оборона. 2008. № 4. URL: <http://pressa.budet.ru/article/detail.php?ID=47601>.

Чесноков А.С. Миграционная проблематика в современных парадигмах международных отношений: неореализм, неолиберализм и неомарксизм. URL: <http://proceedings>.

usu.ru/?base=mag/0061(04_06-2008)&xsl=showArticle.xslt&id=a15&doc=../content.jsp

Шаклеина Т.А. Внешняя политика США: консенсус между правительством и общественностью? // США*Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 11. С. 54–68.

Шмагин Е.А. Культура и дипломатия // Международная жизнь. 2002. № 3. С. 61–74.

Зарубежная литература

Монографии

Arquilla J., Ronfeldt D. The Emergence of Noopolitik: Toward an American Information Strategy. RAND/MR-1033-OSD. 1999.

Arthur L. The papers of Woodrow Wilson. – N.J.: Princeton Univ. Press, 1966. V. 55.

Barghoorn F. The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. – N. J.: Princeton University Press, 1960.

Basiuk V. Technology, World Politics, and American Policy. – N. Y., 1977.

Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. – N.Y., 1976.

Boulding K. The Emerging Superculture. – Values and the Future / Eds K. Baier, N. Resher. – N. Y., 1969.

Browne R. B. English Literature Departments as Centers of the Humanities // Popular Culture Studies Across the Curriculum: Essays for Educators / Ed. by Ray B. Browne. Jefferson (North Carolina) and L.: McFarland & Co., Inc., Publishers, 2005.

Brzezinski Z. Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era. – N. Y., 1970.

Brzezinski Z. America in a Hostile World. – Foreign Policy, 1976.

Brzezinski Z. The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. –N.Y.: The Basic Books, 1998. 305 p.

Buckholts P. Political geography. – N.Y.: Ronald Press, 1966.

Bullock A. Stallybrass O. The Harper Dictionary of Modern Thought. – New York, 1977. 200 p.

Cannon L. President Reagan. The Role of a Lifetime. – N.Y.: PublicAffairs, 2000. 883 p.

Clark G., Sohn L. World Peace Through World Law , 2 nd ed. Cambridge: Harvard University Press. 1960. Цит. по: World Government / Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/world-government/>.

Clarke R., Knake R. Cyber War. The Next Threat to National Security and What to Do About It. – N.Y.: HarperCollins, 2010.

Dickson P. Think Tanks. – N.Y., 1971.

Dizard W. Inventing Public Diplomacy: The Story of the US Information Agency. Lynne Rienner Publishers, 2004.

Elder R. The Information Machine: The United States Information Agency and American Foreign Policy. – N.Y.: Syracuse University Press, 1968.

Ellul J. Propaganda: The Formation of Men's Attitudes. Trans. Konrad Kellen & Jean Lerner. – N.Y.: Knopf, 1965.

Engdahl W.F. A Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order. – London: Pluto, 2004.

Engdahl F. Seeds of Destruction. The Hidden Agenda of GMO. Centre for Research on Globalization Publishing, 2007.

Engdahl W.F. Gods of Money: Wall Street and the Death of the American Century. – Wiesbaden.: edition.engdahl 2010.

Engdahl W.F. Full Spectrum Dominance: Totalitarian Democracy in the New World Order. – Boxboro, MA: Third Millennium Press, 2009.

Epperson R. The Unseen Hand. An Introduction into the Conspiratorial View of History. – T.: Publius Press, 1985.

Fiorina M.P., Abrams S.J., Pope J.C. «Culture War? The Myth of a Polarized America (Great Questions in Politics Series): Longman, 2004. 483 p.

Guttman D., Willner B. The Shadow Government. – N.Y., 1976.

Gutmann A. Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition. – N. J.: Princeton University Press, 1994.

Hagger N. The Syndicate. The Story of the Coming World Government. – W.: O Books, 2004.

Hollander P., Anti-Americanism: Critiques at Home and Abroad, 1965–1990. – New York, 1992.

Holly S. Trilateralism: The Trilateral Commission and Elite Planning for World Management. – Boston: South End Press, 1980.

Hooper P. Remembering the Institute of Pacific Relations: The Memoirs of William L. Holland. Tokyo: Ryukei Shyosha, 1995.

Huntington S. Transnational Organizations in World Politics. – World Politics, 1973.

Huntington S. The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission // Trilateral Commission. – N.Y.: New York University Press, 1975.

High theory/low culture: Analysing popular television and film, McCabe C. (editor). – Manchester: University press, 1986. 171 p.

Kennan G. International Exchange in the Arts. Perspectives USA, 1956.

Keohane R., Nye J. Power and Interdependence: World Politics in Transition. – B.: Little, Brown and Company, 1977.

Keohane R. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. – N.J.: Princeton University Press, 1984.

Kissinger H. White House Years. – Boston, 1979.

Kroes R. Americanization and Cultural Imperialism: American mass culture and the European sense of history, Ceremonies and Spectacles, Performing American Culture, edited by Alves T. etc. – VU University press: Amsterdam, 2000. – 203 p.

Levine L.W. Highbrow-lowbrow: The emergence of cultural hierarchy in America. – L.: Harvard university press, 1988. 306 p.

Lynn W. Defending a New Domain: The Pentagon's Cyberstrategy // Foreign Affairs, Sept/Oct. 2010.

May L. Screening out the past: The birth of mass culture and the motion picture industry. – New York – Oxford: Oxford University Press, 1980. 304 p.

Mass culture and everyday life, edited by Gibian P. – L.: Routledge, 1997. 304 p.

Ninkovich F. The Diplomacy of Ideas: US Foreign Policy and Cultural Relations, 1938–1950. – Cambridge: CUP, 1981.

Ninkovich F.A., Hoepfli-Phalon, U.S. Information Policy and Cultural Diplomacy. – N.Y.: Foreign Policy Association, 1996.

Nolan M. Visions of Modernity: American Business and the Modernization of Germany. – New York, 1994.

Nye S. J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – New York, 1990.

Nye S.J. *Soft Power. The Means to Success in World Politics.* – New York: Public Affairs, 2004. 192 p.

Osgood K. *Total Cold War: Eisenhower's Secret Propaganda Battle at Home and Abroad.* University Press of Kansas. 2006.

Pells R. *Not Like Us: How Europeans Have Loved, Hated, and Transformed American Culture since World War II.* – N.Y.: L., 1997.

Perkins J. *Confessions of an Economic Hit Man.* – N.Y., 2004.

Puddington A. *Broadcasting Freedom: The Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty.* – L.: University Press of Kentucky, 2003.

Quigley C. *Tragedy and Hope: A History of the World in Our Time.* – N. Y.: Macmillan, 1966.

Quigley C. *The Anglo-American Establishment: From Rhodes to Cliveden.* – N. Y.: Books in Focus, 1981.

Rivera D. *Final Warning – A History of the New World Order.* – California: InteliBooks, 1984.

Rockefeller D. *Memoirs.* – N.Y.: Random House, 2002.

Rosenau J. *Le touriste et le terroriste ou les deux extrêmes du continuum transnational // 10 Etudes internationales.* 1979.

Rydell R. *The Americanization of the World and the Spectacle of the American Exhibits at the 1900 Paris Universal Exposition, Ceremonies and Spectacles Performing American Culture,* edited by Alves T. etc. – VU University Press: Amsterdam, 2000. 327 p.

Schlesinger A. M. Jr. *A Thousand Days. John F. Kennedy in the White House.* – L., 1965.

Shoup L., Minter W. *Imperial Brain Trust: The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy.* – N.Y.: Authors Choice Press, 2004.

Sorensen T. *Kennedy.* – L., 1965.

Sosin G. *Sparks of Liberty: An Insider's Memoir of Radio Liberty.* University Park: Pennsylvania State University Press, 1999.

Stephen G. *American Hegemony and the Trilateral Commission.* – N.Y. Cambridge University Press, 1990.

Stiglitz J. *Globalization and Its Discontents.* – N. Y., 2002.

Taylor C. *The Politics of Recognition // Amy Gutmann (ed.) Multiculturalism and «The Politics of Recognition».* – N. J.: Princeton University Press, 1992.

Wallerstein I. *The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy.* N.Y. – L., 1980.

Статьи

Adams D., Goldbard A., Basic concepts: modes and means of cultural policy-making. URL: www.wxcd.org.

Adams D., Goldbard A., Cultural Policy in U.S. History. URL: www.wxcd.org.

Administrerlaculture?//Larevuefrancaisedel'administration publique. 1993. № 65. P. 5–127.

Albright M. The Testing of American Foreign Policy / Foreign Affairs, November-December 1998.

Bailey B. Prescribing the pill: Politics, culture and the sexual revolution in America's heartland // Journal of social history. Vol. 30. № 4. Pittsburgh, 1997. P. 827–856.

Basu D. Werbner P. Bootstrap capitalism and the culture industries: A critique of invidious comparisons in the study of ethnic entrepreneurship // Ethnic and racial studies. Vol. 24. № 2. L., 2001. P. 236–262.

Berliner M., Hull G. Diversity and Multiculturalism: The New Racism // Ayn Rand Institute. URL: http://www.aynrand.org/site/PageServer?pagename=objectivism_diversity.

Bertrand C.-J., L'imperialisme culturel americain un mythe? // Esprit., a. 5 . P., 1985. P. 63–76.

Bhalla R. Making Sense of the Syrian Crisis. URL: http://www.stratfor.com/weekly/20110504-making-sense-syrian-crisis?utm_source=GWeekly&utm_medium=email&utm_campaign=110505&utm_content=readmore&elq=021cfbcbf82641cc9e2ae7fd07doab32

Brogan D. W. The Problem of High Culture and Mass Culture // Literary taste, culture and mass communication. Culture and mass culture. Vol. I. Cambridge, 1983.

Bu L. Educational Exchange and Cultural Diplomacy in the Cold War // Journal of American Studies Vol. 33. No. 3. Part 1: Women in America. Cambridge University Press, 1999.

Burnham C. Jazz Diplomacy: a Cold War Relic? URL: http://mountainrunner.us/2011/02/burnham_jazz_diplomacy_a_cold_war_relic.html.

Claeys G. Culture de masse et culture universelle: Americanisation et protectionnisme culturel // Diogene. № 136. P. 1986. P. 62–76.

Coghlan A, MacKenzie D. Revealed – The Capitalist Network That Runs The World. <http://www.newscientist.com/article/mg21228354.500-revealed--the-capitalist-network-that-runs-the-world.html>.

Cummings Milton C. Jr. Cultural Diplomacy and the United States Government: A Survey (Washington DC: Center for Arts and Culture, 2003). URL: www.culturalpolicy.org.

Doyle M. Liberal Legacies and Foreign Affairs // Philosophy and Public Affairs. Summer, 1983.

Engdahl W.F. Wikileaks: a Big Dangerous US Government Con Job. URL: <http://www.voltairenet.org/Wikileaks-a-Big-Dangerous-US>.

Faiola A. A Bigger, Bolder Role Is Imagined For the IMF // The Washington Post, 20 April 2009. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/04/19/AR2009041902242.html>.

Feigenbaum H.B. Globalization and Cultural Diplomacy, Washington DC: Center for Arts and Culture. URL: www.culturalpolicy.org.

Finn T. Yemenis Take to the Streets Calling for President Saleh to Step Down. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2011/jan/27/yemen-protests-president-saleh>.

Fisher, D. The role of philanthropic foundations in the reproduction and production of hegemony: Rockefeller foundations and the social sciences // Sociology. L., 1983. Vol. 17, N 2. P. 206–233.

Gerring J. Culture versus economics: An American dilemma // Social science history. Vol. 23. № 2. Durham (N.C), 1999. P.129–172.

Gienow-Hecht J. Shame on US? Academics, Cultural Transfer, and the Cold War – A Critical Review // Diplomatic History. Vol. 24, № 3 (Summer 2000).

Gienow-Hecht J. A European considers the influence of American culture. URL: www.usinfo.state.gov/journals/itgic/0206/ijge/gienowhecht.

Goldstone J. Understanding the Revolutions of 2011 / Weakness and Resilience in Middle Eastern Autocracies. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/67694/jack-a-goldstone/understanding-the-revolutions-of-2011>.

Gollust D. US Imposes New Sanctions Against Syria Over Crackdown. URL: <http://www.voanews.com/english/news/middle-east/US-to-Freeze-Syrian-Officials-Assets-120976399.html>.

Gopakumar G. Popular culture as a rational factor in the American political process // Political science review. Vol. 28. № 3. Jaipur, 1989. P.143–154.

Gould–Davies N. The Logic of Soviet Cultural Diplomacy / Diplomatic History. Vol. 27, Issue 2, 2003.

Harvey Ch. John D. Rockefeller, Jr., and the Interchurch World Movement of 1919–1920: A Different Angle on the Ecumenical Movement. Church History, Vol. 51, No 2. (Jun., 1982).

Henderson D. The Federal Reserve Cartel: The Eight Families. URL: <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=25080>.

Iriye A. Culture // Journal of American History. June 1990.

Jacobs S. Gene Sharp, The 83 Year Old Who Toppled Egypt URL: <http://www.thedailybeast.com/blogs-and-stories/2011-02-14/gene-sharp-the-egyptian-revolts-prophet-of-nonviolence/#>.

Kirkpatrick D., Sanger D. A Tunisian-Egyptian Link That Shook Arab History. URL: <http://www.nytimes.com/2011/02/14/world/middleeast/14egypt-tunisia-protests.html?pagewanted=1&r=1&ref=genessharp>.

Kuklick B. The Future of Cultural Imperialism // Diplomatic History. Vol. 24. № 3 (Summer 2000).

Kuisel R. Americanization for Historians // Diplomatic History. Vol. 24. № 3 (Summer 2000).

Larmer B. Machiavelli of Nonviolence. URL: <http://www.csmonitor.com/1986/0616/asharp3.html>.

MacDonald D. A Theory of Mass Culture // Literary taste, culture and mass communication. Culture and mass culture. Vol. I. Cambridge, 1983.

Maleuvre D. Tocqueville and the challenge of American philosophy // Philosophy today. Vol. 44. № 4. 2000. P. 380 – 387.

Manning B. Goals, Ideology, and Foreign Policy. – Foreign Affairs, 1976, Jan.

Markoff J. Cyberwar. With New Software, Iranians And Others Outwit Net Censors // The New York Times. URL: <http://query.nytimes.com/gst/fullpage.html?res=9C00EFDC1338F932A35756CoA96F9C8B63&ref=cyberwar>.

Marshall A. Bilderberg 2011: The Rockefeller World Order and the High Priests of Globalization // Global Research,

June 16, 2011. URL: <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=25302>.

Marshall A. Crisis is an Opportunity: Engineering a Global Depression to Create a Global Government // Global Research, October 26, 2010. URL: <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=21632>.

Mattson K. Did punk matter?: Analysing the practices of a youth subculture during the 1980s // American studies. Vol. 42. № 1. Lawrence, 2001. P.69-97.

Merelman R.M. Racial conflict and cultural politics in the United States // Journal of politics. Vol. 56. № 1. Austin (Tex.), 1994. P. 1-20.

Morse E. Oil and Unrest. What Uprising in the Arab World Means for Energy Supplies. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/67563/edward-l-morse/oil-and-unrest?page=show>.

Neuding P. The Cultural Contradictions of Multiculturalism. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/neuding1/English>.

Parenti M. Reflections on the politics of culture // Monthly review: An independent social magazine. № 50. Vol. 9. 1999. P. 11-18.

Paul R. Inflation and War Finance. URL: <http://www.safehaven.com/article/6801/inflation-and-war-finance>.

Pells R. Who's afraid of Steven Spielberg? // Diplomatic History, Vol. 24. № 3 (Summer 2000).

Pells R. «Is American culture “American”?» URL: www.usinfo.state.gov/journals/itgic/0206/ijge/pells.

Ratnesar R. «Sticking to His Guns» // The Time Magazine. 07.04.2003. Vol. 161 No. 14. P. 37-40.

Rettman A. «Jury's out» on future of Europe, EU doyen says. EUobserver: 16 March, 2009. URL: <http://euobserver.com/9/27778>.

Rice C. Promoting National Interest // Foreign Affairs. Vol. 79. № 1 (January/February 2000). P. 45-62.

Rice C. Rethinking the National Interest. American Realism for a New World. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/64445/condoleezza-rice/rethinking-the-national-interest>.

Rockefeller N. Federalism and Free World Order. May, 1962 // Godkin Lectures at Harvard University on The Future of Federalism. URL: <http://streitcouncil.org/uploads/PDF/F&U-%20>

1962-%20May-%20Rockefeller-%20ofederalism%20and%20free%20world%20order.pdf.

Rockwell Jr.L. War and Inflation / Ludwig von Mises Institute. URL: <http://mises.org/daily/3010>.

Ronson J. Who pulls the strings? URL: <http://www.guardian.co.uk/books/2001/mar/10/extract>.

Rosenberg T. Revolution U. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/02/16/revolution_u?page=0,0.

Sablosky J.A. // Recent trends in Department of State support for cultural diplomacy:1993–2002. URL: www.culturalpolicy.org.

Sanchez R. Hollywood's White House War Council // The Washington Post. Monday, November 12, 2001. P. 5.

Schultz G. Diplomacy in the Information Age / Paper presented at the Conference on Virtual Diplomacy, U.S. Institute of Peace. Washington, D.C., April 1, 1997.

Sharp G. There Are Realistic Alternatives. URL: <http://www.aeinstein.org/organizations/org/TARA.pdf>.

Sharp G. From Dictatorship to Democracy. URL: <http://www.aeinstein.org/organizations98ce.html>.

Stolberg S. Shy U.S. Intellectual Created Playbook Used in a Revolution. URL: http://www.nytimes.com/2011/02/17/world/middleeast/17sharp.html?_r=1&ref=genesharp.

Street J. Youth culture and the emergence of popular musical // Britain since 1945, L. – Basingstoke, 1991. P. 305–323.

Szanto A. Popular culture and media studies // Journal of communication. Vol. 48. № 1. N.Y., 1998. P. 122–126.

Szanto A. A new mandate for philanthropy? U.S. foundation support for international arts exchanges. URL: www.culturalpolicy.org.

Taylor D. Rockefeller and the New World Religion. URL: <http://www.oldthinkernews.com/?p=155>.

Taylor S. The Challenge of Multiculturalism In How Americans View the Past and the Future. URL: http://www.ihr.org/jhr/v12/v12p159_Taylor.html.

Thomas E., Barry J. A Plan Under Attack // Newsweek. 07.04.2003. P. 5–9.

Tiryakian E. Assessing Multiculturalism Theoretically: E Pluribus Unum, Sic et Non // Multiculturalism and Political Integration in Modern Nation-States // International Journal on Multicultural Societies (IJMS) Vol. 5. No. 1. 2003.

Todd W. Triffin's Dilemma, Reserve Currencies, and Gold // American Institute for Economic Research. URL: <http://www.aier.org/research/briefs/975-triffins-dilemma-reserve-currencies-and-gold>.

Toynbee A. A Study of History. N.Y.: Oxford University Press, 1948.

True M. Gene Sharp: Scholar of Strategic Nonviolence. URL: <http://www.peaceworkmagazine.org/pwork/0505/050510.htm>.

White G. This Is The Wikileaks That Sparked The Tunisian Crisis. URL: <http://www.businessinsider.com/tunisia-wikileaks-2011-1>.

William J. Rogues' gallery of EU founders. The New American. July 12, 2004. URL: http://findarticles.com/p/articles/mi_moJZS/is_14_20/ai_n25093084/pg_1?tag=artBody;col1.

Zakaria F. Rejecting the Next Bill Gates // The Washington Post. November 23. 2004.

Переводная литература

Монографии

Арон Р. Измерения исторического сознания / Пер. с фр. Отв. ред. и автор закл. ст. И.А. Гобозов. – М.: Либроком, 2010.

Аттали Ж. Карл Маркс: Мировой дух / Пер. с фр. – М.: Молодая гвардия, 2008.

Аттали Ж. Мировой экономический кризис. А что дальше? – СПб.: Питер, 2009.

Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия / Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 1993. URL: <http://www.netda.ru/belka/texty/attaly/att1.htm>.

Бейджент М., Ли Р. Храм и ложа. От тамплиеров до масонов. – М.: Эксмо, 2006. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/beydj/o8.php.

Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2000. 256 с.

Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи 1781–1997 / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2010.

Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. – М.: АСТ, 2004. 444 с.

Ганди М. К. Моя жизнь. – М.: Наука, 1969.

Гидденс Э. Социология / При участии К. Бердсолл / Пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2005.

Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. с англ. – М.: Ладомир, 1997.

Коулмэн Дж. Комитет трёхсот. – М.: Витязь, 2011.

Кохейн Р. Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. – М., 1999.

Липшман У. Общественное мнение / Пер. с англ. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. – М.: Госполитиздат, 1955.

Най Дж.С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. – Новосибирск/Москва: Фонд социопрогностических исследований «Тренды», 2006. 224 с.

Нэбитт Д., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции: Год 2000. – М.: Республика, 1992. 415 с.

Стиглиц Дж. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса / Пер. с англ. В. Лопатка. – М.: Эксмо, 2011.

Терк Д., Рубино Д. Крах доллара и как извлечь из него выгоду/ Пер. с англ. – М.: АСТ, 2006.

Тойнби А.Дж. Пережитое. Мои встречи / Пер. с англ. – М.: Айрис-пресс, 2003. 405 с.

Фергюсон Н. Восхождение денег / Пер. с англ. – М.: Астрель, 2010.

Холландер П. Антиамериканизм рациональный и иррациональный. – СПб.: Лань, 2000. 864 с.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. 603 с.

Хантингтон С. Кто мы? – М.: АСТ, 2004. 635 с.

Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/harr/o2.php.

Хомский Н. Прибыль на людях / Пер. с англ. – М.: Практик, 2002.

Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. – М.: Мысль, 1980. 326 с.

Шпенглер О. Годы решений. Германия и всемирно-историческое развитие / Пер. с нем. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / Пер. с англ. – М.: Экономика, 1995.

Эстулин Д. Секреты Бильдербергского клуба. – М.: Попурри, 2009. 304 с. (+ 24 с. вкл.).

Статьи

Аттали Ж. Понятие «нация» станет отзвуком былых реалий // Россия в глобальной политике. 2007. № 2. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_8387.

Вейсман С. Карен Хьюз назначена ответственной за улучшение имиджа Америки за границей // The New York Times. 23 августа 2005 г. URL: www.inosmi.ru.

Валлерстайн И. Социальная наука и коммунистическая интерлюдия, или К объяснению истории современности // Полис. 1997. № 2.

Дрезнер Д. Есть ли у Обамы большая стратегия? Почему в смутные времена нам нужны доктрины // Foreign Affairs. 2011. № 4 // Россия в глобальной политике. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Est-li-u-Obamy-bolshaya-strategiya-15279>.

Кругман П. Для подъема экономики нужно что-то покрупнее, чем война с терроризмом. URL: <http://www.terra-america.ru/dlya-podema-ekonomiki-nujno-chto-to-pokrupnee-chem-voyna-s-terrorizmom.aspx>.

Линдли-Френч Дж. Великая иммиграционная катастрофа. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Velikaya-immigratcionnaya-katastrofa-15368>.

Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1165.htm.

Най Дж. Лидерство в преобразованиях и национальная стратегия США // Россия в глобальной политике. 2006. № 4, июль-август 2006. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_7059.

Най Дж.С., Оуэнс У.А. Главная сила Америки – ее информационные возможности. URL: <http://www.infousa.ru/information/gjcom6.htm>.

Якоби Т. Иммиграционная дилемма Германии. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Immigratcionnaya-dilemma-Germanii-15356>.

Научное издание

Георгий Юрьевич Филимонов

**Культурно-информационные механизмы
внешней политики США
*Истоки и новая реальность***

Монография

Редактор *Т.В. Анисимова*
Дизайн обложки *М.В. Рогова*

Подписано в печать 20.06.2012 г. Формат 60x90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п. л. 23,71. Тираж 500 экз. Заказ 467

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41

Для заметок

Для заметок
